

RUDOLF STEINER

Okkulte Untersuchungen
über das Leben
zwischen Tod und neuer Geburt

Die lebendige Wechselwirkung
zwischen Lebenden und Toten

Zwanzig Vorträge, gehalten 1912/1913
in verschiedenen Städten

GA 140

1983
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Оккультные исследования жизни
между смертью
и новым рождением

Живое взаимодействие
между живыми и мёртвыми

Двадцать лекций,
прочитанных в 1912/1913 годах
в различных городах

GA 140

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2023-2024 года

1983
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования жизни между смертью и новым рождением

Милан, ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, 26 октября 1912 года

Душевное спокойствие как предпосылка для достижения спиритуального познания. Необходимость правильной подготовки души перед вступлением в духовный мир. Визионерский мир: отражение нашего собственного существа. Необходимость пронизывания возникающих видений мыслью. Факты и переживания души при прохождении через духовный мир между смертью и новым рождением. Зависимость нашего посмертного сознания от нашего нравственного строения души, от наших религиозных представлений и от нашего понимания Мистерии Голгофы. Состояния страха как следствие помрачения сознания. Жизнь после смерти в дохристианские и христианские времена. Становление Я и эгоизм.

Милан, ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 27 октября 1912 года

Дальнейшее вживание в духовный мир до середины жизни между смертью и новым рождением под водительством Христа. Выступление Люцифера как брата Христа, его сопровождение через духовный мир для подготовки к будущему воплощению. Проход души через солнечную систему до сферы Сатурна. Просмотр последней инкарнации с космической точки зрения. Переход в духовный сон и влияние космоса на человека. Связь второй части жизни между смертью и новым рождением с эмбриональной жизнью человека. К вопросам нового воплощения.

Проход человека через планетные сферы и значение познания Христа

Ганновер, 18 ноября 1912 года

Сознание и переживание Я в земной жизни. Развитие сознания через непрерывное разрушение астрального, эфирного и физического тел в течение жизни и их восстановление при прохождении планетных сфер в жизни между смертью и новым рождением. Старение и смерть. - Сфера Венеры: Аморальное состояние души вызывает одиночество и разрушение мира, моральный настрой обуславливает общение с другими и работу на благо мира. Сфера Меркурия: Религиозные чувства обуславливают общение с другими, материалистические чувства вызывают изоляцию. Солнечная сфера: Подготовка нового эфирного тела через понимание Импульса Христа. Построение нового физического тела через силы Отца, к которым ведёт импульс Христа. Молитва.

Новейшие результаты оккультного исследования жизни между смертью и новым рождением

Вена, 3 ноября 1912 года

Противоположное поведение человека при познании и деятельности в физическом и духовном мирах. - Прохождение души после смерти через планетные сферы. Лунная сфера: Камалока. Сфера Меркурия: связь с моральной конституцией; сфера Венеры: связь с религиозным чувством; Солнечная сфера: связь с пониманием импульса Христа. Люцифер как несущий свет за пределы солнечной сферы. Сфера Марса: оркестровое звучание музыки сфер; сфера Юпитера: усиление музыки сфер, которую можно сравнить с пением; сфера Сатурна: внедрение в музыку сфер космической закономерности и мудрости, выражение космического слова. - Затухание сознания после прохождения сферы Сатурна и приток космических сил. Сжатие и возвращение через сфера Солнечной системы. Соединение с

человеческим зародышем. - Освещение окружающего нас после смерти облака видений более высокими существами духовного мира. - Памятники Медичи Микельанджело.

Жизнь между смертью и новым рождением

Мюнхен, ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, 26 ноября 1912 года

Взгляд назад на земную жизнь в Камалоке и в первое время после неё. Постепенное начало жизни с существами высших иерархий. Прохождение через планетные сфера и внутренние условия для этого. Космические сумерки нашего сознания за сферой Сатурна и влияние космических сил. Формирование Кармы. - Значение духовной науки для роста за пределами солнечной сферы. Мистериальные драмы. Решающее значение имеет сущностное, а не учение. - Гомер. Могилы Медичи.

Мюнхен, ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 28 ноября 1912 года

Жизнь на Камалоке как подготовка к формированию кармы. Бессознательные желания становятся явными. Обоснование взаимосвязи между духовным и физическим мирами, между мертвыми и живыми посредством духовно-научной работы. - Значение сил мысли, чувства и воли для жизни между смертью и новым рождением.

Некоторые вещи о технике кармы в жизни после смерти

Берн, 15 декабря 1912 года

Принуждение мышления, принуждение воли. Свобода чувств. - Расширение человека после смерти над планетными сферами. Записывание долгового счёта в лунной сфере. Одиночество аморального человека и общение морального человека в сфере Меркурия. Неизменность отношений с другими людьми после смерти. Жизнь в воспоминании, также об астральной подсознательности в Камалоке. Взаимоотношения живых и мертвых. - Группировка по религиозным убеждениям в сфере Венеры. Значение понимания Христа для солнечной сферы. Дальнейшее расширение под водительством Люцифера до сферы Сатурна и за неё. Возвращение души через все планетарные сферы, вплоть до рождения, под знаком приёма в себя сил космоса и качеств из предыдущих жизней. Гомер. Гробницы Медичи Микельанджело.

Между смертью и новым рождением

Вена, 21 января 1913 года (по записи на слух)

Помощь, которую живые могут оказать мертвым, посредством чтения какой-то духовно-научной книги. Сообщения умерших живым в моменты событий, несоответствующих возможным. Возможность понимания мертвых сначала через язык, позже через мысли. - Я и астральное тело как духовные Солнце и Луна, освещающие физическое и эфирное тела. Сознание в жизни через погружение в физическое и эфирное тело, сознание после смерти - через погружение в субстанцию Христа. Упадок физического тела и земной культурной жизни. Переход Земли и человека в духовное.

О жизни после смерти

Линц, 26 января 1913 года

Рассмотрение особых случаев жизни между смертью и новым рождением. - Послесмертное одиночество человека, не заботившегося о духовной жизни. Задача духовной науки: замещение утраты непосредственной связи с духовным миром изучением языка духовной жизни. Выворачивание наизнанку внутреннего и внешнего мира после смерти. - Последствия удобства и отсутствия совести для жизни после смерти. - Возможность взаимопонимания души с душой в жизни после смерти посредством практики духовной науки.

Антропософия как ощущаемое и жизненное содержание.

Благоговение и почтение перед скрытым.

Тюбинген, 16 февраля 1913 года

Утрата духовной внутренности души в ходе развития человечества как причина отсутствия взаимопонимания умерших и живых. О серьёзности необходимости возвещения духовного. Влияние мёртвых на физический мир, например, в случаях предотвращения несчастных случаев. Чтение для мертвых. Посмертные следствия отсутствия совести и привыкания к удобству в земной жизни. - Переход от воспоминания о прежнем бытии к подготовке к следующей жизни как образ, противоположный земной смерти. Подготовка к новой жизни и наследственность.

Космическая сторона жизни между смертью и новым рождением.

Путь через звёздные сферы.

Штуттгарт, ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, 17 февраля 1913 года

Расширение души человека после смерти над планетными сферами и последствия нашей прошлой земной жизни. Люцифер и Христос как проводники за пределами солнечной сферы. Марсианская сфера. Будда и Франциск Ассизский как преобразователи марсианских сил в начале 17-го столетия. - Построение нового земного тела из сил звёздного мира. Взаимное вступление во взаимоотношения живых и, так называемых, мёртвых.

Вступление во взаимные отношения между живыми и, так называемыми, мёртвыми.

Штуттгарт, ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 20 февраля 1913 года

Преодоление пропасти между живыми и мертвыми посредством чтения вслух и посредством спиритуальных мыслей. Влияние мёртвых на живых. Следствие бессовестности и привычки к удобствам в земной жизни: необходимость служить духам противодействия и смерти. - Значение неиспользованных душевных сил рано умерших для спасения материалистически настроенных душ. Парализующее действие остающихся бессознательными сил в сегодняшних людях, которые придерживаются спиритуальных представлений прошлых земных жизней; оживляющий эффект осознания этих забытых представлений посредством духовной науки. - Ненависть к духовной науке из страха перед духовными мирами.

Миссия земной жизни как пункт прохождения к потустороннему

Франкфурт, 2 марта 1913 года

Блуждание души во тьме после смерти как следствие земной жизни, проведенной в духовной тупости; кармическое следствие: подступ Люцифера к душе в следующем воплощении и холодный, эгоистичный разум в следующей жизни. - Необходимость установления связи от человека к человеку на Земле, чтобы иметь возможность продолжить ее в духовном мире. - Жертва Будды на Марсе в начале 17-го столетия. - Прохождение существ из других миров через Землю, соответствующее нашему прохождению через планетный и звёздный мир после смерти. - Духовная наука как земная задача по преодолению пропасти между живыми и мертвыми.

О жизни между смертью и новым рождением. -

Связи между чувственным и сверхчувственным мирами.

Мюнхен, ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, 10 марта 1913 года

Необходимость подготовки уже в земной жизни, чтобы душа человека в жизни между смертью и новым рождением могла принять дары иерархий, с помощью которых она формирует новую телесность. Зависимость земной жизни от предыдущих воплощений. Примеры: кармические последствия невосприимчивости к сверхчувственному, религиозного фанатизма и душевной ограниченности. - Значение любви к нашей работе. Неиспользованные силы рано умерших и их значение для спасения душ, исключенных из прогрессивного развития.

О прохождении человеком сфер космоса после смерти

Мюнхен, ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 12 марта 1913 года

Более длительная связь души с земной сферой в Камалоке, благодаря физическому вожделению, честолюбию или озабоченности за оставшихся. - Запечатление наших несовершенств в записях Акаши лунной сферы и всех дальнейших планетных сфер. - Прохождение марсианских существ через нашу Землю. О развитии Марса; Будда как искупитель его агрессивности. - Запечатление наших особенностей, записанных в Хронике Акаши, в наше существо, при его спуске к новому рождению. Формирование Кармы посредством формирования соответствующей телесности. Рафаэль, Леонардо да Винчи. Совершенное как конец, несовершенное как начало эволюционного течения. Намеренное и необходимое несовершенство.

Дополнительные факты о жизни между смертью и новым рождением

Бреслау, 5 апреля 1913 года (по записи на слух)

Связь живых и мертвых в прежние времена и сегодня. Спиритуальные мысли как пища для умершего. Чтение для мертвых. Вращение умершего в духовный мир. Моральные и религиозные силы как подготовка для прохождения через сферы Меркурия и Венеры; Понимание импульса Христа как подготовка для солнечной сферы. Христос и Люцифер как проводники человеческой души через времена Марса, Юпитера и Сатурна. Построение нового тела из сил космоса; наследственность.

О взаимодействии с мёртвыми

Дюссельдорф, 27 апреля 1913 года (по записи на слух)

Значение сложившихся на Земле отношений с другими людьми для жизни после смерти. Соединение себя после смерти с такими человеческими душами, которые имели на Земле те же моральные установки или те же религиозные представления. Понимание всех религиозных верований и правильное понимание христианства как подготовка ко времени между смертью и новым рождением. Христос как хранитель приобретённого нами духовно в прошлых воплощениях; участие Люцифера в поиске места и времени грядущего рождения. Наследственность, предки. - Ответ на вопрос: Можно ли также читать вслух преждевременно умершим детям?

Жизнь после смерти

Страсбург, 13 мая 1913 года (по записи на слух)

Задача и значение спиритуального мировоззрения для жизни между смертью и новым рождением. Расширение духовно-душевного человека через планетные сферы в мировое пространство; стягивание себя снова, вплоть до нового рождения. Планеты как космические органы человека, которые он получает один за другим в жизни после смерти. Бодхисаттвы как учителя живых и мертвых, а также существ более высоких иерархий.

Живое взаимодействие живых и мёртвых

Берген, 10 октября 1913 года

Духовные истины лучше произносятся устно, чем записываются письменно. О чтении книг. Влияние ненависти и любви на потустороннюю жизнь. Мысли о духовном мире как пища для умерших. Чтение для умерших. Тоска по антропософии среди умерших людей, которые при жизни были противниками духовной науки. О необходимости приобретения антропософских знаний на Земле, чтобы иметь возможность нести их в духовный мир. Духовное исследование «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. - О духовном исследовании: Обозревать общие условия легче, чем следовать деталям. Превращение человеческо-земных сил в силы ясновидческого исследования.

Преобразование человеческо-земных сил в силы ясновидческого исследования

Берген, 11 октября 1913 года

Связь мировых фактов с человеческой природой. Преобразование сил языка, сил мышления и сил прямостояния в силы ясновидения. Начала эвритмии. Вживание душ в условия новой жизни на Земле во время духовной жизни до рождения; связь этих душ с духовно действенными людьми. Подготовка новой земной жизни; выбор родителей. Опасности заблуждения и ошибки при развитии ясновидческих сил из сил детства.

Исследования жизни между смертью и новым рождением

Милан, 26 октября 1912 года

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Моей задачей этим сегодняшним вечером будет поговорить с вами о некоторых особенностях познания спиритуального мира, а также указать на последствия такого познания для жизни в целом. Тот, перед кем поставлена задача сообщить своим собратьям нечто из спиритуальных миров, не может достаточно часто приступать к тому, чтобы постоянно проверять свои выводы на их правильность и абсолютную спиритуальную корректность. Мои рассуждения будут сводиться, в конце концов, к тому, чтобы сообщить вам некоторые вещи из знания человеческой жизни между смертью и новым рождением. Как раз, в последнее время мне удалось тщательно проверить исследования, которые человеческий разум может провести на этой почве; и об этой тщательной проверке я хотел бы поговорить с вами во второй части моего сегодняшнего выступления. Поэтому необходимо, чтобы в первой части моей лекции я предварительно сделал несколько замечаний о способе приобретения спиритуального знания.

Для приобретения спиритуальных знаний необходимо совершенно определённое состояние человеческой души. И это состояние человеческой души в определённом отношении полностью противоположно тому состоянию, которое человеческая душа имеет во внешней жизни на физическом плане. Во внешней жизни, и особенно в наше время, человеческая душа, по сути, находится в постоянном беспокойстве. Из часа в час в течение дня душа постоянно получает новые впечатления, и, поскольку человеческая душа всё же отождествляется со своими впечатлениями, то это означает постоянное беспокойство этой души.

Противоположное должно вступить в душу того, кто хочет проникнуть в спиритуальный мир. Первым условием восхождения в спиритуальный мир и получения знаний из спиритуальных миров является полный покой, постоянство (*Stetigkeit*), внутренний покой души. Этого душевного спокойствия достичь труднее, чем можно было бы подумать. Чтобы можно было установить этот покой души, в то время, когда мы хотим оказаться в спиритуальном мире, должны умолкнуть, прежде всего, любое волнение, все заботы и даже интересы внешней жизни. Должно быть так, будто мы стоим в какой-то точке мира и не имеем никакой воли, чтобы хоть как-то сдвинуться с этой точки, чтобы мимо нас могли проходить вещи духовного мира. Но при этом мы должны обдумать то, что в повседневной жизни на физическом плане мы можем переходить от одной вещи к другой, и эти вещи находятся там. В духовном мире это не так. В духовном мире мы должны вначале, фактически, доставлять эти вещи к себе, к покоящейся точке, посредством нашего мышления, посредством нашего представления. Нам приходится, так сказать, выходить из себя, отдаваться этим вещам, а затем извне доставлять их к себе. При этом мы тогда получаем опыт, который может быть пугающим для человеческой души.

Мы открываем, что в обычной жизни на физическом плане мы можем изменять вещи, что мы можем улучшать самого себя, если мы видим вещи неверно или делаем их неверно. На духовном плане всё это больше не действует. Скорее, мы должны испытать на духовном плане то, что вещи являются нам истинными или ложными в зависимости от того, что уже было внутри нас в тот момент, когда мы подступаем к духовному плану. Поэтому все приготовления для правильного познания духовных миров должны выпадать на время до вступления в духовный мир; поскольку, пройдя врата духовного мира, вы уже больше не

сможете исправлять увиденное там, и будете делать ошибки, которые должны делать согласно своим свойствам характера. И чтобы в дальнейшем избежать тех или иных допущенных там ошибок, надо снова вернуться на физический план и на физическом плане улучшить свои свойства, а затем вернуться в духовный мир, чтобы теперь сделать это лучше. - Из этого вы увидите, насколько важна хорошая, правильная подготовка к духовному миру, прежде чем вы пройдёте через врата духовного мира.

Всё это, что я здесь говорю, зависит от цикла развития человечества, и то, как для души дела обстоят сегодня, было не всегда. В настоящее время человек должен больше опасаться, слишком сильного проявления визионарного видения при входе в духовный мир, нежели его приветствовать. Когда мы начинаем свои упражнения для восхождения в высшие миры, визионарные явления, визионарные факты могут проникать в человека. И в настоящее время есть только одна возможность избежать заблуждения перед лицом этого визионарного мира. Этой единственной возможностью является необходимость вначале сказать себе относительно своих видений (Visionen), что через них ты познаёшь вначале нечто иное, как самого себя. Когда вокруг нас выступает целый визионарный мир, он не должен быть ничем иным, как отражением нашего собственного существа. Наши свойства, наша собственная зрелость, всё то, что мы думаем и чувствуем, превращается в этом визионарном мире в факты, которые для нас выглядят, как объективный мир. Если, например, мы верим, что видим в астральном мире сущности или процессы, которые кажутся нам совершенно объективными, то это не должно быть ничем иным, как отражением, скажем, одного из наших достоинств или недостатков, или даже просто отражением нашей головной боли. Тот, кто хочет подняться к настоящей инициации, должен, особенно сегодня, прийти к тому, чтобы то, что выступает перед ним в визионарном мире, понимать мысля, проникать в это мысля. Иницируемый поэтому, не должен успокаиваться до тех пор, пока то, что выступает перед ним в визионарном мире, он не поймет так же, как то, что выступает перед ним в физическом мире.

Но когда мы поднимаемся к инициации, перед нами выступает также и те вещи, которые мы переживаем в мире между смертью и новым рождением. В последнее время относительно моих оккультных исследований возник вопрос: Как визионарный мир, который можно найти через инициацию или через ослабляющее эфирное тело потрясение, соотносится с миром, в котором человек живет между смертью и новым рождением? - Тогда вышло следующее: Если, таким образом, со времени Камалоки, о котором вы, ведь, знаете, мы направим свое внимание на дальнейшее время между смертью и новым рождением, то вначале мы увидим, что живём в некоем объективном мире, который можно сравнить с миром инициированного. Это не означает, что после смерти мы живём не в реальном мире; мы живём в абсолютно реальном мире, живём в полностью реальных отношениях с теми, с кем мы вступили в отношения уже в этом физическом мире. Но, как Земле, всё передаётся нам посредством восприятия чувств, так после смерти все вещи передаются нам посредством видений (Visionen).

Предположим, что после смерти мы встречаем в духовном мире кого-то, кто умер раньше нас. Он является нам в действительности, мы действительно стоим перед ним, но мы также должны быть в состоянии его воспринимать, должны вступать с ним в отношения в этом визионарном мире, точно так же, как мы должны вступать в отношения с человеком в физическом мире с помощью наших глаз и ушей. Но теперь возникает трудность, которая присутствует для опыта инициированного так же, как она присутствует в период между смертью и новым рождением: визионарный мир, как уже указывалось, даёт нам вначале лишь отражение нашего собственного существа. Когда какой-нибудь человек, как уже характеризовалось, встречается нам в духовном мире, тогда поднимается видение. Но это видение поначалу даёт нам ни что иное, как, своего рода, любовь или антипатию, которую мы испытывали к нему здесь, или какое-то другое отношение, которое мы испытывали к тому, кого мы встречаем в духовном мире. Поэтому мы можем стоять перед каким-то человеком в духовном мире и всё же не воспринимать ничего иного, кроме того, что

зафиксировано в нас до смерти. То есть, может случиться так, что мы стоим перед человеком, и нас, словно в некоем визионарном тумане, окружают наши собственные ощущения, симпатии или антипатии, так что он становится, как раз, поводом для того, что мы закрываемся от него посредством своего собственного тумана. Самое главное, что такое поведение по отношению к человеку в духовном мире после смерти связано с настоящим чувством, с настоящим внутренним переживанием. Важнейшим при этом является то, что такое поведение по отношению к человеку в духовном мире после смерти связано с реальным чувством, с реальным внутренним переживанием. Мы чувствуем, например, что мы не можем любить человека, которого при жизни любили не так, как следовало бы, больше, чем мы его любили при жизни, даже если мы находимся сейчас перед ним и хотели бы любить его больше; мы не можем больше восполнить то, что пропустили в физической жизни. Эта неспособность, эта абсолютная невозможность улучшить свою собственную душу может ощущаться как огромное давление на душу, и так и ощущается после смерти.

И здесь я подхожу к главе, которая открылась мне в последнее время: Первые переживания в, так называемом, Девахане в основном наполнены тем, что уже зафиксировалось в нашей душе в виде наших отношений с другими людьми до нашей смерти. Например, находясь перед каким-то человеком в какое-то определённое время после смерти, мы не можем спросить: Как мне его любить? - а мы можем только спросить: Как я любил его в земной жизни, и как я люблю его в следствии этого сейчас? Это состояние меняется, благодаря тому, что после смерти мы постепенно становимся способными чувствовать существ духовного мира, существ иерархий, действующих на то, что мы видим вокруг себя в видениях. Таким образом, это состояние, которое я только что описал, меняется только потому, что мы постепенно учимся чувствовать: на туман, который нас окружает, действуют существа иерархий; они освещают этот туман так же, как солнце освещает облака. Мы даже должны принести с собой определенную сумму воспоминаний о переживаниях перед смертью, которые окружают нас, как облако, и с ними мы должны сделать себя способными принять свет других иерархий. - Вообще-то, также и в настоящее время почти каждый человек склонен таким образом отдаваться влиянию и воздействию высших иерархий. Это значит: каждый человек, который сегодня умирает и входит в духовный мир, приходит к тому, что иерархии освещают его туман видений.

Но это влияние иерархий, происходящее в ходе времени, это дарение света, постепенно меняется. Оно меняется так, что мы постепенно начинаем чувствовать, как наше сознание от действия этого света более высоких иерархий может постепенно угаснуть. И тогда мы замечаем, что сохранение сознания зависит от совершенно определённых вещей до смерти. Так, например, сознание затемняется легче у человека с аморальной душевной конституцией. Таким образом, самым важным является то, чтобы пройти смерть с моральной силой, поскольку моральное сознание держит нашу душу открытой для света иерархий. В последнее время мне удалось исследовать людей после смерти с моральной и аморальной душевной конституцией, и при этом всегда оказывалось, что люди с моральной конституцией души получают после смерти сознание светлое и ясное; люди же с аморальной душевной конституцией впадают в, своего рода, тёмные сумерки сознания.

Теперь можно, конечно, спросить: какой вред причиняет то, что люди после смерти впадают в, своего рода, сон сознания? Поскольку тогда им не надо будет страдать от своей аморальности и позволит даже избежать её последствия. - Но это возражение будет недействительным по той причине, что это помрачение сознания связано с ужасными состояниями страха, возникающих как следствие этой аморальности. После смерти нет большего состояния страха, чем это помрачение сознания.

Позднее, когда после смерти проходит определенное количество времени, испытываются, в свою очередь, другие переживания: сравнивая людей разного рода между смертью и новым рождением, выясняется, что для более позднего времени после смерти, кроме моральной душевной конституции, в рассмотрение входит религиозная конституция души, и просто как факт, против которого ничего нельзя возразить, выясняется что люди с недостатком

религиозных представлений в определенное время после смерти из-за этого недостатка религиозных представлений испытывают помрачение сознания. И совершенно нельзя защититься от этого впечатления, возникающего при таких исследованиях людей, имеющих только материалистические представления, что они действительно чувствуют, что их сознание вскоре после смерти стирается, помрачается. И как бы ни были правдоподобны материалистические взгляды на мир, этот только что сказанный факт идёт вразрез с тем, что материалистические взгляды полезны человеку. Они даже не способствуют развитию человека после смерти.

Таким образом, я описал, так сказать, две эпохи, которые существуют для человеческой жизни после смерти: одна эпоха, где играют роль моральные, а вторая эпоха, где играют роль религиозные представления. Но затем наступает третья эпоха, которая бы обусловила помрачение сознания каждого человеческого существа, если бы не было определённых мероприятий, предотвращающих это помрачение сознания. Если мы теперь исследуем эту третью эпоху, то мы должны принять во внимание эволюцию всего человечества на протяжении различных циклов развития. Благодаря тому, что они могли обрести на Земле, люди дохристианских времен не могли обрести ничего, что могло бы дать им сознание в эту третью эпоху после смерти. То, что люди в это дохристианское время всё же имели сознание в эту третью эпоху, объяснялся тем, что при начале возникновения Земли людям были даны определенные спиритуальные силы, которые могли сохранять в душе сознание в эту третью эпоху после смерти. Эти части наследия, которые ещё были у людей с начала существования Земли, были сохранены, благодаря мудрым мерам, принятым инициированными вождями. А именно, мы должны помнить, что в дохристианские времена все различные народы Земли испытывали влияние мест инициации. Было сотни путей, по которым спиритуальная жизнь перетекала из мистерий в народную жизнь.

Эти импульсы становились всё слабее и слабее по мере приближения развития человечества в его циклах к Мистерии Голгофы. Один из внешних доказательств того, что эти импульсы постоянно ослабевали, можно обнаружить, например, в появлении великого Будды в дохристианское время. Если вы серьёзно рассмотрите учение Будды, вы нигде не встретите каких-либо действительных указаний на существа спиритуального мира. Поэтому там обозначение духовного мира в учении о Нирване действительно негативное. Хотя Будда и говорил о том, что тот, кто хочет подняться в духовный мир, должен освободиться от всех привязанностей физического мира, но во всём учении Будды вы не встретите никакого описания этого духовного мира, как это имело место до него, например, в учении Брахманов, которое ещё указывало на наследие древних времён. Снова и снова надо указывать на то, что изложенные сейчас факты выражались среди различных народов вплоть до того времени, когда греки восприняли значение Мистерии Голгофы. Поскольку, когда в предшествующий греческий период человеческого развития сознание между смертью и новым рождением погружалось в сумерки, грек, знавший это, ощущал своё пребывание в духовном мире лишь как нечто тенеподобное. Духовный мир был для него лишь миром теней. Человек своими собственными силами мог дать себе всю красоту, всю художественность, даже гармонию внешнего мира, но он не мог приобрести в физическом мире того, что дало бы ему свет в третьей эпохе между смертью и новым рождением.

Это целиком связано с тем, что с греческим временем начался тот цикл человечества, в котором старое спиритуальное наследие угасло, и человек своими собственными силами не мог обрести в физическом мире того, что могло бы остаться с ним после смерти для того, чтобы он смог войти в духовный мир с вышеописанным сознанием. Поэтому в развитии мира, именно в этот момент, должно было произойти нечто совершенно особенное: к человеку должен был прийти импульс извне, который дал бы ему сознание в этот период после смерти, о котором мы сейчас говорили. Люди утратили собственную способность иметь сознание в середине между смертью и новым рождением, исходя из старого наследия. Они могли вернуть себе силу сознания, глядя на то, что произошло в Мистерии Голгофы. Дело полностью обстоит так, что то, что могло было быть пережито в греческий период

через Мистерию Голгофы, просветлило бы сознание людей в соответствующий момент времени между смертью и новым рождением. Понимание Мистерии Голгофы является импульсом для сознания в третий период после смерти.

Если мы, таким образом, взглянем на этот временной пункт, так называемой, греко-латинской эпохи человеческого развития, то мы сможем сказать: Для первого периода после смерти решающее значение имеет нравственное состояние души; для второго - решающее значение имеет религиозная конституция души; но для третьего периода решающим фактором было понимание Мистерии Голгофы. Тот, у кого его не было, у того в третью эпоху после смерти сознание стиралось, точно так же, как оно стиралось прежде у греков. Мистерия Голгофы фактически означает оживление человеческого сознания, как раз, в средний промежуток времени между смертью и новым рождением. То, что было утеряно человеком как старое спиритуальное наследие, снова давалось ему, благодаря этому событию. - Так что факт события Христа стал необходим в силу человеческих предпосылок и жизненных условий. В дальнейшем люди приобретали всё новые и новые навыки. В первое время христианского развития это в основном была реальная связь с Мистерией Голгофы в том виде, как она передавалась теми, кто её пережил, и кто дал развитие тому, что возникло как сила сознания в третью эпоху после смерти, как я это описал. Однако, с дальнейшим развитием человеческих способностей сегодня, в свою очередь, становится необходимым новое отношение к Мистерии Голгофы и ко Христу.

Если мы хотим постичь глубочайшую сущность человеческой души, особенно в наше время, то надо будет сказать: Эта глубочайшая сущность состоит в том, что человек сегодня может проникнуться определённым познанием своего Я. Такое приближение к Я, которое возможно сегодня, было невозможным в прежние времена. У людей внешнего мира такое приближение к Я проявляется в виде сильнейшего эгоизма; затем можно найти все возможные градации, вплоть до того, что мы можем назвать уровнем философов. Изучая современных философов, вы обнаружите, что они достигают определённого пункта покоя только тогда, когда они начинают говорить о человеческом Я. Когда человек пытался познать мир в дохристианские времена, он обращался к внешнему облику, к которому мог приблизиться; то есть, он выходил из себя, когда он хотел философствовать. Сегодня люди погружаются внутрь себя и находят опору только тогда, когда достигают своего Я. В качестве примера, я хочу привести великого философа Фихте и современного философа Бергсона¹ и отметить, что определённый покой приходит к этим людям только тогда, когда они находят человеческое Я. Если искать причину этого явления, то приходим к тому, что в прошлом люди были неспособны прийти к познанию Я, исходя из самих себя. Эта способность была им дана в греко-латинское время Событием Голгофы. Христос дал людям определённую в том, что в душе живёт искра божья. Она живёт дальше в человеке, который стал телом не только в физическом смысле, но и в христианском смысле. А это означает: стал Я. Эта возможность видеть божественное в человеческом индивидууме, а именно, в Христе, всё больше и больше затемняется для сегодняшнего человека на физическом плане из-за того, что он всё больше и больше проникает в своё личное Я. Способность видеть Христа затемняется из-за того, что человек эту искру ищет в самом себе. И мы, ведь, пережили, что в продолжении девятнадцатого столетия это воззрение на Я уплотнилось до такой степени, что фигура Христа была разобожествлена, а божественное стало пониматься как абстрактное, выражающее себя во всем человечестве. Например, немецкий философ Давид Фридрих Штраус² утверждал, что следует смотреть не на единичного исторического Христа, а на то, что как божественное пронизывает всё человечество; что, например, сцена воскресения есть ни что иное, как то, что проявляется во всём человечестве: воскресение божественного духа во всём человечестве.

¹Иоганн Готтлиб Фихте (Johann Gottlieb Fichte), 1762–1814.

Анри Бергсон (Henri Bergson), 1859–1941, французский философ.

²Давид Фридрих Штраус (David Friedrich Strauß), 1808-1874. См. «Жизнь Иисуса», в 2 томах, Тюбинген, 1835/36; «Старая и новая вера. Исповедь», Лейпциг, 1872 года.

По этой причине глубокое понимание Мистерии Голгофы всё больше и больше теряется, чем больше человек ищет божественное в самом себе. Вся тенденция современной мысли состоит в том, чтобы отразить божественное в самом человеке. Это всё больше создаёт невозможность признания того, что божественное было воплощено в человеческой личности.

Для жизни между смертью и новым рождением это имеет огромное реальное следствие. Уже в продолжении греко-латинского времени было так, что человек не мог своими собственными силами поддерживать сознание в третью эпоху после смерти; ещё намного сложнее это сделать в наше время, благодаря общечеловеческому, а также философскому эгоизму. В наше время человек создаёт в своём ранее охарактеризованном облаке видений, в своём облаке тумана в третью эпоху между смертью и новым рождением ещё больше препятствий, чем в греко-латинское время.

Если без прикрас взглянуть на развитие человечества в последнее время, то надо сказать: Павел говорил: «Не я, но Христос во мне». Сегодняшний человек говорит: Я во мне, а Христос - настолько, насколько я могу его признать. - Христос должен существовать настолько, насколько он может признаваться Я-разумом, Я-пониманием. В наше нынешнее время есть только одно средство сохранить ясное сознание в духовном мире в течение третьего периода после смерти, а именно: сохранить определённую память из настоящей жизни, определенное воспоминание после смерти. А именно, в этот период мы должны были бы забыть всё, что мы пережили на Земле, если бы не смогли вспомнить нечто совершенно определённое: Если мы пережили на нашей Земле понимание Христа, если мы нашли связь со Христом и Мистерией Голгофы, то это насаждает в нас мысли и силы, которые поддерживают наше сознание в это время после смерти. - То есть, факты показывают, что в обозначенный период после смерти есть возможность вспомнить то, чему мы учились и что поняли о Мистерии Голгофы. Если мы обрели такие представления, чувства и ощущения, которые связаны с Мистерией Голгофы, то после смерти мы можем вспомнить эти ощущения, а также всё то, что связано с такими ощущениями, чувствами и представлениями. Это значит, что, благодаря тому, что мы обрели на Земле понимание Мистерии Голгофы, наше сознание должно быть переведено после смерти через некую пропасть. Если мы обрели это понимание, то, начиная с соответствующего момента, мы можем принимать участие в том, что происходит в этом третьем периоде, исходя из наших воспоминаний, исправлять ошибки, которые мы имеем в своей душе из-за нашей кармы. Если же мы не обрели никакого понимания Христа и Мистерии Голгофы, понимания всей глубины высказывания: «Не я, но Христос во мне»³, то наше сознание и вместе с ним возможность исправления нашей кармы исчезают, и тогда другие силы должны брать на себя работу над нашими ошибками из нашей кармы, которые мы теперь должны исправить.

Конечно, каждый человек придёт в бытие через новое рождение, но существенно то, прервалось ли сознание, или оно сохранилось, перейдя этот разрыв. Если мы придём к этому моменту после смерти со знанием Мистерии Голгофы, то мы сможем оглянуться назад и вспомнить, что мы со всем человеческим приходим из божественного. Но тогда мы также ощущаем, что спасаем своё сознание, поскольку обрели знание Мистерии Голгофы, и мы расширяем своё сознание, будучи способными видеть этот дух, который к нам приходит. Если мы здесь достигаем понимания Тайны Голгофы, то мы приходим к временному пункту этого третьего периода после смерти так, что мы можем себя вспомнить, и можем сказать:

Мы рождены из Духа - *ex Deo nascimur*. И я могу вам сказать: Никогда никто, дошедший до какого-либо уровня инициации, не воспринимает истинность слов «Я рожден от божественного духа» так сильно, как тогда, когда он помещает себя в только что описанный временной пункт. В этот момент это говорит себе каждая душа, проходящая его с пониманием Мистерии Голгофы. И только тогда ощущается значение этого высказывания: *Ex Deo nascimur*, когда знаешь, что он может быть прочувствован в его глубочайшем значении, на его высшем пике, в тот момент, когда человек достигает середины между смертью и новым рождением.

³«Не я, но Христос во мне»: Галатам 2.20.

И если познать эти факты объективно, то хотелось бы пожелать нашему времени, чтобы всё больше и больше людей приходили к пониманию того, что это изречение в его высочайшем достоинстве, по сути, может быть признано сегодня только в том виде, в каком оно только что было описано. И если, благодаря спиритуальному движению розенкрейцеров, это высказывание стало своего рода девизом в нашем кругу, то это сделано для того, чтобы стимулировать души для того, что должно жить в этих душах между смертью и новым рождением.

Легко принять, мои дорогие друзья, заявление, подобное тому, что я только что сделал, за некое предубеждение по отношению к христианскому взгляду на жизнь. Если бы для христианского вероисповедания в этом смысле существовало такое предубеждение, то оно было бы действительно не теософским. На почве духовной науки мы относимся к религиям объективно и изучаем их с абсолютно одинаковой симпатией. И то, что сейчас утверждается о Мистерии Голгофы, не имеет ничего общего ни с каким конфессиональным Христом, а является объективным оккультным фактом. Ведь, было выдвинуто обвинение в том, что внутри нашего европейского духовного движения вещи, подобные тем, что были только что сказаны, вышли из известного предпочтения христианства перед другими религиями. Только место, которое отводится здесь Мистерии Голгофы, отводится ей в том же смысле, что и констатация какой-либо вещи во внешней науке. И когда говорят, что нельзя придавать Мистерии Голгофы какое-то уникальное значение для человеческой эволюции, поскольку другие религии не могут признать её таким образом, то это абсолютное недоразумение по следующим причинам. Ведь, давайте возьмём тот факт, что у нас есть религиозные книги древней индийской религии и что мы имеем европейское мировоззрение. В Европе мы учим сегодня коперниковскому мировоззрению. Никто не говорит, что не позволено учить этому коперниковскому мировоззрению, поскольку его нет в древних индийских религиозных книгах. Как никто не может запретить учить этому мировоззрению из-за того, что о нём ничего не говорится в старых индийских религиозных книгах, так никто не может запретить обучать факту Мистерии Голгофы по той причине, что его нет в религиозных книгах древних индийцев.

Уже отсюда вы должны увидеть, насколько необоснованно обвинение в том, что данная здесь характеристика Мистерии Голгофы возникает из предпочтения христианства. Это лишь соответствует установлению объективного факта. И если вы спросите меня, почему я никогда не отступлю от подчеркивания этого факта Мистерии Голгофы, то, как раз, сегодняшнее рассмотрение может дать вам на это ответ.

Мы занимаемся духовной наукой не из любопытства или даже не только из абстрактного стремления к познанию, а мы занимаемся ею для того, чтобы дать душе необходимое питание. И познанием Мистерии Голгофы мы даём человеческой душе возможность сформировать в себе то ощущение и чувственный настрой, которые необходимы ей для преодоления описанной пропасти в период между смертью и новым рождением. Кто понимает, что между смертью и новым рождением душа в упомянутой третьей эпохе должна пережить так трудно переносимую для будущего каждого человека потерю сознания, тот хотел бы при каждой возможности донести до человечества тайну Голгофы.

И по этой причине одной из важнейших вещей, которые нам следует научиться понимать в области духовной науки, является именно понимание этой Мистерии Голгофы.

Чем больше в наше время мы продвигаемся вперёд, тем больше различные религии мира будут вынуждены принять факт, который обсуждался, как раз, сегодня. Придёт время, когда последователь китайской, буддистской, брахманической религии, не будет больше считать принятие Мистерии Голгофы чем-то, что выступает против его религии, так же, как он не считает противоречащей своей религии принятие коперниковской мировой системы. И если нехристианские религии откажутся принять этот факт, это будет расценено как, своего рода, религиозный эгоизм.

Вы видите, мои дорогие друзья, мы пришли к Мистерии Голгофы, желая рассмотреть обстоятельства между смертью и новым рождением. За час лекции можно только коснуться

той области, в которую мы хотели вступить сегодня. Но я хотел хотя бы указать на некоторые результаты, к которым я пришёл, благодаря своим новейшим исследованиям. Поскольку следующая лекция будет связана с сегодняшней, то, вероятно, нам удастся кратко подвести итоги сказанному, а затем перейти к запланированным дальнейшим объяснениям⁴.

Исследования жизни между смертью и новым рождением

Милан, 27 октября 1912 года

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Итак, наше обсуждение довело нас до момента, когда сознание умершего сохраняется только посредством воспоминания о Мистерии Голгофы. Вся жизнь до этого момента воспоминания земного времени опосредовалась не чувствами, а видениями (Visionen). Также и реальности духовного мира могли быть восприняты в этот временной пункт только посредством видений.

Постепенно душам становится всё труднее сохранять воспоминания о земном времени; забывание всего пережитого распространяется все больше и больше. Например, если вы в это время между смертью и новым рождением встретите кого-то, кого вы раньше знали, вы сначала узнаете его легко, но постепенно это будет становиться всё труднее; позднее можно будет вспомнить об отношениях с ним, только в связи с Мистерией Голгофы. Чем больше вы ею проникаетесь, тем легче вы узнаете своё окружение. Когда же достигается тот временной пункт, в котором для того, чтобы сохранять нашу память, нам необходимо воспоминание о Мистерии Голгофы, тогда снова наступает большое изменение. А именно, мы тогда больше не в состоянии сохранять в себе прежние видения. До тех пор, например, мы можем говорить об астральных явлениях цветов; в мире, в котором мы живём до этого момента, мы можем говорить о том, что мы видим астральные цвета; мы можем говорить о том, что мы видим также вокруг нас существ в виде визионарных копий. Но в этот временной пункт, который, как сказано, лежит посредине между смертью и новым рождением, видения и воспоминания спадают с нас, словно чешуя; мы теряем связь с ними, они полностью отделяются от нашего существа. Для того, чтобы охарактеризовать этот временной пункт более точно, неплохо было бы дополнить это чем-то таким, что поначалу может показаться шокирующим.

В этот временной пункт вы чувствуете себя оторванным от Земли, - Земля оказывается, как бы, далеко под вами, и вы чувствуете, что в этом вживании в духовный мир вы прибыли на Солнце. Поскольку, как во время земной жизни человек чувствовал себя единым с Землей, так теперь он чувствует себя единым с Солнцем и всей его планетной системой. И поэтому в нашем современном оккультизме так много внимания уделяется пониманию того, что Христос пришёл к нам как солнечное существо, поскольку необходимо понять, как он через Мистирию Голгофы ведёт нас к Солнцу. Посредством оккультизма нам показывается, что Христос является солнечным существом, и что он снова ведёт нас к Солнцу. А теперь очередь шокирующего: Как нам необходимо понимать отношение к Христу, так же, однако, нам надо понимать и нечто другое. Теперь начинается время, когда человек, как с реальным существом, стоящим перед ним, знакомится с тем, что всегда обозначалось как Люцифер. Когда теперь человек чувствует себя в Солнце, тогда он чувствует себя не в текущем физическом свете, а он чувствует себя в чисто духовном свете. И, начиная с этого момента, он ощущает Люцифера как существо, которое больше не враждебно, как раньше, а он всё больше ощущает его как существо, вполне оправданное в мире. Теперь он чувствует

⁴В конце лекции Рудольф Штайнер, среди прочего, сказал следующее: «...В последующем, должно быть дано не только продолжение того, чего мы коснулись сегодня вечером, но и в особенности указано на время, которое следует за тем временным пунктом, который мы рассматривали сегодня».

необходимость в дальнейшем протекании жизни после смерти рассматривать Люцифера и Христа как две равно правомерные силы. Как бы странно ни звучало эта равнозначность Христа и Люцифера, начиная с этого обозначенного временного пункта, он приходит к тому, чтобы воспринимать это так; обе эти силы рассматривать как, на своего рода, братьев. Как это можно объяснить, - это становится ясно из того, через что человек проходит в дальнейшем ходе жизни после смерти.

Если вы возьмёте описание, которое часто давалось мною, как описание жизни Сатурна, Солнца и Луны, то в нём у вас есть прохождение пути, который действительно переживается духовно после смерти. Странность заключается только в том, что человек переживает эти вещи не в порядке космического возникновения: Сатурн, Солнце, Луна, а сначала переживает лунное бытие, затем солнечное и, наконец, бытие Сатурна. Если вы прочтёте всё, что я дал в качестве такого описания в «Акаша-Хронике», и возвратитесь дальше, начиная с Луны, то вы получите тот мир, который переживает душа на пути, который она проходит после смерти. И тогда вам может прийти в голову, что, когда вы смотрите на эти вещи, как бы, из духовного мира, у вас возникает нечто вроде воспоминания о жизни бытия до рождения. Но ещё более важным является, так сказать, моральный элемент дальнейшей жизни в этом мире, который, как раз, был сейчас охарактеризован. Как описано в «Акаша-Хронике», человек постепенно теряет интерес к пережитому на Земле, который у него был до этого момента. Исчезает интерес к отдельным людям, с которыми был связан человек; исчезает интерес к отдельным вещам. Человек знает, что воспоминания, которые он теперь сохраняет, несёт дальше ни кто иной, как Христос: Христос сопровождает его, и в результате этого он может иметь воспоминания. Если бы Христос его не сопровождал, то воспоминания о земной жизни исчезли бы; поскольку то, что соединяет нас с Землёй после описанного временного пункта, фактически является переживанием того, что мы соединились с Христом. Благодаря нашей новой жизни в духовном мире, мы обретаем совершенно новый интерес к Люциферу и его миру. А именно, мы обнаруживаем, что теперь, когда мы стали свободными от земных интересов, мы можем встречать Люцифера без всякого вреда. И мы делаем странное открытие, что Люцифер оказывает на нас вредное воздействие только тогда, когда мы сами захвачены земным. Теперь он предстает перед нами как существо, способное объяснить нам, что нам предстоит пережить в мире духа, и мы долгое время пребываем тогда в переживании обретения того, что может дать нам Люцифер в этих далях духовного мира.

Возможно, сейчас снова будет шокирующим сказать то, что мы чувствуем лишь субъективно; но даже если и высказывается нечто, что сначала кажется шокирующим, то в данном случае оно, пожалуй, будет и самым понятным: а именно, через некоторое время мы чувствуем себя теперь жителями Марса. После того, как мы чувствовали себя солнечными жителями, мы теперь постепенно замечаем, что как раньше мы оставили позади себя Землю, как теперь оставили позади себя Солнце, так мы чувствуем себя в отношении нашей космической действительности жителями Марса. И для жизни, которую мы сейчас проделываем, нам кажется действительно так, что всё прошлое, лежащее позади нас, нам дал Христос, а Люцифер готовит нас для будущей реинкарнации. Если мы проделаем эту марсианскую жизнь сознательно и позднее, благодаря инициации, сможем её вспомнить, мы узнаем, что всё, что мы несём в себе через огромное мировое пространство не как переживания из земного бытия, то есть, что всё, что мы имеем в себе не от Земли, нам даёт Люцифер. Наши более ранние человеческие интересы теперь становятся всё более и более космическими. В то время как на Земле мы принимали то, что дают нам минерал, растение, животное, что дают нам воздух и вода, горы и долины, с этого временного пункта мы принимаем опыт космоса, - то, что проникает в нас из мира космоса. Начинается та форма восприятия, которую всегда обозначалась - но которая мало понимается - как музыка сфер. Всё существующее воспринимается как звучание, приходящее к нам из окружения космоса. Но всё же это звучит из космоса, не как звуки из физического мира, а так, будто мы воспринимаем чистую гармонию. Мы достигаем точку переживания, когда мы чувствуем

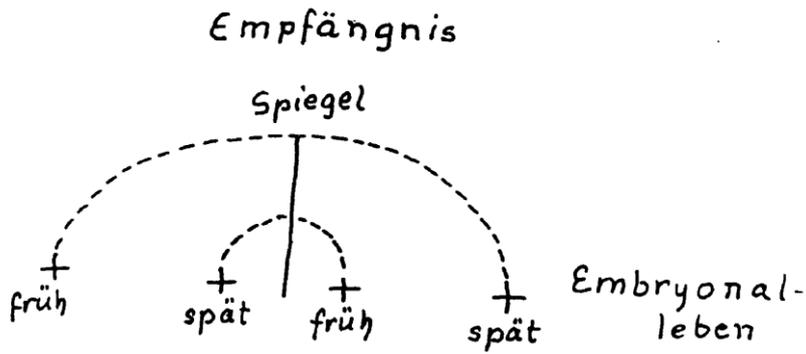
себя словно в центре космоса и в звуках, через эту музыку сфер, со всех сторон воспринимаем мировые факты.

Теперь мы оставляем позади себя также и бытие Марса, и оккультист говорит о том, что мы достигаем бытия Юпитера. Если мы теперь живём дальше, то эта музыка сфер постоянно усиливается; и, в конце концов, она становится настолько сильной, что она нас оглушает (betäubt). Мы вживаемся в эту музыку сфер, словно в некий обморок (Betäubung).

Дальнейшая жизнь протекает так, что, после того, как мы прошли через бытие Юпитера и оставили его позади, мы оказываемся на самой внешней границе нашей солнечной системы: в Сатурне. Оказавшись там, мы получаем очень важный моральный опыт: Если к этому моменту Христос сохранил нам воспоминания о нашем прошлом земном состоянии и, благодаря этому, уберёт нас от состояния страха колеблющегося сознания, то именно в этом нашем теперешнем душевном состоянии после смерти мы замечаем, насколько мало соответствует высоким моральным требованиям то, что мы делали на Земле, насколько мало это соответствует величию всего космического бытия. Словно упрёк предстаёт нам жизнь, которую мы оставили позади. И теперь предстаёт нечто чрезвычайно важное. Словно из неопределенной ночной темноты перед душой предстаёт вся сумма нашей жизни, какой она была кармически сформирована в последнем земном воплощении. Если вы взглянете на своё нынешнее земное бытие, на своё нынешнее воплощение, то оно действительно будет для вас снова таким, каким оно предстает перед вашей душой в том временном пункте после смерти, который был, как раз, обозначен; но вы остро чувствуете внутри себя все возражения против этого воплощения. Вы видите это последнее воплощение с космической точки зрения.

Начиная с этого момента, ничто, ни принцип Христа, ни принцип Люцифера, не может больше поддерживать наше сознание, и при любых обстоятельствах - если только до этого в жизни не было инициации - наступают сумерки сознания. Начинается некий духовный сон, который необходим для жизни человека, после того, как до этого момента было, своего рода, сознание, которое поддерживалось описанными выше условиями. Этот духовный сон, однако, связан теперь с чем-то другим. Благодаря тому, что человек больше не может чувствовать, больше не может представлять, на него теперь могут непосредственно действовать все космические воздействия, за исключением воздействий солнечной системы. Представьте себе, что вся солнечная система отключена и осталось только то, что есть снаружи, вне её, - тогда вы получите воздействие, которое теперь вступает в силу. И тут мы приходим к тому пункту, от которого мы исходили вчера.

Что теперь важно исследовать, так это связь между этой второй частью жизни после смерти и новым рождением, а также эмбриональной жизнью человека. Ведь, вы знаете, что эмбриональная жизнь человека начинается с маленького круглого зародыша. Ну, странность для оккультного рассмотрения заключается в том, что этот человеческий зародыш в самом начале представляет собой отражение того, что человек только-что описанным образом пережил под воздействием космоса. В начале эмбриональной жизни зародыш человека действительно является космическим продуктом, отражением космической жизни, в котором никак не выражена жизнь в пределах солнечной системы. И странность заключается в том, что всё то, что теперь происходит с зародышем в продолжении эмбриональной жизни, оказывается устранением космического воздействия и принятием воздействия солнечной системы. Лишь в сравнительно более позднее время, когда ход жизни после смерти, в свою очередь, приобретает обратный характер, - через состояния Сатурна, Юпитера и Марса, - в зародыше начинают действовать те влияния, которые являются, так называемыми, наследственными. Таким образом, мы можем сказать, что человек подготавливает свою зародышевую жизнь уже в космическом бытии до эмбриональной жизни, в своего рода, космическом сне. Если бы мы тогда взяли процессы, происходящие в эмбриональной жизни во время такого рода космического бытия, космического сна, если бы мы взяли одно за другим состояния человека до рождения, зародыша, и теперь рассмотрели бы их изображёнными на рисунке так, чтобы здесь было бы видно зеркальное отображение, то есть, так:

Empfängnis - зачатие
 Spiegel - зеркало
 früh - раньше
 spät - позднее
 Embryonal-leben -
 эмбриональная жизнь

то всё состояния, которые проявляются в зародыше позднее, мы должны были бы видеть на рисунке позднее, а то, что было в эмбриональной жизни раньше, мы должны были бы видеть здесь в отражении раньше⁵. Таким образом можно было бы получить духовное зеркальное отражение эмбриональной жизни наоборот. Если бы я обозначил для вас состояния жизни зародыша в одном направлении и разные зеркальные отражения для каждого состояния в другом направлении, то на доске это действительно выглядело бы как картина и её отражение, а точка, где происходит отражение, была бы зачатием. Если бы я теперь обозначил это точнее, мне пришлось бы делать рисунок так, что одно, эмбриональная жизнь, было бы изображено очень коротким, а другое, зеркальное её отражение назад, страшно удлинённым; ведь то, что человек переживает за десять лунных месяцев до рождения, в своем отражении фактически переживается за многие годы. Возьмите только всё то, что человек, согласно представленным описаниям, переживает в духовном мире до своего перевоплощения. В первой части своей жизни после смерти он принимает в себя отзвуки своего предыдущего земного бытия. Во второй части этой жизни между смертью и новым рождением он ищет опыт из космоса. В этом переживании между смертью и новым рождением есть многое, нет только одного: Мы действительно снова переживаем всё, что пережили, начиная с предыдущей инкарнации, до теперешней; Мы ощущаем космическое бытие, но в продолжении первой части нашей жизни между смертью и новым рождением мы не переживаем того, что уже произошло на Земле между двумя воплощениями. До солнечного бытия мы настолько заняты воспоминаниями о том, что было перед смертью, что наш интерес совершенно отстранён от происходящего на Земле. Мы живём с теми людьми, которые, как и мы, в жизни после смерти находятся в духовном мире; мы вживаемся во все отношения, которые у нас уже были с этими людьми на Земле, и продолжаем жить в этих отношениях, формируя их, согласно их последствиям. И меньше интереса, - поскольку мы постоянно отвлекаемся, - мы можем сохранять в это время к людям, которые у нас ещё есть на Земле. Только если эти люди будут искать нас всей своей душой, с ними будет установлена связь. Это надо рассматривать как очень важный моральный элемент. Поскольку он бросает

⁵В одном из недавно обнаруженном экземпляре записей, просмотренного и исправленного Марией Штайнер, этот отрывок выглядит следующим образом:

«Лишь в сравнительно более позднее время, когда процессы, которые [душа] прорабатывает во время своего обратного прохождения через состояния Сатурна, Юпитера и Марса, в свою очередь, на зародыш начинают воздействовать те влияния, которые представляют собой, так называемые, влияния наследственности. Поэтому мы можем сказать, что человек подготавливает свою зародышевую жизнь уже до эмбриональной жизни в космическом бытии, в своего рода, космическом сне. Если бы мы изобразили процессы, происходящие в эмбриональной жизни во время этого космического бытия в, своего рода, космическом сне, и затем рассмотрели бы эти процессы человека до рождения один за другим так, что здесь здесь было бы отражение, то все состояния, которые появляются позже всего в зародыше, нужно было бы иметь раньше на картине, а то, что происходит раньше в эмбриональной жизни, нужно было бы иметь позже здесь, в зеркальном отражении».

свет на отношения между умершими и оставшимися. Тому, кто умер раньше нас и кого мы совершенно забываем, крайне трудно проникнуть к нам назад в земную жизнь. Наша любовь, наша постоянная симпатия, которое мы сохраняем к умершему, даёт возможность сделать это, поскольку они устанавливают связь с земным бытием. И в этой связи, в эти первые времена после смерти должны жить с нами умершие. И это действительно поразительный факт, насколько инстинктивный культ памяти об умерших в его глубочайшем смысле подтверждается оккультизмом. Наши умершие достигают нас легче всего, если они здесь, на Земле, могут найти адресованные им мысли, чувства и ощущения.

Для второй части жизни между смертью и новым рождением устанавливается, в свою очередь, нечто другое. Мы настолько погружены в наши космические интересы, что нам в этот второй период вообще очень трудно найти связь с Землёй. То, что занимает нас помимо космических интересов, - это участие в работе над правильным формированием нашей дальнейшей кармы. Наряду с нашими космическими впечатлениями, мы лучше всего сохраняем для себя то, что мы должны, как бы, кармически исправлять, и мы участвуем в работе над формированием такой следующей жизни, которая могла бы содействовать уравниванию наших кармических долгов.

Некоторые люди говорят, что они не верят в реинкарнацию, поскольку они не хотели бы снова возвратиться в земную жизнь. Это, например, то возражение, которое делают часто: Я совсем не хочу больше возвращаться в земное. - Это говорят многие. Рассмотрение выше описанного временного пункта между смертью и новым рождением существенно исправляет такую точку зрения. В этот период мы изо всей силы снова стремимся к жизни, чтобы исправить свою карму, и забываем, что мы хотели снова родиться, только тогда, когда снова пробуждаемся из описанного выше космического сна. Не важно, хотим ли мы снова появиться на Земле в период жизни между рождением и смертью, а важно, хотим ли мы сделать это между смертью и новым рождением. А тогда мы этого хотим. Нам просто нужно представить, что во многих отношениях, как мы только-что видели, жизнь между смертью и новым рождением прямо противоположна тому, что мы переживаем здесь, на Земле, между рождением и смертью. Как в этой физической жизни мы усиливаем себя посредством сна, и получаем при этом новые силы, точно так же мы получаем новые силы для новой инкарнации посредством выше упомянутого мирового сна.

Описанные факты позволяют ответить на ещё один важный вопрос. Часто спрашивают: Почему человек, если он так часто реинкарнируется, должен снова и снова учиться с детства, почему он не приходит в мир уже со всем тем, чему ему предстоит научиться с детства? Ответ на этот вопрос даётся тогда, когда учитывается следующее: что человек не переживает - за исключением того, что было описано: связи с жизнью, людьми и всей кармой - что он не переживает того, что происходит между нашими воплощениями, на этой Земле. Если кто-то был инкарнирован на Земле, например, до изобретения книгопечатания, и он инкарнируется снова, то он не пережил того, что развивалось во время между изобретением книгопечатания и настоящим моментом. И на самом деле, если внимательно изучить историю культуры, то видно, что в каждом воплощении мы ребёнком узнаём то, что происходило на Земле за это время. Стоит только взглянуть на то, чему учился древнеримский шестилетний мальчик: это было нечто совершенно иное, чем то, чему учится шестилетний ребенок сегодня. Между двумя инкарнациями проходит такой длительный период времени, что культурный образ Земли полностью меняется. Мы не спускаемся к инкарнации до тех пор, пока условия на Земле не изменятся настолько, что они не проявляют почти никакой схожести с жизнью в предыдущей инкарнации.

То, что я только-что описал, относится к усреднённой жизни людей. Это всего лишь средний показатель, и, например, сознание какого-то одного человека после смерти может исчезнуть раньше и сон может наступить уже раньше, как вы могли увидеть из некоторых фактов, изложенных вчера.

Но есть космический закон, что этот космический сон сокращает время, которое мы проводим в космосе после смерти: кто входит в состояние бессознательности раньше, тот

переживает его быстрее, для него время проходит в более быстром темпе, оно короче, чем для того, кто расширяет своё сознание дальше. Да, если мы исследуем человеческую жизнь между смертью и новым рождением, мы сможем заметить, что недуховные люди возвращаются относительно быстро. Если кто-то живёт только своими чувственными удовольствиями, своими чувственными страстями, то есть тем, что можно назвать животным началом в человеке, то между двумя инкарнациями проходит относительно небольшой промежуток времени. Это происходит по той причине, что у него бессознательность, состояние сна, наступает относительно рано, и тогда он быстро проходит эту жизнь между смертью и новым рождением.

Кроме того, я говорил только об усреднённом проявлении, поскольку имел в виду в первую очередь тех людей, которые достигают, так сказать, нормального возраста.

На самом деле, существует большая разница между теми, кто умер после 35-го года, и теми, кто ушёл из этой жизни раньше. Собственно, только тот, кто пережил 35-ый год своей земной жизни, более или менее сознательно переживает все описанные нами состояния. В случае более ранней смерти, состояние, своего рода, сна между смертью и новым рождением наступает раньше.

Если бы кто-то захотел возразить, что человек, ведь, не виноват в своей ранней смерти и поэтому впадает в более ранний космический сон невиновным, то это возражение было бы всё же неверным. Оно было бы неверным потому, что ранняя смерть уже подготовлена более ранними кармическими причинами и дальнейшее развитие теперь может быть обеспечено через более раннее возвращение в космические миры. Как бы странно и шокирующе это ни звучало, но, исходя из вполне объективных исследований космической жизни, мы знаем: с определенного момента человек представляет собой существо, которое расширено до далёких мировых сфер и подвергнуто восприятиям космоса, макрокосмоса. Как человек в середине своей земной жизни больше, как бы, всего связан с Землёй, так в середине жизни между смертью и новым рождением он больше всего погружён в космическое бытие. Возьмите ребёнка: он ещё, так сказать, не полностью живёт на Земле, он живёт ещё всеми своими частями наследственности, полученными им раньше, и должен ещё завоевать земную жизнь. Возьмите теперь жизнь человека после смерти: он живёт определённым образом тем, что он вынес с Земли, и должен вначале овладеть способностью восприятия в жизни космоса. В середине земной жизни мы больше всего вовлечены в земные отношения; в середине жизни между смертью и новым рождением мы больше всего вовлечены в космические отношения. Чем ближе конец жизни на Земле, тем больше мы выходим из этих земных отношений в физическом смысле. Чем больше мы переваливаем за середину жизни между смертью и новым рождением, тем больше мы вытягиваем себя из космоса и снова склоняемся к земной жизни.

Однако, то, что я вам сейчас сказал как, своего рода, аналогию, не надо рассматривать так, будто это было основано на духовно-научном исследовании. Оккультист замечает такую аналогию только тогда, когда он уже провёл оккультные исследования и сравнил их с существующими фактами. Такая аналогия имеет также в этом отношении ошибку: Если бы первый период после смерти мы назвали жизнью ребенка, а второй период между смертью и новым рождением - жизнью старика, мы бы сделали ошибку. А именно, в духовном бытии между смертью и новым рождением мы вначале старики, а затем, во второй половине, мы становимся по отношению к духовной жизни детьми. Духовная жизнь протекает наоборот. Сначала мы вносим в неё ошибки и пороки физической жизни; затем, в продолжении космической жизни, они постепенно выбрасываются.

Я был очень удивлен, обнаружив в старых традициях выражение, своего рода, - я не хочу сказать подтверждения, но, своего рода, указание на эти переживания. Когда мы помещены в физическую жизнь на Земле, мы говорим: мы становимся старше. В духовной жизни между смертью и новым рождением мы должны в этом смысле сказать: мы становимся моложе. Так что, если кто-то родился здесь или там, и мы рассмотрели бы его духовное бытие, то можно было бы сказать: он стал молодым и здесь, и там.

Затем мы находим, странным образом, во второй части «Фауста» слова: Он «в туманном возрасте стал молодым» («im Nebelalter jung geworden»⁶). Почему Гёте использует для «стать рождённым» выражение «стать юным»? Если бы мы возвратились в прошлое, мы обнаружили бы, что восприятие того, что с духовным рождением становишься юным, является традицией человечества. Мы вообще обнаружим, - и это всегда подчеркивается в нашем оккультизме, - что, чем дальше мы возвращаемся в развитии, тем больше мы сталкиваемся с состояниями ясновидения. Мы находим подтверждение этому повсюду.

Возьмите, к примеру, то, на что было указано вчера. Начиная со смерти, мы постепенно освобождаемся от земных условий, но прямо в середине жизни между смертью и новым рождением мы переживаем космические условия. Мы переживаем их в видениях, которые выступают на место чувственного восприятия; тогда, как я говорил, на то, что мы переживаем падает свет иерархий. После смерти действительно наступает, своего рода, состояние, которое мы можем охарактеризовать следующим образом: Представьте себе, что ваше сознание не внутри вас, а снаружи, в окружении, и у вас такое чувство, что жизнь не в вашем теле, а вне его, и что вы чувствуете снаружи: это мой глаз, это мой нос, это моя нога. Тогда то, что мы испытываем снаружи в духовном, мы должны были бы соотнести с собой, нам пришлось бы также соотнести с собой жизнь Бога и позволить ей отразиться внутри нас. Такой временной пункт выступает тогда, когда после смерти, когда мы - как бы оглядываясь на человека - всё, что находится в нашем окружении, видим отражённым в нём: так что даже божество отражается в человеке.

Поэтому было бы не слишком смелым принять это как знание, когда поэт говорит, что жизнь после смерти является отражением божественного? Это знают, вероятно, все, что Данте использовал это высказывание о том, что в духовной жизни наступает момент, когда Бога видят как человека.

Конечно такое указание кому-то может показаться неправомерным, какой-то игрой. Но тот, кто заглянет в глубокие связи человечества, больше не будет рассматривать эти вещи как игру. Ведь, у великих поэтов постоянно оживают отголоски древнего ясновидческого познания, и через инициацию такие отголоски освежаются и поднимаются до человеческого познания.

С этим, мои дорогие друзья, я представил вам некоторые факты, которые принадлежат к недавно проведённым исследованиям о жизни между смертью и новым рождением, и я надеюсь, что в не так отдалённое время мы сможем продолжить говорить о таких познаниях относительно жизни между смертью и новым рождением⁷.

Проход человека через планетные сферы и значение познания Христа *Ганновер, 18 ноября 1912 года* ЛЕКЦИЯ

Мы собрались этим вечером в, так сказать, новой обёртке нашего дорогого Ганноверского филиала, и этим вечером самым прекрасным посвящением стало то, что здесь присутствует так много наших друзей, что показывает, что в их сердцах снова, также и здесь, в этом месте, проявляется серьёзность к тому, что мы обобщаем в нашем спиритуальном мировоззренческом течении. Ведь, с некоторых пор в подобных случаях действительно всегда возникает, с одной стороны, сложность, но, с другой стороны, она может наполнить

⁶Слова Гомункула, «Фауст», Вторая Часть, второй акт: «Лаборатория». Дословно: «Das glaub' ich. Du aus Norden, im Nebelalter jung geworden...» (Ответ на слова Мефистофеля: «... Я не вижу ничего, - Гомункул: «Тут я тебе верю. Ты с Севера, в туманном возрасте стал юным»).

⁷До дальнейших лекций Рудольфа Штайнера в Милане дело не дошло.

нас определенным удовлетворением, а именно, что когда наши друзья создают такую обёртку своей работы, она тут же, при самых первых собраниях оказывается слишком маленькой. Это, конечно, вещь, имеющая две стороны; только это в то же время то, что может наполнить нашу душу уверенностью и надеждой на силу нашего движения. Итак, позвольте мне очень кратко, перед началом нашего рассмотрения, сказать, что и в этих помещениях могут процветать благословение и процветание спиритуальной работы, которая здесь выполняется; позвольте мне выразить мое сердечное пожелание, чтобы эта работа продолжалась таким образом, чтобы, благодаря своей внутренней силе и основательности, она могла получить благословение тех, кто в качестве духовных вождей оберегает наше движение. Это благословение мы сможем получить только в том случае, если будем с внутренней честностью, правдивостью и искренностью стремиться к великим духовным идеалам. Но зато, если мы будем работать здесь вместе в серьёзном, истинном и честном духе, исходя из этого стремления, то мы всегда можем быть уверены, что благословение тех, кого мы называем Мастерами Мудрости и Гармонии Чувств, будут господствовать над нашим делом. И пусть это благословение снизойдет на нас, чтобы наша работа могла стать чем-то таким, что даёт душам силу и крепость, чтобы эта работа стала маленьким кирпичиком того, что должно быть внесено духовной наукой во всю человеческую культуру.

Начать, дорогие мои дорогие друзья, наши сегодняшние рассмотрения мы хотим с концентрации внимания на том, что мы называем нашим человеческим сознанием. Что же мы называем нашим человеческим сознанием? Ну, вначале мы можем описать это сознание. Мы можем сказать: пока мы находимся в состоянии сна, - от засыпания вечером до пробуждения на следующее утро, - этого сознания в нас нет. Никто из тех, кто, так сказать, имеет при себе свои пять чувств, - если можно использовать это выражение, - не сомневается в том, что они останутся у него и тогда, когда вечером при засыпании он это сознание, как бы, потеряет. Поскольку, если бы он сомневался в этом, он этим самым выдвигал бы совершенно бессмысленное утверждение, что всё, что он пережил внутренне, во время сна теряется и возникает заново только на следующее утро. Тот, кто не придерживается этого бессмысленного взгляда, убежден, что он существует и во время сна. Но то, что мы называем своим сознанием, не в нём. Во время сна мы не наполнены представлениями, мы не наполнены побуждениями, желаниями и страстями; мы не наполнены болью и страданием, - поскольку, если бы боль была настолько сильной, что она мешала бы сну, то сознание бы присутствовало. Тот, кто может различать сон и бодрствование, может также знать, что такое сознание. Сознание - это то, что при каждом пробуждении снова входит в душу; вся сумма представлений, аффектов, страстей, боли и так далее, всё это утром снова входит в душу. Чем это сознание особенно характерно у человека? У человека оно особенно характерно тем, что всё, что человек может иметь в своём сознании, как бы, сопровождается чувством, ощущением, переживанием Я; и какое-то представление, при котором вы не могли бы думать: я представляю; ощущение, при котором вы не могли бы думать: я ощущаю; боль, при которой вы не могли бы сказать: мне больно, - всё это не могло бы быть действительным внутренним переживанием вашей души. Всё, что вы переживаете, должно быть связано с Я-представлением. Вот в чём дело. Тем не менее, вы знаете, что эта связь с Я-представлением, - мы говорили об этом часто, - начинается лишь с определённого временного пункта жизни. Во время, где-то на третий год жизни, ребёнок, когда он больше не говорит: Карлуша или Машенька играет или говорит, а начинает впервые связывать переживание с Я, и говорит: Я говорю. - Так, собственно, впервые зажигается знание о Я в течении детского возраста.

Сегодня мы хотим спросить себя: из-за чего же в ребёнке постепенно зажигается знание о Я? Ну, как раз, при таком вопросе, который является, так сказать, простейшей, на первый взгляд простейшей вещью, не так легко ответить, хотя ответ лежит иногда совсем рядом. Как ребёнок приходит к тому, чтобы от общих, лишённых Я состояний сознания прийти к наполненным Я представлениям? Тот, кто действительно изучает детскую жизнь, может узнать, как ребёнок к этому приходит. Смотрите, есть очень простое наблюдение, которое

может сделать каждый, которое может вас убедить, как ребёнок приходит к Я-сознанию. Всё, что нужно делать человеку, - это очень серьёзно наблюдать, как это Я-представление формируется и укрепляется. Понаблюдайте как-нибудь за ребёнком, после того, как он своей головкой ударился о край стола. Если вы присмотритесь к жизни ребёнка более внимательно, вы обнаружите, что после того, как ребёнок ударился головой, чувство Я возрастает. То есть, он себя воспринял. Это способствует тому, что ребёнок знакомится с собой. Ну, при таких вещах не обязательно себя ранить, не всегда должны быть внешние повреждения; уже когда ребёнок прикасается к чему-то руками, это небольшой толчок, и ребёнок начинает осознавать эти вещи. Вам придётся сказать себе: ребёнок не пришел бы к Я-сознанию, если бы он не воспринимал внешнего мира, сопротивления внешнего мира. Если бы ребёнок не испытывал сопротивления, он никогда не достиг бы Я-сознания. То, что перед ребёнком может быть некий внешний мир, постепенно формирует у него Я-сознание. Тогда вы знаете, что к определённое времени своей жизни ребёнок имеет это Я-сознание. Но тогда то, что произошло до этого, у человека не прекращается; только происходит некое обращение. Ребёнок формирует Я-сознание, воспринимая внешние предметы как находящиеся вне его, и, таким образом, отделяя себя от них. Когда это Я-сознание уже возникло, оно ещё всегда наталкивается на что-то, должно постоянно на что-то наткаться. На что же оно наталкивается? То, что ни с чем соприкасается, не может ничего о себе знать, по крайней мере, в нашем мире, пока мы живём в этом мире. Видите ли, с того временного пункта, где присутствует Я-сознание, это Я сталкивается со своей собственной внутренней телесностью, - тогда Я начинает вживаться внутрь; тогда Я начинает наталкиваться на своё собственное тело изнутри. Если вы захотите себе это представить, вам надо подумать только о том, как этот ребёнок каждое утро просыпается. Это вхождение Я и астрального тела в физическое и эфирное тела: тут Я наталкивается на физическое и эфирное тела. Подумайте только, если вы рукой касаетесь воды, ощущаете воду, то вы уже повсюду, где касаетесь воды, чувствуете сопротивление. То же происходит, когда Я погружается утром и обнаруживает себя окутанным своей внутренней жизнью. Но это Я погружено в эти физическое и эфирное тела в продолжении всей жизни, и со всех сторон сталкивается с этими телами. Когда вы хлопаете по воде ладонью, вы осознаёте руку со всех сторон; то же происходит, когда я погружается в эфирное тело и физическое тело и со всех сторон сталкивается с этой телесностью. И это происходит в продолжении всей жизни. В продолжении всей жизни человек должен при каждом новом пробуждении утром погружаться в свои физическое и эфирное тела, и, благодаря тому, что он в них погружается, постоянно происходят столкновения физического и эфирного тел, с одной стороны, и астрального тела и Я, с другой стороны. Каково следствие этого? Следствием этого является то, что те сущности (Wesenhaftigkeiten), которые здесь сталкиваются, изнашиваются. С Я и астральным телом, с одной стороны, и эфирным и физическим телами, с другой стороны, происходит так, будто постоянно сталкиваются друг с другом два тела. Они изнашиваются; и это изнашивание является постепенным старением. Изнашивание, которое наступает у человека в продолжении жизни, является также причиной, по которой мы вообще физически умираем. Подумайте только: у нас не было бы ни физического, ни эфирного тел, - тогда мы могли бы также поддерживать и наше Я-сознание. Хотя мы и оказались бы в состоянии развивать Я-сознание, но мы не могли бы его поддерживать, сохранять (aufrechterhalten). Поскольку, чтобы поддерживать наше сознание, мы должны постоянно сталкиваться с внутренним. Из этого следует ни больше, ни меньше то, что является чрезвычайно значительным фактом: что развитию нашего Я мы обязаны разрушению нашего существа. Если бы не могли сталкиваться друг с другом члены нашего существа, мы не могли бы иметь Я-сознание. Ну, если человек спросит, для чего всё это разрушение, старение, смерть, то ему надо ответить: Разрушение, старение, смерть существуют для того, что, когда он разрушается, он развивается, а именно, всё дальше и дальше развивается его Я-сознание. Если бы не могли умереть, - это радикальное выражение этого, - то мы не могли бы быть настоящими людьми. Но если мы позволим этому факту повлиять на нашу душу в его полном смысле, то к нам может прийти следующая мысль, на

которую может ответить за нас оккультизм, а именно мысль: Как людям, если мы хотим жить, нам всегда нужно физическое тело, эфирное тело, астральное тело и Я. То, как мы стоим в нынешней человеческой жизни, мы должны сказать, что нам нужны эти четыре члена; но для того, чтобы мы могли достичь Я-сознания, мы должны их разрушить. Мы должны получать из снова и снова, чтобы мы их снова и снова разрушали. В этом состоит необходимость повторных жизней на Земле, чтобы иметь возможность заново разрушать человеческие тела, и тем самым развиваться дальше как сознательные человеческие существа.

Далее, в земной жизни у нас есть только один единственный человеческий член, над развитием которого мы можем действительно работать, - это наше Я. Над развитием нашего Я мы можем определённым образом работать. Что же это значит, в духовном смысле работать над развитием нашего Я? Если мы хотим ответить на этот вопрос, нам должно быть ясным то, что делает работу над Я необходимой. Предположим, один человек набрасывается на другого и говорит ему: Ты плохой человек. Если это не так, то этот человек сказал неправду. Что означает такое высказывание Я, которое является неправдой? Ну, это высказывание Я, которое является неправдой, означает, что с этого момента это Я стало менее ценным. Это объективное значение аморальности. Мы стоим больше до момента, когда мы сказали неправду, чем после этого. И если вы включите это во все пространства и все времена: ценность вашего Я становится меньше для всех пространств и всех времён, для всей бесконечности и всей вечности, если вы сделали её меньше посредством такой вещи. Однако, в течение жизни между рождением и смертью в нашем распоряжении, так сказать, есть одно. То, что мы сделали для того, чтобы сделать наше Я менее ценным, мы всегда можем исправить, улучшить, если мы сможем преодолеть свою ложь. Мы можем перед тем, кому мы сказали: Ты плохой человек, признаться: Я ошибался, это неправда то, что я сказал, и так далее. Тогда мы возвращаем ценность нашему Я, тогда мы снова уравниваем вред, который мы нанесли нашему Я, тогда мы делаем так, что то что мы причинили кому-то, снова исправилось. Таким образом для многих вещей, которых касается наше Я, мы имеем возможность в продолжении нашей жизни создать противовес, исправить то, что делает это Я несовершенным. Если, например, нашей задачей является что-то знать, и мы это забыли, то наше Я теряет свою ценность; но если мы постараемся, мы сможем снова вспомнить это. До этого Я имело меньшую ценность; когда мы это вспомнили, мы этот вред уравнивали. То есть: мы можем сделать это Я менее ценным; мы можем его, однако, всегда снова сделать более ценным. - Видите, эта способность, так сказать, исправить (revidieren) некий наш жизненный член, человеческий член, так что мы исправляем его ошибки, развиваем его, - эту способность мы имеем в отношении нашего Я.

Сознание человека, однако, не распространяется непосредственно на астральное бытие, на эфирное бытие и ещё меньше на физическое бытие. Тем не менее, вся жизнь является постоянным разрушением этих трёх членов, и мы не обладаем никаким знанием того, как их исправить. Человек является господином в том, как улучшить своё Я, как уравновесить какой-то моральный дефект, дефект памяти; но над тем, что человек постоянно разрушает в своём астральном, эфирном и физическом телах, он не господин. Тем не менее, эта троица постоянно ухудшается и, живя таким образом, мы постоянно проводим атаки на эти три человеческих члена, - на астральное, эфирное и физическое тела. Над Я мы работаем. Да, если бы мы не работали над своим Я всю жизнь между рождением и смертью, то мы бы никуда не продвинулись. Но над астральным, эфирным и физическим телами человек не может работать так же сознательно, как над своим Я. И всё же то, что человек постоянно разрушает должно снова восстановлено. В период между смертью и новым рождением человек должен правильным образом снова получить восстановленным то в астральном, эфирном и физическом телах, что он разрушил; должна быть возможность того, чтобы мы в это время получили восстановленным то, что мы до этого в жизни разрушили: астральное тело, эфирное тело и физическое тело. Но это может произойти только благодаря тому, что над нами работает нечто такое, что не лежит в наших руках. Это совершенно очевидно, что

вы, если вы не обладаете особыми магическими силами, не в состоянии создать себе астральное тело, когда вы умерли. Это должно быть сделано для человека из большого мира, из макрокосмоса.

Теперь вы понимаете вопрос: да, а откуда же снова создаётся то, что мы, например, разрушили в своём астральном теле? Ведь, мы должны иметь правильное тело, если мы снова рождаемся в новое телесное бытие. Где во вселенной можно найти силы, которые восстанавливают астральное тело? Видите ли, эти силы вы можете искать на Земле с помощью всех возможных ясновидческих искусств, - на Земле вы их не найдёте. И, если бы речь шла только о Земле, то человек никогда не смог бы восстановить своё астральное тело. Материалистическое мировоззрение, которое думает, что все человеческие условия можно найти на Земле, ужасно ошибается. Человек имеет свою родину не только на Земле. Это показывает действительное рассмотрение жизни между смертью и новым рождением, - что силы, которые нужны человеку для восстановления своего астрального тела, находятся у Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, находятся у звёзд нашей планетной системы. То, что исходит от этих звезд в качестве сил, должно работать над восстановлением нашего астрального тела; и если мы не получаем силы оттуда, то мы не можем получить астральное тело. Но что это значит? Это значит ни что иное, как то, что после смерти, или также при инициации, мы должны быть вытеснены с силами своего астрального тела из физического тела. И это астральное тело расширяется во вселенной. В то время как обычно мы спрессованы в одном месте этой вселенной в маленькую точку, после смерти всё наше существо расширяется на весь космос. Фактически, наша жизнь между смертью и новым рождением ни что иное, как высасывание из звёзд тех сил, в которых мы нуждаемся восстановления тех членов, которые мы разрушили во время жизни. То есть, мы действительно получаем от звёзд то, что восстанавливает наше астральное тело.

В области, которая в истинном смысле называется оккультизмом, исследование является очень трудным, сложным. Не правда ли, это тот случай, когда человек с совершенно здоровыми глазами, если его отправить, скажем, в какой-нибудь район в Швейцарии, и он поднимется там на очень высокую гору и затем спустится обратно, то он даст вам описание увиденного, соответствующее фактам. Но вы прекрасно можете себе представить, что если он попадёт в эту местность во второй раз и снова поднимется на ту же гору, возможно, немного выше, то он опишет то, что видит, с другой точки зрения. И описывая его с разных точек зрения, вы придёте ко всё более полному, всё более правильному представлению об этом горном ландшафте. Люди думают, что если кто-то однажды стал ясновидящим, то он всё знает. Но эта вещь не так проста. Здесь, в духовном мире, речь идёт всегда об исследовании фрагмент за фрагментом. И даже относительно вещей, которые уже точно исследованы, всегда обнаруживается что-то новое. В течение последних двух лет⁸ моей задачей было более подробное изучение главы жизни между смертью и новым рождением, и об этих новых испытаниях я хотел бы вам здесь кое-что рассказать.

Конечно, нам должно быть ясно при таких вещах, что правильное их понимание сможет обрести только тот, кто сможет несколько глубже вчувствоваться в них, кто вообще имеет сердце и чувство для такого рассмотрения. Нельзя требовать, что в один вечер всё будет представлено и доказано. Но если вы действительно терпеливо сравните и соберёте воедино всё, что было сказано с течением времени, вы обнаружите, что нигде в нашем оккультизме нет такого фрагмента, который не сочетался бы с другими, образуя законченное целое. Моей обязанностью в последнее время было, как раз, исследование этого времени между смертью и новым рождением. И в этом исследовании, которое мне было поручено в новейшее время, стало особенно очевидной и лежало полностью в смысле этого исследования необходимость обратить духовный взор на условия всей жизни между смертью и новым рождением. Тут, как раз, действительно видно, что человек, так же, как он, как бы, сжат на Земле между рождением и смертью в своем крошечном пространстве, всё больше и больше выходит за

⁸Вероятно, там должно быть стоять «за последние полгода». Не исключено, что переписчик при копировании своих заметок прочёл «2» вместо «1/2».

пределы этого пространства, когда он сбрасывает это физическое тело. Проходя через врата смерти, он всё больше и больше расширяется, он всё больше и больше вырастает. Он шаг за шагом вырастает в планетную систему. Вначале он действительно вначале вырастает до места в нашей планетной системе, где обращается Луна. И человек становится таким большим, что его границы совпадают со сферой, которая маркируется положением Луны. Там Камалока прекращается. Когда человек растёт затем дальше, он вырастает вначале в сферу, образованную Меркурием, затем Венерой. Вырастая всё больше и больше, человек фактически становится таким большим, что его внешность ограничивается теперь орбитой Солнца, то есть, тем, о чём говорят, что это видимая орбита Солнца. При этом нам не надо заботиться о мировой системе Коперника; нам достаточно представить себе обращения так, как это было высказано в дюссельдорфском цикле⁹ о духовных иерархиях и их отражении в физическом мире. Таким образом, человек при своём подъёме в духовные миры вырастает в планетную систему, в сферу Луны и так далее до самой внешней сферы, до сферы Сатурна. И всё это необходимо для того, чтобы человек правильно соединился с теми силами, которые он может получить для своего астрального тела только от сил планетной системы.

Но тут выясняется одно различие, которое имеет место при наблюдении за различными людьми. Различие возникает, когда, например, наблюдают после смерти человека, всю свою жизнь вызывавшего в своей душе (Gemüte) моральное, хорошее настроение, которое обуславливает пронесение через врата смерти моральной душевной конституции. Такого человека можно сравнить с тем, кто пронесит через врата смерти менее нравственную душевную конституцию; это делает большое различие, которое проявляется уже тогда, когда человек вступает в сферу сил Меркурия. Как это проявляется? Ну, после того, как человек прошёл через врата смерти, он воспринимает теми средствами восприятия, которые у нас есть после времени Камалоки, например, существ, которые были ему близки при жизни и умерли до того, как он сам прошёл врата смерти. Связаны ли они с ним? Конечно, мы контактируем со всеми этими существами, мы живём с ними также и в жизни после смерти. Но есть разница в том, как мы живём с этими существами, с которыми мы жили на Земле. Эта разница зависит от той душевной конституции, которую человек пронесит через врата смерти, - моральная она или нет. Если человек был в жизни аморальным, то, хотя он и встречается со своими членами семьи и друзьями, но из-за своей собственной сущности он всегда создаёт нечто вроде стены, которая разделяет его с другими существами. Поэтому человек с аморальной душевной конституцией после смерти становится одиночкой, одиноким существом, который имеет вокруг себя нечто вроде стены, благодаря которой он не может перенестись в сферы других существ. Однако, душа с моральной душевной конституцией, душа с такими внутренними представлениями, которые мы имеем, когда мы очистили свою волю, становится общительным духом, который всегда найдёт мосты и связи с существами, в сфере которых она живёт. То есть, становимся мы одинокими или общительными духами, - это определяет наша моральная или аморальная душевная конституция. За этим решением стоит нечто очень важное. Тот, кто является общительным духом и не заключен в оболочке своего существа, а может сблизиться с существами своей сферы, плодотворно работает на дальнейшее развитие, на прогресс всего мира; аморальный человек, который после смерти становится отшельником, одиноким духом, работает над уничтожением всего мира; он вырывает из всего мира дыры, которые так же велики, как и степень его аморальности и закрытости. Последствия безнравственных действий такого человека являются мучением для него и разрушением для мира.

Таким образом, моральная душевная конституция имеет большое значение уже после первого времени Камалоки; она определяет нашу судьбу также в последующее время, которое называется временем Венеры. Но есть и другие представления, которые человек развил в течение своей жизни и которые касаются его, когда он вступает в духовный мир. Эти другие представления являются религиозными идеями. Душа живёт в сфере Венеры после

⁹См. «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире», десять лекций и ответы на вопросы, Дюссельдорф, с 12 по 22 апреля 1909 года, GA 110.

смерти одним образом, если она имела религиозную связь между преходящим и непреходящим, и она живёт по-другому, если у неё этой связи не было. Опять же, станем ли мы общительными духами или одинокими духами-отшельниками, зависит от того, были ли мы в жизни настроены религиозно или нет. Закрытость в жизни, религиозная закрытость в жизни, делает нас отшельниками, необщительными духами. Такая нерелигиозная душа была бы словно в капсуле, чувствовала бы себя как в тюрьме. Хотя мы знали бы, что есть существа помимо нас, но мы были бы словно в капсуле, словно в тюрьме, так что мы не могли бы их достичь. Так, например, члены Общества монистов¹⁰, поскольку они исключили всякое религиозное чувство в своих пустых материалистических идеях, не объединятся снова в новом обществе, в новом союзе, после смерти; каждый из них будет заперт в своей собственной тюрьме. Конечно, этим ничего не говорится против Общества монистов; это должно просто пояснить некий факт.

Здесь, в жизни, материалистические представления являются заблуждением, в царстве духа они являются фактом, а именно таким, что с помощью таких представлений, посредством которых мы, только благодаря заблуждению, замыкаемся здесь, в физическом мире, мы запираем себя там, в духовном мире, делая себя пленниками собственной астральности. - Благодаря аморальной конституции жизни, мы уклоняемся от сил притяжения в сфере Меркурия; мы уклоняемся от себя сил притяжения в сфере Венеры, благодаря нерелигиозной душевной конституции; мы не можем получить необходимые нам силы из этой сферы, то есть, в следующей инкарнации мы получим определённого рода несовершенное астральное тело.

Здесь вы видите, как происходит работа над кармой, здесь вы видите технику кармы. Если взять этот факт оккультных исследований, то странным образом становится понятным то утверждение, которое, как бы, инстинктивно было сделано Кантом. Когда он хотел сказать, какие две вещи внушают ему наибольшее восхищение, он сказал: Звездное небо надо мной и нравственный закон внутри меня. - Это кажется двумя вещами, но в действительности это одно и то же. Ведь, почему мы испытываем такое чувство возвышенности, божественной, святой серьёзности, когда смотрим в просторы звёздного неба? Потому что тогда, без нашего ведома, просыпается наше душевное чувство родины; потому что тогда в душе просыпается чувство: Прежде чем ты сошёл на Землю для новой инкарнации, ты сам был в этих звёздах, и от этих звёзд ты получил лучшие силы, находящиеся в тебе. И твой моральный закон был дан тебе, когда ты пребывал в этом звёздных далях. То, что было дано тебе звёздным небом между смертью и новым рождением, ты можешь рассматривать как лучшие, прекраснейшие силы своей души, если ты занимаешься самопознанием. - То, что мы видим в звёздном небе, - это моральный закон, который дан нам из духовных миров, поскольку мы живём с этим звёздным миром между смертью и новым рождением. Кто хочет дать себе возможность получить представление о том, откуда исходят его лучшие силы, тот должен с такими чувствами рассматривать звёздное небо. Кто вообще не хочет спрашивать, а просто тупо проживает дни, тому звёзды ничего не расскажут. Но тот, кто задает себе вопрос: Как в меня входит то, что никак не связано с моим чувственным телом, как оно оказывается во мне? Того, когда он затем поднимает взор к звёздному небу, охватывает странное чувство; когда он может чувствовать, как он может стать благочестивым, тогда он знает: это память о нашей вечной родине. Так мы постепенно достигаем до того состояния, когда мы действительно живём вместе со звёздным небом между смертью и новым рождением.

Мы спрашивали, так, как мы спрашивали до сих пор, о нашем астральном теле и о том, что с ним связано, о его построении снова в духовном мире. Тот же вопрос мы можем поставить и относительно нашего эфирного тела. Ведь, и его мы должны разрушать всю нашу жизнь; но мы должны точно так же откуда-то получить силы для того, чтобы иметь возможность выстроить его заново, чтобы привести его в состояние выполнять для всего человека свою работу во время жизни.

¹⁰11 января 1906 года в Йене было основано «Немецкое общество монистов» («Deutscher Monistenbund») под почётным председательством Эрнста Геккеля.

Да, в человеческом земном развитии были длительные периоды времени, когда человек не мог сделать ровным счётом ничего, чтобы хоть как-то поспособствовать тому, чтобы его эфирное тело было наделено добрыми силами в следующей инкарнации. Но тогда у человека еще оставалось наследие с тех времён, когда он появился на Земле. Пока сохранялось древнее ясновидение, в человеке ещё оставались силы, которые при смерти были ещё не израсходованы, так сказать, резервные силы, с помощью которых эфирное тело могло быть построено снова. Но в этом и смысл человеческого развития, что все силы исчезают и должны быть заменены новыми. И сегодня мы находимся действительно в новой точке развития, где человек должен что-то сделать для того, что могло быть снова построено его эфирное тело. Благодаря всему тому, что мы делаем с обычными моральными представлениями, что мы делаем с какой-либо религией на Земле, с религией, ограниченной одним народом Земли, мы входим в планетную систему и черпаем из этой планетной системы силы, которые нам нужны, чтобы снова построить астральное тело; только через одно мы проходим без того, чтобы извлекать из него хорошие силы: через само Солнце. Поскольку из Солнца должно извлекать для себя силы наше эфирное тело; наше эфирное тело должно извлекать из Солнца силы, необходимые ему для восстановления.

В дохристианские времена было так, что когда человек поднимался в духовный мир, он брал с собой часть сил эфирного тела, и эти резервные силы позволили ему извлекать из Солнца то, что ему было необходимо для нового строительства своего эфирного тела в новой инкарнации. Сейчас дело обстоит иначе: человека всё меньше и меньше касаются силы Солнца. Если он не совершает соответствующих действий для того, чтобы его эфирное тело было подготовлено к вливанию в душу того, что может извлечь из Солнца силы, в которых он нуждается для нового строительства своего эфирного тела, то он проходит через солнечную сферу, не касаясь её.

Теперь, то, что мы можем почувствовать в одной отдельной религиозной конфессии Земли, никогда не сможет дать в наши души того, что нам нужно для существования в солнечной сфере. То, что мы можем влить в наше эфирное тело, что нам потом нужно в душе, чтобы она могла плодотворно пройти через солнечную сферу, может прийти к нам только из того общего, что течёт во всех человеческих религиях. И что же там? Ну, если мы сравним различные религии мира, - а действительно изучать различные религии, это, ведь, одна из самых важных задач духовно-научной работы, - если мы все их сравним друг с другом, то мы кое-что обнаружим. Мы обнаружим, что эти религии всегда были по-своему совершенны, но совершенны, как раз, в отношении определённого народа, в отношении определённой временной эпохи; что они дали этому народу, этой эпохе, то значительное, что это время могло получить. И мы, по сути, больше всего знаем о какой-то религии там, где эта религия могла служить именно своему времени и своему народу, благодаря тому, что была закрыта определённым эгоистическим образом так, как она была дана из великого первоисточника жизни.

Ведь, мы изучали эти религии более десяти лет; но нужно было однажды положить начало тому, чтобы дать человечеству нечто, выходящее за рамки отдельных религий, что, как бы, содержало всё, на что указывали отдельные религии. Благодаря чему это произошло? Это произошло, благодаря тому, что однажды появилась религия, которая является не эгоистической. Её совершенство состоит, как раз, в том, что она не ограничивается только одним народом, одним временем. В самом выдающемся смысле этого слова эгоистической религией является, например, индуистская религия. Потому что тот, кто не является индусом, не может быть принят в эту религию. Эта индуистская религия, таким образом, в особом смысле скроена для индусского народа. Так же дело обстоит и с другими территориальными религиями. На этом и основано величие отдельных религиозных верований, что они были скроены для отдельных земных обстоятельств. Кто не принимает во внимание того, что совершенство этих религий состоит именно в том, что они ограничены отдельными земными условиями, кто всегда подчеркивает, что все религиозные системы произошли из единого источника, никогда не сможет прийти к какому-либо знанию.

Что же это значит, всегда говорить только о едином? Это значит, например, что кто-то говорит: На столе стоят соль, перец, паприка и сахар, но мы хотим выделить не то, что они обозначают каждое для себя, а мы ищем единое, которое выражено в различных специях, перце, соли, паприке и сахаре. - Об этих вещах можно говорить и так, но когда дело доходит до перехода от разговоров к действительности, когда дело доходит до конкретного использования различных специй, тогда уже осознаётся разница. Тогда уже никто, употребляя разные специи, не скажет, что все они без различия специи. Поскольку, если разницы действительно нет, то возьмите соль или перец и добавьте их в кофе или чай вместо сахара; тогда вы уже почувствуете разницу. Такую же логическую ошибку допускает тот, кто не различает отдельные религиозные конфессии, а говорит: Все они происходят из одного и того же источника.

Но если вы хотите знать, как живая связь проходит через различные религии к великой цели, тогда вам нужно познакомиться с этой связью, тогда вам нужно по-настоящему изучить религии в отношении их значения для отдельных сфер. Это происходит уже более десяти лет в рамках нашей центрально-европейской секции Теософского Общества; но затем однажды было положено начало для того, чтобы обрести, своего рода, религию для чего-то такого, что не имеет ничего общего с человеческими различиями, что имеет дело только с чем-то человеческим, без различия цвета кожи, расы и так далее. В чём это выражается? Есть ли у нас воистину национальная религия, как у индусов или евреев? Если бы мы поклонялись Вотану, мы оказались бы в том же положении, в каком находятся индусы. Но мы не поклоняемся Вотану. Европа исповедует Христа, который не является европейцем, который является иностранцем по своему происхождению. То, как Европа позиционирует себя по отношению к Христу, не является национально-эгоистическим способом привязки себя к какому-либо исповеданию. Конечно, мы не можем исчерпывающе охватить затрагиваемую здесь область в одной лекции; всегда можно только привести отдельные точки зрения. Но надо признать, что способ принятия Западом своего религиозного исповедания был абсолютно не эгоистичным. Преимущественно принципа Христа проявляется ещё и по-другому. Созовите серьёзный конгресс, состоящий из ученых-религиоведов различных религиозных конфессий, которые должны будут попытаться беспристрастно сравнить отдельные религиозные системы. Я хотел бы задать вам вопрос, есть ли в какой-либо религии что-то, что имеет силу по всей Земле в том же смысле, что и следующее: что мы имеем одно и то же высказывание, которое, исходя с двух сторон, означает нечто совершенно разное, как в христианстве. В Евангелии есть глубокое замечание, которое делает Иисус Христос, когда он говорит тем, кого учил: «Во всех вас живёт нечто божественное; разве вы не боги? Он говорит это со всей своей мощью: «Вы - боги» (Евангелие от Иоанна, 10,34). Под этим Христос Иисус подразумевает: В груди каждого человека есть божественная искра, которая должна быть зажжена так, чтобы можно было сказать: Будьте как боги! К иному, и совершенно противоположному эффекту приводят слова Люцифера, когда он приближается к человеку, чтобы увести его из царства богов, говоря людям: «Вы будете, как Боги» (Бытие 3,5). Тут смысл был совсем другой. Одно высказывание указывает на гибель человечества в начале спуска в бездну; и то же самое высказывание является указанием на нашу высшую цель! Точно так же следует искать это в любом религиозном исповедании! Там присутствует либо то, либо другое; но нет обоих вместе. Просто исследуйте - только исследуйте точно - и вы увидите, как много лежит в тех немногих словах, которые сейчас сказаны. Почему христианство приняло в себя эту важную вещь? Потому что, этим показывается, что важно не простое содержание, а то, от какого существа оно исходит. Почему? Потому что христианство начало в правильном смысле указывать на то, и работать над тем, что провозглашает его суть: что есть не просто племенное родство, а есть родство человеческое, нечто такое, что действительно без различия рас, национальностей и вероисповеданий, что выходит за рамки всех рас и всех времён. Потому-то христианство так и интимно родственно человеческой душе, что то, что это христианство может дать, не чуждо никакой человеческой

душе. Правда, это признают не все люди на Земле. Но то, что является правдой, должно же, в конце концов, победно пробить себе дорогу.

Правда, сегодня люди ещё не дошли даже до того, чтобы увидеть, что буддист, индуист не нуждается в том, чтобы отвергать Христа. Подумайте только, что бы это значило, если бы появился кто-то, глубоко задумался и сказал бы нам: Это неправильно с вашей стороны, исповедующие Христа, когда вы говорите о Христе особым образом: что все исповедания могут объединиться в Нём и одинаково могут признать Его своей высшей целью. Этим вы отдаете предпочтение Христу. Вам нельзя делать подобные утверждения о Христе. - Почему же нет? Возможно, потому, что индуист может потребовать, чтобы мы тоже исповедовали только его учение? Мы не хотим ничего отнимать из этих учений, которые мы почитаем так же высоко, как и любой индуист. Позволено ли буддисту сказать: мне нельзя признавать Христа, потому что об этом не написано в моих буддийских писаниях? Имеет ли какое-то значение, если нечто истинное не стоит в особых писаниях? Является ли антибуддистским исповедовать систему мира Коперника, если о ней ничего не стоит в буддийских писаниях? Может ли буддист сказать: Это неверно, это антибуддистски исповедовать систему мира Коперника, поскольку о ней ничего не говорится в моих книгах? - Так же, как и система мира Коперника, результаты новейших духовно-научных исследований о существовании Христа являются чем-то таким, что может быть принято индуистом или приверженцем другой религиозной системы; это не имеет ничего общего с религиозными вероисповеданиями. Кто отвергает то, что в отношении религиозных вероисповеданий об импульсе Христа говорит духовная наука, тот не имеет истинного понимания того, как следует позиционировать себя по отношению к какому-либо религиозному вероисповеданию. - Возможно, мои дорогие друзья, снова придёт время, когда станет видно, что то, что мы должны сказать о существовании импульса Христа и его отношении ко всем религиозным вероисповеданиям и мировоззрениям, так же глубоко обращается к нашим сердцам, к нашим душам, как оно пытается со строгой последовательностью доходить до отдельных его фаз. - Отдельному человеку нелегко увидеть старания обобщить вещи, которые могут привести к истинному пониманию Импульса Христа. А человек современного цикла нуждается в понимании того, что мы называем существованием Христа. Отношение к Христу не имеет ничего общего с какой-либо отдельной, замкнутой религиозной системой; настоящим христианином является только тот, кто привык на любого человека смотреть как на такого, кто несёт в себе импульс Христа; настоящий христианин будет искать христианское в китайце, индуисте и так далее. - Истинное понимание любого, кто исповедует Христа, состоит в том, что он осознаёт, что импульс Христа не ограничивается какой-то частью Земли, - это было бы заблуждением. Реальность такова, что, начиная с Мистерии Голгофы, истиной является то, что сказал уже Павел для областей, к которым он должен был обращаться. Павел провозгласил: Христос умер также и за язычников¹¹. - Человечество должно понять, что Христос пришёл не для какого-то определённого народа, для какого-то определённого ограниченного времени, а для всего земного населения, для всех. И этот Христос заложил в каждую душу фантомные зачатки, и прогресс будет состоять только в том, что души будут их осознавать. То есть, мы не разрабатываем какую-то теорию, мы проделываем духовно-научную не просто для того, чтобы наш разум получил дополнительно пару понятий, а мы собираемся для того, чтобы были захвачены наши сердца и души. Если мы с таким пониманием подойдём к импульсу Христа, то это, наконец, приведёт к тому, что все люди на Земле придут к глубочайшему пониманию Христа к пониманию слов Христа: «Когда двое или трое вместе во имя Мое, тогда Я посреди них»¹². Те, кто совместно работают в этом духе, найдут мост от души к душе. Это, однако, распространит импульс Христа по всей Земле. Правильный импульс Христа, - это то, что должно быть живой жизнью наших секций. Тогда приходит оккультизм и показывает нам, что если мы позволим вложить в себя это, посредством того, что мы в какой-то степени чувствуем реальность импульса Христа, то в наши души проникнет нечто

¹¹«Христос умер и за язычников»: Римлянам 3,29.

¹²«Если двое или трое во имя Мое...»: от Матфея 18,20.

такое, что сделает их способными найти проход через солнечную сферу, чтобы в следующей инкарнации нам было правильным образом снова дано эфирное тело. Мы правильно принимаем духовную науку только тогда, когда мы приносим глубокое понимание приёма импульса Христа. Только таким образом наше эфирное тело будет сильным и крепким при входе в новую инкарнацию. Эфирные тела будут всё больше и больше вырождаться, если люди ничего не будут знать о Христе и его миссии для всего земного развития. Благодаря пониманию существа Христа, мы избежим этого вырождения эфирного тела, что сделает нас солнечными, что сделает нас способными принять силы из той области, из которой пришёл Христос. С тех пор, как Христос здесь, человек может получать от Земли силы, которые проводят его в солнечную сферу. Затем мы можем возвратиться на Землю, и в следующей инкарнации будут жить силы, которые укрепляют наше эфирное тело. Если мы не примем импульс Христа, то эфирные тела будут всё более и более неспособными брать с собой из солнечной сферы свои сохраняющие и обновляющие силы, чтобы иметь возможность правильно действовать здесь, на Земле. Нам должно быть ясно, что жизнь на Земле действительно зависит не просто от теоретического понимания, а от некоего состояния пронизанности Событием Голгофы. Это показывает нам истинное оккультное исследование.

И это оккультное исследование показывает нам далее, как мы можем принять то, что нам приготовлено для физического тела. Поскольку физическое тело дано нам тем, что называется Принципом Отца. Но, благодаря особенности, которая выражается словами Христа Иисуса: «Я и Отец - одно» (от Иоанна 10,30), через импульс Христа мы становимся участниками также и принципа Отца; это означает, что импульс Христа ведёт нас одновременно к божественным отцовским силам.

Что самое лучшее мы можем обрести из своего спиритуального углубления? Можно было бы себе представить, что среди вас найдется человеческая душа, которая выйдет потом за дверь и скажет себе: «Теперь я, собственно, забыл всё, вплоть до последнего слова». Это был бы крайний случай, это был бы самый радикальный случай. Это, мои дорогие друзья, даже не было бы самым большой бедой. Поскольку я мог бы представить себе случай, что такой человек, выйдя на улицу, тем не менее вынесет с собой чувство, ощущение, которое будет результатом того, что он здесь услышал, даже если он забыл всё остальное. И это чувство - главное. То, что мы переживаем в нашей душе (Gemüt), - это главное. Но, когда слышим слова, мы не можем пережить это иначе, кроме как через: мы должны отдаться этому во всех деталях, чтобы наши души (Gemüter) наполнились мощным импульсом. Если все, что может предложить нам духовное знание, способствует совершенствованию нашей души, то мы выиграли правильное дело. Если всё то, чем может быть для нас познание духа, способствует улучшению нашей души, то мы обрели верное. И даже если в правильном смысле, посредством того, что отражается в его душе (Gemüte), благодаря духовной науке, человек становится способен хоть немного больше понимать своих ближних, то она уже сделала над ним свою работу. Поскольку духовная наука - это жизнь, непосредственная жизнь. Оно не опровергается и не доказывается посредством логических рассуждений. Она доказывается и оценивается жизнью. И она проявляется в том, что может найти людей, в душах которых она находит приём. Но что могло бы возвысить нас больше, чем то, что мы в состоянии знать, что мы познаем источник нашей истинной жизни между смертью и новым рождением, чувствовать своё родство со всей вселенной! Что могло бы укрепить нас в наших жизненных обязанностях больше, чем знание того, что мы несём в себе силы Вселенной, к излиянию которых мы должны себя подготовить в жизни, чтобы они могли стать действенными в нас, когда мы снова вступим в мир планет и мир Солнца в период между смертью и новым рождением. И кто действительно понимает вещи, которые может открыть ему оккультизм об отношениях человека к звездному миру, тот будет честен в своей молитве, которую он затем с пониманием направляет в мир и которая может звучать примерно так: «Чем больше я становлюсь осознавая, как я родился из вселенной, чем больше я чувствую ответственность за развитие внутри себя сил, которые дала мне вся вселенная, тем лучшим человеком я смогу стать: «Чем больше я осознаю, что я рождён из вселенной, чем больше я

чувствую ответственность, которая развивает во мне силы, данные мне всей вселенной, тем лучшим человеком я могу стать». И кто умеет молиться этой молитвой из глубин души, тот может также надеяться, что она станет для него настоящим идеалом, он может также надеяться, что силой такой молитвы он постоянно будет становиться более хорошим и совершенным человеком. Так, вплоть до интимнейших глубин, действует то, что мы получаем через истинную духовную науку.

**Новейшие результаты оккультного исследования жизни
между смертью и новым рождением**
Вена, 3 ноября 1912 года
ЛЕКЦИЯ

Для меня большое удовольствие находиться сегодняшним вечером среди вас в связи с моим присутствием в Вене, которое стало необходимым по другим причинам.

Сегодня вечером, мои дорогие друзья, поскольку, ведь, это внеплановая встреча, мне хотелось бы поговорить с вами о некоторых, можно сказать, более интимных вещах, которые могут обсуждаться только в узком кругу тех, кто уже долгое время работал духовно-научно.

В оккультных исследованиях дело обстоит так, что, собственно, нельзя достаточно часто, как бы, увидеть то, что происходит с вещами, которые, ведь, исследуются снова и снова, о которых снова и снова сообщают, и которые, поскольку они находятся в не так легко доступном для человека и в не так легко понимаемом им духовном мире, могут быть даже со стороны самих исследователей так же легко быть неверно истолкованными или неточно увиденными в том или ином аспекте; поэтому эти вещи приходится снова и снова, так сказать, повторно контролировать. Конечно, фактическая основа сверхчувственной жизни остаётся неизменной уже тысячи лет, но её трудно представить. Поэтому для меня это было глубоким удовлетворением, что в последнее время мне предоставилась возможность более интимно заняться областью, которая так важна в оккультизме; областью жизни между смертью и новым рождением. Конечно, не то чтобы из такой возможности исследования должны были выявиться какие-то новые вещи, но о некоторых вещах тогда можно было говорить всё более и более точно. Поэтому сегодня мне хотелось бы поговорить, как раз, о таком важном для сверхчувственного познания времени, - времени между смертью и новым рождением; не столько о той ближайшей области, которая уже часто упоминалась в текстах и о которой говорилось здесь, об области, так называемой Камалоки, а о том, что к ней примыкает, о собственном пребывании человека в духовном мире между смертью и новым рождением. Я хотел бы только предварительно сказать пару слов.

С тем, что лежит между смертью и новым рождением, знакомятся посредством инициации, посредством посвящения или посредством прохождения через врата смерти. Обычно эта разница между всеми знаниями, которые мы можем приобрести о чувственном мире, в котором мы своими чувствами и своим разумом находимся всегда, и теми знаниями в отношении духовного мира, в который мы можем войти либо через инициацию уже в этом теле, в этом физическом бытии, либо без этого тела, когда мы уже прошли через врата смерти, воспринимается недостаточно серьезно. В этом духовном мире всё есть, как бы,

наоборот. Я хотел бы привести два признака, которые могут ясно показать, как разительно духовный мир отличается от обычного чувственного мира.

Возьмём наше бытие в этом чувственном мире во время бодрствующего состояния с утра до вечера. Тут мы видим, что вещи, которые мы воспринимаем нашими глазами и ушами, сами подходят к нам; и только, так сказать, в более высоких областях жизни, области познания, области искусства, мы должны быть деятельными, должны приближать их к себе: тут мы должны соучаствовать в этом, - но прочая внешняя жизнь, которая на нас претендует, воистину приносит всё, что должно действовать на наши чувства восприятия, на наш разум, с утра до вечера. Там, где мы ходим, на улице, где мы также живём, всё и вся, каждый момент оказывает на нас свои впечатления, и мы, за указанными исключениями, ничего не делаем для их появления; они приходят сами.

По другому обстоит дело с тем, что в физическом мире происходит через нас; тут мы должны быть деятельными, должны переходить от места к месту, тут мы должны себя активировать. Это важный признак повседневной жизни, что то, что предоставляется нашему познанию, происходит без того, чтобы мы что-то для этого делали. Каким бы это ни казалось гротескным, в духовном - всё наоборот. В духовном мире нельзя действовать, нельзя быть деятельным, нельзя что-либо вызвать посредством того, что вы переходите с одного места на другое; в духовном мире ничего нельзя вызвать тем, что вы, так сказать, шевелите органами, которые были бы аналогами физических рук, но то, что прежде всего необходимо, чтобы что-то произошло в духовном мире, - это абсолютный покой души (*Gemütsruhe*).

Чем спокойнее мы можем быть, тем больше происходит через нас в духовном мире, так что мы, таким образом, совершенно не можем говорить о том, что в духовном мире что-то происходит, если мы суедемся и что-то делаем, а только развивая в полном душевном покое большой, полный любви интерес к тому, что должно произойти, и затем ожидая, как будут развиваться события. Этот душевный покой, который в духовном мире является творящим, едва ли имеет что-либо похожее в обычной физической жизни, но, вероятно, в более высоких областях физической жизни, в жизни познания и искусства. Там мы имеем некий аналог. Художник, собственно, не может сотворить высшее, на что он способен, если он не может ждать, если он не может сохранять полный душевный покой до наступления того момента, когда придёт интуиция. Тот, кто хочет творить согласно программе, может произвести только неполноценные продукты. Кто хочет создать какое-либо произведение, хотя бы самое маленькое, по какому-то внешнему поводу, тот не сможет сделать это так хорошо, как он сделал бы это, если бы смог с полной любви отдачей и спокойствием ждать момента инспирации, можно также сказать, момента милости. То же обстоит дело и в духовном мире: там нет спешки и суеты, есть только душевное спокойствие (*Gemütsruhe*).

По сути, так должно быть также при распространении нашего движения. Любая внешняя агитация, любое желание людей людей духовной науки что-то навязать внешне, по сути, ни к чему не приводит. Лучше всего, если мы могли бы ждать, пока у нас в жизни не появятся люди, имеющие в своей душе потребность нечто слышать, которые хотят обратиться к духовному, и мы совершенно не должны развивать в себе потребность привести к духовной науке каждого. Мы получим опыт, говорящий о том, что чем больше мы сможем развить покоя, лишённого агитации покоя, тем больше людей к нам придут, в то время как грубая агитация скорее оттолкнёт людей. Когда читается публичная лекция, то она читается для того, чтобы сказать то, что должно быть сказано; кто хочет её принять, тот может её принять. В этом смысле вся наша жизнь в рамках духовно-научного движения должна быть отражением духовного, должна быть такой, что позволяем произойти тому, что должно произойти, и ждём этого в душевном покое.

Возьмём инициированного человека, который узнал, что в определённое время должно произойти нечто, исходя из духовного мира. Я уже часто обращал внимание на один важный временной пункт, в котором нечто произошло, исходя из духовного мира, просто это проявляется сейчас ещё не с такой очевидностью. Это был 1899 год, окончание малой Кали-Юги. Это был, по существу, год, принесший определённые импульсы, которые

предназначались для того, чтобы дать человеку изнутри, пробудить в их душе то, что в более ранние времена, по сути, давалось ему из духовного мира через какие-либо внешние вещи, которые называли случайностью. Я хочу привести один определённый случай: В двенадцатом столетии жил некто Норберт. Он основал один орден. Вначале он вёл чисто мирскую, можно было бы сказать, распутную жизнь, но затем его поразила молния. Из истории известно много таких случаев, произошедших с отдельными людьми; луч молнии может потрясти физическое и эфирное тела. Тогда вся его жизнь изменилась. Тогда это было словно некий внешний повод, привлечённый из духовного мира в помощь, чтобы изменить человека. Такие случайности происходят часто, они целиком потрясают связь между физическим и эфирным телами и полностью изменяют данного человека. Так было и здесь. Но это не случайности, а это подготовленные в духовном мире факты для изменения человека. Теперь, начиная с 1899-го года, эти факты становятся всё более и более интимными, намного меньше внешними, намного больше действующими через внутреннее; душа человека овнутривается. И действительно, при таком перевороте в мире, как это случилось в 1899 году, принимали участие все существа и силы из духовного мира, но также и все инициированные, жившие на здесь. Они не говорят: Приготовьтесь! - они не говорят это людям в уши, а это происходит так, что от них приходит импульс, который люди учатся понимать изнутри. Тогда люди остаются в своей душе спокойными, прислушиваются к мыслям, позволяют этим мыслям действовать в себе и ожидают. И чем спокойнее они будут душевно со своими мыслями, тем сильнее придут такие события. Так что ждите этой милости! В этом преимущественно состоит причина того, что нам следует подождать того, что произойдёт с нами в духовном мире.

По-другому обстоит дело с познанием в повседневности; тут мы должны всё учитывать, всего достигать, должны работать для того, чтобы себя в какой-то степени приготовить. Какая-нибудь роза, обнаруженная нами по пути, радует нас в этом физическом мире; на духовном плане этого бы не произошло, роза на физическом плане не предоставила бы нам ничего подобного, если бы мы не приложили усилия проникнуть в определенные духовные области, чтобы приблизить эти вещи к себе. Как раз, то, что мы делаем здесь физически, мы должны делать в духовном при познании; и наоборот: то, что должно через нас произойти, мы должны в покое ожидать, и только, так сказать, это внесение из духовного мира в физическое, эта более высокая деятельность человека, образует некое отражение происходящего в духовном мире. Поэтому необходимо, чтобы тот, кто хочет постичь через свою душу истины, которые должны прийти через духовную науку, всё больше и больше развивал две характеристики: любовь к духовной жизни, которая ведёт его к деятельному привлечению духовного мира, и это самое надёжное средство, чтобы поставить себя в положение снова и снова привлекать к себе вещи - и спокойствие, спокойствие души (Gemüt), спокойствие, которое не хочет достичь честолюбивых успехов, но которое хочет быть одаренным милостью, которое может ожидать инспирации. Это ожидание в конкретном случае трудно. Но одна мысль, которую мы должны постоянно иметь в своей душе, может нас провести через многое. Её трудно понять, поскольку она очень противоречит нашему тщеславию. Этой мыслью является та мысль, что в мировом отношении всё равно, произойдёт что-либо через нас или через какого-нибудь другого человека. Это не должно нас удерживать от того, чтобы делать всё, что нам отведено; это должно нас удерживать не от выполнения нашего долга, а от суеты, заведённости. Как каждому человеку нравится быть способным, уметь что-то делать. Требуется определенное смирение, чтобы ему так же нравилось то, что может что-то сделать кто-то другой, когда что-то может сделать другой. Надо любить какую-то вещь не потому, что делаешь её сам, а потому, что она есть в мире, будь то через нас или через других. Эта мысль надёжно ведёт нас к самоотверженности, если мы постоянно её думаем. Такие настроения необходимы, чтобы вжиться в духовный мир, чтобы всегда не только , но и понимать то, что исследуется. Эти настроения гораздо важнее чем видения (Visionen), которые, вероятно, тоже должны быть, и, как раз, для того, чтобы мы могли оценивать эти видения, необходимы такие настроения.

Видения (Visionen), достаточно лишь произнести это слово и каждый, кто хоть немного имел с этим дело, знает, что, собственно, понимается под этими видениями, - но вся наша жизнь после смерти, когда Камалока уже позади, является, собственно, жизнью в видениях. Когда человек, пройдя врата смерти и период Камалоки, вступает в собственно духовный мир, он живёт в мире, который является полностью таким, как если бы он со всех сторон был окружён сплошными видениями; только эти видения являются отражениями действительности. И вполне можно сказать, что, в то время как физический мир мы воспринимаем через цвета, которые предоставляются нам глазами, через звуки, которые опосредуются нам ушами, духовный мир, также и после того, как прошли через врата смерти, мы воспринимаем как видения, в которые мы вплетены. Теперь, поскольку я хочу поговорить об этих вещах более интимно, мне надо будет многое сказать в некой более повествовательной форме, которая поначалу кажется немного гротескной, но она получается посредством действительного духовного исследования.

Ведь, сама Камалока, если описывать её содержательно, протекает так, как это представлено в моей «Теософии»; но её можно охарактеризовать ещё и по-другому. Когда человек проходит через врата смерти, где он себя ощущает? - можно спросить. И на этот вопрос можно ответить: Где же находится человек во время своего времени в Камалоке? Пространство, в котором человек находится во время жизни в Камалоке, можно даже выразить словами, понимаемыми физически. Если вы представите себе пространство между Землёй и Луной, то человек, покинувший Землю, находится в этом пространстве между Землёй и Луной, в том шарообразном пространстве, вне Земли, который образуется, если орбиту Луны взять за внешний круг, - там находится человек во время Камалоки. После окончания времени Камалоки человек выходит из этого круга в действительное небесное пространство. Как и было сказано, звучит гротескно, но это так. Также и в этом направлении действительно добросовестное научное исследование отмечает, что эти вещи противоположны вещам на физическом плане. Мы привязаны к Земле извне, мы окружены земным и отделены от небесной сферы; после смерти Земля от нас удалена и мы находимся вместе с небесной сферой. Пока мы находимся в сфере Луны, мы - в Камалоке, это означает то, что у нас есть желание быть ещё соединёнными с Землёй, и мы выходим из этой сферы, когда посредством жизни в Камалоке уже научились отказываться от своих аффектов, страстей, желаний. Пребывание в духовном мире надо представлять себе иначе, нежели мы привыкли здесь. Там мы заполняем собой всё пространство, там мы чувствуем себя повсюду внутри всего пространства. Поэтому жизнь, будь это жизнь инициированного или человека после смерти, является неким чувством распространения себя по всему пространству, и тогда человек становится ограничен орбитой Луна так же, как сейчас своей кожей. Да, так оно и есть, и бесполезно пытаться выразить подобные вещи словами, которые легче прощаются нынешним временем, поскольку ими они не выражаются правильнее. В публичных лекциях надо опускать такие шокирующие вещи, но для тех, кто давно занимается духовно-научными вопросами, лучше называть вещи их истинными именами.

Затем, после жизни в Камалоке, мы разрастаемся ещё дальше наружу, и это теперь зависит от определённых качеств, которые мы должны достичь уже сегодня. В течение длительного времени нашего развития после смерти, то, каким образом мы сможем распространить себя до следующей сферы, будет зависеть от того, что мы развили на Земле как моральную конституцию, как нравственные понятия и чувства. Можно сказать, что человек, который развил в себе качества сочувствия, любви, качества, которые обычно обозначаются как нравственный багаж, вживается в следующую сферу так, что он может познакомиться с существами, живущими в этой сфере, может жить с ними вместе, в то время как человек с недостатком морали, будет жить там как отшельник. Это лучшее обозначение того, что подготавливает для нас моральное для совместной жизни с духовным миром; к мучительному одиночеству, в котором мы всегда охвачены желанием познакомиться с другими, но не можем этого сделать, - к этому одиночеству нас обрекает аморальное нашего сердца, нашего мышления и поведения в физическом мире. И либо как отшельник, либо как

общительный дух, являющийся благословением в духовном мире, мы вживаемся во вторую сферу, которую в оккультизме всегда называли сферой Меркурия. Сегодня во внешней астрономии она называется Венерой; произошла некая подмена названий, о чём уже часто говорилось. Теперь человек распространяет своё существо вплоть до орбиты сегодняшней утренней и вечерней звезды, в то время как раньше - лишь до Луны. Теперь происходит нечто очень своеобразное. До сферы Луны мы ещё постоянно ввязаны в земные отношения, но и кроме того отношения с Землёй не совсем прерваны, мы ещё знаем всё, что мы делали на Земле, о чём думали; поскольку мы сейчас можем что-то вспомнить, то мы знаем, - видите, мои дорогие друзья, - что это воспоминание является слегка мучительным! - Когда мы ещё живём на Земле и делаем что-то несправедливое по отношению к другому человеку, или недостаточно любим человека, которого, собственно, должны любить, мы ещё можем исправить последствия этого; мы можем пойти к нему, поговорить и тому подобное. В сфере Меркурия это больше невозможно. Мы можем просмотреть все отношения в наших воспоминаниях, и они остаются неувредимыми, но мы больше не можем их изменить.

Предположим, перед нами умер кто-то, кого согласно земным отношениям мы, собственно, должны были бы любить, но не делали этого в достаточной мере. Мы встречаем его, - мы действительно снова встречаем после смерти людей, с которыми были связаны, - но встречаем его так, как мы относились к нему раньше и поначалу не можем это изменить. То есть, в нас живёт вина, что мы его недостаточно любили, но мы уже не можем изменить свой характер, чтобы теперь любить его больше. Остаётся то, что мы оставили на Земле, но мы не можем это изменить. Как раз, этот факт, что мы вступаем там в верные, неизменные восприятия относительно любви, я особенно сильно испытал в своих последних исследованиях этого лета, и посредством таких вещей также замечаешь многое, что иначе ускользает от человека, и об этом я тоже хотел бы, так сказать, поделиться своими впечатлениями. Таким образом, посредством познания духовного мира, знакомишься с этими своеобразными вещами, а именно с тем, что в сфере Меркурия, как было сказано, живёшь со всеми людьми в тех старых отношениях, которые поначалу не можешь изменить. Там живёшь, оглядываясь назад и развивая то, что уже развито.

Теперь, вероятно мне будет позволено это сказать, что в своей жизни я много занимался Гомером, но одно место стало мне ясным только тогда, когда я столкнулся в своём оккультном исследовании с тем, о чём я, как раз, говорил; это место, где Гомер царство после смерти называет страной теней, где ничто не может быть преобразованным. Можно интерпретировать это согласно разуму, но то, что хочет сказать художник о духовном мире, когда говорит как пророк, познаётся, когда делается соответствующее открытие в духовных исследованиях. Так обстоит дело с каждым настоящим художником, ему совсем не нужно знать в своём повседневном мышлении то, что приходит к нему из инспирации. И то, что человечество получило через своих художников на протяжении столетий, не померкнет в результате распространения духовного движения, а будет становиться всё более и более углубленным, и для людей обязательно прольётся свет об их истинных художниках, когда они через оккультные исследования в духовном мире попадут в тот мир, которым были инспирированы эти художники. Правда, те, кого часто считают художниками для той или иной эпохи, но таковыми не являются, не получают такого освещения. В отношении некоторых недолговременных величин будет признано, что у них не было инспираций из духовного мира.

Следующей сферой в оккультизме можно назвать сферу Венеры; там мы расширяем своё существо вплоть до Меркурия, который оккультно называется Венерой; дотуда мы расширяем своё существо. В этой сфере снова имеется нечто, что имеет большое влияние на человека, и оно снова действует так, что тот, кто этим обладает, становится, так сказать, общительным духом, а тот, у кого этого нет, становится одиноким духом; отсутствие этого нечто является ужасно мучительным, - это религиозный момент. Чем более религиозный настрой мы приобретём, тем более общительным духом мы станем в этой сфере. Люди, у которых нет этого религиозного настроения, замыкаются в существо, которое не в состоянии

выйти за пределы определённой скорлупы или оболочки, возникающей вокруг него. Скажем, у нас есть друзья, не смотря на то, что мы являемся отшельниками, но мы не можем к ним подступиться; мы постоянно чувствуем себя так, будто нам надо прорваться через какую-то оболочку, которую мы, однако, не можем прорвать. Если у нас нет религиозного нутра, мы мёрзнем в этой сфере Венеры. Затем следует сфера, в которой, как бы странно это не звучало, когда человек вживается в эту сферу, - а это делает каждый после своей смерти, - он чувствует себя расширенным до Солнца. Пройдёт совсем немного времени, и люди будут думать о небесных телах иначе, нежели предполагает сегодняшняя астрономия. Мы сами связаны с этим Солнцем; как уже было сказано, придёт время между смертью и новым рождением, когда мы станем солнечными существами. Но теперь необходимо нечто другое; для первой сферы была необходима нравственная жизнь, для сферы Венеры - религиозная жизнь, для солнечной сферы необходимо, чтобы мы действительно знали природу и сущность солнечных духов, а именно, главного Солнечного Духа, Христа, чтобы мы на Земле создали связь с ним. С этой связью дело обстоит так: Когда люди ещё обладали древним ясновидением, они находили эту связь так, что они вживались в неё посредством древней божественной милости; это затем исчезло, и Мистерия Голгофы, подготовленная через Старый Завет, состоялась для того, чтобы сделать солнечное существо понятным человеку. Сегодня больше недостаточно старого способа, когда, начиная с Мистерии Голгофы, человек, скорее, наивным образом тянулся к Христу; сегодня духовная наука должна сделать мир понятным с точки зрения некоего солнечного существа. В первый раз это было действительно понято в Средние века, когда в Европе в своём собственном глубоком значении возникла сага о Граале. Через понимание того, что в свою очередь дано духовным движением, именно того, что было принесено высоким солнечным духом, вновь обретается Христос, сошедший и ныне ставший земным духом через Мистерию Голгофы. Посредством понимания того, что, в свою очередь, будет дано через спиритуальное движение, будет, как раз, снова завоёвано то, что было принесено высоким Солнечным Духом, Христом, который спустился на Землю и теперь через Мистерию Голгофы стал земным духом. Этот импульс, данный через Мистерию Голгофы, способен мирно соединить в духовной науке все религиозные верования по всему земному шару. Это остаётся основным требованием духовной науки: с каждой религией обходиться с одинаковой отдачей, никакой религии не отдавать предпочтения по каким-либо внешним причинам. Если, например, наше движение будут обвинять в том, что мы ставим Мистерию Голгофы в центр мирового развития, и что это было бы предпочтением христианской религии, то это обвинение было бы совершенно несправедливым. Давайте разберёмся, в чём состоял бы смысл такого обвинения. Если бы к нам пришёл какой-нибудь буддист или брахман и сделал бы такое обвинение, мы бы ему сказали: Не важно ли то, что написано в религиозных книгах, и является ли это недостатком религии, если человек не отвергает всё, чего нет в этих книгах? Разве каждый буддист не может принять мировоззрение Коперника, не переставая оставаться буддистом? Это достижение всего человечества. И то, что Мистерия Голгофы стоит в центре мирового развития, это тоже познание, которое является достижением всего человеческого развития, независимо от того, стоит об этом что-то в древних книгах или нет, и требовать, так сказать, от лица китайской или буддистской религии, так не думать, было бы тем же, как если бы эти религии запретили всей Европе принимать мировоззрение Коперника, поскольку его нет в их книгах. Но, как раз, это понимание Мистерии Голгофы - когда мы познаём то, что тогда произошло, - делает нас общительным духом после смерти в солнечной сфере. В общем дело обстоит так: В тот момент, когда мы выходим за границы Луны, происходит нечто такое, что мы сейчас можем обозначить также внутренним духовным образом, - мы становимся окружены видениями (Visionen). Если мы после смерти встречаем умершего друга, то это видение, но это он сам, он живёт внутри этой реальности; но всё это видения, которые построены на воспоминаниях о том, что мы делали здесь.

Позднее, вне сферы Луны, это ещё происходит, но при этом перед нами уже высвечиваются духовные существа более высоких иерархий. Это происходит так, будто

восходит солнце, окрашивая облака в золото. Так обстоит дело в солнечном окружении. В сфере Меркурия мы тоже знакомимся с духовными иерархиями, но только в том случае, если мы исполнены религиозным настроением; в солнечной сфере - только в том случае, если исполнены иегово-христианским настроением. Тогда к нам подступают внешние духовные сущности. То, что я сейчас скажу, в свою очередь, в высшей степени странно, но это результат объективного духовного исследования: Человек за пределами Луны, войдя в сферу Меркурия, подобен облаку из духа, освещённому духовными существами. Поэтому греки называли Меркурия посланником богов, поскольку в этой сфере высокие духовные существа освещают человека. Это огромные впечатления, которые мы получаем, когда развиваемся в кругу оккультного исследования, в кругу того, что человечество создало в виде произведений искусства и мифов.

Так, пронизывая себя Христом, мы вживаемся в солнечную сферу. Затем мы живём дальше и приходим в регион, где Солнце у нас внизу так же, как раньше внизу была Земля. Мы начинаем оглядываться назад, на Солнце — и тут происходит нечто чрезвычайно странное. В этот момент обнаруживается, что мы начинаем знакомиться ещё и с другим духом в его своеобразии, с духом Люцифера. Кем является Люцифер, - этого мы не узнаем, благодаря просто жизни после смерти, если до этого не узнали этого посредством оккультной науки или инициации. Мы знакомимся с тем, кем он был до того, как стал Люцифером, когда он был ещё братом Христа, только тогда, когда оказываемся по ту сторону солнечной сферы. Поскольку то, что он стал другим, мы обязаны времени, когда Люцифер отстал и отделился от развития в космосе. И то плохое, что он может сделать, распространяется только до Солнца. За Солнцем ещё есть сфера, где Люцифер может развивать свою деятельность так, как было до его отделения. Там нет никакого вреда в том, что он развивает, и если мы правильно сделали себя частью Мистерии Голгофы, мы правильным образом идём в ещё более дальние сферы за пределами пространства, ведомые Христом и принятые Люцифером. Имя Люцифер выбрано хорошо, как древние и вообще выбирали мудрые имена. Когда Солнце под нами, солнечный свет тоже под нами. Тогда нам нужен новый носитель света, который выведет нас в космическое пространство. Тогда мы приходим в сферу Марса. Пока мы находились под Солнцем, мы смотрели вверх, на Солнце; теперь Солнце находится под нами, и мы смотрим в дали космического пространства. И это далёкое космическое пространство мы воспринимаем через то, что всегда называется и так мало понимается, через в собственном смысле музыку сфер, через некий род духовной музыки. Видения, в которые мы погружены, имеют тогда всё меньшее и меньшее значения, и всё большее значение приобретает то, что мы духовно слышим. Тогда космические тела не являются нам такими, чтобы мы, подобно земным астрономам, измеряли, быстро или медленно они движутся, - скорость задаёт звучание космической гармонии. И то, что человек при этом внутренне переживает, - это то, что он всё больше и больше чувствует: единственное, что остаётся ему в этом регионе, это то, что он приобрёл как спиритуальное на Земле. Благодаря этому, он знакомится с существами этой сферы, остаётся общительным духом. Люди, которые сегодня отрезали себя от спиритуального, не смотря на нравственную, не смотря также на религиозную жизнь, не попадают в спиритуальный мир. Тут ничего не поделаешь. Конечно, вполне возможно, что такие люди придут к этому в следующем воплощении. Все материалистически мыслящие люди, когда переходят за пределы Солнца в сферу Марса, становятся отшельниками; никак иначе. Каким бы глупым это некоторым ни казалось, это всё же действительность; весь Монистический Союз не сможет продолжать существовать, когда его последователи достигнут солнечной сферы, поскольку эти последователи не смогут собраться вместе, потому что все являются отшельниками.

На Марсе человек, который здесь, на Земле, приобрёл спиритуальное понимание, получает ещё и другой опыт. И поскольку мы уже сегодня говорим интимно, позволительно высказать и это. Ведь, можно спросить, как раз, в рамках нашего мировоззрения, как мы его развиваем в виде духовной науки в Европе: что произошло с таким духом, как Будда, после его последнего воплощения на Земле? Я уже указывал на это, не так ли: Будда как Гаутама

проделал своё последнее воплощение за шестьсот лет до Христа. Если вы внимательно следили за моими лекциями, то знаете, что он ещё раз, так сказать, совершил действие - ему больше не нужно было воплощаться как Будде - он совершил лишь духовное действие при рождении младенца Иисуса Луки. Он воздействовал духовно на Землю из высших сфер; но где он сам? В Швеции, в Норрчёпинге (Norrköping), я указывал на ещё более позднее влияние Будды на Земле. Так в восьмом столетии в Европе, на Черном море, существовало место посвящения, где Будда духовно жил в одном из своих учеников, а именно в ученике, который впоследствии стал Франциском Ассизским. Франциск Ассизский в предыдущем воплощении в восьмом столетии был, таким образом, учеником Будды, и перенял все качества, чтобы действовать таким особенным образом, как он действовал в виде Франциска Ассизского. Во многом невозможно отличить его общину от последователей Будды, за исключением того, что некоторые из них были последователями Будды, а другие - христианами. Это было следствием того, что в прошлой жизни он был учеником Будды, духовного Будды. - Но где сам Будда, где тот, кто жил как Гаутама? Он стал для Марса тем, чем Христос стал для Земли; он проделал для Марса, своего рода, Мистерию Голгофы, и освободил марсианских людей; он живёт там, среди них. И для него самого именно земная жизнь была правильной подготовкой для освобождения марсианских людей, только это его освобождение было не таким, как Мистерия Голгофы, а несколько иным.

Но человек живёт духовно в сфере Марса в указанное время, а затем он живёт дальше и вживается в сферу Юпитера. В сфере Юпитера связь с Землёй, которая до этого ещё немного сохранялась, становится, так сказать, не имеющей смысла для человека; он ещё испытывает немного воздействие Солнца, но зато на него мощно влияет космос. Это представляется так: всё влияет извне и человек принимает космическое. А именно, весь космос воздействует на него через гармонию сфер, которая постоянно принимает разные формы, в зависимости от того, как далеко мы исследуем жизнь между смертью и новым рождением. Эту жизнь, это изменение гармонии сфер, трудно характеризовать; поскольку эти вещи нельзя выразить земными словами, можно было бы описать это сравнением: Гармония сфер изменяется при прохождении от Марса к Юпитеру так, как, можно только сказать, в оркестре вокальной музыки. Она всё больше становится тоном, тем, что одновременно пронизывает тон в качестве чего-то значимого, выражающего его существо. Музыка сфер получает своё содержание, когда мы отдаёмся сфере Юпитера, и в сфере Сатурна она становится затем полным содержанием, выражением мирового слова, из которого сотворены все вещи, и о котором говорится в Евангелии от Иоанна: «В Начале было Слово...». Это Слово является внесением тона (Hineintönen) космической закономерности и мудрости. Затем человек, если он подготовлен, - духовный человек идёт дальше, не духовный не так далеко, - идёт ещё в дальнейшие сферы, но он также переходит в совершенно другое состояние, нежели то, в котором он был до этого. И если попытаться охарактеризовать это дальнейшее состояние, можно было бы сказать: С того момента, когда человек выходит за пределы Сатурна, начинается духовный сон, в то время как предыдущее было духовным бодрствованием. С этого момента сознание притупляется, наступает помрачение сознания, а это помрачение сознания, в свою очередь, позволяет человеку проделывать другие вещи, по сравнению с тем, что он проделывал раньше. Точно так же, как во сне снимается усталость и нам добавляются новые силы, так и посредством этого притупления сознания происходит вливание духовных сил космоса, когда мы становимся, так сказать, далеко, далеко растянутым спиритуальным пространственным шаром. Вначале мы это предчувствовали (geahnt), затем мы слышали это как мировой оркестр, затем это пело, затем мы слышали это как Слово, затем мы засыпаем и это пронизывает нас, и в это время мы снова возвращаемся назад через все эти сферы в состоянии притупленности сознания; всё более и более притупленным становится наше сознание, мы сжимаемся, - медленнее или быстрее, в зависимости от нашей Кармы, - и во время этого сжимания снова выступают силы, идущие от Солнца. От сферы к сфере мы возвращаемся назад. Для лунной сферы, когда мы возвращаемся из космоса, мы невосприимчивы; мы проходим через неё, так сказать, нетронутыми и без помех, и затем мы

всё больше и больше стягиваемся в точку, так чтобы быть в состоянии соединиться с маленьким человеческим зародышем, который затем прodelывает своё развитие до рождения. И во всей физиологии и эмбриологии не будет вообще ничего истинного, если они не будут исходить из оккультных исследований, из этих фактов; поскольку человеческий зародыш - это копия огромного космоса. Он несёт в себе весь космос; то, что происходит между зачатием и рождением материально и формируется как человек, но также и то, что человек прodelал в космическом сне, он несёт в себе в состоянии зародыша как силу.

Здесь мы прикасаемся к чудесной мистерии, на которую в наше время, по сути, указывали и представляли только художники, но и она будет понята даже лучше - скажем, вопрос Тристана, - чем то, что живёт в нём, настроение Тристана, когда в любви Тристана и Изольды мы однажды ощути́м приток всего космического, которое мы познаём в его истинном виде, как раз, посредством прохождения всего развития человека от смерти к новому рождению. То, что взято из космоса, что взято от Сатурна, действует на любящих, сведённых вместе. Многие превращено в космическое событие, только нельзя анализировать это понятийно, а надо ощутить то, что в реальности связывает людей со всем космосом. Поэтому духовная наука, несомненно, приведёт человечество к развитию нового благочестия, которое является истинной, подлинной религиозностью, когда то, что часто выдаёт себя за мельчайшее, является возникшим из космоса. То, что живёт в человеческой груди, мы учимся в правильной, мудрой форме соотносить с его происхождением, если рассматриваем это в связи с космосом. Таким образом то, что исходит от духовной науки, может излить на всю жизнь, на всё человечество, которое тогда должно прийти, действительно новый настрой. Художники его подготовили, но действительное понимание должно во многом быть создано, как раз, посредством этого спиритуального настроя.

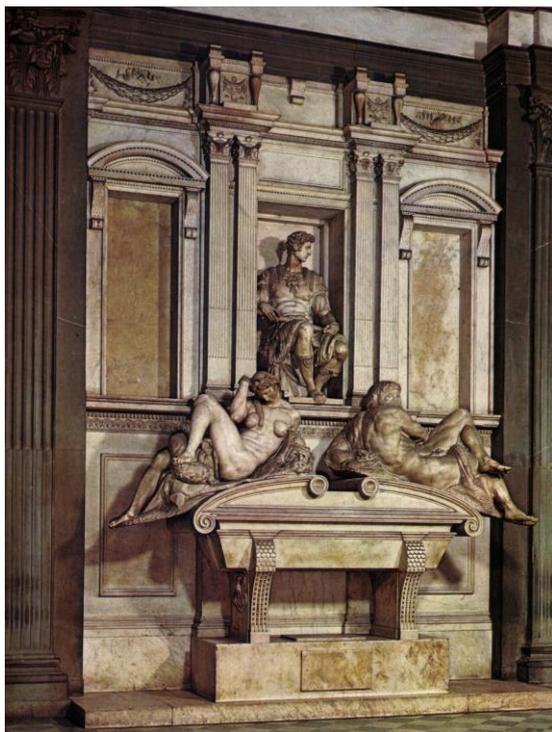
Это всего лишь некоторые детали, которые я хотел дать вам, как раз, на основе обновленных, интимных исследований человеческой жизни между смертью и новым рождением. В духовной науке, собственно, нет ничего, что в то же время не касалось бы нас в наших самых глубоких ощущениях, в наших самых глубоких чувствах; ничто не остаётся абстрактной идеей, если мы правильно её уловим и поймем. Когда смотрим на цветок, мы радуемся больше, чем ботаник, разлагающий его на волокна. Далёкий мир звёзд может развить в нас некое предчувствие, но то, что там происходит, становится нам ясным только тогда, когда мы сможем подняться в эти сферы душой. Растение теряет, когда его разлагают на волокна; звёздный мир не теряет ничего, когда мы выходим в его пределы и познаем, как с ним связан дух.

Кант высказал замечательные слова, но как тот, кто понимает этику односторонне: Две вещи касаются его особым образом, звёздное небо над ним и моральный мир в нём. Оба являются, собственно, одним и тем же, просто мы вносим его из небесных далей внутрь себя. Если мы имеем нечто моральное, рождены с ним, то по той причине, что при засыпании, при обратном развитии, нам многое было дано меркуриальной сферой и сферой Венеры, когда мы вступали в них с религиозным чувством. Как мы здесь, в земной жизни, просыпаемся утром укрепленными, со снова пробужденными силами, так мы рождаемся с тем, что как укрепляющая сила было дано нам космосом; мы можем принять это в соответствии со своей кармой. В той мере, в какой это позволяет карма, космос может дать нам силы, так что мы рождаемся с этими способностями.

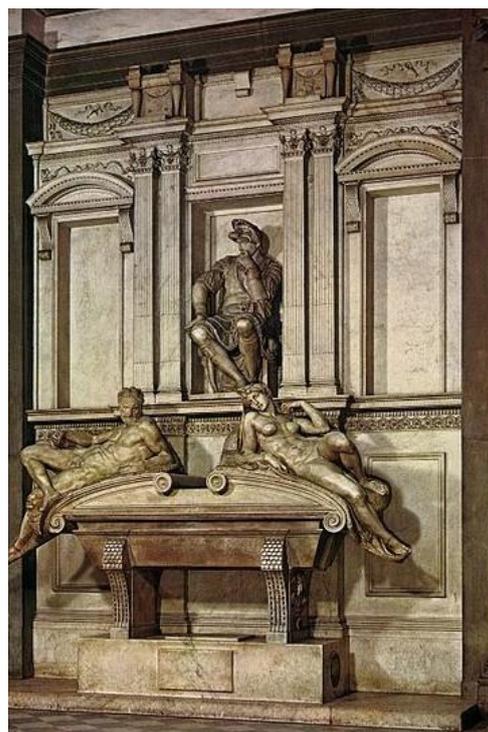
Таким образом жизнь между смертью и новым рождением распадается на две части. Вначале она непробуема. Мы вживаемся в неё, существа подходят к нам сами; мы погружаемся в сон; тогда жизнь становится преобразуемой, тогда в нас входят силы, с которыми мы рождаемся. Если мы таким образом взглянем на развитие человека, то мы тут же увидим, что когда человек развивается после смерти, он вначале живёт в мире видений. С тем, чем человек является духовно-душевно, он знакомится позднее. Тогда приходят существа извне, которые нас освещают, как освещает вещи внешнего мира золотой утренний свет; так мы вживаемся в эти сферы, так духовный мир проникает в нас. Это вживание в духовный мир извне прежде всего наступает тогда, когда становится, так сказать, полностью

зрелым то, чем мы сами являемся в нашем визионарном мире, когда мы, как люди, предстаём существам духовного мира, приходящим к нам со всех сторон, как лучи.

Поместите себя сейчас в духовный мир, будто вы можете видеть. Человек является там как некое визионарное облако, там он является именно тем, чем он, собственно, и является. Тогда к нему подходят эти существа и освещают его снаружи. Розу вы не видите в темноте; когда мы зажигаем свет, свет падает на розу, поэтому мы видим розу такой, какая она есть. Так происходит и тогда, когда человек выходит в духовный мир: к нему подходит свет духовных существ. Но есть момент, когда человек виден ясно, когда он освещён светом иерархий так, что он, собственно, весь внешний мир излучает назад, и тогда весь космос оказывается, собственно, излучённым обратно человеком. То есть, вы можете себе представить: вначале вы живёте как облако, которое освещено недостаточно, затем вы излучаете свет космоса назад и тогда вы растворяетесь. Есть такой момент, когда человек излучает назад космический свет. Можно поднять себя до этого. Данте говорит в своей «Divina Commedia»¹³, что в определенном месте духовного мира человек видит Бога как человека. Это место подразумевается как реальное, иначе его нельзя понять. Можно считать это красивой вещью, как это делают эстеты, но в своём внутреннем содержании её понять нельзя. Это опять же случай, когда мы видим духовный мир, отраженный в произведениях людей искусства; это особенно верно также в отношении произведений великих музыкантов современности, таких как Бетховен, Вагнер и Брюкнер. Тут с вами случится то же, что случилось со мной несколько дней назад, когда я, собственно, защищался от одного познания, поскольку оно было слишком поразительным.

Джулиано

Лоренцо

Во Флоренции находится капелла Медичи, где Микельанджело создал два памятника Медичи и четыре аллегорические фигуры «День и Ночь, Утро¹⁴ и Вечер». Говорят о холодных аллегориях; но если вы взглянете на эти четыре фигуры, они покажутся вам всё же чем-то иным, нежели холодными аллегориями. Одна из фигур, «Ночь». Видите ли, то, что

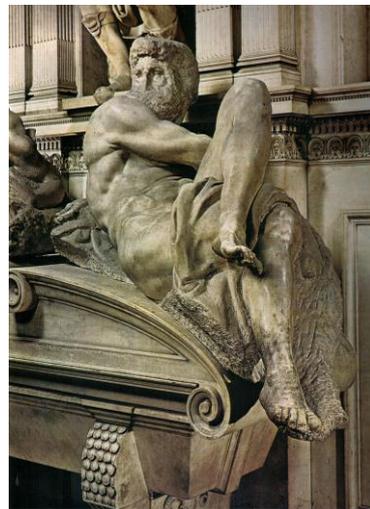
¹³«Божественная комедия» (прим. пер.)

¹⁴Собственно, если переводить дословно, то это фигуры не «Утро» и «Вечер», а «Утренние сумерки» и «Вечерние сумерки» («Morgendämmerung» und «Abenddämmerung»), или «Рассвет» и «Сумерки» (прим. пер.)

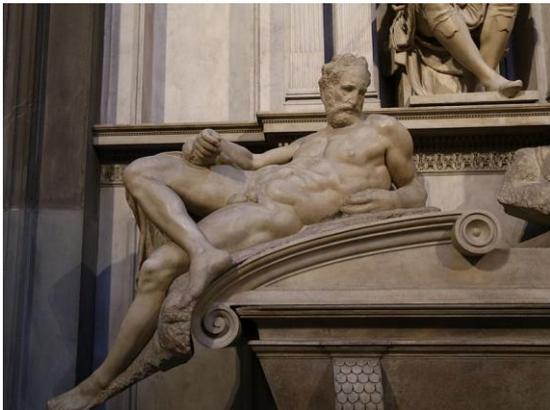
исследования в этой области идут не особенно хорошо, мне стало ясно уже из того, что повсюду говорится, что из двух памятников Медичи, Лоренцо и Джулиано, Лоренцо считается тем кто думает. Но оккультная точка зрения показала мне, что это как раз наоборот, потому что человек, которого историки называют Лоренцо, является Джулиано, и наоборот. Это можно доказать и исторически, исходя из характеров двух личностей. Памятники стоят на постаментах, вероятно, со временем произошла путаница. На самом деле я не хотел этого говорить, я просто хотел указать на то, что внешних исследований немного не хватает.

Ночь

День

Вечер

Утро

На примере одной из фигур, той, что называется «Ночь», можно, как раз, изучать художественное творчество, изучать каковы жесты, каково положение покоящегося тела, головы, опирающейся на руку, локоть, опирающийся на ногу, как это всё выглядит вместе, - если таким образом изучать всё это художественно, то можно обобщить это следующими словами: если у человека особенно активно эфирное тело, и если это надо было бы изобразить, то это надо было бы изобразить таким образом; так это выражается в жесте, во внешнем виде, когда человек в покое. Когда человек спит, эфирное тело наиболее активно. Соответствующее положение Микельанджело создал в «Ночи». То, как лежит фигура, является действенным выражением активного эфирного тела, жизненного тела.

Если перейти к «Дню», лежащему на другой стороне, то это наиболее подходящее выражение для Я; образ «Утра» - для астрального тела, «Вечера» - для физического тела. Это не аллегории, а добытые из жизни истины, увековеченные с невероятно художественно значимой глубиной. Я сопротивлялся этому осознанию, но чем больше я изучал, тем яснее

оно становилось. Меня уже не удивляет легенда, возникшая тогда во Флоренции. Я сопротивлялся этому познанию, но чем больше я изучал, тем яснее оно становилось. Меня уже не удивляет легенда, возникшая тогда во Флоренции. Она говорит, что Микельанджело имел власть над «Ночью»; когда он оставался с ней наедине в часовне, она вставала и бродила кругом. Если она является выражением эфирного тела, то это неудивительно. Я просто хотел сказать, насколько всё становится ясным и ярким, когда мы всё больше и больше учимся смотреть на всё с точки зрения оккультизма.

Но наибольший вклад в развитие духовной жизни и культуры вносится тогда, когда человек противопоставляет человеку, так что тот предполагает и подозревает оккультно скрытое. Тогда будут достигнуты правильные отношения между человеком и человеком, и любовь войдёт в человеческую душу в том виде, в каком она является по-настоящему человеческой, где один человек предстаёт другому человеку так, что тот является для него священной загадкой. Только в таком поведении культивируется то, что является правильным отношением человеческой любви.

Поэтому духовная наука будет не тем, что нуждается в постоянной внешней заботе о всеобщей человеческой любви, а тем, что будет получать эту человеческую любовь посредством правильного и воистину настоящего познания душевной жизни человека.

Жизнь между смертью и новым рождением

Мюнхен, 26 ноября 1912 года

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Мир оккультных фактов - мы часто это подчеркивали - не так-то легко исследовать и представлять, как это часто думают, и тот, кто хочет добросовестно действовать в этой области, снова и снова оказывается в положении необходимости исследовать определённые важные главы духовного исследования, так сказать, заново. И таким образом, как раз, в последние несколько месяцев мне надо было заново исследовать одну такую главу, о которой, ведь, мы здесь также уже часто говорили. При таких новых исследованиях возникают тогда новые точки зрения. Глава, о которой при этом идёт речь и которую, хотя также лишь в набросках, мы хотим немного описать, касается жизни между смертью и новым рождением. Если я говорил, что при этом возникают новые точки зрения, то это не надо понимать так, что из того, что я говорил ранее, что-то изменилось. Как раз, в отношении этой главы, это не так. Но при рассмотрении сверхчувственных фактов дело обстоит так, что к ним, собственно, можно действительно подступить только тогда, когда изучаешь их с самых различных точек зрения. Таким образом, вероятно, то, что, например, в моей «Теософии» или «Тайной науке» представлено скорее с точки зрения непосредственного переживания человека, сегодня будет представлено с более универсальной точки зрения. Вещи остаются теми же самыми, но не надо думать, что они уже известны, если вы однажды получили их характеристику с какой-то одной точки зрения. Как раз, оккультные факты таковы, что надо, как бы, ходить вокруг них и рассматривать их с самых различных точек зрения. Ведь, при оценке этих вещей, которые сообщаются духовной наукой, чаще всего совершается та ошибка, что люди, которые, скажем, как раз, услышали несколько объяснений о какой-то вещи, не имеют терпения для того, чтобы позволить действительно воздействовать на себя тому, что об этом можно сказать с различных точек зрения. Тогда уже и для обычного здравого смысла возникает понимание, о котором мы говорили вчера на публичной лекции «Истины духовного исследования».

Сегодня мы хотим начать не столько с жизни после смерти, которую мы обычно называем Камалоккой, сколько с того времени, когда эта Камалока заканчивается и начинается жизнь в духовном мире, то есть, в основном мы будем говорить о жизни после Камалоки до вступления в новую земную жизнь, где образуются силы для новой инкарнации.

Вы знаете, что ясновидящее рассмотрение духовного мира в определённом отношении ставит человека в то же положение, в котором человек находится между смертью и новым рождением, так что при посвящении переживается то, что переживается также между смертью и новым рождением, хотя и несколько иным образом. И, благодаря этому, ведь, вообще даётся возможность говорить и что-то сообщать об этом. Тут я хотел бы вначале поговорить о двух важных вещах ясновидческого рассмотрения, которые также могут привести к пониманию жизни после смерти. Прежде всего, я, ведь, уже часто обращал ваше внимание на то, насколько отличается вся жизнь в сверхчувственном мире, по-сравнению с жизнью в этом, физическом, чувственном мире. Когда мы входим в сверхчувственный мир, тогда, например, уже весь процесс познания становится другим, нежели здесь, в физическом мире. Здесь, в физическом мире мы, как бы, проходим через этот мир, и вещи подходят к нашим чувствам, вещи производят впечатления цвета и света на наши глаза, слуховые впечатления на наши уши, и другие впечатления на наши прочие органы чувств. Мы воспринимаем вещи, мы проходим через мир и должны проходить через этот мир, если хотим воспринимать вещи, и мы не можем воспринимать что-либо, что находится в каком-то отдаленном месте, если мы не идём туда; короче говоря, мы должны быть активны в мире чувств, нам нужно двигаться, если мы хотим воспринимать вещи. Совершенно обратное действует для восприятия в сверхчувственном мире. Чем спокойнее мы становимся в своей душе, чем больше мы всё, так сказать, исключаем из внутренней подвижности, чем меньше мы ищем какую-то вещь, чем меньше мы стремимся к тому, чтобы эта вещь пришла к нам, тем надёжнее происходит восприятие этой вещи, тем более истинным является ощущение, переживание, которое мы можем получить от этой вещи. В сверхчувственном мире мы должны позволять вещам приходить к нам, - это существенно. Нам нужно обрести внутренний покой, тогда эти вещи придут к нам.

И второе, чего я хочу коснуться, это то, что когда мы вступаем в духовный мир, нам необходимо очень и очень сильно учитывать то, что весь тот образ, как нам представляется этот духовный мир, зависит от того, что мы несём с собой в этот сверхчувственный мир из чувственного мира, из нашего обычного человеческо-чувственного мира. Это приносит иногда действительно большие душевные сложности в сверхчувственном мире. Иногда в чувственном мире для нас может быть довольно неудобным, если мы знаем, что любим какого-то человека меньше, чем, собственно, он заслужил. Духовному зрению того, кто сталкивается с чем-то подобным в сверхчувственном мире, это предстаёт с гораздо большей интенсивностью, нежели может предстать когда-либо здесь, в физическо-чувственном мире. Но теперь к этому прибавляется то, - и это чрезвычайно важно, - что, как раз, сверхчувственному сознанию, может причинять наибольшую душевную боль. Все силы, которые мы можем извлечь из сверхчувственного мира, всё, что мы можем приобрести в сверхчувственном мире, не может нам помочь в том, чтобы исправить какие-либо душевные отношения, которые мы признали неверными в физическом мире. По сравнению со всем тем, что может нас мучить в чувственном мире, в сверхчувственном мире есть нечто гораздо более мучительное; есть определенное чувство бессилия перед необходимым изживанием кармы, которое, ведь, должно происходить в чувственно-физическом мире.

Видите, эти две вещи, очень скоро выступающие перед учеником оккультной науки, делающего даже очень небольшие успехи, выступают сразу же в жизни между смертью и новым рождением. Возьмём, например, тот случай, когда между смертью и новым рождением, вскоре после смерти, мы встречаемся с человеческими существами, которые, возможно, умерли здесь, в нашем физическом мире, перед нашей смертью. Мы встречаемся с ними; мы можем ощутить все отношения, которые имели с ними в физическом мире. Мы находимся, так сказать, вместе с одним из них, умершим теперь или после нас, и чувствуем:

Так ты стоял в жизни по отношению к этому человеку, таковы были ваши отношения. Но в то время как в физическом мире, если мы, например, осознаём, что обидели кого-то своими чувствами или действиями, мы способны что-то сделать, чтобы это исправить, то в жизни после смерти мы совершенно неспособны сделать это непосредственно. Мы ясно видим, что с нашими отношениями дело обстоит так, но мы также видим, что даже при самом глубоком понимании того, что должно быть иначе, в этом сверхчувственном мире изменить ничего нельзя. Это пока должно оставаться так, как есть. В этом состоит угнетающий аспект многих обвинений, что ясно видно, что отношения такими быть не должны, но их надо оставить как они есть, и при этом постоянно ощущать, что должно быть по-другому. И это можно перенести на всю жизнь после смерти. Мы видим вещи, о которых мы знаем, что они сделаны нами в жизни неправильно, гораздо глубже после смерти; но мы должны оставлять их такими, каковы они есть, должны проживать их дальше такими, каковы они есть. Мы, как бы, смотрим назад на то, что мы сделали, и испытываем все последствия этого, отчётливо при этом переживая, что ничего изменить нельзя.

И так обстоит дело не только с отношениями с другими людьми, но и со всей душевной жизнью после смерти. Поскольку эта душевная жизнь зависит от многого. Вначале я хотел немного представить вам бы эту жизнь после смерти, как бы, посредством имажинаций. Если выражения видения (Visionen) или имажинации брать так, как, например, мы делали это вчера, то относительно того, что я сейчас скажу, не возникнет никаких недоразумений. В то время как здесь человек воспринимает чувственный мир посредством своих органов чувств, после смерти он живёт, так сказать, в мире видений, только эти видения представляют собой отражение действительности. Так же, как здесь, в физическом мире, мы воспринимаем внутреннее существо розы не непосредственно, а через её внешний цвет, так не непосредственно мы воспринимаем и умершего друга или брата; а то, что мы имеем после смерти, является визионерским образом. Мы находимся, так сказать, в облаке своих видений, но мы совершенно точно знаем: мы находимся вместе с другими; это реальные отношения, и даже более реальные, чем те, что возможны между людьми здесь, на Земле. Мы воспринимаем существа посредством образа, картины. В первое время, а также во время после Камалоки, дело обстоит так, что окружающее нас является пережитыми нами видениями, так, что они, собственно, указывают в основном на то, что мы пережили на Земле. Мы знаем, скажем, что вне нас здесь, в духовном мире, находится умерший друг; мы воспринимаем его посредством своих видений. Мы имеем полное чувство того, что мы находимся вместе; мы знаем, что принадлежим друг другу. Но мы воспринимаем в основном то, что происходило с нами здесь, на Земле; это облачается поначалу в наши видения; как и вообще после времени Камалоки мы в определённом отношении живём в последствиях нашего земного бытия. И это облако видений, которое нас окружает, полностью зависит от того, как мы провели нашу земную жизнь. И только постепенно, после прохождения некоторого времени в промежутке между смертью и новым рождением, для имажинативного видения вещи представляются так, что человек, который душевно, как бы, облачён в свои имажинации, начинает тогда являться для имажинаций, как некое облако, вначале тёмное, - это был бы человек в первое время после Камалоки, - а затем оно начинает освещаться со всех сторон так, будто какое-то освещающееся утренним солнцем облако. Когда затем приходит инспирация и эти имажинации должны быть объяснены, оказывается: Вначале мы живём в мире, в облаке наших собственных переживаний Земли, мы, как бы, облачены в них, и в состоянии наладить отношения только с теми существами, которые умерли или имеют возможность своей душой подняться с Земли в духовный мир. Но то, что тогда выражается для имажинативного мира, что облако нашего существа освещается с одной стороны, как бы, мерцающим сиянием, показывает, что мы начинаем вживаться в приближение к нашему собственному существу иерархий. К нам подходят существа высших иерархий, и мы постепенно вживаемся в мир высшей духовности. До этого мы имели только связи с миром, которые мы взяли с собой; затем в нас проникает и к нам начинает излучаться жизнь высоких иерархий; мы получаем совместную жизнь с более высокими иерархиями, мы всё больше и

больше вживаемся в мир этих высоких иерархий. Но для того, чтобы понять, как мы вживаемся, необходимо, чтобы мы действительно прояснили для себя воспринимаемые посредством имажинативного познания, так сказать, крупные обстоятельства своего существа, извлекая себя со своим душевным существом из физического тела.

Мы делаем, ведь, это, когда проходим через врата смерти. Тогда наше существо действительно расширяется, становится всё больше и больше. Это трудное представление; но это так. Ведь, на Земле мы привыкли считать, что мы велики настолько, насколько далеко проходят границы нашей кожи. Это вырастание в бесконечном пространстве, так сказать, становление всё больше и больше. И когда мы достигаем конца времени Камалоки, мы становимся буквально такими большими, что достигаем границ сферы орбиты Луны вокруг Земли. То есть, мы становимся очень и очень большими. Мы становимся, как говорят оккультисты, жителями Луны; но это значит, мы распространяем своё тело так далеко, что наши внешние границы совпадают с кругом, который Луна описывает вокруг Земли. Я не могу сегодня вдаваться в позиционные взаимоотношения планет, но объяснения тому, что, кажется не согласованным с внешней астрономией, вы найдёте, если вы сравните эти вещи с циклом лекций, прочитанных в Дюссельдорфе, о «Духовных иерархиях и их отражении в физическом мире». И тогда мы вырастаем дальше в космическом пространстве, вырастаем во всю нашу планетную систему, а сначала вырастаем в то, что оккультист называет сферой Меркурия. Это значит, что мы - в тех границах, которые, ведь, вы для себя намечаете сами, если вы правильно понимаете эти вещи, - становимся после периода Камалоки жителями Меркурия, и мы чувствуем себя тогда обитателями космического пространства. Так же, как во время нашего физического существования мы чувствуем себя обитателями Земли, мы чувствуем себя обитателями Меркурия. Я не могу описать в деталях, как это выглядит, но такое сознание, безусловно, есть: мы теперь не ограничены только маленьким участком пространства, как на Земле, но все наше бытие охватывает обширную область, ограниченную траекторией, которую описывает Меркурий. Время, которое мы там проживаем, то, как мы там проживаем, также зависит от того, как мы подготовили себя здесь, на Земле, какие силы мы здесь получили, чтобы правильным или неправильным образом вжиться в эту сферу Меркурия.

Можно сравнить при таком оккультном исследовании двух людей, - или нескольких людей, но сейчас мы ограничимся двумя, - чтобы прийти к знанию этих вещей. Сравним душу человека, который прошёл через врата смерти в аморальном состоянии, с душой человека, который прошёл через врата смерти в моральном душевном состоянии. Тогда выявляется существенная разница. Уже очень скоро это выявляется, когда речь идёт об отношении этого человека к другим людям, которые он встречает после смерти. Тут дело обстоит так, что у человека в моральном душевном состоянии, ведь, тоже есть образы, в которые облачена его душа; но этот человек всегда находит возможность, так сказать, до определённой степени, быть вместе с этими другими людьми. Это делает моральное душевное состояние. Тогда как при безнравственном состоянии души человек становится, так сказать, своего рода, отшельником в духовном мире. Он знает, например, что человек, также находящийся в духовном мире, знал его на Земле; он знает, что находится рядом с ним, но не может найти способа выйти из тюрьмы своего имажинативного облака и подойти к нему. Мораль делает нас общительным существом в духовном мире, существом, способным устанавливать отношения с другими существами; безнравственность делает нас отшельниками в духовном мире, ввергает нас в одиночество. И это, собственно, является важной причинной связью между тем, что происходит с нашими душами здесь, на Земле, и тем, что происходит между смертью и новым рождением.

И так же обстоит дело в дальнейшем. В дальнейшем, после того, как мы прошли сферу Меркурия, мы проживаем, так называемую, в смысле оккультизма, сферу Венеры, чувствуем себя обитателями Венеры. Тут, между Меркурием и Венерой, наше облако постепенно начинает освещаться снаружи, и к человеку могут приблизиться существа более высоких иерархий. Но здесь снова всё зависит от того, подготовлены ли мы правильным образом к

тому, чтобы в виде общительного духа быть принятым в ряды иерархий, иметь возможность иметь с ними дело, или мы должны, так сказать, проходить мимо них, зная, что они рядом, двигаться отшельниками в духовном мире. И в этой сфере Венеры это - общительные мы или бродящие в одиночестве духи - снова зависит от чего-то другого. В то время, как в предыдущей сфере было возможно быть общительным духом, только благодаря приобретённой на Земле моральности, то существенной силой, ведущей нас к общительности, то есть, к определённого рода социальной жизни в сфере Венеры, является религиозная жизнь, религиозный душевный настрой. И мы можем скорее всего обречь себя на отшельничество в сфере Венеры, если во время земной жизни не развили в себе никакого религиозного настроения, никакого чувства принадлежности к бесконечному, к божественному. Да, для оккультного наблюдения это действительно представляется так, что человек, например, из-за просто склонности к атеизму, из-за отрицания всякой связи своей конечности с бесконечностью запирает себя в тюрьму собственной сферы. И это правда, когда говорят, что, так называемый, Монистический Союз, в котором люди объединяются для общения по всей Земле, благодаря своему вероисповеданию действительно приводит к тому, что люди, объединённые в нём не слишком склоняющейся к религиозному настрою вероисповеданием, хорошо подготовлены у тому, что больше не смогут образовать никакого Монистического Союза, а каждый будет сидеть в своей собственной тюрьме.

Это ни нечто такое, что должно обосновать некое суждение, а что возникает для оккультного наблюдения как что-то такое, что с совершенной необходимостью должно выступить как следствие земного религиозного или не религиозного восприятия. Далее, мы, ведь, знаем, что на Земле основано множество самых различных религий, а именно, в основном в ходе человеческого развития, из одного общего источника. Они были основаны таким образом, что, исходя из этого общего источника, отдельные основатели религий учли темпераменты отдельных народов, климат и все вещи, к которым эти религии должны были приспособиться. Поэтому в эту сферу Венеры пришли, конечно, души не с таким общим религиозным настроем, а с настроем своих особых религиозных верований. Также, если у человека есть чувство для духовного, вечного, божественного, но оно имеет определённую окраску той или иной религиозной веры, то это, в свою очередь, заставляет его становиться общительным существом лишь для тех, кто, так сказать, испытывают те же чувства, что и те, кто жил здесь, на Земле, с той же религиозной верой. Поэтому, как раз, в сфере Венеры мы можем обнаружить людей разделённых, согласно их особым религиозным верованиям. Ведь, на нашей Земле, как вы знаете, люди были разделены на расы скорее по внешним признакам. Поскольку принадлежность к расе, к роду, имеет нечто общее с религиозными верованиями, то в общем, но только в общем, эта конфигурация групп в сфере Венеры также в некоторой степени - хотя и не совсем - соответствует тому, как делятся люди здесь, на Земле, поскольку именно на Земле люди подразделяют себя в соответствии со своим пониманием определенной религиозной веры. Из-за того, что люди имеют чувства только для своей определённой религиозной веры, они, как бы, замыкаются в определённых границах. В сфере Меркурия человек ещё проявлял больше понимание людей, которые были связаны с ним здесь, на Земле и с которыми он имел определенные отношения. Если он имел моральную душевную конституцию, то в сфере Меркурия он в основном контактировал с людьми, с которыми сложились отношения уже здесь. В сфере же Венеры человек принимается скорее в большие религиозные общины, в которых он чувствует себя принятым, благодаря свойствам своей души, приобретённых в земном бытии.

Следующей сферой, куда вступает человек, является солнечная сфера. И действительно мы приходим между смертью и новым рождением к тому, что определённое время чувствуем себя как жителями Солнца, а это значит, мы знаем: Мы связаны с Солнцем. В это время мы знакомимся с существом Солнца, которое совсем не такое, каким его описывает сегодня физическая астрономия. И здесь опять же речь идёт о том, чтобы вжиться в эту сферу Солнца правильным образом. А именно, в солнечной сфере мы встречаемся с одним фактором: тут в душе, как бы, посредством элементарной силы, выступает сильная потребность, чтобы все

различия между человеческими душами прекратились. В то время как в сфере Меркурия мы были более или менее включены в круг, с которым имели связь на Земле, в то время как в сфере Венеры, благодаря своей религиозной жизни, мы были дома в кругах, испытывающих те же религиозные чувства, что и мы на Земле, и мы могли ещё чувствовать себя определенным образом удовлетворенными только в этих сообществах, на Солнце душа чувствует глубокое одиночество, когда оно чувствует себя обречённым на непонимание всех душ, перенесенных с Земли в эту солнечную сферу между смертью и новым рождением. В древние времена эволюции человечества было, ведь, так, что в период сферы Венеры души действительно находились, так сказать, в отдельных религиозных провинциях, находили там понимание, и что, поскольку все религии происходили из одного источника, человек, вступая в солнечную сферу, имел, как бы, достаточную общую наследственную часть всех религиозных верований, чтобы иметь возможность в солнечной сфере иметь доступ ко всем душам, быть с ними вместе, понимать их, поддерживать связь с ними, быть с ними общительным духом.

Души более древней человеческой эволюции мало что могли сделать сами, чтобы удовлетворить это возникающее тогда стремление; но поскольку, независимо от действий человека, в душах было общечеловеческое ядро, души находили возможность общаться с душами других религиозных верований, помимо религиозных конфессий. В древнем брахманизме, в китайской вере, в других религиях Земли было так много от общего религиозного ядра, который был дан из общего источника всех религий, что души в солнечной сфере находили себя, как бы, на пра-родине всех религий, содержащей в себе источник всей религиозной жизни. К середине земного времени стало по-другому. Связь с пра-источником религий утратилась, и теперь он может быть найден снова только посредством оккультного познания; так что и для этой солнечной сферы в настоящем цикле развития человечества человек должен себя подготовить, не имея возможности прийти к общечеловеческой общительности самому. И в этом, в свою очередь, мы имеем нечто такое, в чём лежит великая значимость Мистерии Голгофы, христианства, что для новейшего человечества, для сегодняшнего цикла развития человечества есть возможность подготовить себя на Земле так, чтобы во время нахождения в солнечной сфере прийти к общечеловеческой общительной жизни. Поэтому Солнечный Дух, Христос, должен был спуститься на Землю. И после того, как Он спустился и соединился с Землей, на Земле может появиться возможность для душ стать в солнечной сфере между смертью и новым рождением общечеловеческим социальным существом.

Можно привести многое относительно универсальности истинно понимаемой Мистерии Христа. Мы приводили уже многое за эти годы; но можно освещать эту Мистирию Христа снова и снова с новых сторон. Когда говорят, что особое подчёркивание Мистерии Христа будто бы порождает предубеждения против других религиозных верований, - ведь, часто говорят, что, например, в нашем духовно-научном движении здесь, в Центральной Европе, Мистерия Христа подчёркивается особенно, и тем самым с другими религиозными верованиями обходятся, как бы, свысока, - такое обвинение было бы самым непонятным, что только можно было выдвинуть; поскольку эта Мистерия Христа в её собственном значении была, так сказать, оккультно открыта только в новое время. И если, скажем, буддист захотел бы сказать: Ты ставишь христианство выше вероисповедания Будды, потому что считаешь Христа чем-то особенным, что ещё не стоит в моих священных книгах, то есть, принижаешь буддизм, - то это было ни более понятно, чем если бы буддист потребовал, чтобы запретили мировоззрение Коперника, поскольку об этом тоже ничего не говорится в его священных книгах. Это не имеет ничего общего с равноправием религий, что признаются вещи, обнаруженные позднее. Мистерия Голгофы не является особой привилегией христианского вероисповедания, а она - духовно-научная истина, которая так же, как система мира Коперника, может быть признанной любой религиозной системой, и речь действительно идёт не об утверждении какого-то религиозного вероисповедания, которое до сих пор довольно плохо понимало Мистирию Голгофы, а о духовно-научном факте Мистерии Голгофы. Но если

уже совершенно неразумно это, то ещё более неразумно говорить, что теперь надо абстрактно сравнивать все религиозные верования и принимать какое-то абстрактное равенство сущности всех религиозных верований. Поскольку тогда конкретно эти разные религиозные верования надо сопоставлять не с тем, чем стало христианство как то или иное верование, а с тем, что оно содержит в своём существе.

Возьмите индуистское верование. К нему не будет допущен никто, кроме индуиста. В основном оно привязано к одному народу. И так обстоит дело с большинством религиозных верований. Только буддизм вышел за эти рамки; но и он, если понимается правильно, только для определённого общества. Но возьмём сейчас внешние факты. Если бы мы, например, в Европе имели религиозное верование, к которому нужно было бы относиться так же, как, скажем, к индуистскому, то мы должны были бы исповедовать Вотана. Это был национальный бог, то, что было дано отдельному племени, народу. Но что произошло в Европе? Воистину был принят не какой-то национальный бог, а, в отношении внешней жизни, совершенно чуждая личность: Иисус из Назарета. В то время как другие религиозные верования в основном имеют в себе нечто религиозно-эгоистическое и не хотят выходить из своих собственных пределов, для Европы, как раз, характерно то, что она оставила позади свои религиозно-эгоистические системы, например старую систему Вотана, и приняла нечто такое, что не выросло из своей собственной плоти и крови, а было принято из-за своего душевного содержания. Христианство для Европы является совсем не в том же смысле религиозно-эгоистическим верованием, в каком были другие религиозные верования для отдельных народов. Это чрезвычайно важный факт, который необходимо учитывать уже с внешней стороны. И он обуславливает универсальность христианства в другом отношении, когда это христианство ставит Мистерию Голгофы в центр становления человечества.

Ведь, это христианство ещё не слишком далеко продвинулось в своём развитии; поскольку в нём до сих пор не могут по-настоящему различать две вещи. К этому различению подходят очень медленно и постепенно. Кем является христианин в истинном смысле Мистерии Голгофы? Христианином является тот, кто знает, что с Мистерией Голгофы произошло нечто реальное, что в Христе жил Солнечный Бог, что он излил своё существо на Землю, и что Христос умер за всех людей. И хотя Павел уже возвестил об этом, - что Христос умер не только за евреев, но и за язычников, - его слова понимают сегодня очень мало. Только если человек знает, что Христос совершил свой действие на Голгофе за всех людей, он сможет понять христианство. Поскольку одно дело реальное воздействие, излившееся с Голгофы, а другое дело, понято ли оно. Надо стремиться к тому, чтобы познать, что такое Христос, но никогда нельзя рассматривать человека на Земле после Мистерии Голгофы иначе, чем говоря: Китаец ты или индус, но Христос умер и за тебя, и Он имеет для тебя такое же значение, как и для кого-то другого. Так что при правильном понимании Мистерии Голгофы возникает такой взгляд, что, встречая любого человека, мы спрашиваем: Сколько в нём христианского? - неважно, какова его вера. Поскольку человек должен всё больше и больше осознавать, что в нём реально, и, разумеется, высшим идеалом является также что-то знать о Мистерии Христа. Это будет распространяться всё больше и больше. И к этому относится понимание Мистерии Голгофы. Но это нечто другое, нежели мнение, что Мистерия Голгофы является тем универсальным, которое относится ко всем людям. Теперь важно воспринять это душой: это сделает нас общительным существом в солнечной сфере. Там, если мы чувствуем себя замкнутым в каком-то религиозном веровании, являемся отшельниками; мы будем общительными существами в солнечной сфере, благодаря пониманию универсального Мистерии Голгофы. Тогда мы будем иметь возможность иметь дело с каждым существом, подходящим к нам в солнечной сфере. Свободно движущимся существом в солнечной сфере нас делает чувство, которое мы приобретаем для Мистерии Голгофы в продолжении земного времени в рамках нашего цикла человечества.

Поскольку к чему мы должны быть в состоянии, как раз, в этот период между смертью и новым рождением?

Здесь мы подходим к факту, который чрезвычайно важен для новейшего оккультизма. Те люди, которые жили во времена, предшествующие Мистерии Голгофы, - то, что я сейчас говорю, собственно, не совсем точно, - обнаруживали в солнечной сфере, так сказать, трон Христа и Христа, сидящего на нём. Они могли его опознать, поскольку в них ещё жили части наследия общности всех религий. Но этот дух Христа спустился с Солнца, и в Мистерии Голгофы он, так сказать, излился в жизнь Земли. И, сделав это, он покинул Солнце, и сегодня между смертью и новым рождением можно найти от Христа только образ Акаши. Трон там не занят действительным Христом. Мы должны принести с собой с Земли представление о живой связи с Христом, чтобы быть в состоянии посредством образа Акаши иметь живую связь с Христом. Тогда мы получим возможность иметь Христа на Солнце, возможность того, что Он пробудит в нас все силы, которые мы должны были пробудить, если хотим правильно пройти солнечную сферу.

Наше странствие между смертью и новым рождением идёт ещё дальше. С Земли мы имели силы, благодаря моральной и религиозной душевной конституции, для того, чтобы, так сказать, вжиться в существа, с которыми мы были вместе на Земле, и затем - в существа более высоких иерархий. Но эти силы постепенно ослабевают, становится всё более и более сумеречной, и то существенное, что у нас остается, - это, собственно, сила, которую мы черпаем на Земле из Мистерии Голгофы, чтобы найти свой путь в солнечной сфере. Поэтому в солнечной сфере выступает новый носитель света, с которым мы должны познакомиться в его первоначально мощном своеобразии. Понимание Христа мы приносим с собой с Земли; но для того, чтобы мы могли развиваться дальше, проникая во вселенную из солнечной сферы в сферу Марса, для этого необходимо, - и это мы можем просто потому, что являемся человеческими душами, - чтобы мы познали второй трон, который, так сказать, находится рядом с тронном Христа на Солнце, на котором восседает другое существо, с которым мы знакомимся, и которое теперь вместе с Христом направляет нас дальше: это Люцифер. Теперь мы знакомимся с Люцифером, и с помощью сил, которые даёт нам он, мы становимся в состоянии продолжить наше странствие через сферы Марса, Юпитера и Сатурна.

И в этих мировых пространствах мы постоянно увеличиваемся всё больше и больше. Теперь, когда мы таким образом выходим за сферу Сатурна, происходит нечто такое, что несколько меняет наше состояние сознания. Мы оказываемся в некоего рода космическом сумраке, - нельзя сказать, космического сна, но космическом сумраке. Но именно, благодаря этому, на нас теперь могут по-настоящему действовать силы всей вселенной. Теперь эти силы действуют на нас со всех сторон, и мы принимаем в себя силы всего космоса. Таким образом, когда мы расширены до такой степени, есть некий промежуток времени между смертью и новым рождением, когда в наше существо будто со всех сторон, со всех звёзд, входят силы всего космоса. Затем мы начинаем сжиматься, снова проходим через различные сферы, вплоть до сферы Венеры, сжимаемся, становясь всё меньше и меньше, пока не придёт время, когда мы снова сможем соединиться с земным человеческим зародышем.

Но что мы из себя представляем, когда соединяемся с этим зародышем? Мы являемся тем, что было описано между смертью и новым рождением. Но мы приняли в себя силы всего космоса. Снаружи, когда мы были растянуты в пространстве, на наше существо действовали силы всего космоса. В то время как при внешнем развитии то, что в нас могло проникнуть, зависело от нашей подготовки для этого, и наша карма подготавливалась посредством того, как мы жили с другими людьми, с которыми мы встречались, то, благодаря тому, что мы живём с ними после смерти, образуются силы, которые с помощью кармы уравновешивают эти вещи в новой земной жизни. То, что мы появляемся как люди, что мы в состоянии внутренне иметь карму, которая в то же время вбирает в себя космические силы, - это зависит от того, что в определённое время между смертью и новым рождением мы принимаем в себя силы всего космоса. И когда человек рождается в физическом мире, с физическим человеческим зародышем соединяется то, что стянуто до самого малого, но что несёт в себе из огромного увеличения силы всего космоса. То есть, мы несём в себе весь космос, когда снова воплощаемся на Земле. И в определённом смысле мы можем сказать: Мы

несём в себе этот космос так, как он может правильно соединиться с тем, что мы в качестве настроя принесли с собой в душе при выходе вовне, при своём расширении в сферах, после нашего предыдущего земного бытия.

Эти две вещи объединены, можно сказать, приспособлены друг к другу: приспособлены ко всему космосу и к нашей предыдущей карме. То, что мы приспособлены и к нашей прежней карме, - что, однако, должно выступать в гармонии с космосом, - было тем, с чем я крайне странным образом столкнулся во время исследований последних месяцев в отдельных случаях, - я подчёркиваю, - в отдельных случаях; я не хочу делать из этого общий закон. Если человек умирает, то есть, проходит через врата смерти, то он умирает под определённой звёздной констелляцией. И эта звёздная констелляция действительно важна для его дальнейшей душевной жизни, поскольку, когда она определённым образом запечатлевается в его душевном существе, этот отпечаток действительно остаётся. И в этой душе остаётся стремление снова войти в эту звёздную констелляцию при новом рождении, снова соответствовать силам, которые она приняла в момент смерти. И тут интересно: Если попытаться получить звёздную констелляцию смерти человека, то звёздная констелляция последующего рождения в высокой степени совпадает со звёздной констелляцией предыдущей смерти. Надо только учитывать, что человек рождается тогда в другом месте Земли, которое соответствует этой звёздной констелляции. Так человек действительно соответствует космосу, вписан в него, и в его душе есть, своего рода, равновесие между индивидуальной и космической жизни.

Кант однажды сделал прекрасное высказывание: Две вещи возвышают его особенно, звёздное небо над ним и моральный закон в нём. Оно прекрасно по той причине, которую представляет нам оккультизм. Ведь, обе эти вещи - одно и то же: звёздное небо над нами и то, что мы носим в себе как моральный закон. Поскольку в жизни между смертью и новым рождением мы вырастаем в мировое пространство, вбираем в себя звёздное небо, и затем несём в душе как нашу моральную конституцию отпечаток этого звёздного неба. Это один из пунктов, где действительно едва ли больше возможно, что духовная наука становится в душе чем-то иным, нежели универсальным моральным восприятием. Это один из пунктов, где то, что кажется теорией, преобразуется в непосредственную моральную жизнь души, в моральные импульсы души; поскольку здесь человек чувствуют всю ответственность по отношению к своему собственному существу. Здесь человек чувствует: ты был между смертью и новым рождением в таком положении, что на твоё существо должен был действовать весь космос, и то, что ты получил, ты свёл вместе в маленький физический человеческий зародыш. Ты ответственный перед всем космосом, ты действительно несёшь в себе весь космос. - Здесь чувствуется нечто от того, на что была сделана попытка указать в «Испытании души» («Prüfung der Seele») в монологе Капезиуса, где во фрагменте: «В твоём мышлении живут мировые мысли...» обращается внимание на то, какой это значительный момент, когда душа чувствует: Это святой долг, взять силы, извлечённые из космоса, поскольку их нужно снова вернуть богам, и когда душа познаёт, что было бы величайшим грехом оставить эти силы неиспользованными. При этих конкретных исследованиях выяснилось, как мы действительно принимаем в себя весь космос и вносим его снова в бытие. Да, из тех сил, которые человек действительно носит с собой, собственно, лишь немногие силы такие, для которых есть какой-то источник на Земле. Ведь, мы рассматриваем человека относительно сил, которые действуют в его физическом теле, господствуют в его эфирном теле, в его астральном теле и Я. Правда. силы, которые действуют в нашем физическом теле, приходят к нам непосредственно с Земли; но то, что нам необходимо для эфирного тела, мы не можем извлекать непосредственно из Земли, а только из тех сил, которые подступают к нам между смертью и новым рождением, когда мы расширяемся в планетной системе. И человек, который оказывается там в аморальном состоянии души, не сможет привлечь правильные силы, проходя между смертью и новым рождением сферу Меркурия. Человек, который не сформировал религиозные импульсы, не может привлечь соответствующие силы на Венере, и поэтому случается так, что силы, в которых мы

нуждаемся в эфирном теле, могут оказаться слабыми. Здесь мы видим образование кармической связи между последующей и предыдущей жизнями. Всё это вещи, которые в то же время указывают нам на то, как познания, которые мы приобретаем посредством оккультизма, могут стать импульсами в нашей душевной жизни, и что нам, собственно, надо только знать, кто мы есть, чтобы подняться ко всё более и более духовной жизни.

То, что подготовила Мистерия Голгофы, необходимо в нашем цикле человечества, чтобы человек правильным образом мог вжиться в солнечную сферу в период между смертью и новым рождением. Чего действительно должно достичь духовное исследование, так это того, чтобы человек теперь был в состоянии вырасти ещё дальше за пределы солнечной сферы с тем общечеловеческим, духовно-общительным сознанием, которое там необходимо. Для солнечной сферы достаточна связь с мистерией Голгофы, соответствующая чувству. Но для того, чтобы то, что даёт общечеловеческое понимание и общечеловеческое чувство, оставалось также в солнечной сфере между смертью и новым рождением, нам необходимо духовно-научным образом понимать связи между отдельными религиями, развитие отдельных религиозных импульсов; чтобы мы росли не в каком-то узко ограниченном религиозном веровании с его чувственными нюансами, а обрели возможность понимать каждую душу такой, какова она есть, независимо от того, во что она верит. Одно исполняется как то, что, можно сказать, связано с импульсом Христа для всех душ земной эволюции, одно исполняется в основном между смертью и новым рождением, - это то, что заключено в словах: «Где двое соединяются во Имя Моё, Я посреди них». И в этом изречении Христос связывает соединение этих двоих не с той или иной верой, а просто с той возможностью, что Он среди них, когда они объединяются во имя Его.

То, что разрабатывалось уже годы, включая и наши описания мистерий, особенно последнее, «Страж Порога», - всё это должно было дать духовно-научное понимание того, что необходимо в сегодняшнем временном цикле. Необходимо некоторым образом обрести понимание, с одной стороны, импульса Христа, а затем также противостоящих ему сил: импульсов Люцифера и Аримана. Здесь мы должны научиться понимать то, что имеем дело с господствами, которые, как только мы выходим за пределы майи, развивают во вселенной силы. Поскольку в человеческом развитии всё больше и больше приближаются времена, где мы должны понимать, что дело не в учении, а в существенном. И ничто не представляет нам это лучше, чем мистерия Голгофы, что важно существенное, а не содержание слова. Я хотел бы, чтобы то, что я хочу сейчас сказать было очень внимательно исследовано, поскольку легче иметь дело с людьми, которые действительно точно проверяют то, что говорится здесь из оккультных источников. Во всех религиозных верованиях нет ничего подобного. Во всей той глубине, как она представлена в Мистерии Голгофы, она не встречается ни в каких других религиозных верованиях.

У мира сегодня есть ещё совершенно особое предубеждение. Говорят о том, будто всё в этом мире должно происходить так, как в какой-то школе: что важно просто мировое учение. В отношении Христа речь идёт не о каком-то мировом учителе, а о мировом деятеле, который совершил Мистерию Голгофы и сущность которой необходимо познать. Вот о чём идёт речь. Насколько мало важно просто слово, просто содержание учения, можно увидеть на примере прекрасных слов Христа: «Вы боги!» (Евангелие от Иоанна, 10, 34), и того, что он постоянно указывал на то, что человек достигнет своего высшего, если придёт к сознанию божественности своей природы. И можно было бы сказать, что в мире звучит слово Христа: Вы должны осознать, что равны богам! - Можно было бы сказать: Великое учение!

То же учение, звучит, однако, из другого источника. Там, где Библия рассказывает о исходе земного развития, подступает Люцифер и говорит: Вы должны стать как Боги! Одно содержание учения звучит из уст Люцифера, и то же содержание учение исходит от Христа: Вы должны стать как боги! И оба означают для людей противоположное. Это воистину сотрясающие трубные звуки, звучащие в этих словах: однажды звучащие от Искусителя, а в другой раз - от Искупителя и Избавителя и Восстановителя человеческой природы.

Поэтому очень важно познание этого существа между смертью и новым рождением. Существует огромная опасность спутать Люцифера с Христом в солнечной сфере, поскольку оба говорят на одном языке, учат на Солнце одному и тому же, и мы слышим от обоих одни и те же слова, если здесь позволительно говорить о словах. Всё зависит от существа. Важно, что то или иное слово говорит то или иное существо, важно это, а не содержание; поскольку существенным является то, что пульсирует через мир как реальные силы. И в более высоких мирах, и прежде всего в том, что воздействует на земные сферы, мы понимаем слова правильно только тогда, когда мы знаем, от какого существа исходят эти слова. Никогда мы не сможем познать величину какого-то существа по содержанию слов, но, только благодаря познанию всех мировых отношений, в которых состоит это существо. Подтверждение этому мы видим на примере слов о равенстве человека с богами, звучащих в бытие из уст Люцифера и Христа.

С этими вещами высказываются важные факты эволюции. И они высказываются не из-за своего содержания, - также и в этом случае не очень-то из-за этого, - а из-за своего существенного; высказываются для того, чтобы в душах возникло чувство, которое должно возникнуть как необходимое следствие этих слов. И если те, кто вобрал в себя такие истины, принял чувства и забыл слова, то они, собственно, совсем немного потеряли. Даже в самом радикальном случае, если бы среди нас был бы кто-то, кто забыл бы всё, что я сейчас сказал, и не мог бы вспомнить ни слова, но в чувствах нёс бы то, что может излиться из таких слов, то он имел бы достаточно в духовно-научном смысле от того, что, собственно, подразумевалось под этими словами.

Конечно, мы должны говорить словами, и слова выглядят часто теоретически. Но важно то, чтобы мы могли за словами в духе видеть существенное, и это существенное принимать в свои души. Мир научится понимать многое, как раз, в отношении прогресса человеческого развития, если он постигнет существенное духовной науки. И сегодня мне хотелось бы привести только два примера, которые не то чтобы внутренне, а скорее внешне связаны с моими оккультными исследованиями последних нескольких месяцев, но которые меня, например, весьма поразили, поскольку показали мне, как, собственно, только посредством того, что человек познаёт в оккультном учении что-то, что соответствует тому, что уже есть в мире, что было введено инспирированными людьми, - только посредством этого - эту истину можно найти там снова.

Видите ли, я много занимался Гомером, часто читал труды Гомера. И вот, в ходе последних месяцев они стали постоянно живо выступать перед моей душой: то, как ничего нельзя изменить после смерти, то, что отношение остаются неизменными; то, например, что вы знаете о каком-то человеке, с которым были близки в жизни: ты его слишком мало любил, но теперь ничего нельзя изменить. Если рассмотреть все эти вещи и затем почитать Гомера, когда он описывает потусторонний мир как место, где жизнь неизменяема, только тогда начинаешь понимать всю глубину этих слов о месте, где вещи больше не подлежат изменению: И это чудесное впечатление, - сравнивать свои собственные оккультные познания с тем, что, как провидец души, в виде важной оккультной истины принёс этот «слепой Гомер», выразив её в своем поэтическом произведении!

И меня поразило ещё нечто другое, чему я по-настоящему сопротивлялся, поскольку оно казалось мне невероятным, но чего нельзя избежать, если подходить к этому со всеми средствами оккультного исследования.

Некоторые - или большинство из вас - возможно, знают о так называемых гробницах Медичи во Флоренции работы Микельанджело. Это Джулиано и Лоренцо Медичи и четыре аллегорические фигуры. При этом обычно не мыслится ничего художественного. Обычно говорят, что это соломенные аллегии¹⁵. Эти, так называемые, аллегорические фигуры, за

¹⁵Символы или символические образы, находящиеся в преходящем, всегда имеют свой первоначальный образ в духовном мире в целом! К сожалению, постепенно эта связь для нас утрачивается. Когда мы говорим о символах, мы по большей части забываем об этой связи. Возникают «соломенные аллегии», уже не обнаруживающие никакой связи с архетипом (прим. пер.).

исключением одной, собственно, не совсем закончены; но они всё же не производят впечатления аллегорий. Очень странно, что в путеводителях в отношении этих могил Медичи указывается: на одной стороне стоит один из Медичи, Лоренцо, а на другой - Джулиано. Но на деле они располагаются в точности наоборот. Тот, кого называют Лоренцо, - это Джулиано, а кого называют Джулиано, - это Лоренцо. Это так. И так, неверно, написано почти во всех искусствоведческих книгах. В любом случае это не так, как стоит в историях искусств и у Бедекера (Baedeker¹⁶). Я не выяснял, почему это так, но это так: обе фигуры постоянно путают. Вероятно, однажды их перепутали. Они стоят теперь не так, как их поставил Микельанджело. Но я хочу говорить не об этом, а о четырёх аллегорических фигурах: у подножия одного Медичи - «Ночь» и «День», у подножия другого - «Утро» и «Вечер»¹⁷. Теперь подумайте, я сопротивлялся тому, что сейчас скажу, но если действительно углубиться в каждый жест, в каждый отдельный член, во всё, что нам предстаёт, начиная с «Ночи», с этой фигуры, о которой в книгах содержится бессмысленное замечание, что её жесты не соответствуют тем, которые может делать спящий человек, и если затем спросить: Как художник должен был бы создать фигуру, если бы он хотел отобразить наибольшую деятельность эфирного тела, как она могла бы осуществляться, как раз, во сне, - то есть, придать то положение всем членам фигуры, которое лучше всего соответствовало бы моменту, когда эфирное тело наиболее деятельно в физическом теле, - тогда он должен был бы сделать это так, как это сделал Микельанджело, исходя из своего художественного инстинкта. В этой «Ночи» он заколдовал жесты, соответствующие эфирному телу. Я не думаю, что он сделал это сознательно, но это так.

А теперь взглянем на «День»! Это уже не соломенная аллегория. Если представить себе, что низшие члены человеческого существа менее активны, а наиболее активно Я, то это дало бы, включая своеобразный поворот всей фигуры, фигуру «Дня». И если мы захотим выразить то, как наиболее свободно действует астральное тело, когда другие человеческие члены исключены, как это выражается в жестах, то мы пришли бы к, так называемой аллегории «Утра» (или «Рассвета»). А если мы захотим выразить то, что физическое тело не сразу рушится, а становится как бы сонным, когда из него выходят Я и астральное тело, то это прекрасно выражено в жестах «Вечера» («Сумерек»). Тут перед вами живые фигуры четырёх членов человеческого существа. Можно очень хорошо себе представить, как могла возникнуть и распространиться такая легенда относительно «Ночи», в которой говорилось, что когда Микельанджело оставался с ней наедине, она могла оживать, вставать и бродить вокруг, когда знаешь, что она обладает соответствующим жестом эфирного, или жизненного, тела, и что эфирное, или жизненное, тело может быть полностью активным при этом жесте. Если ощутить это, то видишь эту фигуру встающей, то знаешь: она может ходить. Если бы она ни была из мрамора, если бы действительно действовало только эфирное, или жизненное, тело, которое оживляет, то не было бы никаких препятствий к тому, чтобы она ходила.

Многое заколдовано в том, что произвела человеческая эволюция, и многое будет понято лишь тогда, когда человек будет рассматривать вещи посредством того, что обостряет оккультный взгляд. Но в конце концов речь идёт не обо всех этих вещах! Понимаем ли какое-то произведение искусства лучше или нет, - это не общечеловеческое. Тут важно другое: Если мы таким образом обострим свой взгляд, то в нас возникнет понимание души другого человека; не посредством оккультного взгляда, который уже должен смотреть в духовный мир, а посредством взгляда, обострённого духовной наукой. Благодаря обрётённому посредством здравого человеческого разума пониманию духовной науки, в нас растёт знание

¹⁶Бедекер - это путеводитель по туристическим направлениям в стране и за рубежом. Впервые он был опубликован в 1832 году издательством в Кобленце, основанным в 1827 году Карлом Бедекером, работавшим в Лейпциге с 1872 года и во Фрайбурге-в-Брайсгау с 1956 года. Издательство с 1997-го года входит в состав MairDumont Group, базирующейся в Остфильдерне (Википедия, прим. пер.).

¹⁷См. сноску 14.

того, что встречается нам в жизни, и прежде всего того, чем является душа окружающих нас людей. И мы попытаемся обрести понимание для каждой человеческой души.

Правда, это понимание каждой человеческой души является чем-то другим, нежели то, что мы обычно называем в жизни пониманием. В жизни любовь, к сожалению, часто бывает довольно эгоистической. Любят того, к кому совершенно особенно привязаны, благодаря тем или иным отношениям, а в остальном обыкновенно довольствуются тем, что называется общечеловеческой любовью: любят человечество вообще. Что это такое? Необходимо быть в состоянии понимать каждую душу.

Возможно, не каждого находишь превосходным, но это, ведь, неплохо, поскольку некоторым душам ничего не вредит больше, чем слепое обожание.

Подробнее об этом факторе мы поговорим послезавтра.

Жизнь между смертью и новым рождением

Мюнхен, 28 ноября 1912 года

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

То рассмотрение о жизни между смертью и новым рождением, которое мы смогли сделать позавчера, ведь, показывает, как тесно всё человеческое существо связано с тем, что можно назвать универсальной жизнью во вселенной. Поскольку если вы обдумаете многое из того, что тогда было сказано, вы сможете из этого понять, что человек, как бы, привязан к какому-то месту, собственно, только в период своего земного времени, что только в период своего земного времени он занимает малое пространство, тогда как во всё время между смертью и новым рождением он воплощён в планетной системе и даже, позднее, в мире вне её. Если относительно развития между рождением и смертью мы часто говорим, чтобы выразить некий оккультный факт, что человек показывает себя, как, своего рода, микрокосмическое отображение макрокосмоса, то теперь мы должны сказать: Между смертью и новым рождением человек, собственно, сам является макрокосмическим; он излит в макрокосмос; он проявляется там как настоящее макрокосмическое существо, поскольку в это промежуточное время он должен извлечь из макрокосмоса силы, в которых он нуждается для своей следующей инкарнации. А именно, эту макрокосмическую жизнь между смертью и новым рождением мы можем понять так, что человек в первое время после смерти ещё, если можно так выразиться, как бы, несёт с собой скорлупу земной жизни, связан с тем, что ему смогла дать земная жизнь, с тем, что эта земная жизнь смогла из него сделать. Это, ведь, время, которое прежде всего особенно отвечает потребностям и интересам человеческого сердца. Когда оккультный взгляд обращается на кого-то, кто относительно недавно покинул земной план, тогда он видит, что тот, как мы знаем, находится в сфере Камалоки. Это сфера, которая, говоря макрокосмически, распространяется до орбиты Луны. То есть, человек вживается в неё, расширяя своё душевно-духовное существо так, что оно занимает всю

лунную сферу. В это время - мы это уже знаем - человек еще полностью связан с земным миром. Желания, вожелдения, интересы, симпатии, антипатии, которые он развил, образуют силы, - мы уже много раз описывали это, - которые, как бы, склоняют его обратно к земному миру. В период Камалоки человек в определенном смысле заключен в атмосферу своей собственной астральной природы, которую он приобрёл на Земле. Он всё ещё желает того, чего желал на Земле; его интересует то, что его интересовало на Земле. И это время Камалоки, ведь, и существует, как раз, для того, чтобы человек мог ликвидировать (abwickeln) эти желания, но эти желания и стремления - поскольку они зависят от физических органов, а от них зависят, например, все чувственные удовольствия - не могут быть удовлетворены и, таким образом, он отвыкает от них из-за невозможности их удовлетворения. Всё это, что мы часто описывали в отношении человека непосредственно после смерти, относится однако, как мы легко видим, к индивидуальности человека, в самом узком смысле слова к тому, что человек должен, как бы, вырвать из своей астральности, от чего он должен отвыкнуть, что он должен удалить из себя.

В определенном отношении человек ещё несёт с собой, прежде всего во время Камалоки, земные связи, а именно, следующим образом: То, с чем человек связан, будь то с фактами, будь то с существами времени Камалоки, зависит от его внутренней жизни, зависит от того, как данный человек образован до этого, от предрасположенности его души. Например: человек проходит врата смерти. Несколько ранее кто-то близкий ему уже прошёл врата смерти, так что мы можем сказать: Оба умерших находятся в сфере Камалоки; они могут там найти друг друга. Оккультное исследование полностью показывает, что человек не только занят своим собственным развитием, отвыканием от своих желаний, стремлений, интересов и так далее, но что он вскоре после смерти, после короткого, можно сказать, эмбрионального периода сна, находит людей, с которыми он был близок на Земле. Напротив, в это первое время, как правило, как раз, нет надежды на то, что человек действительно сможет найти каждое существо, находящееся в сфере Камалоки одновременно с ним. Пространственные и временные отношения там, ведь, совершенно другие, а именно, пространственные отношения. Речь идёт не о том, что вы не приближаетесь к существам, с которыми не были близки, к ним можно приблизиться очень близко, но вы их не воспринимаете. Восприятие предполагает, что в жизни вы были близки с данным существом. Так что те, с кем человек был близок при жизни, - поначалу в рассмотрение едва ли входят какие-либо существа, кроме людей, - во время Камалоки скоро находятся в окружении умершего человека. Отношения, в которых мы находимся тут после смерти с такими существами, также ещё полностью ориентируются на земные отношения, которые мы с ними построили. А именно, так, как я их уже охарактеризовал позавчера: таким образом, что мы точно также и в соответствии с полной истиной стоим в отношениях с находящимся в Камалоке человеком, как мы стояли с ним в отношениях в земной жизни, но не можем того, что могли ещё в земное время, то есть, что-то изменить в этих отношениях. Они остаются такими же, как на Земле. На Земле к какому-то человеку, которого любили, мы можем испытывать затем ненависть и наоборот; мы можем стараться изменить своё отношение к другому. Во времени Камалоки это не так. Мы встречаем человека, который умер раньше нас, и вначале мы чувствуем, что вступаем с ним в отношения, соответствующие последним отношениям, которые у нас были с ним на Земле. В таких отношениях мы с ним находимся. Потом, как вы знаете, мы живём во времени вспять. Если у нас раньше были с ним другие отношения, то мы не можем вызвать их искусственно, а должны спокойно жить в обратном порядке и затем, после соответствующего момента времени, прожить те отношения, которые у нас были с ним раньше, которые мы снова не можем изменить, и которые выражаются точно так же, как они выражались на Земле.

Можно легко поверить, что это чрезвычайно болезненное состояние. И в определенном отношении так оно и есть: вы чувствуете его так же, как если бы вам хотелось идти, но вы прикованы к земле. Вы чувствуете себя духовно связанными отношениями, данными на Земле; вы чувствуете себя в положении принуждения. Это абсолютно правильно. И если это

принуждение сильное, отношения, разумеется, мучительные. Теперь, чтобы правильно понять и душевно (*gemütsmäßig*) оценить такое состояние, нужно иметь не только, скажем, мысли, что это болезненное состояние, - оно уже болезненно во многих отношениях, - но у умершего есть не только сознание того, что имеется состояние боли, но у него есть совершенно определенное сознание того, что это состояние необходимо, что оно должно быть, что если бы он не переживал такую боль, то это было бы словно камнями на пути, которые задержали бы его развитие.

Что же происходит, благодаря тому, что он всё это проделывает? Предположим, что мы переживаем таким образом отношения с другим человеком после смерти, то есть, мы рассматриваем определенные отношения, которые мы имели с ним в той жизни, которую мы сформировали, переживаем это. Посредством этого рассмотрения, посредством этого переживания, таращась, так сказать, на это, в нашей душе образуются силы, вначале в своих духовных моделях, в которых мы нуждаемся, чтобы наша карма правильно вела нас в будущем, чтобы в новом воплощении мы смогли оказаться вместе с другим человеком так, чтобы можно было прийти к кармическому балансу. Таким образом, как бы, технически, формируются силы, необходимые для кармического равновесия.

В том, что поначалу выступает перед ним в окружении, умерший едва ли может изменить; но время от времени у него всё же возникает интенсивная потребность изменить то или иное. Хотелось бы сказать: для умершего огромное значение приобретают неисполнимые желания, но такие неисполнимые желания, которые не полностью осознавались во время жизни. И здесь возникает нечто, что чрезвычайно важно учитывать. В обычной жизни здесь, на физическом плане, мы, ведь, определённо чувствуем в своём сознании ту или иную склонность, ту или иную симпатию, формируем то или иное представление; но за этим сознанием находится астральное, подсознание. Оно не слишком сильно проявляется в верхнем сознании, в собственно Я-сознании. Благодаря этому, в сознательную жизнь человека входит нечто неполное. Человек, как сознательное существо, едва ли когда-либо изживает себя в жизни полностью. То, как проживает человек, можно было бы сказать, не всегда полностью правда; ведь, человеческая душевная жизнь является чрезвычайно сложной. Может случиться так, что кому-то в его обычном сознании, в его Я-сознании, из предубеждения, из удобства, по той или иной причине, что-то вообще не нравится, возможно, он даже это ненавидит, в то время как в его подсознании живёт сильное желание этого, - того, что в своем верхнем сознании он даже ненавидит. И бывает так, что человеческая душа часто интенсивно работает над тем, чтобы обмануть себя в таких вещах.

Например, живут вместе два человека. Один из этих двоих, находящийся в отношениях, приходит к духовной науке или антропософии, чувствует себя одухотворённым ею; другой, живущий с ним, не испытывает от этого восторга, и его отношение становится всё ужаснее и ужаснее по мере того, как другой всё больше и больше вживается в эту духовную науку, он всё больше и больше ругает эту духовную науку, высмеивает её. Здесь возможно следующее, - поскольку человеческая душевная жизнь очень сложная, - что этот другой, высмеивающий духовную науку, если бы, как раз, его друг, или тот, с кем стоит в отношениях, не стал антропософом, сам, возможно, при соответствующих условиях стал бы им. Ему мешает в этом, как раз, тот, с кем он живёт. Такое вполне может произойти; и может случиться, что такой человек, который высмеивает эту духовную науку, который проделывает в своём Я-сознании всё возможное против духовной науки, в своём подсознании или астральном сознании интенсивно желает её, - и даже, чем больше он высмеивает духовную науку, тем сильнее в нём просыпается желание её. В жизни здесь, на Земле, в верхнем сознании, конечно, вполне можно высмеивать такие вещи, которые всё больше и больше проявляются в подсознании; но смерть делает из неправды правду. И так можно заметить, что через врата смерти проходят люди, которые из удобства или по причинам, подобным описанным выше, высмеивали духовную науку; то есть, так может случиться, и может быть применимо ко всяким вещам то, что после смерти, - поскольку тогда в человеческой душе проявляется истина, - они самым интенсивным образом чувствуют желание, которого они не замечали. И

можно доказать, что после прохождения врат смерти люди, которые, кажется, не желали какой-то вещи, теперь интенсивно желают её. То есть, при экзамене во время нашего времени Камалоки речь идёт не о том, чтобы наши желания, побуждения, страсти и так далее были в верхнем сознании, в Я-сознании, а о том, чтобы они были также и в астральном, в подсознании. И там и там они жгучим образом действуют после смерти, и те желания и побуждения, которые мы скрывали здесь в жизни, собственно, действуют после смерти ещё интенсивнее.

Затем в таких вещах надо учитывать то, что что-нибудь, что родственно человеческой душе само по себе, оказывает впечатление на эту человеческую душу при всех обстоятельствах. То, что я сейчас вам скажу, хорошо исследовано; это может явиться действительно как человеческо-душевный факт, и это хорошо, что мы рассмотрим эту вещь, как раз, на этом примере духовной науки. Предположим, два человека жили здесь вместе; один - ревностный антропософ, а другой об антропософии вообще знать ничего не хочет. Но этот другой, поскольку в его окружении занимаются антропософией, в своём астральном теле не остаётся незатронутым ею. С нашими душами действительно происходят очень значимые вещи, о которых мы ничего не знаем, которые действуют на нас спиритуальным образом, и есть вещи, которые формируют, изменяют человеческую душу просто по своей природе. Поэтому можно сказать: Едва ли можно найти человека, побывавшего в антропософской среде, как бы упорно он ни был против этого, который не приобрёл бы в своем подсознании склонности к духовной науке. Именно у противников духовной науки, обнаруживается, что после смерти они имеют сферу желаний, о которой можно сказать со всей уверенностью: она выражается, проявляется, посредством того, что они тогда страстно стремятся к спиритуальной науке. Поэтому для таких умерших людей оказалось таким полезным (что, ведь, часто делается в наших кругах), что совершается чтение и для тех, кто во время жизни не хотел принимать многое из духовной науки. Это оказывается чрезвычайно полезным для таких людей. Это делается таким образом, что для того, чтобы иметь какую-то имажинацию, пытаются представить себе живую картину лица данного умершего человека, каким он был в последнее время на Земле, берётся книга, и в полной тишине с мыслью об умершем, как если бы он сидел напротив, читается предложение за предложением. Умерший впитывает это с вожделением и получает от этого бесконечно много. Да, видите ли, здесь мы находимся в той точке, где спиритуальная мудрость действительно становится в жизни вполне практической, в одной из точек, где материализм и спиритуализм стоят друг против друга не просто как две теории, а как жизненные силы, так что можно сказать: Благодаря подходу к спиритуальности, между человеческими индивидуальностями устанавливается коммуникация, связь, всё равно, находятся они в жизни или в смерти. Находясь внутри спиритуальной жизни, мы можем использовать умерших, описанным выше образом, или ещё многими другими способами, о которых при случае должно быть сказано позже. Но если мы не стоим внутри спиритуальной жизни, то это означает не только недостаток знания, познания, но и то, что это действительно помещает нас в очень ограниченную сферу бытия: а именно, только в сферу физическую; так что, если мы настроены материалистически и живём только в материи, то мы сразу же теряем связь с любой индивидуальностью, после прохождения ею врат смерти. Тут, на примере сказанного, мы видим, какую огромную важность имеет воздействие одного мира на другой. Сам умерший, - если, например, у него есть сильное желание узнать после своей смерти о той или иной духовной мудрости, - должен отказаться от этого, должен оставаться обременённым этим желанием. В лучшем случае могла бы быть вероятность того, - что в период Камалоки для него вряд ли возможно, - что он найдёт там кого-то, кто также умер, и кто имел с ним на Земле такие отношения, что он, посредством просто бытия, посредством отношений, в которых он с ним состоит, мог бы получить, своего рода, удовлетворение, - но и оно не было бы тогда достаточным. Но это не принимается во внимание по сравнению с огромными благами, которые могут даровать умершим те, кто ещё жив, те, кто ещё находится на физическом плане.

Подумайте о положении умершего! Он имеет интенсивное желание того или иного. В это время после смерти он не может его удовлетворить, поскольку вещи, которые мы носим в душе остаются неизменными; но с Земли может подняться некий поток, который тут проникает в это, иначе остающееся неизменным, желание. И это, собственно, единственный путь изменить вещи, разыгрывающиеся в нашей душе. И можно сказать: в ближайшее время после смерти многое, неизмеримо многое, зависит от того, как умерший может жить и себя чувствовать, от того, какое спиритуальное понимание смогут развить для него те, кто были близки ему и остались на физическом плане.

Если мы ведём себя в смысле того, что можем узнать посредством спиритуальной науки, мы делаем себя регуляторами совершенно иных жизненных отношений, - жизненных отношений, которые действуют из одного мира на другой. Надо сказать, что в этом смысле превращение духовной науки в жизненные силы сегодня ещё не слишком продвинуто. Нужно сделать ещё очень многое, чтобы духовная наука могла действительно сформировать реальные силы, и вполне может случиться так, что человек знакомится с истинами духовной науки и затем согласно им организует всю свою жизнь. Если бы духовную науку понимали в этом глубоком смысле, если бы делали её неким жизненным нервом, то на Земле дискутировали и спорили бы о спиритуальных теориях гораздо меньше. Это то, над чем стоит подумать. Посредством спиритуальной науки изменится не только земная жизнь, но и вся жизнь человечества в целом. И когда духовная наука однажды станет в гораздо большей степени, в обход через понимание идей, сердечной вещью, когда люди - если можно использовать такое тривиальное слово - будут вести себя в смысле духовной науки, тогда также всё больше и больше будет возникать взаимная связь между отдельными мирами.

Тут, правда, надо коснуться одной вещи, в которую, я бы сказал, нелегко поверить, но которую можно увидеть, если её обдумать. А именно, знание человека, насколько оно является знанием на физическом плане, представляет собой нечто необычайно обманчивое, действительно чрезвычайно обманчивое; поскольку, ведь, человек действительно не знает на физическом плане ничего, кроме фактов и связей, которые он наблюдает. Это, - в то время как для обычного ученого или материалистически настроенного человека это всё, что он называет реальностью, - это наименьшая её часть, если рассматривать жизнь души во всей её полноте.

Я хочу привести вам, на первый взгляд, парадоксальный пример: но мы, ведь, можем вспомнить слова Шопенгауэра о том, что истина должна покраснеть [от стыда], потому что она парадоксальна. Человек знает факты и комбинирует факты. Он знает, например: сейчас пол восьмого. В это время он вышел из дома, пошёл по такой-то улице. В восемь часов он прибыл туда-то и туда-то. Нечто подобное он знает, благодаря чувственному восприятию, он знает это посредством, скажем, понятийного комбинирования; но в большинстве случаев он не знает, почему он не вышел две-три минуты раньше или позднее. Очень немногие станут думать о том, почему они вышли на три или четыре минуты раньше или позже; но это может на что-то повлиять. Я выберу один гротескный пример, - но примеры такого рода в мелочах происходят в жизни постоянно, - пример, когда человек опоздал на три минуты. Если бы он вышел точно в восемь часов, то его бы, скажем, переехала машина, он бы умер. Он не умер, потому что опоздал на три минуты. Таким гротескным образом это происходит редко, но нечто подобное происходит в жизни постоянно, только человек не знает об этом. Его карма защищает его от смерти, когда он выходит на три минуты позднее. Ну, может показаться, что это всё равно, но это не всё равно; поскольку подумайте, ведь, человеку это всё равно только потому, что он об этом не знает: если бы он об этом знал, ему было бы не всё равно. Если бы вы знали, что выйдете вы на три минуты позже, вы были бы мертвы, то это было вам не всё равно, то это оказало бы на вашу душу огромное впечатление, это знание оказало бы глубокое воздействие на вашу душу. Вспомните только, если такое действительно происходит, какое значение это имеет для душевной жизни. Но не означает ли это, что человек, собственно, постоянно идёт по жизни с прочно завязанными глазами? Именно это он и делает. Он знает о том, что происходит внешним образом, но он не знает, что бы с ним

произошло, если бы вещи были немного иными. Это значит, это знание о возможностях ускользает от душевных сил. Душа живёт равнодушно, в то время как она могла бы быть потрясена, возвышена знанием, - знанием об этих возможностях. Таким образом, благодаря тому, что человек знает лишь малую часть из тех отношений, которые есть, знает только то, что происходит в силу обстоятельств, - благодаря этому, душевная жизнь человека бедна, благодаря этому, в этой душевной жизни не выражается то, что выразилось бы в другом случае. Возможно, человек вообще не пришёл бы к такому, на первый взгляд, парадоксальному утверждению, если бы в ходе исследований жизни после смерти, он не наткнулся бы на это своим интеллектуальным носом; поскольку среди много, что происходит в душе, то, что сейчас было охарактеризовано, не поднимается до сознания. После смерти перед душой человека выступает многое, о чём он во время жизни не имел никакого понятия; перед душой сильно выступает: тогда-то тебе угрожала смерть, тогда-то ты упустил свою удачу, тогда-то тебе было удобно, а если бы не было удобно, ты мог бы достичь того или иного, мог бы сделать что-то хорошее. Целый мир пережитого выступает перед человеком после смерти. То, что кажется материалисту смешным в физической жизни, после смерти становится реальностью, действительностью, истинной действительностью. Так что надо сказать: после смерти человек знакомится с целым миром из того, что его окружает в жизни и при этом никак не выражается.

Разве тех вещей, о которых мы здесь говорим, совсем нет? Возьмем к примеру, один случай: Ну, хорошо, мы вышли из дома на три минуты позже, чем хотели, и тем самым избежали смерти. Мы совершенно не знаем об этом. То, что мы, люди, не знаем этого, имеет какое-то значение только для материалиста. Умный человек знает, что это не имеет значения, знает он об этом что-то или нет. Обычно умный человек знает, что вещей не заботит его знания, что они существуют и без его знания. Соединение сил, взаимодействие сил присутствовало. Возможно, это был поезд, который мог нас переехать; мы тоже были там, все приготовления к нашей смерти присутствовали. Силы действовали друг на друга, просто не должным образом; но они собрались. Такого в нашем окружении в жизни много. Это так. Мы не воспринимаем это, но оно существует вокруг нас. Если теперь люди, согласно определению нашего временного цикла, согласно входящей в будущее человеческой эволюции, постепенно обретут понимание спиритуального мира, то то, чего, правда, не может быть для чувственного восприятия и разума, но всё же существует в нашем окружении, определенным образом действует на нас. И здесь мы приходим к одному чрезвычайно интересному факту. Предположим, что дело действительно обстояло так, как это было описано, что мы избежали смерти, благодаря тому, что опоздали на три минуты: материалист не ощущает из этого; у того же, кто постепенно - сегодня духовная наука находится ещё в начале своего развития - обретает в своём сердце понимание таких связей, действительно меняется душа. Если он достиг понимания этой спиритуальной науки, если он какое-то время пожил в ней и не только приобрёл внешнее понимание, а если она стала содержанием его души, если он живёт её понятиями и чувствами и так далее, то он, возможно выйдет на три минуты позднее, избежит смерти, - но в тот момент, когда могла бы наступить смерть, если бы обстоятельства сложились иначе, в этот момент он чувствует что-то, тогда он чувствует что-то в себе. Обучение чувствовать эти возможности, - вот результат того, что произойдет, когда антропософия станет жизненным соком души.

И что мы будем, например, благодаря этому, постепенно в состоянии чувствовать, когда человеческая природа проникнется духовно-научным пониманием? Что ж, благодаря такому моменту, когда могло бы произойти нечто подобное, связанное с нами, мы временно становимся, своего рода, медиумом, - согласно определениям, которые я давал в своих публичных лекциях - мы входим в кратковременное медиальное состояние, когда мы оказываемся в положении, позволяющее духовному миру входить в наше сознание. Такие моменты могут быть самыми плодотворными для человека, когда на него действует умерший, если он должен как-то осознать этого умершего. Моменты несбывшихся фактов, которые связаны с нами описанным образом, как бы, пробуждают нас для восприятия

впечатлений духовного мира. Благодаря этому, в душах тех, кто подступает близко к духовной науке, развивается совершенно особый род полной предчувствий жизни; это происходит по той причине, что, ведь, человечество действительно развивается, и только очень недалёкий человек может думать, что человеческий род во все времена наделён одними и теми же душевными силами. Душевные силы изменяются, и как верно то, что сегодня человек имеет склонность к внешнему восприятию и обработке этого воспринятого мышлением, точно так же верно и то, что посредством вышеописанных отношений, он войдёт в период, в котором будут формироваться психически-спиритуальные силы. Таким образом, и в этом отношении есть перспектива того, что духовная наука станет силой жизни, которая будет иметь сильное, формирующее влияние на жизнь. До этого мы видели, как может быть оказано влияние из физического плана на жизнь после смерти; теперь взглянем, где могут быть созданы ворота или окна, чтобы то, что переживают умершие, можно было увидеть здесь в физической жизни. - Этим я хочу также дать вам понятие того, как образуется, так сказать, возможность коммуникации обоих миров.

В этом отношении, ведь, очень много грешат в распространении множества курьёзных учений и иногда странных практик. Хотя любой, кто знаком с такими вещами, знает, что если он хочет встретиться с каким-то умершим, то сначала для этого надо создать возможность, - я сейчас не беру такие возможности, которые возникают медиальным путём, - возможность, как бы, открывающая окно к умершему. Ведь, есть много легкомысленных людей, которые, узнав о том, что тот или иной человек хочет что-то узнать о каком-то умершем, уже очень скоро, через пару часов говорят ему: Я с ним говорил, с ним все хорошо. - Я видел, как это происходило довольно много раз. Это также нечто такое, что касается главы об одержимости авторитетом и всего того вреда, который она причиняет.

Но вы можете увидеть из этого и нечто другое: вы можете из этого увидеть, - поскольку, ведь, сфера Камалоки находится в основном в астральном пространстве, - как с астральным миром связан этот мир возможностей; не мир того, что происходит здесь в физическом мире, а того, что могло произойти. И именно это я прошу вас сделать предметом, своего рода, медитации, что то, что возможно в физическом мире, но не становится действительностью, создаёт некую атмосферу, некого рода коммуникационную атмосферу для астрального пространства.

Из всех этих многих вещей, которые можно было бы сказать о жизни между смертью и новым рождением, и с некоторыми из которых мы познакомимся в ближайшее время, сегодня мы упомянем ещё лишь одну: В ходе жизни между рождением и смертью, мы в основном обнаруживаем проявление в душе, скажем, трёх сил: мыслительных сил, чувствующих сил и волевых сил или сил желаний: мыслительных, интеллектуальных сил, - таким образом, что мы являемся немного более светлыми или немного менее светлыми, сердечных (Gemüts-) или чувствующих сил, - так, что мы являемся более или менее сочувствующими или жёсткосердечными, более или менее религиозно или не религиозно настроенными, сил желания или волевых сил так, - что наши поступки являются более или менее эгоистичными или не эгоистичными. Так проявляются эти три вида душевных сил между рождением и смертью. Для жизни между смертью и новым рождением эти три различные душевные силы имеют совершенно различное значение. Возьмём вначале интеллектуальные силы. Мы можем спросить так: Для чего они нам после смерти? Интеллектуальные силы служат нам после смерти для того, чтобы сделать наше сознание между смертью и новым рождением особенно светлым, так что, чем больше мы в физической жизни прилагаем усилий, во-первых, ясно и, во-вторых, правильно и правдиво мыслить, чем больше мы прилагаем усилий для регулярного знакомства со спиритуальными фактами, тем более светлым будет наше сознание между смертью и новым рождением, так что - я приведу тут сразу конкретный пример, - какой-нибудь нечестный в отношении своих интеллектуальных свойств человек, который не имеет особого интереса по-настоящему знакомиться с духовными обстоятельствами, которые можно достичь только посредством познания, хотя и разовьёт после смерти какое-то сознание, но это сознание будет постепенно притупляться. И тут

особенным является то, что это притупление сознания после смерти приводит к тому, что мы некоторое время проходим быстрее, то есть, если мы больше спим, то мы проходим духовный мир быстрее, нежели, если мы по-настоящему бодрствуем. Таким образом, если кто-то притуплён в отношении всего, чем являются интеллектуальные силы, то некоторое время после смерти он остаётся в сознании, но затем он больше не может его поддерживать; его тупость обуславливает некое сумеречное состояние, и тогда прочая жизнь проходит быстро, и он относительно скоро возвращается на Землю.

Иначе обстоит дело с силами, касающимися воли и желаний. Эти силы помогают нам извлекать сильные или слабые силы из макрокосмических отношений во время между смертью и новым рождением, в которых мы нуждаемся для построения нашей следующей жизни. Если кто-то входит в эти отношения посредством аморального душевного настроения, как мы это описывали, то он будет не в состоянии извлечь необходимые силы, которые должны правильно построить астральное или эфирное тело; они будут тогда недоразвитыми. Человек будет слаб и тому подобное. Нравственность поэтому - это то, что делает способным извлекать из высших миров силы для следующей инкарнации. Так тесно связаны интеллектуальность и моральность с тем, что, так сказать, становится из человека, благодаря его пребыванию между смертью и новым рождением в сверхчувственной сфере. Сердечные (Gemüts-) или чувствующие силы, как бы, самые внутренние силы человеческой души, выступают перед нами в соответствующее время между смертью и новым рождением объективно; они находятся вне нас. Это очень важно. Человек, способный любить и сопереживать, проживает жизнь между смертью и новым рождением так, что перед его душой в качестве его окружения, как то, в чём он находится, выступают стимулирующие жизнь, делающие сильным и счастливым образы, соответствующие сочувствию. Ненавидящему перед душой выступают образы ненависти. То есть, то, какими мы являемся глубоко внутри себя, мы видим в определённое время между смертью и новым рождением как мировой пейзаж вне нас. Нет лучше художника, чем силы между смертью и новым рождением. Для самых внутренних душевных сил нашей души (Gemütes) наш фирмамент - это то, что мы видим между смертью и новым рождением, так же, как небесный фирмамент мы видим здесь на Земле. Это наш фирмамент между смертью и новым рождением. Он всегда при нас. Это связано с тем, что, если мы в глубине своей души приняли Мистерию Голгофы так, как было описано позавчера, если мы обрели понимание слов Павла: «Не я, но Христос во мне», если мы пережили Христа в себе, то во время солнечного бытия мы имеем возможность видеть то, о чём тогда было упомянуто как образный мир Акаши вокруг нас, - Христа в его самом прекрасном, великолепном облике, как говорят, в его Славе, как элемент, в котором мы живём и существуем. Этой мысли не нужно иметь только эгоистическое значение, - она может иметь совершенно объективное значение. Поскольку то, что мы обнаруживаем тогда как пейзаж, мы, в свою очередь, берём с собой в нашей душе при дальнейшем продвижении, и вносим в следующую инкарнацию, делая себя, благодаря этому, не только более хорошим человеком, но и более хорошей силой в земном развитии.

Так то, что мы вырабатываем в нашей душе (Gemüt), напрямую связано с нашими способностями в следующей жизни, и, в свою очередь, мы познакомились с техникой того, как силы нашей души (Gemütskräfte) образуют вокруг нас между смертью и новым рождением что-то вроде огромного пейзажа, мирового фирмента, чтобы затем снова соответствующим образом быть внутри нас с большей силой, нежели в предыдущей жизни: поскольку всё усиливается, благодаря тому, что то, что человек внутренне пережил в жизни, что он видит в промежуточное время между смертью и новым рождением, делает его сильнее, и он развивает в себе силы, которые образуются из этого живого видения.

Итак, мы снова обсудили некоторые вещи об отношениях в период между смертью и новым рождением, которые так бесконечно важны, - важны по той причине, что, ведь, в жизни на Земле мы являемся ни чем иным, как тем, что получается из нас в жизни между смертью и новым рождением, и что к действительному познанию своего собственного существа, а тем самым и к действительной деятельности и мышлению в человеческом

будущем, мы сможем прийти тем меньше, тем больше мы оставляем без внимания то, что происходит в спиритуальном мире между смертью и новым рождением. Эти рассуждения являются частью широкого спектра вещей, которые можно сказать о жизни между смертью и новым рождением. Я хотел начать с того, что так или иначе всё больше и больше должно будет становиться содержанием духовной науки в ближайшем будущем.

Некоторые вещи о технике кармы в жизни после смерти

Берн, 15 декабря 1912 года

Сегодня Бернская секция отмечает первое пятилетие, и в то же время мы впервые можем собраться вместе в этом пространстве, которое, благодаря своим особенностям, должно стать достойным окружением для наших спиритуальных устремлений и нашей спиритуальной работы в этом месте. Если ищется такое окружение, и если мы в состоянии всё больше и больше проводить в нём наши закрытые собрания, то это, по крайней мере, что-то значит в наших духовных устремлениях. Мы, ведь, знаем, что такие помещения уже искались во многих местах нашей рабочей области, и что они также есть. И в этот день, как уже было сказано, праздничный для нас вдвойне, нам позволительно, в качестве введения, парой слов охарактеризовать также значение такого окружения.

В наших устремлениях мы, ведь, снова и снова возвращаемся к числу три, к святой троице, как говорят. И в рамках человеческой душевной жизни это священное число три обнаруживается выраженным в мышлении, чувстве и воле.

Если мы взглянем на мышление, то мы скажем себе: В нашем мышлении мы должны ориентироваться на объективную необходимость. Поскольку если мы в своём мышлении - будь то мышление о вещах физического плана или о вещах высших миров - не будем ориентироваться на необходимость, то мы сможем только заблуждаться, мы не придём к истине. В своей воле мы также должны, прежде всего, ориентироваться на то, что говорят нам определённые внешние моральные принципы. Мы снова должны направлять себя согласно необходимости, и, вероятно, в отношении нашего мышления и нашей воли мы можем сказать, что необходимости из высших миров простираются вниз, в физический мир.

Действительно в правильном смысле слова свободным человек чувствует себя в своём чувствовании. Оно всё же является совершенно другим, нежели мышление и воление. В чувстве и ощущении мы чувствуем себя, так сказать, вернее всего, когда не ощущаем принуждения ни мышления, ни воли, а предаёмся тому, что может, как раз, чувствоваться. Почему это так?

Ну, при мышлении мы чувствуем, что оно с чем-то связано, от чего-то зависит; при волении мы также чувствуем, что мы зависимы; при чувствовании, однако, мы полностью находимся в самом себе. Тогда мы живём, так сказать, полностью внутри своей души. Почему это так? Потому что наше чувство является в конце концов именно отражением некой очень и очень далеко лежащей по ту сторону нашего сознания силы. Мысли мы должны рассматривать как отражения того, что они представляют. Волю мы должны разворачивать так, что она приводит к выражению наших обязанностей. В чувствах мы можем свободно жить в том, что говорит нам душа, поскольку чувство, рассматриваемое оккультно, является отражением того, что не достигает нашего сознания, лежит по ту сторону нашего обычного сознания и является непосредственно божественно-духовным. Можно сказать: через мышление и волю боги пытаются воспитывать человека; в чувстве боги позволяют нам, пусть и таинственным образом, участвовать в их собственной деятельности, в их собственном творчестве. В отношении чувств дело обстоит также так, что в каждый момент мы в своей собственной душе имеем нечто такое, что нравится самим богам.

Теперь, благодаря такому окружению, которое мы здесь создали, всё то, что мы здесь рассматриваем, мы можем постоянно сопровождать чувством, которое делает нас, так сказать, более интимно связанными с духовными мирами, действительно интимно связанными с духовными мирами. И эта близость с духовными мирами должна приходить к нам из всего того, что мы рассматриваем. Поэтому мы должны придавать определённое значение такому окружению, должны всё больше вживаться в то, чем может быть для нас такое окружение. Тогда в этом окружении мы смотрим во все стороны, и чувствуем, скажем так, мощь света и красок, которые становятся для нас откровением того, что есть в духовном мире. Конечно, то, что мы должны сказать, можно понять и в тривиальных, ужасных помещениях, которые сегодня есть уже повсюду; но согретой, по настоящему согретой, наша душа может быть при спиритуальных рассмотрениях только в том случае, если у нас будет такое окружение. То, что мы можем иметь его таким образом после пяти лет нашей работы также здесь, в Берне, мы можем обозначить как хорошую карму, которая сопровождает нашу работу и благословляет. Поэтому при каждой такой возможности, подобной сегодняшнему двойному празднику, мы должны помнить о значении того, чем должна быть для людей духовная наука, чем может и должно быть для людей духовное познание в новое время.

Теперь, то, что мы собственно, хотим сегодня рассмотреть, относится ко многому тому, о чём говорилось уже часто; но это уже известное мы хотим рассмотреть с новой точки зрения, поскольку духовные миры могут быть для нас полностью понятными, только если мы рассматриваем его действительно с различных точек зрения. Жизнь между смертью и новым рождением описана самым разнообразным образом. Сегодня мы хотим рассмотреть её так, чтобы можно было учитывать некоторые вещи из того, с чем я, как раз, в последние месяцы заново занимался в области духовного исследования.

Мы, ведь, знаем, что непосредственно после того, как мы проходим врата смерти, мы проходим время Камалоки, то есть, то время, когда мы ещё тесно связаны нашими чувствами, аффектами, всей нашей душевной жизнью, с последним земным воплощением. Постепенно мы освобождаемся от этой связи. После прохождения врат смерти, у нас, ведь, нет больше физического тела. Но когда мы оставили физическое тело, а также эфирное тело, тогда наше астральное тело имеет все особенности, которые оно имело здесь на Земле; и эти особенности, которые имеет это астральное тело, поскольку они действовали в физическом теле, должны быть оставлены. Для этого нам нужно определённое время, и это - время Камалоки. После этого времени Камалоки мы проживаем то, что называется духовным миром или Деваханом. В наших текстах мы характеризовали его скорее, я бы сказал, согласно тому, что человек переживает посредством различных элементов, которые его окружают. Сейчас мы хотим это время между смертью и новым рождением рассмотреть с одной из других сторон. А именно, мы хотим охарактеризовать его вначале в общем.

После прохождения врат смерти человек переживает следующее: В то время как на Земле мы, можно сказать, заключены в определённом месте, а именно, в нашей коже, а вне нас находится пространство с другими вещами и существами, то после смерти это не так; после смерти дело обстоит так, что мы всем своим существом расширяемся, что в своих чувствах мы становимся всё больше и больше. Это чувство: Я нахожусь в рамках своей кожи, а там, снаружи, пространство с вещами, - это опыт, которого после смерти у нас больше нет. После смерти мы находимся внутри вещей и существ, мы расширяемся в пространстве, которое входит для нас в рассмотрение. В продолжении времени Камалоки мы непрерывно расширяемся, и когда Камалока заканчивается, мы так велики, как пространство, ограниченное орбитой Луны. То есть, мы действительно растём, мы расширяемся в пространстве. Это бытие в пространстве после смерти имеет совершенно другое значение, нежели здесь, в физической жизни. Действительно, это в определённом смысле так, что во время Камалоки мы находимся в пространстве, которое описывает Луна. Там находится каждая отдельная душа, так что все души, которые одновременно находятся в Камалоке, заполняют собой пространство, ограниченное орбитой Луны. Все они находятся друг в друге.

И всё же это нахождение друг в друге совсем не бытие вместе, а это бытие вместе, бытие друг с другом, зависит от совершенно других вещей, нежели от заполнения собой общего пространства. Тут две души могут после смерти быть в одном и том же пространстве и в действительности быть бесконечно далеко друг от друга, то есть, их переживания таковы, что они совершенно не нуждаются в том, чтобы знать друг о друге, в то время как другие души, так же находящиеся в том же пространстве, чувствуют себя вместе, переживают друг с другом. Всё это зависит от внутренних отношений, - не от внешне пространственных отношений.

И в последующее время, когда Камалока заканчивается, человек живёт в ещё больших пространствах. Он постоянно расширяется. Когда человеческое существо расширилось настолько, что Камалока заканчивается, и он, так сказать, распространился на небесное пространство, которое так велико, что его ограничивала бы орбита Луны, тогда в этом расширенном пространстве, которое человек должен пройти, остаётся - будто отрезанное от человека - всё то, что человек когда-либо делал в течение своей земной жизни, что выражает его склонность к земной жизни, его тоску, его страсть к земной жизни. Всё это человек должен проделать, но всё это он также должен оставить в лунной сфере, или в Камалоке. Таким образом, когда человек живёт дальше после смерти и позднее вспоминает эту лунную сферу, он обнаруживает там записанными все чувственные аффекты и страсти, всё то, что разворачивается в душевной жизни, ради чего он чувствует себя притянутым телесностью. Всё это он оставляет в лунной сфере. Там это остаётся; человек не может это так быстро снова вычеркнуть. Человек берёт это также с собой как силу, но оно остаётся записанным в лунной сфере. Так что, так сказать, наш счёт вины, счёт вины каждого человека, остаётся записанным в лунной сфере.

Затем мы расширяемся дальше. Расширившись дальше, мы входим во второй регион, который оккультизм называет сферой Меркурия. Здесь нет возможности входить в более точное обозначение этой вещи, но мы вначале рассмотрим это без обозначения. Сфера Меркурия больше, чем лунная сфера. Если мы хотим вжиться в эту сферу после смерти, то делаем это как люди различным способом. Один человек, - и это можно точно исследовать соответствующими средствами духовной науки - который был аморальным или мало моральным, вживается в эту сферу Меркурия совершенно иначе, нежели морально настроенный человек. Первый, в этой сфере Меркурия, то есть, во время, следующее за Камалокой, не может так, как это было описано раньше, найти тех людей, которые с ним, или вскоре после него, покинули физический план и тоже находятся в духовном мире. То есть, он вживается в духовный мир так, что он не может найти тех, кого он любил, с кем он хотел бы быть вместе. Он становится отшельником духовного мира, меркуриальной сферы. Морально же настроенный человек становится тем, кого можно назвать общительным человеком. Он прежде всего находит там тех людей, которые были близки ему на Земле как душевные существа.

То, что мы вместе с кем-то, зависит не от пространственного, поскольку мы наполняем одно и то же пространство, а от того, как мы настроены. Мы становимся отшельниками, хотя наполняем то же пространство, что и другие, и мы остаёмся отшельниками, хотя наполняем то же пространство, что и другие. Отшельниками мы становимся, если приносим с собой аморальный настрой; общительными существами мы становимся, если приносим с собой моральный настрой. В Камалоке, в лунной сфере мы обнаруживаем другие трудности в отношении общения; но в общем можно себе представить так, что и там человек, в зависимости от конституции своей души, может стать отшельником или общительным существом. Тому, кто был на Земле ярко выраженным эгоистом, который знает, собственно, только удовлетворение своих желаний и страстей, будет нелегко найти в лунной сфере существо, которое было ему близко на Земле. Но страстный человек, который так же страстно любил что-то, что стоит вне его, не будет во время Камалоки совсем одиноким существом, а он найдёт другие существа, которые были ему близки. Но в общем в этих двух сферах невозможно найти других человеческих существ, которые были близки на Земле.

Другие остаются для нас незнакомыми. То есть, условием того, что мы будем вместе с другими людьми, является то, что мы были с ними вместе на Земле. То, встретимся мы с ними или нет, зависит от морального. Но и моральные устремления не могут продвинуть нас далеко за пределы той области, которая ведет к людям, с которыми мы уже были близки на Земле. Отношение к этим людям, которых мы встречаем после смерти, имеют ту особенность, что их невозможно изменить после смерти.

Это мы должны представлять себе следующим образом: Здесь в жизни мы в любое время имеем возможность изменить жизненные отношения, жизненные связи. Предположим, мы определённое время не любили кого-то так, как он того заслуживал. В тот момент, когда мы это заметили, когда мы одумались, мы можем позволить возникнуть настоящей любви, если мы достаточно сильны. После смерти у нас такой возможности нет. Если после смерти вы встретите человека, которому на Земле вы подарили мало любви или это была с вашей стороны необоснованная любовь, то мы видим это, мы воспринимаем эти вещи гораздо точнее, чем на Земле; но мы не можем в этом ничего изменить. Это должно оставаться, как есть. В этом, как раз, состоит особенность, что жизненные связи имеют определённое постоянство. Благодаря тому, что они становятся чем-то постоянным, наша душа формирует силы, посредством которых действует карма. То есть, если вы пятнадцать лет подряд слишком мало любили какого-то человека, то вы видите это; и во время проживания этого, вы формируете силу, позволяющую изменить это, когда будете снова инкарнированы на Земле. Это техника кармы. Прежде всего нам должно быть ясно. В первое время после смерти, то есть, в периоды Луны и Меркурия, а также ещё в последующее время, которое ещё будет сейчас охарактеризовано, мы живём в духовном мире так, что наша жизнь зависит от того, как мы жили здесь на Земле, в физическом мире; но так, что в рассмотрение входит не только наше сознание, как мы имели его на Земле, но и подсознание. То, как мы нормально живём здесь на Земле, в бодрствующем состоянии, мы живём в нашем Я. Под нашим Я-сознанием, лежит астральное сознание, подсознание. И там на Земле действует часто совершенно иное, без того, что человек знает об этом, - иное, чем верхнее сознание, Я-сознание.

Возьмём ближайший пример. Два человека живут здесь в лучших дружеских отношениях. Тут часто случается так, что один получает определённую Estimation (оценку) для духовной науки, другой же, живущий с ним, в то время раньше духовная наука была для него безразлична, начинает теперь ненавидеть её. Этой ненависти нет необходимости быть во всей душе, вполне может быть так, что она находится только в Я-сознании, не в астральном сознании. В астральном сознании человек, который всё больше и больше выражает свою гневную ненависть, собственно, любит её и стремится к ней, не зная этого. Такое вполне возможно. Такие противоречия существуют в человеческой природе. Если исследовать его астральное сознание, его подсознание, то, как раз, в нём живёт, возможно, скрытая для него самого, симпатия к этой вещи, которую он ненавидит в своём верхнем сознании. После смерти это проявляется особенно значительно; поскольку после смерти человек становится в этом отношении пробуждённым. Кто-то, кто здесь на Земле внушает себе, что он ненавидит духовную науку, но в подсознании любит её, и всю свою жизнь отталкивал всё, что с ней связано, тот часто испытывает горячую любовь в этой духовной науке. Это может значить глубокую боль в его Камалока-жизни, что он ничего не знает и потому не имеет никаких мыслей воспоминания. Так что после смерти человек зависит не просто от того, что его мучит или доставляет радость, что живёт в его Я-сознании, но и от того, что он развивает в своём подсознании. Тут человек полностью сознателен в этом отношении.

И здесь мы имеем один из пунктов, где можно видеть, что правильно понимаемая духовная наука действительно призвана плодотворно проникать во всю человеческую жизнь. Видит ли, человек, который прошёл через врата смерти, ничего не может изменить в своих отношениях с окружающими его существами, как и те, в свою очередь, с ним. Тут имеет место неизменность отношений. Но где ещё можно что-то изменить, так это в области отношений между умершими и ещё живущими. Живущие, которые находятся, так сказать, ещё на физическом плане, если они входят в какие-либо отношения друг с другом, то есть

оба, живущий и умерший, - эти живущие являются единственными, кто может как-то уменьшить, смягчить боль и мучения тех, кто прошёл через врата смерти. И плодотворным во многих случаях здесь оказалось то, что можно назвать, как раз, для этого случая: чтение умершим. Это действительно себя зарекомендовало: вот, кто-то умер; здесь в своей жизни он по каким-то, упомянутым ранее или по другим, причинам, не занимался духовной наукой. Тот, кто остался, может, исходя из духовной науки, знать, что умерший может иметь жгучий интерес к этой духовной науке. Если теперь оставшийся внутренне вступит в контакт с этим умершим, как если бы тот стоял напротив него, с мыслью, будто тот стоит перед ним, то это для умершего является великим благом. Мы действительно можем читать мертвым. Это, так сказать, преодолевает пропасть, существующую между живущими и умершими. Подумайте только, когда два мира, которые так разделены материалистическим настроением людей, - мир физического плана и спиритуальный мир, через который человек проходит между смертью и новым рождением, - подумайте, как это непосредственно влияет на жизнь, когда эти два мира сводятся вместе! Если духовная наука не будет оставаться теорией, а станет непосредственным жизненным импульсом, то есть, тем, чем эта духовная наука и должна быть, то нет никакого разделения, а есть непосредственная коммуникация. Чтение умершим является одним из случаев, когда мы можем вступить в непосредственные отношения с умершими, когда мы можем им помочь. Тот, кто избегал духовной науки, всегда испытывает мучения в стремлении к ней, если мы ему не поможем. Но мы можем помочь ему также отсюда, если он вообще имеет такое стремление. Так живущие могут помочь умершим.

Определённым образом умершие также могут стать услышанными живущими, хотя сегодня живущие мало что делают, чтобы вступить в контакт с умершими. Но тут в человеческую жизнь непосредственно проникает духовная наука, становясь настоящим жизненным эликсиром. Если мы хотим понять, как умершие могут влиять на живущих, нам, вероятно, придётся исходить из следующего рассмотрения.

Что человек вообще знает о мире? Мы знаем чрезвычайно мало, рассматривая вещи, находясь на физическом плане в просто бодрствующем состоянии. Человек знает то, что разыгрывается перед его чувствами и то, что он может сделать своим разумом из того, что разыгрывается. Всё прочее он не знает. Чаще всего он думает, что ничего больше и быть не может, кроме того, что он может наблюдать своими физическими чувствами. Но существует очень многое, что не происходит и всё же является чрезвычайно важным. Что это значит?

Предположим, мы привыкли каждый день в восемь часов утра идти на работу. Но однажды мы опоздали на пять минут. Ничего не случилось, кроме того, что мы вышли на пять минут позже. Но, возможно, при более точном рассмотрении, если бы мы внимательно приняли во внимание все обстоятельства, мы могли бы узнать, что в тот самый день, если бы мы ушли в нужное время, нас сбила бы какая-то машина; то есть, если бы мы вышли в нужное время, нас бы уже не было в живых. Или, что также возможно, случилось бы так, что друг отговорил кого-то отправиться в рейс на «Титанике». Он мог бы сказать: «Если бы я тогда этого не сделал, ты бы погиб!». То, что это обусловлено кармой, это другая вещь. Но подумайте, если вы рассматриваете жизнь таким образом, сколько вы об этой жизни знаете. Если то, что могло бы произойти, не произошло, то вы просто не знаете об этом. Бесконечные возможности, имеющиеся в мире действительности, человек не учитывает. Вы можете сказать: Это определённо не важно! Для внешних обстоятельств это не важно; важнее то, что мы не погибли. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы могли бы знать: что существует высокая вероятность того, что мы могли погибнуть, если бы, например, не пропустили поезд, попавший в катастрофу. Можно было бы перечислить множество случаев, которые в мелочах происходят постоянно. Разумеется, для внешнего хода вещей нам надо знать лишь то, что мы можем наблюдать. Но предположим, мы точно знаем, что нечто могло бы произойти, если бы мы не опоздали на поезд. Тогда такое переживание оказывает некое впечатление на нашу душу (*Gemüt*), и мы сказали бы: Как чудесно я спасся, благодаря случаю! Подумайте обо всех этих вещах, которые могли произойти с человеком. Душевная жизнь была бы бесконечно богаче, - и насколько она была бы богаче, если бы человек мог

знать всё это, в то время как теперь он смотрит лишь на бедную жизнь того, что произошло, - если бы он мог знать всё то, что вторгается в жизнь без того, что оно действительно происходит.

Это похоже на то, как если бы мы смотрели на ржаное поле и рассматривали там колоски со многими зёрнами, из которых те зёрна, которые снова будут посажены, составляют лишь относительно малую часть, большинство же не дадут никаких колосков и пойдут другим путём. То, что с нами возможно, относится к тому, что становится действительностью, как это множество зёрен, которое никогда не станет колосками, относится к тем зёрнам, которые будут снова посажены и дадут колоски. Это действительно так; поскольку то, что в жизни возможно, невероятно богато. И моменты, когда с нами происходят особенно важные вещи в мире возможного, являются теми удобными моментами, когда к нам могут приблизиться умершие. Предположим, что кто-то выходит на пять минут раньше и тем самым избегает гибели в тот момент, когда его постигло бы несчастье или, наоборот, с ним произошло бы что-то радостное, что от нас таким образом осталось скрытым. Это тот самый момент, когда в жизни, как в сновидческом образе, может повеять тем, что нам сообщают сами умершие. Но человек живёт грубо. Его заботит только грубое, а не тонкости жизни, которые имеют место в жизни. В этом смысле, посредством духовной науки, чувства и ощущения утончаются. Тогда человек чувствует внесёнными в жизнь тех, кто умер, и он будет иметь с ними связь. Разрыв между живущими и умершими будет преодолен посредством духовной науки, которая действительно станет жизненным эликсиром.

Следующей сферой, то есть, следующим временем после смерти, является, так называемая, сфера Венеры. В этой сфере Венеры мы становимся отшельниками, если здесь, на Земле, были настроены не религиозно. Общительными существами мы становимся, благодаря религиозному настрою, которое мы приносим с собой. В зависимости от того, были ли мы в состоянии чувствовать свою отдачу святому духу в физическом мире, мы находим всех тех, кто имеет тот же настрой по отношению к духовно-божественному. В этой сфере Венеры люди сгруппированы согласно своим религиозным и мировоззренческим взглядам. Здесь, на Земле, дело обстоит ещё так, что значение имеют как религиозные устремления, так и религиозные переживания. В сфере Венеры группирование основано исключительно на религиозных и мировоззренческих убеждениях. Те, кто имеет одинаковое мировоззрение, находятся в сфере Венеры в больших и могущественных общинах; они не отшельники. Отшельниками там являются те, кто вообще не может развить никаких религиозных восприятий и импульсов. Таким образом, те, кого мы в наше время называем монистами, материалистами, станут не общительными, а одинокими существами; каждый будет проводить своё время в сфере Венеры словно в собственной клетке, и Союз Монистов в этой сфере совершенно невозможен, поскольку, благодаря тому, чем является монистическое вероисповедание, человек обречён на одиночество. Это факт, а не просто что-то выдуманное, что каждый заперт в собственной клетке. Это делается для того, чтобы воспитать душу для реальности по сравнению с фантазией монизма, которую она приобрела здесь. В целом можно сказать: объединиться можно с теми, кто разделяет с нами одно и то же мировоззрение, одну и ту же веру. Другие верования в сфере Венеры понимаются трудно.

Затем следует сфера Солнца. Это следующее время. В солнечной сфере нам может помочь ещё только то, что уравнивает различные верования, то, что может образовать мост от одного религиозного верования к другому. Что ж, в отношении наведения мостов от одного верования к другому, люди имеют свои собственные взгляды, и им нелегко понять, как можно найти действительное понимание, в том числе и тех, кто иначе думает и чувствует. Теоретически к этому пониманию повсюду призывают; но если этот призыв должен стать реальностью, дело тут же изменяется.

Тогда можно получить опыт того, что тот, кто принадлежит к индуистской религии, хоть и говорит об общем сущностном ядре всех религий, но на деле под этим общим сущностным ядром имеет в виду только то, что содержится в индуистской или буддистской религиях. Приверженцы говорят об индуистской и буддистской религиях с особым эгоизмом, и когда

они говорят об этом, они попадают в ловушку группового эгоизма. - Здесь можно вставить красивую легенду о групповом эгоизме, которая есть у эстонцев.

У эстонцев есть прекрасная легенда о возникновении языков: Бог хотел дать людям язык через огонь. Он должен был разжечь огромный огонь, и через своеобразные звуки огня, которые люди должны были слушать, и, благодаря тому, что люди услышали бы, должен был создан язык. Так бог создал все народы Земли, что бы они могли изучить свои языки. Но перед тем, как он создал другие народы, бог создал эстонцев и научил их божественно-духовному языку, то есть, более высокому языку. Только затем пришли другие народы, и им было позволено слушать огонь, и, благодаря тому, что они слышали, как горит огонь, они учились понимать эти звуки. Некоторые народы, которые нравились эстонцам, приходили первыми, когда огонь пылал ещё довольно сильно. Когда огонь уже затухал, приходили немцы, поскольку эстонцы не особенно любили немцев. И тогда можно было слышать из уже затухавшего огня: «дойч, пайч, дойч, пайч». Затем пришли лопари (Lappen¹⁸), которых эстонцы вообще не любили, и тогда уже можно было слышать только: «лаппен, латчен». И поскольку костёр уже превратился в золу, лопарям достался самый плохой язык, потому что лопари были смертельными врагами эстонцев. - Тут видно, как эстонцы выразили всё, что у них было из своего группового эгоизма.

На них похожи многие народы, когда они говорят о том, что хотят проникнуть в существенное ядро различных религиозных сообществ. И тут надо действительно сказать, что в этом отношении христианство несомненно отличается от других исповеданий. Если бы, например, в Европе было так же, как в индуистской религии, то там по-прежнему господствовал бы, как национальный бог, старый Вотан. Но Европа приняла не господствующего Бога, которого можно было найти внутри Европы, а того, которого можно было найти снаружи. Это существенная разница по сравнению с индуизмом и буддизмом. Во многих отношениях европейское христианство не пронизано религиозным эгоизмом; в религиозном отношении оно гораздо более самоотверженно, чем восточные религии. Поэтому правильное познание и ощущение импульса Христа - это также то, что приводит людей в правильное отношение к ближнему, независимо от того, какую внутреннюю жизнь, в отношении исповедания, они ведут.

В солнечной сфере между смертью и новым рождением это действительно означает понимание того, что позволяет нам вступать в отношения не только с людьми одинаковых убеждений, но и со всеми людьми, поскольку это христианство, если мы рассматриваем его широко, в связи с ветхозаветной религией, никогда не учит односторонности. Можно обратить внимание на одну вещь, которая чрезвычайно важна и которую необходимо признать: Вы можете вспомнить, что одними из прекраснейших слов в Новом Завете, которые говорит Христос, вспоминая Старый Завет¹⁹, являются слова: «Вы есть боги». Христос указывает людям на то, что внутри каждого человека живёт божественное зерно, бог: Вы все - боги. Вы подобны богам. - Это высокое учение Христа, - указать людям на их божественную природу, на то, что они могут быть подобны богу. Вы можете быть как боги, - это чудесное, великое и проникающее глубоко в сердца учение Христа! Другое существо сказало те же слова, и это принадлежит к исповеданию Христа, что другое существо сказало то же самое. Люцифер в начале Ветхого Завета подступил к человеку, и искушение состоит в том, что он берёт за отправную точку слова: «Вы станете как Боги». То же самое Люцифер говорит в начале искушения в раю, и это, в свою очередь, говорит Христос Иисус, - точно те же самые слова! Здесь мы касаемся глубочайшего, важнейшего пункта исповедания Христа,

¹⁸Са́амы (са́ами, лопарі, лапландцы; самоназвание — кильд.-саамск. сáмь, сáммля, сев.-саамск. sámit, sápmelaš; фин. Saamelaiset, нюнорск Samar, швед. Samer) — малочисленный финно-угорский народ; коренной народ Северной Европы. Скандинавы называли их lappar или lapper, русские — «лопари», «лопляне» или «лопь», от этого наименования происходит название Лапландия (Лаппония, Лаппоника), то есть «земля лопарей»; сами саамы называют свою страну Sápmi (Сапми). Область знаний, сферой изучения которой является этнография, история, культура и языки саамов, называется «лопаристикой», или «лапонистикой» (Википедия, прим. пер.).

¹⁹Бытие 3:5.

пункта, где, так сказать, пальцем указывается на то, что речь идёт не просто о содержании каких-то слов, а о том, какое существо говорит те или иные слова. Поэтому и в последнем спектакле мистерий надо было показать: Те же слова может сказать Люцифер, и они есть нечто совершенно другое, чем если их говорит Ариман, и нечто другое, если их говорит Христос. Тут мы прикасаемся к глубочайшей тайне мирового бытия, и важно обрести понимание того, что сказано, как раз, посредством этих слов «Вы - Боги», «Вы станете как Боги», однажды - из уст Люцифера, и в другой раз - из уст Христа.

В рассмотрение надо обязательно включать то, что между смертью и новым рождением мы будем жить также в солнечной сфере, и в этой солнечной сфере нам необходимо очень глубокое понимание импульса Христа. Мы должны принести его с собой с Земли; поскольку Христос был некогда на Солнце, но, как мы слышали, спустился с Солнца и теперь соединился с Землей. Поэтому мы должны принести его в солнечное время, и тогда с этим импульсом Христа мы сможем стать общительным существом и понять его в солнечной сфере.

Но мы должны учиться делать различие между Христом и Люцифером, и мы делаем это сейчас с помощью антропософии. Поскольку то, что мы приносим с собой с Земли в своём понимании Христа, - это ведёт нас только до Солнца и является для нас в солнечной сфере гидом, ведущим от одной человеческой души к другой душе, без различия в вере и исповедании; но в этой солнечной сфере нас встречает другое существо, говорящее те же слова, имеющие, по сути, то же содержание: это существо - Люцифер. И мы должны обрести это понимание различия Христа и Люцифера, поскольку Люцифер теперь должен сопровождать нас через дальнейшие сферы между смертью и новым рождением.

Так мы проживаем сферы Луны, Меркурия, Венеры и Солнца. В каждой из этих сфер нас прежде всего достигает то, что мы принесли с собой в отношении внутренней силы. В лунной сфере - аффекты: с этой сферой нас связывают побуждения, страсти, чувственная любовь. В сфере Меркурия нас достигает всё, что мы имеем как моральные несовершенства, в сфере Венеры, - что мы имеем как религиозные несовершенства, в солнечной сфере то, что нас отделяет от того, что называется «человеческим».

Теперь мы входим в другие сферы, которые оккультист знает как сферы Марса, Юпитера и Сатурна. Тут нашим гидом является Люцифер, тут мы вступаем в мир, который оплодотворяет нас новыми силами. Так же, как здесь у нас под нами Земля, так в космосе под нами Солнце. Мы вырастаем в божественно-духовные миры, и в то время как мы в них вырастаем, мы должны сохранять в памяти то, что принесли с собой как импульс Христа. Его мы можем обрести только на Земле, и чем он в нас сильнее, тем дальше мы можем выносить его в космос. Затем к нам подступает Люцифер. Он ведёт нас в мир, в который нам предстоит войти, чтобы подготовиться к новому воплощению. И без чего мы не можем обойтись, чтобы Люцифер не стал для нас опасностью, так это понимания Импульса Христа, того, что мы слышали о Христе во время пребывания на Земле. Люцифер приходит к нам во время между смертью и рождением, но Христа мы должны были принять во время нашего пребывания на Земле. Тогда мы вырастаем в другие сферы, лежащие за пределами Солнца. Мы становимся, так сказать, всё больше и больше, под нами у нас Солнце, а над нами - всё огромное, всемогущее звёздное небо. Мы вырастаем в мировое пространство, в космос до определённых границ. И, в то время как мы вырастаем в него, на нас действуют космические силы всех звёзд. Мы вбираем в своё мощно разросшееся существо силы из всего звёздного мира.

Мы доходим до некой границы. Затем мы снова стягиваемся и снова вступаем в то, что мы проделали. Мы проходим через сферы Солнца, Венеры, Меркурия, Луны, до тех пор, пока не приблизимся к Земле, и пока то, что было вынесено в мировое пространство, снова не стянется в зародыш, который в какой-то человеческой матери не станет новым человеком. Это происходит после того, как человек расширился в далёком мировом пространстве и принял там космические силы.

Это тайна человеческого бытия после смерти, между смертью и новым рождением. После того, как человек проходит врата смерти, он из малого пространства Земли, расширяясь, становится всё больше и больше, вырастая до сфер Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Тогда мы вырастаем в мировое пространство; становимся как духовное существо, как бы, огромным шаром. Затем, после того, как душа вобрала в себя силы универсума, звёзд, мы стягиваемся снова, имея уже в себе силы звёздного мира. Здесь мы имеем объяснение духовного исследования тому, что в этой нашей спрессованной мозговой массе можно обнаружить отпечаток всего звёздного неба. На мозг действительно скрывает в себе полную значения тайну.

И в этом лежит ещё одна тайна: человек, таким образом, стягивается, инкарнирует в физическом теле, в которое он попадает, благодаря родительской паре. Человек оказывается так далеко, поскольку тогда, в то время как он расширялся в мировом пространстве, он записал всё то, чем были его свойства. Когда мы стоим на Земле и смотрим на звёздное небо, то там не просто звёзды, а там наши свойства из предыдущих инкарнаций. Например, если в предыдущих инкарнациях мы были амбициозными, то эти амбиции записаны в звёздном мире. Они записаны в Хрониках Акаши, и когда вы стоите здесь, на Земле, в определенной точке, эта амбиция с соответствующей планетой в том или ином положении приходит к вам; она [амбиция] оказывает свое влияние. А мораль этого состоит в том, что астрологи видят не просто звёзды и звёздные влияния, а они говорят: Тут стоит ваше честолюбие, ваша амбициозность, ваше аморальное, ваша лень; и тут нечто такое, что вы записали в звёздах, некоторым образом снова действует из звёздного мира вниз и обуславливает вашу судьбу. Поэтому то, что есть в нашей душе, мы записываем в большом пространстве, и оттуда это оказывает на нас обратное действие, когда мы оказываемся здесь, на Земле, между рождением и смертью. Эти вещи невероятно близки нам, когда мы их по-настоящему понимаем, и они многое нам объясняют.

Видите ли, я в своей жизни много занимался Гомером, но когда, как раз, в конце прошлого лета передо мной стояла задача исследования этих отношений между смертью и новым рождением, и я пришёл к точке зрения, что отношения между смертью и последующим рождением остаются неизменными, тогда какой-то момент мне пришлось сказать себе: греки называют его слепым, потому что он был великим видящим. Он говорит: жизнь после смерти происходит там, где нет изменений. Удивительно подходящие слова. Понимать эти слова вы научитесь, только если будете делать это, исходя из оккультных тайн. И чем дальше вы будете продвигаться в этой внутренней борьбе, тем будет яснее становится, что античные поэты были величайшими видящими, и что они заколдовывали в своих произведениях много такого, для понимания чего необходимо многое понять.

Тут я хочу упомянуть одну вещь, которая произошла со мной ранней осенью, и которая очень показательна. В начале я сопротивлялся этому, поскольку она была очень неожиданной. Но это один из тех случаев, когда объективность побеждает.

Во Флоренции есть гробница для Микельанджело Лоренцо и Джулиано Медичи, созданная Микельанджело. Там представлены оба этих брата и четыре аллегорические фигуры. Эти фигуры очень известны. Но когда я увидел их впервые, мне сразу стало ясно, что с этой группой что-то не так. Мне сразу стало ясно, что тот, кто был обозначен как Джулиано, был Лоренцо, и наоборот. Это очевидно: их могли перепутать, поскольку эти фигуры можно было переносить, а значит в какой-то момент перепутать, и на это не обратили внимание. Поэтому Лоренцо обозначается как Джулиано и наоборот. Но что сейчас важно, так это четыре аллегорические фигуры.

Если начать с рассмотрения фигуры «Ночи», этой чудесной «Ночи», то, пока вы придерживаетесь мнения, что имеете дело с аллегорией, вы ничего не поймёте. Но если представить себе то, что известно о человеческом эфирном теле в его полном проявлении, то вы спросите себя: Если бы астральное тело и Я были свободны, и эфирному телу надо было бы найти наиболее присущий ему жест, то какой бы это мог быть жест? - тогда ответом было бы: Получился бы такой жест, какой Микельанджело придал «Ночи». - Действительно, эта

«Ночь» создана так, что даёт чудеснейшее выражение свободного, независимого эфирного тела, которое выражается в физиономии физического тела, когда астральное тело и Я находятся снаружи. Эта фигура не аллегория, а действительно человек, представленный в связи с физическим и эфирным телами, когда астральное тело и Я находятся снаружи. Тогда эта фигура, в этом положении, которое является исторически наиболее точным выражением эфирного тела в его живости, понятна.

И если исходить из этого, то относительно фигуры «Дня» мы получим следующее гротескное суждение: когда наиболее активно Я, когда оно меньше всего подвержено влиянию астрального, эфирного и физического тел, получается это своеобразное положение, этот жест, который придал фигуре «Дня» Микельанджело. Когда деятельно само по себе астральное тело, независимо от физического, эфирного тел и Я, тогда выходит жест фигуры «Рассвета», а для физического тела, которое действует независимо от прочих трёх членов, выходит жест «Сумерек».

Я долго сопротивлялся этому знанию; но чем дальше я углублялся в него, тем сильнее то, что я видел в этом вылитом в камне письме, принуждало меня признать его правоту. Не то чтобы Микельанджело осознавал это; но это прорывалось в его интуитивном творчестве. Тогда становится понятной легенда о том, что когда Микельанджело был один в своей мастерской, фигура «Ночи» оживала и бродила вокруг. Это особая иллюстрация той вещи, что мы имеем здесь дело с эфирным телом. Повсюду вмешивается спиритуальное, как в человеческое развитие, так и в искусство и так далее. Чувственное становится понятным только тогда, когда мы понимаем то, как спиритуальное воздействует на чувственную действительность.

Есть прекрасное высказывание Канта. Кант сказал: Есть две вещи, которые оказали на меня особое впечатление: Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне. - Это окажет совершенно особое впечатление, если мы поймём, что обе эти вещи, - одно и то же. Поскольку между смертью и рождением мы разлиты по звёздному пространству, вбирая в себя его силы, а когда мы находимся в физическом теле, то эти собранные нами силы действуют в нас как наши моральные импульсы. Когда мы смотрим на звездное небо, мы можем сказать: Мы живём во время между смертью и новым рождением в том, что там, снаружи, в космическом пространстве, живёт в виде сил. И это теперь направляющий закон нашей моральной жизни. Так что звёздное небо снаружи и нравственный закон внутри нас - это одна и та же действительность, только две стороны этой действительности. Звёздное небо мы переживаем между смертью и новым рождением, а моральный закон - между рождением и смертью.

Если мы поймём это, то духовная наука станет непосредственной молитвой, могучей молитвой; поскольку, ведь, молитва - это ничто иное как то, что соединяет нашу душу с пронизывающим мир божественно-духовным.

Эта молитва есть то, что может быть молитвой сегодня. Мы должны обрести её, проживая в мире чувств. Сознательно стремясь к этому, то, что мы можем знать, совершенно само по себе становится молитвой. Тогда спиритуальное познание непосредственно становится и чувством, и переживанием, и ощущением. И так должно быть. Сколько бы оно ни работало с понятиями и идеями, эти идеи и понятия в конечном итоге становятся чистыми молитвенными ощущениями, чистыми чувствами. Но это, как раз, то, что нужно нашему времени. Наше время нуждается в прямом переходе от рассмотрения к переживанию космоса, когда само рассмотрение становится подобным молитве. В то время как рассмотрение внешнего физического мира становится всё более сухим, всё более сходным с учёностью, всё более абстрактным, рассмотрение духовной жизни становится всё более сердечно настроенным, всё более глубоким, всё более сходным с молитвой, - и не посредством односторонней сентиментальности, а, благодаря своей собственной природе. Тогда человек будет знать о том, что у него есть божественное, которое пронизывает мировое пространство, не просто из абстрактных идей, а путём продвижения в знании того, что он

действительно пережил в жизни между последней смертью и новым рождением. Он будет знать: то, что он там пережил, находится теперь в нём как богатство его жизни.

Это те рассматривания, которые связаны, как раз, с недавно проведёнными исследованиями, которые, однако, могут помочь нам понять своё собственное развитие. Тогда духовная наука однажды действительно сможет превратиться в духовно-спиритуальный жизненный сок. В будущем об этих вещах ещё будет говориться чаще.

Между смертью и новым рождением

Вена, 21 января 1913 года

(по записи на слух)

Когда мне было позволено выступать здесь перед вами в последний раз, я вкратце коснулся того значительного отрезка в человеческой жизни, который протекает между смертью и новым рождением. Этот отрезок человеческой жизни нельзя рассматривать так, будто он безразличен для физической жизни. Нам должно быть ясно, что силы нашей жизни приходят не только из мира, в котором мы находимся с нашей физической телесностью, а они приходят существенным образом из сверх физических миров, к которым мы принадлежим между смертью и рождением. А то, как там обстоит дело, по сути, мы можем узнать только в том случае, если сможем сформировать себе представления о жизни между смертью и рождением.

Собственно, в общем человек захвачен определённой сновидческой или сонной жизнью. Те люди, которые проходят через физическое бытие, где они ведут свою повседневную жизнь и ни о чём не задумываются, фактически подобны спящим в жизни; а те, кто заботится о том, что лежит за пределами физической жизни, что влияет на физическую жизнь, - это люди, которые пробуждаются также и для физического бытия. К нашим прошлым рассматриваниям, которые могут нам показать, как духовная наука, если она понимается правильно, может охватывать всё человеческое бытие целиком, мы можем присоединить то, что и всё человечество, если духовная наука сможет постепенно распространиться, также переживёт нечто вроде пробуждения из своего рода жизненного сна. На людей наваливается множество вещей, которые поначалу кажутся непонятными и таинственными, - таинственными гораздо больше для чувства, чем для сухого разума. В определённом смысле загадочен момент, когда мать стоит у гроба своего ребенка или наоборот. Если немного более основательно взглянуть на человеческую жизнь, можно увидеть, сколько загадочного возникает в жизни людей. Ко мне часто приходят люди, чьи сёстры, мужья или жёны умерли. Они говорят: Раньше я не думал о смерти и не беспокоился о том, что последует потом, но после того, как у меня отняли близкого мне человека, мне кажется, что он ещё здесь, и это заставило меня задуматься о духовной науке. - Люди приобщаются к духовной науке из-за жизни, и она сполна им воздаёт за то, что через неё происходит, поскольку духовная наука может пронизать жизнь силами, которые исходят только от неё.

Когда человека больше нет на физическом плане, прежде всего возникает вопрос: Как же теперь с ним после смерти? Внешняя наука не может дать ответ, поскольку она лишь констатирует то, что видят глаза, что он распадается. Распадается также и физический мозг; и понятно, что им нельзя пользоваться для того, чтобы узнать, что человек переживает без физической оболочки. И всё же возникает огромное число вопросов, относящихся к потустороннему. Для объяснения этих вопросов используются не столько общие рассматривания, сколько отдельные конкретные случаи, которые показывают, как может выглядеть то или иное. Это может оказывать непосредственное влияние на жизнь.

Мы можем исходить из жизни здесь. Вероятно, там или здесь, вы уже сталкивались с тем, что кто-то, благодаря своим влечениям, благодаря своей душевной конституции, пришёл к духовной науке, а другой становится по отношению к ней всё более и более враждебным. Жизнь, однако, предлагает майю не только в природе, но и там, где наша душа непосредственно касается отношений с людьми. Как раз, то, что я сейчас упомянул, может быть полнейшей иллюзией: человек, который внушил себе, что всё это бессмыслица, - в той душевной глубине, которую он не достигает своим сознанием, он развивает к этому тайную любовь. В подсознании любовь может быть тем, что проявляется как ненависть. Такие вещи можно обнаружить в физической жизни людей. После того, как человек прошёл врата смерти, начинают проявляться также все тайные душевные силы и влечения, - то, что в физической жизни было подавлено, выступает теперь как содержание периода очищения. Мы видим людей, прошедших врата смерти, которые здесь были врагами духовной науки; после же смерти они развивают интенсивное влечение к ней. Такие ненавистники теперь стремятся к духовной науке. Затем выясняется следующее: Если бы мы подошли к ним с какой-нибудь антропософской книгой, то они обругали бы нас; после смерти же мы не можем оказать им лучшей услуги, как прочитать им что-то из неё. Мы читаем в мыслях умершим; это может оказать на умерших весьма стимулирующее действие. У нас есть множество примеров в нашем спиритуальном движении, когда близкие люди умирали, а оставшиеся читали для них. И умершие принимают то, что им предлагается, с глубокой благодарностью, и может развиваться прекрасная совместная жизнь. Тут видно, что может означать духовная наука на практике. Духовная наука - это не просто теория; она должна внедряться в жизнь, она должна устранить то, что как стена стоит между живущими и умершими; она должна создать мост между ними. Если с правильным настроем привнести духовную науку в жизнь, можно извлечь из этого много пользы. Нет лучшего совета, чем читать умершим. Поскольку особенность состоит в том, что непосредственно после смерти мы не можем установить новые отношения, нам приходится продолжать старые.

Возникает вопрос: Разве, так называемые, мёртвые не могут там найти духовных существ, которые могли бы их наставлять? Это невозможно! Прежде всего, можно иметь отношения только с существами, с которыми вы были связаны до прохождения врат смерти. Если вы встречаете какого-то духа, которого вы не знали на Земле, вы проходите мимо него. Если здесь кому-то повстречается великий гений, который одет как извозчик, то он его тоже не признает. Отношения есть только с существами, которых вы знали здесь как людей. Вы можете встречать сколь угодно много существ, способных вам помочь, но с которыми у вас не было отношений, - это ничего не даст.

Поскольку духовная наука стоит в начале своего развития, и люди только начали позволять ей действовать на себя, живущие могут оказать умершим огромную услугу, предоставляя им такую помощь. Тут мы имеем пример, как из нашего мира можно оказать воздействие на другой мир. Но возможно и обратное: умершие также могут воздействовать на физический мир. Если духовная наука будет всё больше завоёвывать мир, то оба мира будут взаимодействовать. Умершие также могут влиять на живых. Человек, ведь, очень мало знает о мире, он знает только то, что с течением времени происходит здесь. Многие думают, что другое не имеет значения. То, что происходит, является, собственно, лишь малой частью того, что стоит знать, и человек остаётся в неведении относительно жизни, если он знает только то, что происходит. Утром мы идём на работу; возможно, мы будем считать достойным знания всё, с чем мы тогда сталкиваемся. Однажды мы выходим на три минуты позднее; тогда, возможно, происходит нечто неожиданное: возможно, если бы мы вышли в нужное время, нас бы сбила машина; теперь мы защищены от этого. Возможно, мы должны были отправиться в путешествие и опоздали на поезд: и именно с этим поездом случилось большое несчастье. Что мы выносим из такого рассмотрения?

Есть многое в жизни, что не происходит, но что мы должны причислять к возможностям жизни. Знает ли человек, сколько таких возможностей проходят мимо в течение дня? Что могло бы случиться, если бы мы не избежали этого! Мы упускаем это из виду это, поскольку

для сухого рассмотрения жизни это не имеет смысла. Попытаемся взглянуть на душу, которая как бы, случайно избежала таких опасностей, как она это воспринимает! - Один берлинец, например, хотел поехать в Америку; у него уже был билет. Один приятель сказал ему: Не садись на Титаник! - Представьте себе чувства того, кто остался, когда он узнал о гибели Титаника! Это потрясло его чувства. Какие душевные впечатления могли бы возникнуть у нас, если бы мы могли целый день наблюдать за тем, что мы избежали, что могло бы случиться! Если бы люди начали интересоваться духовными вопросами, они стали бы гораздо более чувствительными к сложностям жизни, к тому, что разыгрывается между событиями за день. Могло бы случиться так, что если бы мы вышли на три минуты раньше, нас бы переехала машина: если бы мы имели душевную чувствительность, если бы мы были душевно подготовлены к этому, то в такой момент мы могли бы из милости получить какое-то впечатление из духовного мира, сообщение от какого-то умершего. Тогда врата от умерших были бы раскрыты; тут можно видеть, что человек, воспитавший в себе такую чувствительность, может общаться с умершими. До нас могут доходить важные вещи: например, что умерший отдаёт приказ выполнить что-то, что он не сделал. Таким образом заполняется этот зазор. Поэтому, когда духовная наука станет практической, мы будем общаться с мертвыми в обоих направлениях. Так духовная наука может стать жизненной практикой; она перенесёт сверхчувственный мир в непосредственное настоящее.

Теперь может возникнуть следующий вопрос: Если мы берём в руки духовно-научную книгу, то мы читаем её на определённом языке. Понимают ли умершие этот язык? - В период очищения умершие понимают язык, на котором они говорили здесь; только когда мы переходим в Девахан, речь прекращается, тогда это происходит в мыслях. По прошествии определённого времени происходит изменение в общении с умершими. Если оставшийся человек восприимчив, он ощущает: умерший с тобой, ты думаешь так же, как он думает о тебе. Это может продолжаться годы, затем наступает момент, когда связь теряется; это момент, когда умерший переходит в Девахан. В период очищения ещё сохраняется память о жизни на Земле, человек ещё цепляется за эти воспоминания.

Что такое земной язык? Любой земной язык имеет значение только для земной жизни; и он тесно связан с организацией человека, с климатом, а также с тем, что по-разному сформирована гортань. В Европе говорят не так, как в Индии. Мысли же не привязаны к физической организации; мысли не формируются согласно условиям в Индии. Умершие обладают пониманием языка только до тех пор, пока они находятся в Камалоке. Если с помощью медиума приходит сообщение на каком-то определённом языке, то это сообщение может быть дано только человеком, умершим недавно.

По сути, мы всегда находимся в высшем мире, мы входим бессознательно в сон и во время сна живём в том же мире, что и после смерти. Теперь я хотел бы задать вопрос: может ли тот, кто ещё не обладает ясновидением, кто ещё не умеет наблюдать как видящий, всё же знать, как обстоят дела?

Ведь, спящий человек ещё живёт, он подобен растению. Вы, наверное, помните, что представитель науки Рауль Франс пишет, что растение обладает чувствами и может чем-то питаться; однако в растении нет душевного. Спящий организм человека имеет такую же ценность, как и растение. Для того чтобы растение могло жить, необходимо падение на него солнечных лучей. Мы видим Землю, покрытую растениями, потому что их вызывает Солнце; без Солнца земля не заросла бы: зимой растения расти не могут. Но когда человек спит, то где его Солнце? То, что лежит в постели, мы не можем мыслить без Солнца: это Солнце состоит в том, что находится снаружи, как Я человека; Я должно работать над спящим организмом, как Солнце над растением. В создании и бытии растения участвует не только Солнце, но и Луна; без влияния Луны рост растений был бы также невозможен. Но влияние Луны - это вовсе не то, на что обращают внимание учёные²⁰.

²⁰Из записей другого участника видно, что в этот момент говорилось также о работе Густава Теодора Фехнера: «Профессор Шлайден и Луна». Сравните замечания Рудольфа Штайнера в лекции от 27 сентября 1922 года, содержащейся в томе «Знание человеческого существа как тела, души и духа», GA 347.

Лунный свет влияет на растение. Лунное влияние связано с шириной растения; тонкое растение, растущее вверх, имеет мало лунного влияния. Весь космос участвует в росте растения. И, как Я участвует в жизни физического и эфирного тела как Солнце в росте растения, - так же астральное тело действует как Луна: это такая же связь. Я является Солнцем для физического тела, а астральное тело для него - Луна, но духовная. Мы видим, что Я образует эрзац солнечного воздействия, а наше астральное тело - эрзац Луны. В этом состоит объяснение того, что имеет в виду видящий, когда говорит: Человек сформировался как экстракт из сил космоса. Как Солнце находится в центре планетной системы и его свет распространяется так, что повсюду светло, так же свет Я должен пронизывать физическое и эфирное тела. **Солнечный свет не только физический, он также и душевно-духовный; как душевно-духовный он освободился (löste es sich los) от космического и стал Я²¹.** Экстракт лунного света - человеческое астральное тело. Всё это сделано очень мудро. Если бы человеческое Я всё ещё было бы привязано к Солнцу, человек мог бы также менять сон и бодрствование только как растения. Под воздействием Солнца мы никогда бы не смогли спать днём, а должны были бы спать только ночью; но на этой эмансипации основана вся культурная жизнь. Мы носим в себе наше собственное солнце: Я является экстрактом солнечного влияния; то же, что в человеке живёт как астральное тело, является экстрактом лунного влияния. Поэтому во сне в духовном мире мы не зависим от космического воздействия Солнца; наше Я делает то, что иначе делает Солнце; мы освещаемся нашим собственным Я и астральным телом. До сих пор к этому подходило только древнее оккультное воззрение. Духовная наука даёт нам этот образ спящего человека: над ним светит Солнце, его Я - и без него он не мог бы быть во сне как растение. Над ним светит луна: его собственное астральное тело.

Теперь представим себе, что осенью Солнце теряет свою действенность, растительный рост соответственно прекращается. У бодрствующего человека астральное тело и Я находятся внутри физического и эфирного тел; при вхождении в тело это, как бы, закат Солнца и Луны: тогда также заканчивается настоящая растительная жизнь. Так, как растительная жизнь деятельна во сне для восстановления сил, она не активна во время бодрствования. То, что соответствует растительному росту, увядает, когда человек просыпается; утром мы умираем как растение. Этим объясняется многое из того, что разыгрывается между душой и телом человека. Многие люди чувствуют себя очень возбуждёнными после пробуждения; это те люди, которые могут больше жить в душевном. Те, кто больше живут в телесном, легко чувствуют утром некую усталость. Чем меньше человек чувствует себя усталым утром, тем он продуктивнее. Всё же наша бодрствующая жизнь подобна умиранию растения зимой. Каждый день мы вводим в наш организм силы умирания; они накапливаются, и, поскольку это так, мы умираем. Причина смерти лежит в сознании. Отсюда мы можем видеть, как сознательная, пронизанная Я, повседневная жизнь, разрушает физическое и эфирное тела. Мы умираем, потому что живём сознательно.

Сегодня многие пытаются объяснить явление сна. Мол, сон - это состояние усталости. Сон для того, чтобы изгнать усталость. Но сон - это не состояние усталости, ведь ребёнок спит больше всего. Сон - это нечто такое, что интегрировано во всю жизнь в ритме засыпания и пробуждения. Как в зимнее время мы видим умирание природы, так нечто умирает в нас, когда мы живём и бодрствуем. - Когда мы проходим врата смерти, мы оставляем наши физическое и эфирное тела: тогда Я и астральное тело могут являться нам как Солнце и Луна, которым нечем светить. На деле всё же возможно состояние, когда Я и астральное тело продолжают жить и тогда, когда они не могут светить. Когда они погружаются в тело, возникает сознание; в духовном мире человек тоже должен во что-то погружаться, чтобы быть сознательным, иначе он жил бы бессознательно.

Во что же погружается человек после смерти? Он погружается в духовную субстанцию, которая была там без земного влияния. После Мистерии Голгофы человек всегда должен погружаться в то, что появилось, благодаря Мистерии Голгофы, как Христос-субстанция

²¹Выделение переводчика.

Земли. Мы были знакомы с Христом как с Солнечным Духом. Однажды Я эмансипировалось от солнечного света. Затем этот великий Солнечный Дух спустился на Землю: благодаря этому, Я человека погружается в субстанцию Солнечного Духа. Это погружение в субстанцию Солнечного Духа человек переживает тогда, когда проходит врата смерти, и, благодаря этому, он в состоянии развивать сознание после смерти. В физической природе это состояние достигается тогда, когда Земля приходит к состоянию Вулкана. Если Солнце светит на Землю сверху, мы можем сказать: Солнце вызывает рост растений. Но если бы Солнце со своей силой, вызывающей рост растений, светило на земную планету, и Земля была бы не способна, создавать растения, но могла бы отражать солнечный свет, то этот солнечный свет не был бы утерян, а он выходил бы в небесное пространство и стимулировал бы сверхчувственный растительный рост. Он осуществлялся бы тогда не физически, а духовно. Благодаря тому, что Христос соединился с Землёй, он действует так, что человек, который связывается с ним, после смерти переживает ответное действие того, что он сознательно понял здесь. Так мы постигаем то, что человек именно на Земле должен завоевать себе возможность развить сознание и после смерти, что он должен принести с собой силы физического тела, которые развивают сознание. В греко-латинское время физическая телесность проникалась лучами света больше всего. Тогда реальностью были слова: «Лучше быть нищим здесь, чем царём в царстве теней». - Тогда жизнь в нижнем мире была мучительным бытием. До рождения Христа жизнь после смерти была развита мало. Мы же, напротив, живём в то время, которое замечательно тем, что такая сила на телесность больше не действует. То, что представляет собой спящий человек, действительно приходит к своему концу. Со времени Христа человеческая телесность приходит к гибели. Сильнее всего растительное развивалось в греческое время; наиболее слабой телесность будет у цели человеческого развития. Вначале люди были ясновидящими, душа была очень развитой; посредством духовно-душевного падения телесность вознеслась до высот греческой красоты. Но у всякого стремления к красоте есть подвох в будущем: у внешней красоты нет будущего; красота должна быть внутри, в ней должно быть видимо характерное. В том же смысле, в каком она движется к увяданию, внутренние Солнце и Луны будет всё более и более приближаться к своей славе. Более о будущем понимают те, кто развивают душу и дух посредством духовной науки, а не те, кто хочет снова воскресить греческую борьбу. Чем больше человек оставляет своё духовно-душевное в бессознательном, тем более плачевная судьба предстоит ему между смертью и новым рождением. То, что увядает тело, это не имеет дело с жизнью после смерти; но если человек не развил духовно-душевное, то ему нечего взять с собой в духовный мир. Чем больше он позволяет пронизывать себя спиритуальным содержанием, тем лучше ему после смерти. Люди будут всё больше и больше учиться быть независимым от того, что связано с телом.

Духовная наука не всегда будет сохранять ту форму, которую она имеет сегодня. То, что она хотела бы, язык может выразить лишь очень слабым образом. В духовной науке будет всё важнее и важнее то, как нечто говорится, нежели, что говорится. Это будет интернациональным, это может жить в каждом языке. Человек привыкнет прислушиваться к тому, как кто-то что-то говорит; благодаря этому он связывается с жителями Девахана.

Сегодня мы собираемся и говорим о духовной науке. Мы будем проходить через врата смерти, развиваться дальше во многих инкарнациях: тогда наши мысли будут независимы от сегодняшнего земного языка; в нашу жизнь будет вторгаться духовная жизнь, мы сможем общаться с умершими. - Земная культурная жизнь приближается к своему закату. Однажды всё воздушное пространство будет заполнено летательными аппаратами, земная жизнь опустеет. Человеческая душа, однако, будет вращаться в духовный мир. В конце земного развития человек достигнет того, что совершенно не будет больше разницы между живущими и умершими: жизнь живущих будет очень сходна с жизнью умерших. Земля снова перейдёт в духовное состояние, поскольку человечество одухотворится. Подобное рассмотрение может привести вас к правильному ответу, когда люди спросят: есть ли смерть, рождение и так далее, должно ли это продолжаться всегда? - Тогда не будет большой разницы

между жизнью и смертью; всё становится одухотворенным для человеческого сознания; это вознесение всего человечества приводит к тому состоянию, которое будет проживаться на Юпитере.

Это ведущая далее область, в которую мы вступаем, говоря о жизни между смертью и новым рождением. Там также всё подвержено изменению, - изменению в том числе и в общении живущих и умерших. Постепенно мы ещё глубже проникнем в то, как люди ведут свою попеременную жизнь в телесности и духовности.

О жизни после смерти

Линц, 26 января 1913 года

Когда мы проводим духовно-научные рассмотрения, и вообще собираемся для духовно-научной работы: какие, собственно, цели мы тогда себе ставим?

Вероятно, многие души могут задаться этим вопросом, поскольку те, кто стоит внутри духовно-научной работы, проводят, так сказать, часть своей душевной жизни, рассматривая вещи, которых для других людей сегодня, собственно, не существуют. Давайте всё же действительно посмотрим на миры, которые вообще не существуют для большинства людей. Ну, занятие такой работой, такими рассмотрениями, - это действительно не просто следование какому-то идеалу, наравне с другими существующими сегодня идеалами. Конечно, это прекрасная, замечательная вещь, когда какое-то количество людей следует тому или иному высокому идеалу. Но совсем другое - следовать духовно-научному идеалу, тому духовному призыву, который, может быть, ещё очень слабо проходит по миру сегодня и слышен в душах лишь немногих людей, но который будет становиться в мире всё более и более слышимым. Те, кто сегодня уже вполне отчётливо или также лишь, исходя из неопределённых инстинктов, говорят себе, что духовная наука является необходимостью, - на основе чего в своей душе они это делают? Определённо, кто-то более или менее следует, можно сказать, духовному инстинкту, возможно, какому-то побуждению, которое он не полностью может осознать. Но и такие побуждения соответствуют вполне правильной воле. Если мы исследуем душевную жизнь, мы сможем это заметить.

Сегодня я хотел бы не развивать для вас общие теории, а заняться конкретным, если мы хотим ответить на такие вопросы, подобные поставленному ранее. Видящий, способный всматриваться в духовные миры, постепенно приходит к тому, чтобы просматривать ту жизнь, которую человек проживает между смертью и новым рождением. Эта жизнь между смертью и новым рождением протекает, ведь, в духовных царствах, которые постоянно находятся вокруг нас, к которым мы постоянно принадлежим лучшей частью нашей душевной жизни. Когда человек проходит врата смерти и оставляет свою физическую телесность, тогда он единственно и только живёт в духовном мире, живёт в мире, который иначе, пока он пользуется физическими чувствами и разумом, для него закрыт. Видящий может проследить эту жизнь между смертью и новым рождением.

Основные вопросы, играющие роль для наших идеалов, выходят, собственно, из рассмотрения жизни между смерти и новым рождением. Легко подумать, что эта жизнь не имеет никакого дела с жизнью здесь в физическом теле, но в более глубоком смысле она очень даже имеет с ней дело. Это особенно заметно, если мы взглянем на души, которые уже прошли врата смерти, и рассмотрим их отношение к тем душам, которые ещё здесь в физическом теле. Рассмотрим сразу же один особенный случай.

Умер один мужчина, он прошёл врата смерти и оставил после себя свою жену и детей. С тех пор прошло некоторое время, и вот, одному человеку, который мог взглянуть в духовные миры, удалось найти эту душу. Его бытие было, так сказать, полно мучений. Эта душа

жаловалась относительно оставленных жены и детей. Это выразалось примерно в следующих словах - при этом я должен, правда, заметить, что то, что говорят души, надо облачать в земные слова; но это лишь облачение, язык является чем-то другим, язык мёртвых, конечно, нельзя передать физическими словами, их надо перевести -: Тогда я жил с оставленными мною, и когда раньше вечером, когда я жил в теле, они встречали меня после работы, тогда то, что приходило ко мне от их душ, было для меня подобно свету солнца. Всё, что я пережил с ними, скрашивало мою трудную физическую жизнь. Тогда я и представить себе не мог, что мог бы прожить эту физическую жизнь без жены и детей. Я могу вспомнить всё, что пережил, живя с ними, я знаю это до сих пор. Но когда я снова проснулся после смерти в духовном мире, я не смог снова найти свою жену и детей. Для меня их нет, есть только память о том времени, теперь их для меня больше нет. Я знаю, что они внизу, на Земле, но их действительная душевная жизнь, то, что они думают, чувствуют и делают с утра до вечера, словно стерто. Я больше не могу найти тех, кто мне дорог, как бы я ни искал!

Это реальное переживание; но это переживание не немногих, а многочисленных душ, которые в настоящее время проходят врата смерти. В развитии человечества так было не всегда. В древние времена это было по-другому, тогда люди не проходили так через смерть, но они и не были на Земле в физическом теле так же, как сейчас.

Отличие нынешнего времени от прежнего состоит в том, что в прежние времена души имели часть старого спиритуального наследия, посредством которого они были связаны с духовным миром. Чем дальше мы возвращаемся к тем временам, когда также уже были воплощены души, воплощенные сегодня, тем больше и больше мы обнаруживаем, что эти души находятся в правильной связи с духовными мирами. Эта часть древнего спиритуального наследия всё больше и больше терялось для людей. И сегодня мы в этом отношении фактически живём во то время, когда многое становится другим в развитии человечества. Многое, многое становится другим.

Прежде, чем заняться более сложными фактами, о которых я только-что говорил, давайте вначале проясним, как изменились вещи в развитии человечества. Сегодня есть люди, которые знают теперь мало, скажем, также о том, что сегодня можно знать о звёздном небе.

Конечно, ещё есть люди, которые иногда выходят на воздух звёздными ночами и наслаждаются всем величием и великолепием звёздного неба, но таких людей встречается всё реже, зато людей, которые уже не могут отличить планету от неподвижной звезды, становятся всё больше. Но это не самое важное; даже если человек выходит звёздной ночью и направляет свой взор к небу, он не видит ничего другого, как внешние, физически явленные ему звёзды. Так не было в древние времена, так не было для душ, которые сейчас находятся здесь, а в древние времена были воплощены в других телах. Те же души, которые сегодня видят лишь физические звёзды, смотрели раньше, когда они поднимали свой взор к звёздному небу, не столько физический свет звёзд, сколько то, что духовно связано с этими звёздами. А духовные существа связаны со всеми звёздами. То, о чём мы сегодня можем говорить в духовной науке как о высоких иерархиях, - вот на что ясновидчески взирали души в древние времена человеческого развития; все, кто здесь сидит, и все, кто воплощён снаружи. Человек жил, видя не только физический мир, но и духовный мир. И отрицать духовный мир было бы в те древние времена такой же глупостью, как сегодня отрицать то, что есть розы и лилии. Они видели тогда эти духовные миры, поэтому не могли их отрицать. В этом, в определённом отношении, состоит прогресс, что люди потеряли непосредственную связь с духовным миром, но зато достигли некоторой более высокой степени свободы и самостоятельности.

Тогда человеческая душа жила в духовном внешнем мире: этот духовный внешний мир был постепенно утерян. Но то, что от этого духовного внешнего мира было утеряно, должно быть постепенно замещено изнутри. Иначе душа, которая сегодня зависит только от видения внешнего мира, останется заброшенной и пустой; и сколько душ сегодня болтаются по миру, которые ничего не знают о том, что все пространства заполнены духовными существами, духовной деятельностью и духовным бытием! И нельзя также посредством простого взгляда

на внешний мир обрести познание содержания духовного мира. Это можно сделать, обращением внутрь души. Но многим это не нравится; это, как раз, такие души, о которой я только-что упоминал. Отец семейства жил в духовном мире, в стране, где мы живём между смертью и новым рождением. Он жаждал связи с душами, с которыми он так долго был связан; но они были будто стёртыми для него. Почему? Потому что эти души не искали никакого духовного содержания, потому что они присутствовали только до тех пор, пока могли выражать себя через своё физическое тело. Таким образом, он жаждал что-нибудь узнать об этих душах, которые раньше были для него солнечным светом. И видящий, знавший его до того, как он прошел через врата смерти, не мог ему дать никакого особого утешения. Это утешение, по сути, было бы ложью; поскольку это утешение должно было бы гласить: Те души, которые для тебя теперь стёрты, последуют за тобой и ты их увидишь, если будешь терпеливо ждать. Тогда они снова будут для тебя такими, какими они были когда-то на Земле. - Но это было бы не совсем верно, поскольку эти души стояли очень далеко от какого-то углубления в духовную жизнь. Когда они пройдут врата смерти, они тоже будут жаждать связи с теми душами, с которыми были вместе в физической жизни; поскольку было бы множество препятствий, если в таких душах нет духовной жизни.

Сейчас мы находимся в таком цикле человеческого развития, когда души здесь, в физическом теле, должны изучать язык духовной жизни. Здесь мы обретаем познание высших миров, - то, что многие современные души презирают, то, что мы называем теософией в истинном смысле этого слова. В действительности это тот язык, на котором мы должны говорить после смерти, если хотим быть там для духовного мира в истинном смысле этого слова; словно немые мы вступаем в духовный мир, если не научимся говорить на этом языке здесь. После смерти мы больше не сможем восполнить то, чему мы должны были бы научиться здесь как языку теософии или духовной науки.

Если бы вышеупомянутый отец семейства, пока он был на Земле, вместе со своей семьёй занимался бы духовной наукой, то после смерти у него были бы совершенно другие ощущения и совершенно иное сознание; а именно, тогда он бы осознавал: души можно там переживать; если я и отделён от них, то они всё же однажды придут ко мне и мы найдём друг друга, поскольку говорим на общем духовном языке. - Иначе он не встретится с ними так, как надо встречаться после смерти в правильном смысле; он сможет быть вместе с ними только так, как, например, вместе бывают на Земле немые люди, которые хотят что-то сообщить, но не могут, которые не имеют никакой возможности для взаимопонимания.

Конечно, можно согласиться с тем, что для многих людей современности такие истины слышать неприятно. Но в отношении истины речь идёт о том, чтобы она была правдой, а не о том, чтобы она приятно звучала.

В древние времена развития человечества человеческие души получали так много потому, что находились ещё в детском состоянии и переняли религиозные традиции и представления о духовных мирах по-детски. Благодаря этому, они имели язык для духовной жизни и могли быть в сообществе с духовными существами. Сейчас, как раз, начиная с нашего времени, человек должен быть всё свободнее в отношении духовной жизни. Поэтому духовная наука приходит в мир не произвольно, не как что-то, что можно распространить произвольно, как, например, хотят распространить то или иное какие-нибудь объединения. Те, кто чувствует сегодня себя призванным вносить спиритуальные мысли в нашу духовную жизнь, имели такой опыт, который я только-что приводил, они знают такие души, которые уже живут по ту сторону смерти со своим мучительным призывом душ, которые они оставили здесь, и которых они не могут найти, поскольку эти души духовно пусты. Крики мёртвых - это призывы, из которых исходит духовно-научный идеал.

Тот, кто сегодня входит в этот духовный мир и способен исследовать мучения, тоску, лишения, а также состояние безнадежности душ, прошедших через врата смерти, знает, почему мы собираемся здесь; тот также знает, что не может иначе, как представлять эту духовную жизнь. Это серьёзная, глубокая вещь, которая исходит из глубочайших желаний человечества. Сегодня есть души, которые ощущают, пусть даже только из темноты своего

инстинкта: Я хочу что-то узнать о духовных мирах! Это пионеры того человеческого будущего, которое должно прийти, это те души, которые видят важность дела заботы о спиритуальной жизни, которая возникает на базе основных условий самой духовной жизни. Поскольку иначе земное человечество всё больше и больше теряло бы возможность вступать в другой мир иначе, нежели будучи немым, без способности проявить себя духовно.

Совершенно неправы также те, кто полагает, что ещё есть время до того, как они пройдут врата смерти, до того, как они окажутся в другом мире, чтобы узнавать то или иное о духовных делах. Чтобы вообще что-то узнавать об этих вещах, надо иметь органы для их восприятия: надо иметь способности воспринимать эти вещи, и эти способности нельзя приобрести после прохождения врат смерти, если они не были приобретены здесь. Поскольку мы живём в физическом мире не просто так! Наши души не случайно спустились в физический мир; они спустились, поскольку в этом мире действительно необходимо приобрести то, что можно приобрести только в нём: спиритуальные знания. Мы не можем рассматривать Землю просто как какую-то долину несчастий, в которую помещена наша душа, а мы должны видеть в Земле нечто такое, посредством чего мы можем приобрести возможность достичь духовности, и это даётся нам как некая истина.

Если вы спросите видящего дальше, как выглядит жизнь после прохождения врат смерти, он скажет: Совершенно иначе, по сравнению с тем, как она выглядит на Земле. Здесь мы проходим через мир, видя над собой небесный купол, сияние солнца. Мы смотрим на горы, моря, на существа других природных царств. Мы сами, проходя через этот мир, имеем внутри себя мысли, ощущения, страсти, желания. Затем мы проходим врата смерти, и тут всё другое: для того, кто не привык к духовно-научным рассматриваниям, всё является совершенно парадоксальным, и становятся правдой то, что однажды сказал Шопенгауэр, что бедная истина должна смириться с тем, что она парадоксальна. То, на что мы здесь смотрим как на мысли, как на представления, о чём мы думаем, что мы носим это внутри себя, после смерти является нам как внешний мир. После смерти то, что является здесь мыслями и представлениями, что является здесь внутренней жизнью, предстаёт как огромное табло, или картина. Те люди, которые здесь без всяких мыслей проходят через мир, проходят жизнь между смертью и новым рождением так, что то, что надо там пережить с содержанием мыслей и мудрости, они находят пустым и безрадостным. Только те найдут мир между смертью и новым рождением наполненным содержанием, кто достиг возможности видеть распространившиеся мысли в звёздах. Эта способность достигается посредством того, что между рождением и смертью человек вырабатывает душой некое духовное содержание. Как если бы мы не имели ушей и поэтому никогда не могли бы услышать ни одного звука, как если бы мы не имели глаз и поэтому никогда не могли бы воспринимать ни один цвет, так же мы идём по пути от смерти к новому рождению, если не наполнили свою душу здесь тем, что могут ей дать физические органы. И как Солнце стоит теперь на небесном своде и всё освещает, и всё это исчезает для наших глаз, когда оно заходит, так и жизнь, которая во многих отношениях является внешней, предстаёт после смерти как жизнь внутренняя.

Снова взглянем на одно из других переживаний видящего. Когда мы смотрим на людей, которые живут между смертью и новым рождением, и пытаемся перевести то, что их мучает, на обычный язык, то они говорят примерно следующее: Во мне живёт нечто такое, что причиняет мне боль, которая поднимается из меня самого. - Это подобно головной боли у физического человека, только то, что так чувствуется, это внутренняя боль. - Я сам причиняю себе эту боль. - И после смерти у человека есть многое от внутренней боли и внутренних страданий, на что можно жаловаться. Если теперь как видящему посмотреть, откуда берутся эти внутренние боли, то эти боли, которые мучают человека после смерти, можно свести к тому, как он проводил свою жизнь здесь: он ненавидел человека, которого ему не следовало ненавидеть; это становится его внутренней болью после смерти, и то, что он причинил человеку своей ненавистью, теперь ранит его внутренне.

В то время как наши мысли позволяют нам видеть внешний мир, то, что мы переживаем здесь как наш моральный внешний мир, то, что мы переживаем как наши чувства и

установки к другим людям, затем становится внутренней жизнью. Действительно уже достаточно гротескно, когда мы говорим: Как здесь у кого-то могут болеть лёгкие, может болеть желудок, голова, так там может причинять боль моральная несправедливость. То, что является внутренним здесь, там является внешним, и наоборот. И в наше время начался цикл человечества, который многое делает, возможным образом, переживаемым только после смерти. Человек, который здесь ничего не хочет знать о том, что есть карма, есть повторные земные жизни, по сути никогда не сможет понять, что он принадлежит также к тому, что он называет своей судьбой. Как человек проходит через мир? Один причиняет ему то, другой это; ему нравится одно и не нравится другое: о том, что он сам является причиной того, что с ним что-то случается, когда кто-то причиняет ему боль, он не знает, он об этом не думает; иначе он чувствовал бы: Это делаешь ты сам! Если вы сможете проследить эти мысли в жизни, после смерти вы, по крайней мере, почувствуете, откуда исходит та или иная боль.

Это уже облегчение: знание кармы здесь, в жизни, между смертью и новым рождением; иначе остается мучительный вопрос, почему приходится страдать от того или иного в жизни после смерти. Это вещи, которые надо начинать знать уже сегодня; без них не может, так сказать, продолжаться развитие человечества.

И другое, что представляется видящему, это то, что между смертью и новым рождением есть люди, у которых очень мало дел, которые им нравятся, которые им симпатичны. Мы не должны представлять себе, что между смертью и новым рождением у нас нет никаких дел. Мы должны осуществлять самую разнообразную деятельность, согласно своим способностям. Тут видящий может обнаружить, что между смертью и новым рождением есть души, которые должны служить, например, тому духу, которого мы называем Ариман. Ведь, Ариман сразу же становится нам понятен как особое существо, когда мы оказываемся по ту сторону физического мира. Всё, что в драме «Страж Порога» представлено как царство Аримана и Люцифера, является действительными мирами. У Аримана есть своя задача. Видящий обнаруживает души, которые там, как бы, связаны с царством Аримана: они должны служить Ариману. Почему? Видящий исследует это: почему они обречены служить Ариману? Он возвращается в жизнь, которую они проводили между рождением и смертью, исследует самые выдающиеся свойства этих душ, и обнаруживает, что они страдали от некоего зла и были подчинены этому злу, и что это зло - лень, склонность к удобству. Склонность к удобству принадлежит к самым распространённым свойствам нашего современного человечества. Спросим: Почему большинство людей не выполняют то или иное? Это склонность к удобству! Мы можем рассматривать важнейшие вещи человеческой жизни или совсем неважные: удобство - это то, что пронизывает всю человеческую жизнь. Цепляться за старое и не выходить из него - значит цепляться за удобство, за комфорт. Люди не так плохи, как предполагают: они сожгли Джордано Бруно, Савонаролу и обошлись с Галилеем, как это произошло, не из-за того, что они плохие. И они не позволяли себе чтить великих духов во время их жизни не из-за того, что они плохие, а из удобства! Пока такие люди научатся мыслить и чувствовать по-другому, пройдёт немало времени, и только из-за удобства. Удобство - это всеобщее, очень распространённое свойство. Эта склонность к удобству делает нас годным после смерти к становлению в ряды армии Аримана; поскольку Ариман, помимо своих других обязанностей, является духом препятствий. Повсюду, где выступают препятствия, господствует Ариман; он тормозит жизнь и людей. Те, кто здесь подвержен удобству, становятся тормозящими в мире по отношению ко всему, что проводится сюда из сверхчувственных миров. Таким образом, удобство приковывает людей в жизни между смертью и новым рождением к духам, которые должны под руководством Аримана служить сопротивлению и препятствиям.

У многих людей здесь в жизни мы обнаруживаем свойство, которое уже здесь считается аморальным: бессовестность. Ведь, в голосе совести мы имеем нечто прекрасно регулирующее нашу душевную жизнь. Бессовестность, низкая способность прислушиваться к предупреждающему голосу совести, предоставляет нас, в свою очередь, другим силам во время между смертью и новым рождением. Тут видящий обнаруживает определённые души,

которые, после того, как они прошли врата смерти, становятся служителями очень злых духов. Здесь в жизни возникают болезни, они возникают тем или иным образом. Например, мы знаем, что в предыдущие времена, также и через Европу, проходили эпидемические болезни чумы, холеры. Материалистическая наука может указать на внешние причины, но не на внутренние духовные причины. А всё, что происходит, имеет свои духовные причины. Если кто-то вам говорит, что задачей науки является поиск физических причин тому, что происходит, то всегда можно сказать: Духовная наука не исключает истину внешних причин, если они справедливы; но она добавляет к ним духовные причины. Один человек спросил однажды, когда речь зашла о таких духовных причинах: Если Наполеон появляется с страстью к руководству сражениями, то не можем ли мы объяснить это тем, что его мать, когда вынашивала его, любила ходить на поля сражений и передала ему это как физическое наследство? В этом, конечно, есть своя правда, но это, как раз, Наполеон стремился к этому: это он привил ей это качество, эту склонность. Духовная наука никогда не исключает того, что внешнее тоже является истиной.

Если кто-то скажет: Вот, стоит человек, почему он живёт?, то материалист может ответить: Потому что он дышит. Другой может сказать: Ну, мне-то это лучше известно, он не смог бы жить, если бы я не вытащил его из воды три месяца назад! Разве это неверно, не смотря на первый ответ? Почему-то думают, что естественно-научные отношения стоят в противоречии с духовно-научными отношениями. Даже если кто-то сможет доказать, что он унаследовал то или иное качество от своего отца, деда и так далее, всё же остается верным то, что он тоже создал эти условия.

Так можно чисто естественно-научно изучать причины распространённых болезней. Можно также чисто внешне спросить: Почему тот или иной умер слишком рано? Но всё это также имеет свои причины в духовном мире. В то время как здесь на Земле разыгрываются болезни, должны работать определённые духовные существа, чтобы принести эти болезни из духовного мира в физический мир.

Когда мы смотрим на умерших, которые попадают в тот мир, когда естественный ход жизни ещё не совсем завершился, которые, возможно, не только умерли в свои лучшие годы, в юности, от болезни, но во время жизни их также преследовали несчастья и невзгоды, тогда видящий, если он ясновидчески наблюдает за такими судьбами, которых, ведь, действительно много, сталкивается с шокирующим фактом: Перед ним оказывается некое поле болезней и смерти, где господствуют определённые злые духи, которые приносят на Землю болезнь и смерть. И если попытаться проследить ход жизни этих душ, которые были на Земле бессовестными людьми, то обнаруживается, что они теперь должны стать служителями этим злым духам болезни, смерти и несчастий, чтобы вызывать такие преждевременные смерти и трудные судьбы. Такая связь! Жизнь станет понятной только тогда, когда её будут рассматривать целиком, а не на основе короткого периода, протекающего между рождением и смертью. Поскольку этот период, в свою очередь, находится в тесной зависимости от того, что предшествовало в нерождённости, что было до рождения, от чисто духовного мира. Со всем своим существом мы зависим от того, что было до этого в духовном мире. Лучший способ понять нечто подобное - это глазами видящего взглянуть на такое явление, относительно которого многим хотелось бы верить, что оно является противопоставлением фактам духовных исследований. Некоторые люди говорят, например: Хорошо, вы хотите вывести способности и судьбы людей из предыдущих земных жизней, но взгляните только на семью Бернулли, которая представлена восемью математиками! Тут можно совершенно ясно видеть, что определенные свойства наследуются из поколения в поколение! - Но если такое явление действительно изучить глазами видящего, оказывается следующее: Всё то, что выступает в той или иной форме искусства в мире и что уже может наполнить людей пониманием сверхчувственного мира, - а искусство делает это всегда, - есть результат бытия в сверхчувственном мире. И тот, кто вступает в этот мир с художественными способностями, приносит с собой эти художественные способности потому, что, благодаря своим предыдущим земным жизням, или благодаря особой милости

во время до рождения, до зачатия, он уже совершенно особым образом жил в мире гармонии сфер; и потому что теперь он показывает, что у него есть определенное влечение к такому физическому человеческому телу, которое может дать ему способность выражать то, что он воспринял, также и в физическом мире.

Ни одна человеческая душа не стремится воплотиться в таком теле, в таком ряду поколений, где наследуются музыкальные качества, не приобретая в предыдущей жизни способности проделывать именно то, что делает её подходящей для этого искусства, для того, чтобы потом родиться в особом музыкальном теле. Поскольку в наследственной линии имеются только самые зачатки. Хороший музыкальный слух наследуется; эти органы преобразуются в соответствии с особыми способностями души ещё в зачаточной жизни до рождения, или после рождения. Первым инструментом, на котором играет человек, является его собственный организм, и это воистину очень и очень сложный инструмент; поскольку божественно-духовные существа потратили всё время развития Сатурна, Солнца и Луны, чтобы подготовить этот инструмент. И мы приходим в мир с мудростью, которая воистину больше чем та, которую мы сможем приобрести позднее.

Человек думает, что, начав думать, он стал очень мудрым; но та мудрость, которую мы производим, когда можем начать думать, собственно, очень мала по-сравнению с гораздо большей мудростью, к которой мы привыкли, но которую мы в определённый момент потеряли. Когда мы рождаемся, наш мозг ещё мягкий; тогда соединения, идущие от мозга к отдельным органам, ещё не сформированы, и эту мудрость во время нашего детства мы имеем для того, чтобы привести к полному разворачиванию органы, чтобы настроить инструмент. Позднее, в момент, который мы помним как момент, когда мы начинаем осознавать себя, мы уже теряем способность играть на своем инструменте; эта способность гораздо лучше в раннем детстве, нежели позже. Это великая мудрость, которая применяется, чтобы привести нас самих к тому, чтобы стать этим сложным инструментом. Это нечто такое, что может наполнить нас огромным уважением к тому, кто мы есть, пока мы ещё сидим на коленях божественной духовной мудрости. И тогда мы осознаем, что мы приходим в жизнь, собственно, с гораздо большей мудростью, чем мы могли знать раньше; тогда мы сможем также получить представление о том, насколько велика эта мудрость в той жизни, которая предшествовала жизни зародыша. Это сейчас чрезвычайно важно, поскольку взгляд видящего познаёт: чем дальше мы возвращаемся назад, тем больше мудрость и способности человека.

А теперь взглядом видящего посмотрим на душу человека, ставшего слугой злых духов болезней и смерти. У такой души мы можем видеть, как мудрость, на которую способен человек, как бы, стирается из-за того, что он себя унизил. Такая душа представляет собой ужасное зрелище: однажды ей было суждено развить высшую мудрость, а теперь она настолько глубоко унижена, что становится слугой ариманических сил! Когда человек вступает в физическое воплощение, когда он имеет вокруг себя физическое тело, тогда, принимая участие в духовной жизни, он может принять в себя спиритуальный мир, оживить свою душу и при прохождении жизни между смертью и новым рождением сделать её способной к тому, чтобы иметь вокруг себя духовный мир, - или он может сделать её невосприимчивой. Он делает свою душу невосприимчивой, если здесь, между рождением и смертью, не хочет принять то, что делает его способным видеть вокруг себя духовный мир.

Здесь мы видим себя как отдельную душу связанными со всей спиритуальной жизнью мира; там мы видим себя отделённым от всей мировой жизни; тогда мы чувствуем необходимость не позволять усохнуть нашим прирождённым духовным силам, а заботиться о них для того, чтобы постепенно не стереть себя из мира. Но кто-то, ведь, может сказать: Хорошо, но я хочу стереть себя из окружающего мира, поскольку меня ничего держит в жизни. - Но это стирание - не одно и то же, что уничтожение; это стирание является стиранием только для окружения. Тогда человек больше не существует для окружения, но для себя самого он ещё существует. Стирание - это делание себя одиноким в духовном мире,

жизнь, как на острове, замкнутая и одинокая, без возможности взаимопонимания. - Вот что достигается при исключении себя из духовного мира.

Можно использовать следующую картину. Запомните эту картину, рассматривайте её как основу для медитации: Проходя всё дальше и дальше в мировом развитии, человек становится всё более и более свободным. Он изживает себя так, что живёт будто на острове; наши призывы, наше понимание должно переходить от одного острова к другому. Человек, который в будущем будет принимать участие в спиритуальной жизни человечества, сможет достигать понимания от одного острова к другому со всеми, кто свободно живёт на этих островах. Напротив, тот, кто избегает спиритуальной жизни, тот будет жить на своём острове, и если он захочет общаться с теми, с кем он был знаком раньше, он не сможет этого сделать. В нём будто умрёт тон, он будет догадываться: Там, напротив, на том острове живут те, кого я знаю, кто принадлежит мне. - Но ничто его не достигнет, он будет прислушиваться и ничего не услышит. Духовная наука даёт нам язык, посредством которого в будущем мы обретаем возможность переходить от одиночества к взаимопониманию. Те изречения, которые звучат нам из оккультных шрифтов, иногда гораздо глубже, чем мы думаем. Когда произошла Мистерия Голгофы, она была первым возвещением того, что необходимо человеку для налаживания диалога от одного выше обозначенного острова к другому.

Теперь это второе возвещение: антропософская духовная наука, которая должна сделать для человеческих душ всё более и более ясной тайну Христа. На то, что говорил Христос, указывается во многих словах. К одним из самых глубоких принадлежат также следующие: Там, где двое во Имя Моё, там Я между них». Но научиться понимать это Имя человек будет только тогда, когда обучится спиритуальному языку. В начале христианского провозглашения его можно было найти ещё наивным образом; в будущем Христа познают только те, кто познаёт его духовно-научно. Многим сегодня может показаться глупым, что духовную науку называют духовным языком, который нужен людям для того, чтобы они не изолировались, не отделялись друг от друга в смерти, в умирании, чтобы они нашли возможность попасть с одного острова на другой.

То, что я пытался сказать вам сегодня, даст вам полную идею о том, почему мы собираемся вместе, чтобы заниматься духовной наукой. Этим призывам, этим голосам следует тот, кто сегодня сознательно работает для духовной науки, им более или менее следует тот, кто ощущает тоску по тому, чтобы что-то услышать о духовном мире. Эти голоса, эти призывы исходят из самого духовного мира, а также из той необходимости, которую человек чувствует исходящей из духовного мира, когда говорят человеческие души, живущие между смертью и новым рождением; когда говорят также другие духовные существа различных иерархий. Когда для нас звучат все эти голоса, они пробуждают в наших душах то, что побудит человечество всё больше и больше развивать ту духовную жизнь, которой мы занимаемся в наших секциях, и которая также и в будущем будет с верностью культивироваться здесь, в этой секции. Это пожелание, которое я хотел бы заложить в ваши души сегодня в конце этих рассматриваний, и которое, я горячо надеюсь, будет всё сильнее и сильнее разжигаться в ваших душах ради процветания духовно-научной работы, несомой истинным духовно-научным теплом.

Антропософия как ощущаемое и жизненное содержание.

Благоговение и почтение перед скрытым.

Тюбинген, 16 февраля 1913 года

Когда мы иногда приостанавливаем наши антропософские рассмотрения и спрашиваем себя: Что движет нами в таком спиритуальном движении, как наше?, - тогда мы, конечно, может ответить на этот вопрос с самых различных точек зрения. Одна из точек зрения, которая может дать наиболее близко соответствующий нашим чувствам и ощущениям ответ, - хотя и не единственная, но все же самая важная точка зрения, - это рассмотрение жизни, протекание которой душа человека чувствует между смертью и новым рождением. Событий, которые разыгрываются в долгий период между смертью и новым рождением, воистину не меньше, чем событий между рождением и смертью; и мы всегда можем выделить только отдельные из этих важных событий, которые мы переживаем. Но хотелось бы сказать, что где бы мы ни рассматривали эту жизнь между смертью и новым рождением, она всегда убеждает нас в том, что человечество какого-то времени должно жить, что-то зная и чувствуя о сверхчувственных мирах.

Теперь мы сразу же обратимся к определённым, к конкретным вещам. Когда видящему, который имеет возможность наблюдать за жизнью между смертью и новым рождением, открывается следующий вид, тогда уже сам это вид возлагает на него обязанность действовать в направлении познания спиритуального мира. Умер один человек. Видящий разыскивает его, пытается наблюдать его какое-то время, после того, как этот человек прошёл через врата смерти. Тем способом, которым общаются с умершими, можно услышать от умершего следующее, - это сейчас вполне определённый случай. Он говорит: Я оставил свою жену, я знаю, что она ещё внизу, в физическом мире. - Разумеется, это говорится не физическими словами. - Когда я жил с ней вместе в физическом мире, она всегда была для меня лучиком солнца после того, как я приходил с работы, тогда каждое её слово было для меня благословением; и было так, что я не мог и подумать, что я вообще могу полюбить эту жизнь, если бы она постоянно не пронизывалось светом моей спутницы. Затем я прошёл через врата смерти и оставил её; и вот теперь я хочу попасть назад, теперь я чувствую, что мне не хватает всего этого, я ищу своей жаждущей душой путь к моей спутнице жизни. Но я не нахожу эту душу, я не могу пробиться к ней, кажется, что её здесь нет. И когда я иногда чувствую, будто она здесь, поблизости, тогда она оказывается будто немой, так что я могу сравнить это только с двумя людьми, стоящими друг против друга, один из которых хотел бы, чтобы другой ему что-то сказал, но тот остаётся немой и не может сказать ничего. Так что душа, которая была для меня благословением долгое время физической жизни, стала немой. - Теперь, смотрите, если исследовать то, что является причиной этого, приходит ответ: Здесь отсутствует общий язык между умершим и оставшимися живущими. Нет ничего, что могло бы пронизать душу той субстанцией, посредством которой она оставалась бы воспринимаемой. И, поскольку нет общего языка, эти две души чувствуют себя разделёнными.

Так было не всегда. Если мы вернёмся дальше в развитие человечества, мы обнаружим, что души обладали определённым духовным наследием той спиритуальности, благодаря которой они были воспринимаемы друг для друга, независимо от того, находятся ли они здесь, на физическом плане, или один из них находится на физическом плане и другой - в духовном мире. Но тот древний кусок наследственности спиритуальной внутренности сегодня уже съеден, его сегодня больше нет, и действительно может произойти такой болезненный случай, что какая-то душа, которая была любима другой так, как в приведённом примере, не может быть найдена другой душой по ту сторону смерти, поскольку в этой оставшейся на Земле душе не живёт ничего из того, что может быть воспринято умершим. А именно, то, что может быть воспринято душой умершего, - это спиритуальное знание, чувствование и восприятие; это связь души здесь на Земле с духовным миром. Если такая душа, которая здесь занимается знанием, познанием спиритуальных миров, позволяет

проходить через себя мыслям, то эти мысли могут быть восприняты душами умерших. Даже старых религиозных чувств недостаточно, чтобы дать душе что-то, что может быть воспринято другой душой. - Если бы этот случай был прослежен дальше, то видящему предстало бы то, что также, когда обе души проходят через смерть, души умерших могут лишь очень смутно воспринимать друг друга, - но совершенно не могут добиться какого-то взаимопонимания вообще, или же делать это с большим трудом, поскольку не могут говорить на общем языке.

Как видящий вы приходите к тому, чем в более глубоком смысле является антропософия: она есть язык, на котором постепенно будут говорить живые и умершие, те, кто живут в физическом мире, и те, кто живёт между смертью и новым рождением. Души, оставшиеся и принявшие в себя представления о сверхчувственных мирах, могут быть также восприняты и увидены теми, кто скончался. Если они распространяли любовь до смерти, они смогут делать это и после смерти. Это даёт нам убеждение, что антропософия - это язык, который делает доступным для восприятия для мира сверхчувственного то, что происходит в физическом мире. Да, перспектива земного человечества такова, что душам придётся становиться всё более одинокими, станет невозможным наводить мосты друг к другу, если души не смогут найти связующий пояс, который должен быть протянут от души к душе посредством усвоения спиритуальных понятий. Это реальность антропософии, поскольку она не является просто теорией. Теоретическое знание - это самое малое; то, что мы в себя принимаем, - это действительный душевный эликсир, действительная субстанция. Через эту субстанцию душа, которая прошла через смерть, видит те души, которые остались. Можно сказать: видящий, который видит это, который познает такую душу, которая жаждет воспринять то, что она оставила после себя на Земле, но не может этого сделать, поскольку рассматриваемая семья ещё не пришла к духовной науке, видящий, который видит то, как могут страдать души от таких лишений, знает, что он не может поступать иначе, как говорить со своими ближними о спиритуальной мудрости, и считать, что пришло время, когда духовная мудрость должна войти в человеческие сердца. Нам позволительно сказать, что тот, кто выбирает миссию говорить об этих сверхчувственных мирах, исходя из самого познания сверхчувственных миров, чувствует в этом настоятельную необходимость, которой он никогда не сможет противиться; это было бы самым тяжким грехом. Поэтому он чувствует потребность давать спиритуальные знания, откровения о сверхчувственных мирах.

Из того, что только что было сказано, вы можете видеть огромную серьёзность, связанную с необходимостью духовных сообщений. Но есть и другая сторона общения живых и мёртвых. В этом отношении мы ещё не очень далеко продвинулись, но это придёт. Чтобы понять, как живые постепенно смогут прийти к своего рода взаимопониманию с умершими, мы должны провести следующее рассмотрение. Человек знает о физическом мире лишь самое малое. Поскольку, посредством чего он обретает знание физического мира? Посредством того, что он использует свои чувства, свою фантазию, что он ощущает то, что встречается ему во внешнем мире. Но это лишь самая малая часть из того, что содержит в себе мир. Он содержит в себе ещё и нечто другое. Я хотел бы, чтобы вы получили какое-то представление о том, что в мире есть нечто такое, что гораздо важнее, чем чувственная действительность. Я не имею сейчас в виду сверхчувственный мир, а нечто другое. Подумайте только, вы привыкли каждый день в восемь часов утра выходить на работу; однажды вы заметили, что вышли на три минуты позднее, и, смотрите-ка, вы проходите определённое место, где вы должны проходить под, своего рода, карнизом, поддерживаемым колонной, и, подходя сегодня к этому месту на три минуты позднее, вам становится ясно, что проходя здесь тремя минутами раньше, этот карниз упал бы на вас. Представьте себе такое! Бывает также, что человек опоздал на поезд, который потерпел крушение. Если бы он сел в него, он был бы мёртв. Всё это вещи, которые не произошли, поэтому человек не обращает на них внимание. Но если подобное событие происходит, как бы, перед вашим носом, то это оказывает на вас определённое впечатление. И такие вещи, которые могли бы произойти, но не произошли, могут иметь место в продолжении дня всегда. Это необозримо. Всё это может

показаться «надуманным», но оно принадлежит к одной из самых важных частей жизни. У вас возникнет определенное чувство, если вы видите, скажем, в Берлине человека, у которого, например, был билет на «Титаник»; его встречает знакомый, который говорит: Я бы не хотел, чтобы ты садился на Титанике! - и он отговаривает его плыть на этом судне. Титаник тонет, - он избегает гибели. Это оказывает долговременное впечатление на этого человека! Это особый случай. Но подобные вещи могут случаться постоянно без того, чтобы быть замеченными; но если они замечены, то они оказывают на человека некое чувственное, некое душевное впечатление.

Взглянем на эти вещи с другой стороны: Сколько таких чувственных, душевных впечатлений ускользают от нас, благодаря тому, что мы не обращаем внимания на то, от чего нас уберегли! Если бы мы могли замечать всё, что могло случиться, и мимо чего мы прошли, мы проходили бы через мир в совершенно другом душевном состоянии. Видящий открывает для себя теперь следующую возможность: Предположим эти вещи являются действительностью. Вы оказались на месте на три минуты позднее, чем обычно. Это самый благоприятный момент, когда к вашей душе может обратиться умерший, который хочет, чтобы его слышали. У вас могут возникнуть мысли, ощущения: откуда это, что это всплывает в моей душе? И такое может случиться не только в подобном особенном случае, это может случиться самым различным образом. Это начнётся тогда, когда человек начнёт обращать внимание также на мир возможного, а не только на мир действительного. Сегодня обращают внимание только на мир действительного. Действительно, например, большое число трески в море; но возможно их так много только из-за того, что было отложено огромное количество икры. Так в основании жизни лежит бесконечное множество возможностей.

Это также то, что оказывает бесконечно значительное впечатление на видящего, когда он подходит к границе двух миров. Тогда видящий имеет впечатление: Как бесконечно богато то, что происходит в этом сверхчувственном мире, и лишь малая часть этого становится действительностью в этом нашем чувственном мире! - Если это чувствуется, то чувствуется также: Бесконечно многое лежит скрытым в основании бытия. - Это чувство будет развиваться посредством антропософских рассматриваний. Возникнет ощущение, что в каждой точке, за тем, где есть нечто внешне реальное, стоит что-то ещё. За каждым цветком, за каждым веянием ветра, за каждым камнем и кристаллом лежит бесконечно много возможностей. Это чувство человек постепенно разовьёт так, что у него будет всё больше и больше развиваться почтение и трепет перед скрытым. Если он будет всё больше и больше развивать это чувство, то он естественным образом поймёт, что в такие моменты, которые только-что были описаны, к ним обращаются те, кто мёртв для земной жизни. В будущем будет так, что человек, как нечто совершенно нормальное, будет ощущать: сейчас в твоей душе говорил какой-то умерший. - Постепенно он будет узнавать, откуда приходят эти сообщения, то есть, кто говорит. Только потому, что люди сегодня так беспечно проходят перед бесконечным миром возможностей, бесконечной глубиной возможного, они не слышат того, что в сердцах живых хотели бы сказать умершие.

Из двух вещей, которые я вам сказал: что через живых, через мысли антропософов здесь создается нечто такое, что может восприниматься умершими, и что умершие смогут обращаться к сердцам, которые развили спиритуальное чувствование, - из этих двух вещей можно видеть, какой переворот для всего человечества вызовет распространение антропософии. Будет переброшен мост между мирами здесь и мирами там. И верно также то, что изменится жизнь между смертью и новым рождением. Это будет не только теорией, а перейдёт в реальность, так что возникнет взаимопонимание, так называемых, живущих и умерших, которые, однако, являются гораздо более живыми. И тогда также и души здесь будут чувствовать, что может стать плодотворным для умерших. Поскольку, ведь, нельзя в правильном смысле делать что-то плодотворным, если не чувствуешь, каким благом может быть для умерших то, что им что-то читается. Возьмём один экстремальный случай. Вы можете узнать, если живёте вместе с другими людьми, с братьями или сёстрами, с

родителями, мужем или женой, что когда один испытывает стремление к духовной науке, другой испытывает к ней чуть ли не ненависть. Как часто можно переживать это! Это может быть так в сознании, но не обязательно в самой душе. Там может происходить нечто другое. В астральном теле есть подсознание. В то время как кто-то страстно ненавидит духовную науку и обругивает её, в подсознании, возможно, он сам испытывает стремление, жажду что-то узнать о духовной науке. Когда человек проходит врата смерти, эти вещи становятся действительностью; так это нельзя замаскировать. Здесь на Земле можно обманывать, притворяться, но после смерти все вещи становятся правдой; тогда они показывают своё истинное лицо. Если во время жизни человек ещё очень нечувствителен, ругая духовную науку, после смерти становится заметно стремление к ней, и человек страдает, поскольку не может это стремление удовлетворить. Тогда живущий может представить себе в мыслях сидящего против него умершего, и в мыслях проходить спиритуальные вещи, и умерший поймёт их; и если даже этот умерший не был антропософом, если им является только живущий, умерший всё же воспримет живущего.

То, что можно было бы назвать определённым цеплянием за язык, на котором человек говорил при жизни, - это надо учитывать, поскольку в первое время после смерти умерший ещё имеет известную связь с тем языком, который был у него здесь в жизни. Поэтому было бы хорошо, мысленно говорить на том языке, на котором говорил умерший; но через пять, шесть, восемь лет, иногда и раньше, выясняется, что язык духа таков, что для него внешний язык не является препятствием, и что умерший может понимать спиритуальные мысли и в том случае, если он не знал при жизни соответствующего языка. Во всяком случае это было нечто прекрасное, когда наши друзья читали для умерших, в том числе и тем, кто при жизни не был антропософом. Это оказалось огромным благим делом, величайшей службой во имя любви. И к тому, чего мы хотим достичь, принадлежит не только то, что мы хотим распространять антропософию внешне как учение - мы должны это делать и это необходимо, - но и то, что антропософия также должна действовать в душе намного более спокойным образом. Тогда смогут сформироваться, так сказать, спиритуальные службы, посредством которых можно многого добиться для дальнейшего развития души после смерти. И это то, чего мы должны добиваться всё больше и больше: чтобы мы помогали душам, стоящим между смертью и новым рождением, преодолевать огромные трудности, которые состоят в том, что старое спиритуальное наследство израсходовалось и пришло время, когда душам очень трудно сориентироваться после смерти и когда душам почти невозможно разобраться в жизни между смертью и новым рождением.

Тут видящий видит, как души между смертью и новым рождением принуждены решать задачи, которые они не понимают. Например, такой факт: Видящий, направляющий свой взгляд на жизнь между смертью и новым рождением, может обнаружить души, которые должны выполнить определённые задачи: в определённые периоды они должны быть слугами тех сил, которых мы знаем как духов смерти и болезней. Тут мы говорим не о той смерти, которая наступает обычно как явление жизни, а о смерти, наступающей несвоевременно, когда люди умирают в расцвете своих сил. Когда происходят болезни, это физические события; но их обуславливают силы, которые действуют из сверхчувственного мира. В основе распространяющихся болезней лежат действия сверхчувственных существ. Определённые духи имеют задачу приносить несвоевременную смерть. То, что это всё же также основано на мудрости, мы сейчас касаться не будем; но важно отметить, что мы находим теперь души, которые находятся под гнётом таких существ. И для видящего, хотя он и должен привыкнуть быть спокойным, всё же шокирующе видеть, как те, кто находится под гнётом таких существ, должны им служить, чтобы приносить людям болезни и смерть. И если видящий попытается проследить за такими душами до времени их предыдущей жизни, то он обнаруживает причины того, почему эти души осуждены быть слугами духов болезней и смерти: эти причины лежат в бессовестности, которую эти души развили в физической жизни. В какой степени они были бессовестными, в такой степени они осуждены быть слугами этих злых существ. Как верно то, что следствие и причина связаны при

столкновении шаров, так верно и то, что бессовестные люди должны быть слугами этих злых существ. Это потрясающе! Другой факт, который видит видящий: такие души, подчиняющиеся ариманическим духам, должны подготавливать спиритуальные причины того, что здесь происходит в виде сопротивления, препятствия нашим действиям. Ведь, Ариман также имеет эту задачу. Все препятствия, возникающие здесь, управляются из духовных миров. Это слуги Аримана. Почему же такие души осуждены на такую службу? Потому что в своей жизни между рождением и смертью они предпочитали удобства. И если вы посмотрите, насколько далеко распространилась эта тяга к удобствам, вы обнаружите, что есть бесконечное множество рекрутов для Аримана. Удобство - это то, что в преобладающей массе управляет жизнью. - Сюда присоединились теперь и новейшие национальные эконоы, рассчитывая также на тягу людей к удобству, а не только на эгоизм и конкуренцию. Удобство - это один из факторов.

Далее, играет роль то, имеет ли человек такие переживания так, что в них можно ориентироваться, что он знает, почему он их переживает, или он переживает их совершенно бессознательно, не зная, почему он должен служить таким духам. Если человек знает, почему он находится под гнётом духов, которые приносят эпидемии, то он знает также, какие добродетели он должен приобрести в следующей жизни, чтобы создать космическое равновесие, чтобы изъять из мира то, что действует в этом направлении. Если же он не ориентируется в этих переживаниях, то, хотя он и создаёт ту же карму, но то, что создаёт уравнивание, он достигает лишь во второй инкарнации, и таким образом задерживает действительный прогресс. Поэтому важно учиться этим вещам здесь. Переживёте вы их после смерти; учиться ориентироваться надо здесь. Тут мы снова имеем факт, который делает действительно необходимым создание новой ориентации посредством распространения спиритуальных истин, поскольку старой ориентации здесь больше быть не может. На вопрос: Почему мы антропософы? - мы можем дать ответ, исходя из духовных фактов, которые скорее обращены к нашим ощущениям, нашим чувствам, а не только к нашему разуму. И таким образом мы всё больше и больше видим антропософию как некий универсальный язык, - язык, который позволяет нам устранить перегородку между различными мирами, в которых живут наши души, один раз в физическом теле, другой раз вне физического тела; И таким образом будет устранена стена перед сверхчувственным миром, если духовная наука действительно приживётся в душах людей. Это мы должны чувствовать, ощущать; тогда у нас есть правильный, внутренний энтузиазм для духовной науки.

Позвольте мне теперь рассказать вам об одном из дальнейших явлений. Для видящего наступает момент, который проявляется в жизни души между смертью и новым рождением, и который становится невероятно важным не только для видящего, но и для тех, кто проживает эту жизнь. Для кого-то этот момент наступает раньше, для кого-то позже. Если видящим взором проследить за сном, то, когда человек со своим астральным телом и Я находится вне физического тела и смотрит назад на физическое и эфирное тела, то впечатление таково, что чаще всего физическое тело представляется медленно умирающим. Лишь в самые первые года детства, до того, как ребёнок обрёл понимание, до того времени, которого достигает память, детское тело предстаёт во сне как нечто такое, что растёт и развивается; но очень рано начинается то, что выступает перед глазами видящего, что физическое тело после вхождения в жизнь снова постепенно умирает; смерть - лишь последний акт этого умирания. Дело обстоит так, что сон существует для того, чтобы восстановить (auszugleichen) использованные силы. Но это восстановление не полно; остаток всегда является частичкой причины смерти. Когда накапливается много этих остатков, так что они перекрывают восстановительные силы, человек физически умирает. То есть, когда мы смотрим на человеческое тело, мы видим, собственно, то, что оно постепенно умирает. Человек действительно очень медленно умирает с самого рождения. Самое верное впечатление возникнет в том случае, если эту вещь увидеть с самого начала.

Затем между смертью и новым рождением душа приближается к моменту, когда она начинает развивать силы, благодаря которым она вступает в следующее бытие. Позвольте

мне на одном примере показать вам, что имеется в виду. Сегодня есть уже много книг о нраве Гёте. Ведутся исследования предков Гёте, чтобы выяснить, откуда он унаследовал ту или иную черту. Причины их ищут в физической линии наследования. Не следует оспаривать то, что их можно искать там; но тот, кто может проследить душу в её жизни между смертью и новым рождением, находит следующее. Возьмите душу Гёте. Задолго до того, как она рождается, она уже действует из сверхчувственных миров на своих предков, посредством своих сил вступает в связь с этими предками. Она действует даже так, что соответствующим образом встречаются те мужчины и женщины, которые после долгого времени могут дать те свойства, которые нужны этой душе. Это совсем нелёгкая работа, поскольку в этом участвуют многие души. Если вы себе представите, что от душ шестнадцатого столетия происходят люди в восемнадцатом столетии, а те работали вместе ещё раньше, то вы должны осознавать, что такое понимание является важной вещью. Души, которые рождаются в 18-19-ом столетиях, должны были договориться уже в 16-ом столетии, чтобы была произведена все сети родственников. Между смертью и новым рождением очень много дел. Мы не только должны объективно заниматься тем, что тратим часть своего времени на оказание услуг духам сопротивления, но и работать над силами, которые вообще делают возможным наше перевоплощение. Дела обстоят так, что мы должны выработать себе форму уже в праобразном состоянии. Это производит впечатление, противоположное тому, что видит видящий, когда смотрит на спящие физическое и эфирное тела. Физическое и эфирное тела представляются во сне чем-то умирающим; но то, что тут строится как праобраз и переходит в физическую природу, производит впечатление чего-то растущего, становящегося.

Таким образом, между смертью и новым рождением есть один важный момент: он лежит между воспоминанием о предыдущем бытии и переходом к следующему бытию, где человек начинает работать над становлением своей физической организации. Если вы представите себе физическую смерть и сравните её с этим моментом, вы увидите в этом моменте противоположность физической смерти. Физическая смерть - это переход от физического бытия к небытию; вышеописанный момент - это переход от небытия к становлению. Этот момент переживается совершенно различно в зависимости от того, понимаете вы его, или нет.

Такое понятие, как противоположность смерти, того, что происходит между смертью и новым рождением, должно, собственно, ощущаться в душе антропософа. Его не просто надо понять разумом, а надо прочувствовать; тогда можно почувствовать то обогащение, которое испытывает наша жизнь, когда такие понятия принимаются душой. Затем происходит ещё нечто другое: а именно то, что душа постепенно вообще обретает чувство всего того, что есть в мире. Если выйти весной в лес и до этого медитировать над тем понятием, о котором я упоминал, то, если следить за этим, окажешься недалеко от того, чтобы воспринимать духов, которые деятельны между физическими вещами. Воспринимать духовный мир было бы, собственно, не так сложно, если бы люди сами не затрудняли себе это. Когда они стремятся то, что получили в понятиях, довести до своих чувств, внутренне оживить, тогда это стремление может привести их к видению. Посредством таких вещей, которые были сказаны сегодня, я хотел бы внести свой вклад в то, чтобы это стремление к духовной науке стало живым. Представление таких вещей всегда таково, что испытываешь чувство: это описание - будто невнятное бормотание, поскольку наш язык предназначен только для физического мира, - и нужно напрягаться, чтобы посредством совершенно особого способа представления, по меньшей мере, создать какое-то слабое понятие об этих вещах. Но, как раз, такой способ описания этих вещей может вызвать в наших сердцах то, что антропософски можно обозначить как чувственное содержание.

Этим должна стать для нас духовная наука: неким чувственным, жизненным содержанием, так чтобы мы не видели чего-то малого в приёме духовных понятий, а охотно следовали бы им, но тогда главное мы видели бы не в этих понятиях, а в том, что делает из нас антропософия.

Космическая сторона жизни между смертью и новым рождением.

Путь через звёздные сферы.
Штуттгарт, 17 февраля 1913 года
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Во второй половине прошлого года на меня была возложена задача провести некоторые оккультные исследования о жизни между смертью и новым рождением. Мы, ведь, уже с различных сторон описали то, что тут входит в рассмотрение, но полное знание, действительное проникновение в эту часть человеческой жизни возможно, собственно, лишь при проведении этого рассмотрения с самых различных точек зрения. Хотя всё то, что можно найти в работах и циклах на эту тему, верно, всё же ко всему этому можно добавить то, что мы должны представить сегодняшним вечером и, возможно, также послезавтрашним.

Когда человек проходит врата смерти, то есть, когда он уже оставил своё физическое и эфирное тела, тогда в первое время душа предаётся воспоминаниям о прошедшей земной жизни. Мы, ведь, уже знаем, что душе необходимо определённое время, чтобы, если можно использовать такое выражение, отвыкнуть от всего того, что она сохранила в себе от последней земной жизни. Теперь мы хотим это вырастание из последней земной жизни представить в связи со всей вселенной, со всем миром.

Когда человек оставляет свои физическое и эфирное тела, - а это, ведь, происходит не только после смерти, но и уже во время сна, - и живёт, таким образом, только в астральном теле, которое мы, ведь, тоже может обозначить как душевное, тогда с человеком происходит, можно было бы сказать, пространственно, полное расширение; распространение его существа в дали. Каждую ночь, собственно, мы расширяемся до звёздных далей. После смерти человек, медленно и постепенно, расширяется так, что нам приходится искать его — возможно, сейчас мы не можем сказать: телесность, - но его душевность, в окружении Земли, далеко за пределами, вначале, воздушного окружения. Он расширяется всё дальше и дальше, пока - как бы парадоксально это ни звучало, - его душевное бытие не расширится до границ шара, совпадающих в конце концов с орбитой Луны вокруг Земли. Мы становимся такими большими, что границей нашего существа становится орбита луны вокруг Земли. До тех пор, пока мы вырастаем до этой величины, это время можно обозначить как время Камалоки. Это время внутренней связи с последней земной жизнью.

Затем, однако, это расширение продолжается. Мы расширяемся действительно до звёздного купола, и тогда начинается время, когда человек вырастает так, что внешние границы его бытия можно обозначить как орбиту, которую, говоря астрономически, описывает Венера, или, говоря оккультным языком, Меркурий. Теперь вид бытия человека, после того, как он покинул лунную сферу, зависит от того, какова была его жизнь здесь, между рождением и смертью. Когда наша жизнь выходит в мировом пространстве до сферы Меркурия, тогда мы находимся в ней или так, что мы легко находим подход к другим людям, с которыми мы были вместе на Земле, с которыми наши души встречались на Земле, или так, что мы испытываем в этом отношении трудности, что мы, как бы, обречены во время этого проживания в меркуриальной сфере на одиночество. И то, насколько мы чувствуем себя предназначенным для одиночества, или, если можно использовать такое выражение, для общительности, зависит от того, как человек провёл земную жизнь. Человек, который в жизни уделял мало внимания пробуждению в своей душе моральных чувств, моральным

размышлениям, моральному настроению, доброжелательности, состраданию, человек, который мало развил всё это в земной жизни, расширившись до сферы Меркурия, чувствует себя после смерти обречённым на одиночество. И ему трудно найти другие души, с которыми он связан. Человек, развивший большое сострадание и моральный настрой, расширившись до сферы Меркурия, живёт в общении с другими душами. Таким образом, это в наших руках устроить свою жизнь между смертью и новым рождением так, как мы хотим. Сфера Меркурия, говоря оккультно, - это та сфера, в которой приходят к выражению наши моральные качества. Это также тот случай, когда моральные качества, которые мы развили, оказываются действенными и по-другому.

Тут прежде всего входит в рассмотрение, - как раз, во время этого прохождения после смерти сферы Венеры, или Меркурия, - что влияние оказывает то, был ли человек между рождением и смертью совестливым или бессовестным. Видите, всё, что происходит здесь в физическом мире, в конце концов, дирижируется, определяется духовным миром. Мы часто рассматривали естественную смерть от старости, которая должна произойти с людьми, поскольку это то, что должно нас постигнуть, чтобы жизнь от инкарнации к инкарнации могла протекать правильным образом. Но, как мы знаем, существует не только эта, хорошо обоснованная в эволюции смерть от старости; есть также смерть, которая постигает людей в расцвете молодости, даже в детстве. В мире имеются различные болезни, эпидемии и так далее, влияющие на человеческую жизнь. И, в конце концов, они регулируются не просто физическими причинами, а определяются духовными мирами. И это происходит, собственно, из области Венеры, того пояса вокруг Земли, который мы, однако, говоря оккультно, называем меркуриальной сферой. Это значит, что если мы проведем радиус от Земли до Венеры и опишем соответствующий круг, - совершенно независимо от астрономических отношений, - то в оккультном смысле это сфера Меркурия; то есть, круг, центром которого является не Солнце, а Земля. И в этом поясе, в этом пространстве, внутри этого круга, находятся силы, которыми управляются болезни и смерть на Земле; не та смерть, которая наступает естественным образом от старости, а смерть нерегулярная. Тогда действуют определённые духовные силы, которые оккультист обозначает как духи болезни и смерти. Тот человек, который, оккультно говоря, вступает в эту меркуриальную сферу так, что на Земле он проводил своё бытие как бессовестный человек, осуждается на то, чтобы во время прохождения этой сферы быть слугой этих - мы можем уже называть их так - злых духов болезни и смерти. Да, мы получаем некое понятие, некое впечатление того, что, собственно, означает бессовестность, только зная этот факт. Бессовестность осуждает человека на то, чтобы какое-то время между смертью и новым рождением в меркуриальной сфере быть рабом этих злых духов. И когда развиваются силы, которые посылаются на Землю из этого окружения, чтобы возникли эпидемии, болезни, чтобы наступали несвоевременные смерти, то в развитии этих сил должны принимать участие эти бессовестные души как слуги этих духов болезни и смерти, которые посылают эти силы в наш физический мир.

Нечто другое, - это когда вплоть до этой сферы действует влияние того, что очень распространено на Земле: удобство. Наша жизнь, собственно, полностью стоит под знаком удобства. Бесконечно много люди делали по-другому, если бы они не склонялись к удобству. Благодаря удобству, человек также осуждается в этой сфере на то, чтобы на какое-то время стать слугой тех сил, которые подчиняются Ариману, и которые можно обозначить как силы препятствий, то есть тех духов, которые препятствует работе на Земле. Слугами духов препятствий мы становимся на определенное, более или менее длительное время, благодаря всему тому, что мы влили в свою душу посредством удобства. Так мы получаем понятие о том, как силы, которые мы развили в своей душе в течение физической жизни, влияют на жизнь между смертью и новым рождением.

Следующую сферу, до которой расширяется душа, астрономически обозначаемую как меркуриальная сфера, оккультно называют сферой Венеры. К ней мы подготавливаемся своей религиозной жизнью, религиозным настроем. Человек, у которого во время между рождением и смертью выработалась такой настрой, посредством которого его душа смотрит

на духовные пра-силы и пра-власти мира, может быть общительным существом в сфере Венеры, так что он живёт вместе с ними другими людьми, с которым была родственна его душа на Земле. Но с этого времени в сферу человека входят и другие духи высших иерархий, и, если он развил религиозный настрой, религиозные чувства, он живёт вместе с духами высших иерархий. Напротив, если он не соединил свою душу здесь на Земле с импульсами религиозной жизни, он обрекает себя на одиночество, замкнутость, на мучительное одиночество. Если он на Земле был атеистом, то в этой сфере он будет в полном одиночестве. И надо уже сказать, что к полному одиночеству обрекают себя те люди, которые сегодня растут в отсутствии религии. Люди, например, которые собираются в Союзе Монистов, блокируют свою внутреннюю свободу движения, и, собираясь здесь под этим флагом, они обрекают себя в этой сфере на то, чтобы сидеть в своей клетке; каждый будет отделён от другого.

Следующая сфера, в которую мы вступаем - это сфера Солнца. Здесь, в свою очередь, отношения другие, нежели для физической астрономии. Мы получим эту сферу, соединив Землю и Солнце и описав этим радиусом круг вокруг Земли (обозначается на доске). Духовно, опять же, отношения другие, нежели в физическом. Мы расширяемся до этой сферы после прохождения сферы Венеры. Для этой сферы нас больше не подготавливает то, что подготавливало нас для сферы Венеры. Для сферы Венеры мы могли быть подготовлены так, что мы находили подход со всеми теми человеческими душами, с которыми были религиозно близки в жизни между рождением и смертью. В сфере Венеры люди, как бы, замкнуты в районах, подобно тем, в которых на Земле соединены народы, расы. Таким образом, в сфере Венеры есть районы, в которых объединяются вместе те, кто имеет родственные религиозные чувства. Но в солнечной сфере этого уже недостаточно. В солнечной сфере человек чувствует себя одиноким, если на Земле он был подготовлен для определённого рода религиозного чувства в душе. В солнечной сфере человек является общительным существом, только если он развил в лучшем смысле этого слова понимание каждого религиозного чувства, если он развил, так сказать, глубокую толерантность ко всем религиозным системам Земли. Вплоть до нашего времени, начиная с Мистерии Голгофы, внешнего христианского религиозного исповедания было в известной мере достаточно; поскольку это христианское вероисповедание всё же определённым образом содержит в себе выходящее за какую-то одну ограниченную религиозную систему понимание совершенно другого рода, нежели другие религиозные системы. В этом действительно легко убедиться. Многие другие религиозные системы ещё ограничены определённым районом Земли, и если вы захотите, вы можете легко увидеть, что верующий индуистской религии, буддизма и так далее, хоть и говорит о равноправии всех религий и религиозной мудрости в общем, но если углубиться в то, что он имеет в виду, вы обнаружите, что он имеет в виду только свою собственную религию. По сути, он требует, чтобы другие люди признали его собственную религию. Это он называет равноправием религий. Попробуйте почитать теософские журналы, которые происходят из области Индии. Там то, что говорят индийцы, выдается за общую мировую религию, а тех, кто этого не признает, называют нечестными теософами. Раннее христианство с самого начала не было настроено на этот тон, особенно там, где оно стало европейской религией. Если бы в Европе было так же, как в Индии, сегодня мы имели бы религию Вотана; тогда она была бы тем, чем, например, для Востока является индуистская религия. Однако Европа приняла не выросшую из неё религию, а с самого начала - религию основателя, жившего за пределами Европы, Христа Иисуса. Европа включила в своё существо религию не эгоистично. Это принципиальное различие. И, по сути, в существе христианства лежит истинная толерантность по отношению к любой религиозной системе, даже если это существо, возможно, и плохо понято европейскими христианами.

Собственно, для христианина каждый является христианином, как бы он себя не называл. И это просто сердечная ограниченность, если вы хотите повсюду распространять христианские догматы. Широта сердца - это нечто совсем другое. Если вы посмотрите на

индуиста, китайца, буддиста, если вы посмотрите на более глубокие элементы его существа, вы повсюду обнаружите начала христианства и выделите эти черты христианства из того, что он сам думает, без необходимости упоминать имя Христа. Но это более узкое христианство, каким оно дано людям сегодня между рождением и смертью, является, собственно, лишь подготовкой к солнечной сфере после смерти. Но для этой солнечной сферы необходимо нечто ещё: то, что мы в правильном, в истинном смысле, обозначаем как теософия. Она даёт нам внутреннее понимание всех религиозных систем Земли, понимание существа всех религиозных систем Земли. Когда мы достигнем этого понимания здесь на Земле, мы подготавливаемся правильным образом к солнечной сфере. Мы должны иметь такое понимание различных религий и Мистерии Голгофы, импульса Христа, если мы не хотим стать отшельниками по отношению к другим человеческим душам и по отношению к духам высших иерархий в солнечной сфере между смертью и новым рождением.

Когда мы между смертью и новым рождением входим в солнечную сферу, мы обнаруживаем две вещи. Первое, что мы обнаруживаем, - это нечто такое, что мы можем выразить только в виде образа: мы находим пустой трон, пустой мировой трон. И то, что мы можем искать на этом пустом мировом троне, мы можем найти только в картинах Акаша-Хроники. На этом троне, который мы находим пустым, когда проживаем время между смертью и новым рождением, когда-то в солнечной сфере восседал Христос. Посредством Мистерии Голгофы он расширился вплоть до земной сферы, и с того времени жители Земли должны здесь на Земле достичь понимания импульса Христа и этот импульс сохранять в памяти: тогда они смогут опознать образ, являющийся в Акаша-Хронике, когда они вживаются в эту солнечную сферу. Кто здесь на Земле не достиг этого понимания, тот не познает того, кто когда-то сидел на этом троне, и то, что теперь сохранилось только в образе, и он тогда не сможет ориентироваться в жизни между смертью и новым рождением в солнечной сфере. Тут мы видим, что земная миссия человеческих душ состоит в том, чтобы искать связь с Мистерией Голгофы, как мы ищем её в нашем спиритуальном движении. Благодаря этому, мы сохраняем во время между смертью и новым рождением память об импульсе Христа и становимся в солнечной сфере не существом-отшельником, а общительным существом, с помощью сил, которые мы взяли с собой; так что мы тогда, как бы, оживляем этой собственной принесенной с собой силой этот образ, - который есть в солнечной сфере только как образ, - образ Христа. И мы должны взять с собой из нашего пребывания на Земле столько сил, чтобы их оставалось нам также на следующее время и чтобы они не могли быть утеряны.

Но, в качестве второго, в этой солнечной сфере мы находим также второй трон, и он занят реальным существом, Люцифером. Таким образом, мы чувствуем себя в солнечной сфере между смертью и новым рождением так, как это было только-что описано: на одной стороне Христос, на другой стороне, напротив него - Люцифер. Если бы мы не восприняли импульс Христа, то Люцифер должен был бы быть нашим единственным проводником. Если же мы приняли импульс Христа, то мы стоим на далёком пути через вселенную под водительством, с одной стороны, импульса Христа, и, с другой стороны, Люцифера; поскольку в нём мы также нуждаемся для последующего времени. Нам нужен также Люцифер, поскольку он проводит нас правильным образом через другие мировые сферы, и вначале через сферу Марса.

Это следующая сфера, до которой мы расширяемся во время между смертью и новым рождением. Для того, чтобы Люцифер проводил нас через неё соответствующим нам, людям, образом, мы должны нести с собой импульс Христа как противовес; тогда импульс Люцифера будет для нас целительным; иначе он для нас является чем-то плохим. Становится необходимым ещё и нечто другое: в сфере Марса мы должны иметь возможность всем своим существом ощутить определенные изменения, произошедшие на Марсе за последние несколько столетий. Эти изменения можно описать примерно следующим образом. Все мировые тела стоят друг с другом в связи посредством определённых сил; с Землёй связаны все остальные мировые тела. От них излучаются силы. От Марса и его сферы излучается

фактически не только действие света, приходящее на Землю, но излучаются и духовные силы. Если мы возвратимся в более старые столетия, мы обнаружим, что от Марса излучались те силы, которые придавали людям энтузиазм для того, в чём нуждались люди тех времён: физические силы, чтобы продвигать человеческую эволюцию. Это не просто миф, а оккультная истина, что то, что развивалось в мире как воинственная сила и воинственное осуществление, что тысячелетиями делало людей способными на поступки, придавало им мужество, происходило, благодаря притоку сил Марса. Но в жизни планеты происходит так, что её силы проделывают восходящее и нисходящее развитие. И Марс в последние столетия некоторым образом изменил свою задачу. Те воинственные силы, которые ещё развиваются, - это уходящая воинственная жизнь прошлых столетий; новые разжигающие силы Марса больше не притекают. Поскольку на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков Марс достиг решающей точки, которую в бытии Марса можно сравнить только со временем, когда Земля подошла к решающей точке во время Мистерии Голгофы. Здесь мы касаемся чего-то невероятно важного. Марс проходил через решающий пункт. Это знали в мистериях Земли, там, где принимаются решения относительно великих духовных вопросов земного бытия. А именно, начиная с двенадцатого столетия, в рамках мистериального развития Земли были сделаны решающие приготовления для принятия во внимание изменений в сфере Марса. Силы, которые должен был посылать Марс, чтобы приносить на Землю мужество и деятельную силу, для Марса закончились: они больше не должны были проникать на Землю. Но для того, чтобы Марс проделал такой кризис, для душ, живущих между смертью и новым рождением также изменилось то, что им предстояло пройти в сфере Марса после смерти. А именно, когда человек выходит за пределы солнечной сферы, в его душевное бытие излучаются силы, которые имеют значение уже для следующей инкарнации. Души, которые проходили через сферу Марса в прошлые времена до 17-го столетия, приходили в соприкосновение с силами, которые пронизывали их мужеством и деятельной силой. Люцифер был проводником к источникам мужества и деятельной силы. Но души, которые прибывали в более позднее время, больше не могли найти эти характерные силы: Марс проходил тогда через свой кризис. Там, где в пределах мистерий принимались великие спиритуальные решения, считаются не просто с человеческой жизнью между рождением и смертью, но и с её благополучием и неблагополучием между смертью и новым рождением; то есть, в мистериях смотрят за тем, чтобы в духовную культуру человечества были введены те вещи, которые бы способствовали тому, чтобы души после смерти могли правильным образом проходить различные сферы.

Если мы хотим понять, о чём идёт речь в сфере Марса, мы должны рассмотреть следующее. С 12-го столетия к розенкрейцерским мистериям подступают великие, решающие вещи, когда надо было сказать себе следующее. Для развития наступают совершенно особые времена, - времена внешней материальной культуры, внешнего материального триумфа. Против этого ничего сделать нельзя; хотя они и не несут ничего духовного, они необходимы, - это время машин, дирижаблей и так далее, - но они приносят, своего рода, смерть души. Против этого ничего сделать нельзя, человек должен сжиться с этим. - Должен был прийти материалистический период; только постоянным усилием высших духовных существ было создать противовес этому материалистическому периоду. Если взглянуть на всё, что в земном развитии проявилось как противовес материализму, то последним значительным явлением здесь был Франциск Ассизский; тот Франциск Ассизский, который в своём Франциск-Ассизском-бытии отвернулся от всякой внешней жизни, который вёл то известное вам бытие в Ассизи, которое так чудесно описал на стенах ассизской церкви Джотто, так что сегодня, когда эти картины уже столько раз перекрашивались, его жизнь всё ещё так волнующе излучается со стен. И хотя он тоже претерпел развитие в направлении материализма, надо всё же сказать: в окрестностях Ассизи ещё сохранилась духовная атмосфера Франциска, та атмосфера, которая вобрала в себя элементы хотя и чуждой миру, но родственной душе жизни, - родственной не только человеческой душе, но и душе природы. В цикле «Человек в свете оккультизма, теософии и

философии» вы можете прочесть прекрасное стихотворение, в котором Франциск фон Ассизи выразил то, что он ощущал в отношении души природы и природных существ. Можно сказать, что более прекрасные слова можно найти, разве что, у Гёте. Отчего появилось всё это? Всё это появилось потому, что в своей предыдущей инкарнации, в 7-8-ом столетии, Франциск Ассизский был в одной из мистериальных школ рядом с Чёрным морем, был учеником одной индивидуальности, которая не была больше воплощена в физическом теле.

Это удивительная вещь; Франциск Ассизский в своей непосредственно предыдущей инкарнации жил в одном из мест мистерий, был среди других учеников учеником одной сущности, которая в то время действовала среди учеников, к которым принадлежал и Франциск Ассизский, только в духовном теле. И этой сущностью был никто иной как Будда, который в последний раз был воплощён как Гаутама Будда. Он, однако, продолжал свою деятельность в духовном теле. Мы знаем, что как духовное существо он принимал участие при рождении младенца Иисуса из Евангелия от Луки²². Он действовал далее в школе, в которой жил в своей предыдущей инкарнации Франциск Ассизский. Тогда он воспринял импульсы своей родственной душе жизни, той жизни, которая должна была уводить людей от всего, что, как раз, должно было распространяться дальше на Земле, уводить от чисто материальной жизни. И это осталось во Франциске Ассизском, мы видим действие этого в инкарнации Франциска Ассизского. Но не могло произойти так, что на Земле в период, который содержал в себе материалистическую миссию, многие души присоединились бы, скажем, к общине Франциска Ассизского. Этого не могли сделать те, кто должен был двигаться в ногу со временем. Таким образом была создана некая двойственность. Не могло произойти так, что с одной стороны была бы только внешняя, материальная культура, а с другой стороны сподвижники Франциска Ассизского. Как бы велик ни был Франциск Ассизский, то, что он как правило давал, не могло соответствовать более поздним временам. Как это могло случиться? Что должно было прийти на Землю?

В важных аспектах розенкрейцерских мистерий это было установлено, начиная с двенадцатого столетия. Говорили себе: Человек должен будет работать с земным телом, должен будет внешне вжиться в материальное бытие между рождением и смертью, и он должен будет участвовать в триумфах этого материального бытия. Но для каждой души, которая вживается, в материальное бытие, сдруживается с ним, должна быть создана возможность частью своего существа, как бы, иметь понимание внутреннего переживания того, что лежит в явлении Франциска Ассизского. - В этом, ведь, и состоит прогресс душ на Земле, что эти души должны сохранять в себе, как бы, две природы, - и чем дальше в будущем, тем больше; чтобы мы с нашими душевными членами понимали импульсы земного бытия и могли сдружиться с ними; но чтобы мы также развивали в себе моменты и часы, когда в одиночестве мы могли бы отдать жизни самой души. Становясь дружелюбнее и доверительнее к миру, мы должны в то же время иметь часы для возможности интимного посвящения себя душе. Следуя Эдисону, с одной стороны, мы должны, с другой стороны, в полном внутреннем покое иметь возможность стать учеником Франциска Ассизского или его великого учителя, Будды. Каждая душа, даже окунувшись в материальную жизнь, должна иметь возможность чувствовать это. И к этому надо было подготовиться в розенкрейцерских мистериях. Эта задача лежала на Христиане Розенкрейцере.

Как это может произойти? Только благодаря тому, то определенный период жизни между смертью и новым рождением может быть использован для души совершенно определённым образом. Тогда в розенкрейцерских мистериях говорили: Марс, так сказать, теряет своё прежнее задание; мы дадим ему новое. - С началом 17-го столетия, на рубеже 16-го и 17-го столетий, на Марс, в сферу Марса, был послан Будда, который уже проделал свою последнюю земную инкарнацию, и правильно говорят, что в это время Будда осуществил для Марса нечто подобное тому, что - только в более крупном масштабе - осуществил Христос на

²²См. «Евангелие от Луки», GA 114 (прим. пер.)

Земле в Мистерии Голгофы. То, что всегда исходило от Марса, что лежало в его существе, Будда преобразовал тогда посредством своей жертвы. Он преобразовал всю природу и существ Марса. Для Марса Будда стал величайшим спасителем. Он был жертвой для него. Вам нужно только вспомнить, как Будда поднялся до учения, до послания о великом мире, о гармоническом бытии. Теперь он был помещён в планетарную сферу, из которой исходила сила агрессии. Он, как князь мира, был, как бы, распят, хотя и не посредством Мистерии Голгофы. Таким образом в сферу Марса было привнесено нечто иное: Марс был пронизан существом Будды. Как на Землю от Мистерии Голгофы излилась субстанция Христа, так же в сфере Марса излилась субстанция мира Будды, которая находится теперь в сфере Марса.

Так говорилось в розенкрейцерских мистериях. Благодаря этому посланию Будды, человеческие души между смертью и новым рождением могли какое-то время жить в сфере Марса, после того, как они проходили солнечную сферу и до этого несли импульс Христа. После того, как душа входит туда, благодаря правильной пронизанностью импульсом Христа и руководству Люцифера, душа выходит дальше в сферу Марса, и, как раз, в наше время в сфере Марса происходит то, чего не могло произойти раньше: души пронизываются тем, что уже больше не может случиться на Земле, пронизываются элементом Будды-Франциска Ассизского. Между смертью и новым рождением каждая душа может, если она соответствующим образом подготовлена, пережить то, что было пережито на Земле в последнем взлёте душевной жизни Франциска Ассизского, но что с тех пор уже не могло иметь настоящий дом на Земле. Проходя через сферу Будды на Марсе в жизни между смертью и новым рождением, человеческая душа может сама принять там силу, которая позволит ей быть способной к тому, что было сказано только-что: что позже, посредством нового рождения, она может вступить в чисто материальное бытие, может быть брошена в земное бытие, которое будет всё более и более материалистическим, но всё же другой частью душевного существа сможет развивать силы, чтобы быть отданной духовно-душевному миру. Так обстоит дело с тайнами, которые скрываются между смертью и новым рождением.

Затем мы расширяемся всё дальше и дальше в звёздных далях к Юпитеру, Сатурну и ещё дальше. То, что я сейчас описал, происходит, собственно, только с самыми продвинутыми душами. Души, которые сейчас не обрели эти качества, а обретут их лишь позже, в жизни между смертью и новым рождением связываются только со сферами, лежащими в самой близости к Земле. Другие сферы они также проходят, но в некоем сонном, бессознательном состоянии. Во внешних сферах, в сферах за пределами Солнца, собираются силы, которые человек должен принять, чтобы иметь возможность снова работать, двигаясь к новому рождению, чтобы иметь возможность участвовать в строительстве нового тела. То, что есть в человеке, вошло в него не просто на Земле. Это огромная близорукость, когда материалисты полагают, что человек является продуктом Земли. Когда человек строит себя таким образом силами, которые он получает, строит в самом широком смысле, то эти строительные силы являются космическими силами, которые человек должен был сначала обрести. По мере того, как он расширяется между смертью и новым рождением до солнечной сферы, он ещё имеет дело с силами, которые продолжают действовать из предыдущей жизни. Силы, которые ему нужны для вработывания в земную сферу, что может конструировать его физическое тело с периферии, - их он должен получить от сил, которые приходят к нему за пределами солнечной сферы. Человек между смертью и новым рождением действительно должен расширяться до космоса, он должен жить с космосом; поскольку только на Земле нет сил, которые действительно могут создать человека. Из человеческого зародыша, который возникает посредством взаимодействия обоих полов, никогда бы не возник новый человек, если бы не происходило следующего.

Вот этот маленький человеческий зародыш. С этим человеческим зародышем соединяется нечто невероятно огромное и значительное, нечто, что вначале таинственным образом расширилось в бесконечных далях мира и затем снова стянулось вместе. После того, как человек распространился до звёздной сферы, он снова начинает стягиваться вместе. Он проходит через сферы Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия и Луны,

становясь всё меньше и меньше. И по мере того, как он становится меньше, он принимает в себя духовные силы космоса. И его становится всё меньше и меньше. А то, что становится сжатым к концу, оказывается подобным маленькому духовному шарикю, который получился в результате сжатия из огромного разрежённого пространства. И он теперь соединяется с физическим шариком, который является зародышевой клеткой, и оплодотворяет её из духовных сфер. Вот как мы видим то, как человек вступает в бытие через рождение.

После прохождения через окончательную смерть, он расширяется в мировых далях, становясь, как бы, гигантским шаром. Духовно он живёт вместе с духовными существами и фактами; затем он снова сжимается, становясь всё меньше и меньше, пока не наступит момент, когда, посредством присущих ему сил, он соединится с физической материей. То, что вместе с человеческой зародышевой клеткой образует человеческое тело, привнесено из космоса. Из этой человеческой зародышевой клетки, даже если она оплодотворена, не могло бы возникнуть ничего, что способно к жизни на Земле, - что может быть исследовано оккультно, - если бы она не могла соединиться с этим спрессованным духовным шариком. И что тогда возникло бы только из этой человеческой клетки? Из неё могло бы возникнуть лишь основание для чувств и нервной системы, но ничего, что было бы способно к жизни. Земля может дать силы чувствам, нервной системе. То же, что образуется вокруг неё, должно быть получено из космоса. И только тогда, когда некая новая наука поймет процессы в зародышевой клетке человека согласно этому оккультному знанию, станет понятным то, что сейчас не может быть понято ясно мыслящим человеком ни в каком естественно-научном изложении. Читаете ли вы об этом интеллектуальные рассуждения Геккеля или других, вы повсюду обнаружите, что эти вещи, исходя из них самих, непонятны. Чего мы не знаем, так это того, что с тем, что исходит от отца и матери, соединяется третье. Это третье приходит из космоса.

Собственно, об этой тайне знает, или сегодня можно сказать, знал, только определённый класс людей, но этот факт всё больше и больше уходит в прошлое. Дети, их кормилицы и воспитатели, - у них это по крайней мере находит своё выражение в словах, когда они говорят о том, что нечто, благодаря чему человек может прийти в мир, приносит аист или другие существа. Хотя это лишь образное выражение духовного процесса, оно всё же умнее, чем то, что представляют сегодня умные люди. Но сегодня считается просвещённым объяснение этих человеческих обстоятельств материалистически. Уже это образное представление должно было действовать на душу ребёнка, на его имажинации! Конечно, люди говорят: дети больше не верят сегодня в аистов, поскольку нельзя больше верить в то, что рассказывают сказки. Но те, кто сегодня становится антропософами, верят в образ аиста, и они скоро обнаружат, что в этом образном представлении даётся нечто хорошее для духовных процессов.

Этим мы рассмотрели космическую сторону жизни между смертью и новым рождением, а послезавтра мы коснёмся больше человеческой стороны практической жизни.

Но сейчас мы хотим поразмыслить ещё об одной вещи. Кант однажды, я бы сказал, исходя из некоего предчувствия, высказал одну знаменательную вещь: «Две вещи наполняют душу постоянно новым восхищением и почтением: звёздное небо надо мной и моральный закон во мне». Это высказывание может показаться оккультисту важным. Поскольку, что за странное отношение существует между звёздным небом и тем, что есть лучшего в нашей душевной жизни? Это одно и то же. Между смертью и новым рождением мы расширяемся до пределов звёздного неба, и его силы воплощаем в жизнь, ощущая их самими важными силами нашей души. Неудивительно, ведь мы являемся его внешним отражением! Мы смотрим на звёздное небо, где мы были между смертью и новым рождением, и видим внутри себя то, что мы там взяли. Неудивительно, что мы чувствуем родство с тем, что живёт внутри нас в виде направляющих линий нашей душевной жизни, и с тем, что смотрит на нас из звёздного неба, и что мы чувствуем в себе, когда апеллируем к глубинам своей душевной жизни. Когда мы рассматриваем наше общее бытие, мы и звёздное небо - это одно. - Поэтому мы должны сказать себе, что такое духовно-научное рассмотрение даёт нам не только то, что

мы знаем, что мы можем назвать знанием в обычном смысле жизни; это даёт нам моральные силы и чувственную поддержку в том, что вся Вселенная живёт внутри нас. И частично мы видим себя пронизанными этой вселенной, когда мы проходим жизнь между смертью и новым рождением. Да, для внешнего взгляда эта жизнь между смертью и новым рождением скрыта; но скрыто и то, что движет нас в глубинах нашей душевной жизни. И тем не менее, оно находится в нас, действует в нас и дает нам силу, это наше лучшее существо. Мы несём в себе небеса, потому что проживаем эти небеса до вступления в физическое бытие. Тогда мы чувствуем обязанность сделать себя достойными этого неба, которое сделало для нас так много, что мы обязаны ему всем своим внутренним существом.

Это мы рассмотрим послезавтра, когда мы будем смотреть на жизнь более человечески с той стороны, которая больше касается практической жизненной деятельности.

Вступление во взаимные отношения живых и, так называемых, мёртвых. *Штуттгарт, 20 февраля 1913 года* ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Уже часто говорилось о том, что когда духовная наука распространится, она должна действовать в жизни как некая действительная жизненная сила. И самые различные отдельные рассмотрения жизненных отношений могут укрепить это утверждение. Уже посредством того, что мы всё больше и больше знакомимся с особенностями того невидимого мира, который лежит в основе видимого, мы внедряем в наши души представления, понятия, которые в свою очередь становятся импульсами к совершенно определённым поступкам, совершенно определённому поведению в жизни. Особенно важным будет поведение по отношению к, так называемым, умершим, то есть, к тем, кто во время нашей жизни проходит время между смертью и новым рождением.

Как человек в физическом теле стоит здесь, посредством своей души и своего тела, в самых разнообразных отношениях с физическим и лежащим в его основе духовном окружении, так же и человек между смертью и новым рождением стоит в самых разнообразных отношениях с фактами, процессами и существами сверхчувственного мира. И как люди могут иметь занятия, деятельность в физическом мире между рождением и смертью, так же они имеют деятельность, как бы, дела, и между смертью и новым рождением. То, что мы сможем узнать о человеческой жизни и человеческой деятельности между смертью и новым рождением, будет всё больше и больше способствовать тому, что можно назвать устранением той пропасти, которая открывается здесь, особенно в наши материалистические времена, между живущими здесь на Земле и умершими. Всё чаще будет происходить то, что можно назвать вступлением во взаимоотношения, общением между живущими и, так называемыми, мёртвыми.

Сегодня должно быть обращено внимание на детали как в отношении этого общения между живущими и умершими, так и в отношении деятельности и рода жизни душ, живущих между смертью и новым рождением. Те, кто умер раньше людей, с которыми они здесь имели связи, должны, ведь, понятным образом, часто оглядываться назад из духовного мира на существ, которые остались здесь в земной жизни в качестве любимых или прочих существ. Теперь речь идёт о том, могут ли такие находящиеся между смертью и новым рождением души воспринимать людей, живущих здесь между рождением и смертью. Тот, кто развил способности проникать в жизнь между смертью и новым рождением, приобретает совершенно особый, я бы сказал, потрясающий опыт. Там, например, можно найти души

умерших, которые иногда на том языке, который возможен между душами умерших и видящим и который понятен только тому, кто может из этого мира заглянуть в мир умерших, говорят следующее. Например, одна душа - это была душа, которая в последней инкарнации была воплощена в мужском теле, - делала себя слышимой после смерти таким образом: Тут все мои мысли направлены на воспоминание той личности, которая была моей милой женой. Когда я был внизу, в земной жизни, она была для меня, так сказать, солнечным светом. Когда я приходил вечером после работы домой, душа моя ликовала от того, чем она была для меня, что тогда приходило из её души в мою. Она была для меня настоящей духовной пищей. И у меня осталась тоска по ней. Мои духовные глаза обращены вниз на Землю, но я не могу её найти, её там нет. После всего того, чему я научился, я, ведь, знаю, что эта душа как и раньше должна быть в физическом теле, но для меня она словно стёрта, будто её нет.

Этот потрясающий опыт часто можно получить с душами, которые вспоминают тех, кого оставили, и которые чувствуют себя словно связанными, так что они не могут достигнуть этих душ, не могут увидеть их. Они связаны не своим собственным существом, а скорее другой душой, которая осталась. И если исследовать, откуда это, что такие потусторонние души не могут воспринять души, которые ещё остались на Земле, то окажется, что эти оставшиеся души, благодаря теперешним временным обстоятельствам, не в состоянии воспринимать те мысли, позволить жить им в себе, которые могут видеть, воспринимать те души, которые прошли врата смерти. Можно использовать ещё другое сравнение. Такие души, которые прошли врата смерти и жаждут увидеть тех, кто остался в физическом теле, хоть и догадываются, что эти души находятся на физическом плане, но не могут дать о себе знать. Как не может дать себе знать немой человек, так остаётся немой целиком сама душа для того, кто к ней стремится, она остаётся не воспринимаемой в своём духовном существе для того, кто уже прошёл врата смерти.

Существует большая разница между душами и душами здесь, на земле, в зависимости от того, какое у этих душ содержание. Возьмём душу, которая живет здесь, в физическом теле, и с пробуждения до засыпания занята только представлениями, взятыми из материального мира; такую душу, которая целиком наполнена взятыми просто из материального мира идеями, понятиями, представлениями и чувствами, невозможно воспринять из потустороннего мира. Вы ничего от неё не заметите. Душа, наполненная спиритуальными представлениями, например, такими, которые даёт спиритуальная наука, которая пронизана жаром и светом этих спиритуальных представлений, - она воспринимается с той стороны. Поэтому такие оставшиеся души, какими бы хорошими людьми они ни были, если они поглощены материализмом, могут остаться несущественными и не воспринимаемыми для потустороннего, для другого мира. Это оказывает на видящего, несмотря на то, что он определённо достиг невозмутимости, потрясающие, устрашающие впечатления. Но такие восприятия, которые можно получать из потустороннего мира, как раз, в наше время, многочисленны. Как раз, в настоящий период дела выглядят так, будто между душами, которые здесь часто были так близки, всякие отношения прерваны. Когда одна душа проходит врата смерти, то обстоятельства часто складываются так, что всегда можно обнаружить, что души, живущие по ту сторону, то есть, прошедшие врата смерти и смотрящие вниз на тех, кто, пусть лишь время от времени, имеют спиритуальные мысли, и позволяют проходить им через свою душу, могут их воспринять, так что эти души остаются для них реальными душами. Ещё важнее то, что то, о чём здесь идёт речь, может стать практическим. Потусторонние души могут не только воспринимать, но и понимать спиритуальные мысли, которые есть у душ здесь. И, благодаря этому, может происходить то, что может оказаться таким важным для общения душ здесь и потусторонними душами: а именно то, что можно назвать чтением для мёртвых. И такое чтение для мёртвых часто является чрезвычайно важным.

И здесь видящий может испытать то, что люди, которые здесь совершенно не заботились о какой-либо спиритуальной мудрости, затем, пройдя через врата смерти, испытывают сильную жажду такой духовной мудрости, хотят её услышать. Когда оставшиеся здесь души

представляют себе умерших и мысленно, не вслух, проводят какие-либо спиритуальные мысленные процессы или открывают духовно-научные книги и мысленно читают их, читают умершему человеку, которого они духовно помещают перед собой, то умершие это слышат. Как раз, в нашем движении мы добились в этой области замечательных успехов, благодаря тому, что оставшиеся здесь наши друзья читали своим умершим родственникам. Часто можно видеть, как эти умершие жаждут услышать то, что доходит до них отсюда. Особенно в первое время после смерти необходимо, чтобы можно было связаться с душой.

Нельзя просто так войти в отношения с любым существом. Тут много обмана, много заблуждений; это не так просто. Если думают, что человеку достаточно только умереть, чтобы, так сказать, соприкоснуться со всем духовным миром, то это большая ошибка, очень большая ошибка. - Однажды мне особенно бросилось в глаза то, как человек, который, собственно, ничего из себя не представлял, но который постоянно говорил о Канте, Шопенгауэре и так далее, даже читал лекции о Канте и Шопенгауэре, когда я читал лекции о существовании бессмертия, несколько самодовольно возразил мне: О бессмертии люди на Земле знать не могут, мы узнаем это, только когда умрём. - Ему можно было бы сказать: согласно его настрою, он не будет особенно различать свою душу здесь и после смерти. Это полный предрассудок, когда полагают, что души сразу становятся мудрыми, пройдя врата смерти. Напротив, после смерти мы не можем просто так войти в отношения с существами, если мы не имели их здесь до смерти. Эти отношения, которые завязались здесь, продолжают действовать ещё долго. Не бывает так, что какая-то душа просто так сразу же может позволить себя учить потусторонним душам: поскольку она не может иметь с ними отношений. Но отношения человек имеет с существами по эту сторону, и они могут дать ему общение, которого он так жаждет, они могут принести ему спиритуальную мудрость, читая умершим, и тем самым могут оказать ему невероятную услугу. Чтение им внешней, материалистической науки, такой как химия или физика, не помогает, это язык, которого они не понимают, потому что эти науки имеют ценность только для жизни на земле. Но то, что говорится о спиритуальных мирах в духовной науке, остаётся умершим понятным.

Правда, в первое время после смерти надо кое-что учитывать: тогда душам остаётся понятным то, что звучит на языке, которыми они обычно говорили здесь, на Земле. И только через некоторое время мёртвые становятся независимыми от языка; тогда им можно читать на любом языке; они слышат тогда мысленное содержание. В первое время после смерти связан также с языком, на котором он говорил в последний раз, если он говорил только на одном языке. Это надо учитывать, чтобы в первое время человек действительно предмыслил (vordenkt) мёртвым - поскольку он мыслит перед мышлением мёртвого - на языке, который является им привычным.

Тут мы сразу же подходим к главе, мои дорогие друзья, которая может нас научить преодолению этой бездны, благодаря тому, что в нашу духовную жизнь здесь, в этом мире, и в мире, в котором мы живём между смертью и новым рождением, вливается антропософия. В то время как материализм допускает общение в жизнь только между душами, заключёнными в своей земной жизни, антропософия расчищает путь для свободной коммуникации, для общения между душами, находящимися здесь, и душами, находящимися в другом мире по ту сторону. Умершие будут жить с нами. И то, что можно назвать прохождением через врата смерти, будет постепенно восприниматься действительно лишь как, своего рода, изменение формы жизни. И большое значение будет иметь всё изменение душевной и духовной жизни, которая произойдет, когда подобные вещи станут обычным явлением.

Это, как раз, был пример того, как живущие действуют на умерших. Мы можем также составить себе представление о том, как умершие, в свою очередь, оказывают действие на живущих. Мне уже часто было позволено говорить о том, - простите, если беседа приобретает личный характер, - что в прошлые времена я обучал многих детей. Мне приходилось обучать ряд детей в семьях, где была только мать; отец уже умер, и моей заботой всегда было - собственно, этим и должен заниматься педагог - обнаруживать задатки и способности детей, чтобы их правильно воспитывать и обучать. В детях, о которых я хочу

сейчас поговорить, всегда оставалось что-то непонятное, не смотря на все старания: дети проявляли определенное поведение, не вытекавшее ни из их способностей, ни из их окружения; с этим было нельзя до конца справиться. В таких случаях, ведь, надо привлекать помощь отовсюду; и тогда спиритуальное исследование показало следующее: Отец уже умер, но, благодаря особым обстоятельствам в среде родственников, он был не согласен с тем, что эти родственники делали с ребёнком, а также с тем, что происходило непосредственно в семье, и, благодаря этим особым обстоятельствам, это действовало на ребёнка. И только с того момента, когда я мог считаться с тем, что есть что-то особенное, что исходило не от задатков и не от окружения, а исходило из сверхчувственного мира от умершего отца, который направлял в душу ребёнка свои силы, только тогда можно было действовать адекватно. Тогда надо было считаться с тем, чего, собственно, хотел твой отец. И только в тот момент, когда я смог исследовать то, чего хотел отец, прошедший через врата смерти, и когда я рассматривал его в качестве реальной личности, наравне с другими физическими личностями, влиявшими на ребёнка, мне удалось с этим справиться.

Это один из таких случаев, где ясно и отчётливо было показано, что может показать спиритуальное знание, может указать на влияние сил из сверхчувственного, духовного мира в этот физический мир. Но чтобы воспринять нечто подобное, нужно подходящее время. Например, надо постараться развить в себе такую силу, которая позволяет воспринимать, как бы, свет сверхчувственной силы, в данном случае отца, направленную в душу ребенка. Это часто трудно. Ведь, лёгким средством было бы, например, попытка узнать то, как умерший отец хочет поместить то или иное в душу ребёнка, по его, то есть, отца, мыслям. Но они не всегда определяются верно, и, прежде всего, их нельзя также определять заново. Тут хорошим средством оказывается создание внешнего образа отца, того, как отец выглядел в последнее время; если создать себе чёткую картину черт его письма и учитывать это при подготовке к уроку, как он здесь имеется в виду, когда концентрируются на письме или образе: тогда в то, что делается самим, принимаются взгляды, намерения, цели умершего человека. Тогда считаются с тем, что хотят умершие в отношении оставшихся. Сегодня мы можем считаться только с волей тех, кто находится на физическом плане. В будущем будет иметь место взаимное, я бы сказал, свободное общение между живыми и мёртвыми. Будут учиться исследовать, что для физического плана хотят мёртвые. Только представьте себе, как преобразуется, я бы сказал, также и внешность земной жизни, когда в ней будут участвовать умершие, воздействуя на физический план через живущих. Духовная наука, если она будет правильно понята, - а она всегда должна пониматься правильно, - будет не просто теорией, духовная наука всё больше и больше, в зависимости от того, насколько она распространится, будет становиться неким жизненным эликсиром, захватывающим всё бытие, преобразующим всё бытие. И она наверняка будет это делать, поскольку она будет действовать не как абстрактный идеал, который проповедуется и распространяется всякими союзами. Медленно, но наверняка, захватывать души и преобразовывать земные души.

Но многие другие вещи также обогатятся в наших представлениях. В нашем бытии мы будем жить вместе с мёртвыми совсем по-другому, поскольку мы поймём, что делают мертвые. Много в отношениях между миром здесь на Земле, физическим планом, и миром, в котором мы проживаем между смертью и новым рождением, остаётся поначалу совершенно непонятным; ведь, остаётся непонятным многое и из того, что происходит в физическом мире. И, поскольку то, что происходит здесь, стоит в корреспонденции с тем, что происходит по ту сторону, остаётся непонятным также и отношение мира и человечества к сверхчувственным мирам. Но когда духовная наука будет пониматься верно, на место непонимания в этой области будет всё больше и больше вступать понимание.

Теперь необходимо прояснить одну связь, которая может показать, какими странными запутанными путями следуют существа, которые осуществляют, так сказать, дальнейшее развитие мировой мудрости. Странные запутанные пути у этих существ, но если мы всё же проследим их, то они окажутся полными мудрости во всех пунктах. Мы обратим внимание на различные обстоятельства. Сначала взглянем на души, которых мы можем видеть

видящим взором между смертью и новым рождением, и на их деятельность. Тогда мы видим - и это для видящего также нечто потрясающее - множество душ, которые определённое время между смертью и новым рождением приговорены быть рабами духов, посылающих в физическую жизнь болезнь и смерть. Таким образом, мы видим души между смертью и новым рождением, которые запряжены в ярмо рабства тех, кого мы называем ариманическими духами или духами препятствий, то есть, тех, кто создаёт смерть на Земле, и тех, кто приносит в жизнь препятствия. Это жёсткая судьба, которую видящий наблюдает у некоторых душ, когда они должны так сгибаться под ярмом рабства. Если проследить бытие таких душ назад до жизни, которую они вели до того, как прошли врата смерти, обнаруживается, что души, которые должны какое-то время после смерти служить духам сопротивления, обязаны этому развитой ими в жизни тягой к удобствам. А рабы духов болезни и смерти подготовили себя к этому посредством того, что до смерти развили бессовестность. Тут мы видим, таким образом, определённую связь человеческих душ со злыми духами болезни и смерти и злыми духами препятствий. Но теперь посмотрим дальше на следующую вещь: теперь мы взглянем на души, которые здесь на Земле пострадали от того, что должны делать такие души. Взглянем на души тех, кто умирает здесь на Земле в расцвете сил, не дожив до старости. Взглянем на души, павшие здесь на Земле от болезни, преследуемые несчастьями, перед которыми постоянно нагромождаются препятствия. Что замечает видящий, когда прослеживает путь таких душ, которые преждевременно умирают или преследуются несчастьем и вступают в духовный мир? Что замечает видящий относительно таких душ? Можно получить странный опыт человеческих земных судеб. В любом случае мы хотим указать на один пример, который принадлежит к одной из самых горьких земных судеб и того, что может случиться.

Рождается ребёнок; мать умирает во время родов; ребёнок становится сиротой со стороны матери. В день рождения ребёнка отец узнаёт, что всё его состояние, погруженное на одно судно, идущее через море, пропало; он узнаёт, что это судно потерпело крушение, становится меланхоличным, тоже умирает, и ребёнок становится полной сиротой. Ребёнка, маленькую девочку берёт к себе состоятельная дама. Она очень любит ребёнка, завещает ему своё состояние. Эта дама умирает, когда ребёнок ещё относительно юн. Проверяется завещание, обнаруживается ошибка в его форме: и из того, что было завещано, ребёнок не получает ни пфеннига. Во второй раз ее выбросили в мир без гроша в кармане, и ей приходится работать горничной, выполняя чёрную работу. В неё влюбляется один мужчина, но им двоим невозможно соединиться из-за предрассудков, царящих в обществе: у них разная вера. Но мужчина очень любит девушку, настолько, что обещает, что как только его отец, который уже очень стар, умрёт, он обратится в её веру. Он уезжает за границу; тут он слышит, что его отец заболел. Его отец умирает; он меняет веру и спешит к девушке, но та заболевает и умирает. Когда он приезжает, она уже мертва. Он чувствует глубокую боль и не может не открыть могилу, чтобы снова увидеть её. И по положению тела обнаруживается, что девушку похоронили, видимо, ещё живой. - Это сага - её в своём труде заново рассказал Хамерлинг (Hamerling), - это сага, не реальная история, но так могло случиться многократно. Мы видим, что человеческая душа не только умирает в расцвете лет, но видим также, что её с самого начала определенным образом преследует несчастье. В разработке таких обстоятельств участвуют души тех, кто из-за отсутствия совести становятся слугами злых духов болезни, смерти и невзгод. Таким образом, такие бессовестные души работают над привлечением таких тяжёлых судеб: в этом состоит связь! Видящему это представляется совершенно особым образом в таких вещах, как, например, гибель Титаника. Исследуем, как там действовали души, которые, благодаря своей бессовестности, стали слугами этих духов болезни и беды. Ведь, карма должна действовать, эти вещи необходимы, но всё же это дурная судьба, в которую впутались эти души, сосланные после смерти под такое рабское ярмо. - Но спросим себя дальше: Как же дело обстоит с душами, которые испытывают здесь на Земле такую судьбу, которые умирают здесь в расцвете лет, преждевременно уходят из жизни от

эпидемий? Если они преждевременно проходят врата смерти в духовный мир, - что тогда с этими душами?

Судьбу этих душ мы узнаем, если видящим взором проникнем, так сказать, в деятельность духов, которые продвигают вперёд земное развитие и вообще развитие. Эти существа высших иерархий обладают определёнными силами, чтобы осуществлять это развитие; но они некоторым образом ограничены в своих силах и в своей власти. Поэтому получается, например, следующее. Совсем уже материалистическим душам, которые утратили всякое ощущение сверхчувственного мира, собственно, уже в этом периоде грозит, своего рода, изоляция (*Abschnürung*) от продвигающегося вперёд развития. И в некотором смысле уже в наше время для большого числа людей есть опасность того, что они не смогут продолжать развитие, поскольку, благодаря, так сказать, своей душевной тяжести, они держатся за Землю и не будут взяты в следующее воплощение. Но в результате решения высших иерархий, эта опасность отводится. В действительности дело обстоит так, что только в шестом периоде и, собственно, в конце концов, только во время эволюции Венеры, для таких изолированных душ выносятся окончательное решение об их исключении из развития. По сути, сейчас ещё души не должны подпадать под тяжесть настолько, что им придётся остаться. Вероятно, по решению высших иерархий этого ещё не должно происходить. Но эти существа высших иерархий некоторым образом ограничены в своих силах и способностях. Ничто не неограничено, в том числе и существа высших иерархий. И если бы всё зависело только от сил этих более высоких иерархий, то совсем уже материалистические души должны были бы некоторым образом отпасть от развития уже сейчас. Собственными силами эти существа высших иерархий, собственно, не могут спасти эти души; тогда используется одно средство (*Auskunftsmitel*). А именно, души, которые здесь умирают преждевременно, имеют возможность как души сами по себе. Скажем, они умирают из-за какой-то катастрофы, например, из переезжает поезд: оболочка у них забирается; они теперь свободны от тела, разоблачены, но имеют в себе ещё всю ту силу, которая могла бы действовать в теле на Земле. Поднявшись в духовный мир, такие души приносят с собой ещё совершенно особые силы, которые, собственно, могли найти себе применение на Земле, но были преждевременно отклонены. Это особо используемые силы, которые умершие приносят с собой наверх. И эти силы используют существа высших иерархий для того, чтобы спасти эти души, которые они не могут спасти собственными силами.

Материалистически настроенные души переводятся таким образом в лучшие времена и становятся спасёнными, поскольку их силы приспособлены только для регулярного хода человеческого развития. Спасение происходит посредством того, что этим существам высших иерархий добавляются силы в виде таких неиспользованных сил, пришедших с Земли, которые ещё обладают энергией, остающейся неиспользованной. Эти силы добавляются существам высших иерархий. Таким образом преждевременно умершие души помогают другим людям, которые иначе погрузились бы в трясину материализма. Тут у нас есть то, что приходится делать преждевременно умирающим душам. Странные связи, не правда ли, на сложных путях мировой мудрости! Тут мировая мудрость допускает, с одной стороны, чтобы человеческие души были осуждены из-за бессовестности на сотрудничество, чтобы в мир входили болезни и преждевременная смерть, а, с другой стороны, души, пострадавшие от этого, используются добрыми существами высших иерархий для помощи другим людям. Таким образом то, что внешне в майе является как зло, часто переводится в добро, но сложными путями. Пути мудрости в мире очень сложны. Лишь постепенно можно научиться ориентироваться в этих путях. Я бы сказал: тут наверху держат совет духи высших иерархий. Чтобы люди были свободными, они оставляют им возможность погружаться в материализм, во зло. Они дают им столько свободы, что эти человеческие души, которые таким образом посредством своих собственных сил не могли бы достичь определённой точки, как бы, ускользают от них. Им нужны души, которые развивают на Земле силы, которые из-за преждевременного ухода из тела, когда они должны возвращаться в духовный мир из-за преждевременной смерти и несчастья, остаются в напряжении. Для того, чтобы это

могло произойти, должны, в свою очередь, совершать свою службу человеческие души, которые, благодаря своей свободе, погрузились в бессовестность. Тогда открывается чудесный циклический путь; можно также сказать, циклический путь мировой мудрости. Совершенно нельзя полагать, что, так называемая, простота является универсальной. Мир стал сложным. Это были очень важные слова Ницше, которые он получил посредством инспирации, когда он сказал: «Мир глубок, и глубже, чем думал день». - Те люди, которые полагают, что всё можно охватить посредством дневной мудрости понимания, сильно ошибаются. Поскольку более высокий духовный свет - не тот, что светит в дневную мудрость, а тот, что светит во тьму. Мы должны искать этот свет, чтобы иметь возможность ориентироваться во тьме, в которой всё же господствует мировая мудрость.

Если мы, мои дорогие друзья, примем в себя такие понятия, идеи и мысли, то мы будем смотреть на мир совсем другими глазами. А учиться видеть мир другими глазами будет всё более и более необходимо; поскольку, ведь человечество многое утеряло с древних времён. Что оно утеряло, об этом можно составить себе представление, если обдумать следующее. Ещё в третий послееатлантический культурный период часто бывали такие промежуточные состояния между сном и бодрствованием, когда души заглядывали в мир звезд и видели не просто физические звезды, как сейчас, а то, где ими воспринимались духовные существа высших иерархий, которые направляли движение звёзд и которые были их управителями. И то, что было на старых звёздных картах из древних времён, где ещё были изображены всевозможные групповые души, то, что выглядело как животное и все же не было животным, - это возникло не из фантазии, а было увидено духовно. Те души воспринимали в духовном. Это духовное они могли нести за порог смерти. Это видение духа в мире сверхчувственного души утеряли. Сегодня, когда души рождаются, они вступают в физический мир посредством своих телесных органов восприятия и видят только внешнее физическое. То, что окружает внешнее физическое, как духовно-душевное в существах высших иерархий, они больше видеть не могут. Но что это за души, которые появляются в сегодняшних телах? Все сидящие здесь души были воплощены в более ранние времена, причём подавляющее большинство душ были инкарнированы в египетско-халдейских телах и смотрели на мир через тела, в которых они также воспринимали духовно. Это духовное они приняли внутрь себя, оно в этих душах. Не во всех душах; но даже души, которые не видят больше, чем физические факты, когда-то жили с видением духовного, они жили всю жизнь представлений духовного. Как же живут эти души сейчас? Они живут так, будто полностью забыли это духовное. Они живут так, будто забыли представления, которые тогда в себя приняли. Но то, что они забыли, забыто только для сознания; оно живёт в глубинах души. Оказывается, что живущие сегодня души хотя и имеют вокруг себя физически-чувственную картину мира; но внутри, в глубине души, бессознательно живут представления, которые они когда-то восприняли как истинное спиритуальное видение. О них души ничего не знают, а только проявляют такие своеобразные представления, которые роятся в глубине души и не выходят в сознание; они действуют парализующее, убивающее. И так в сегодняшних людях действительно возникает нечто, что является в них убивающим элементом.

Если рассмотреть сегодняшнего человека как видящему, как он организован анатомически, то в нём, а именно, в нервной системе, обнаружатся определённые течения, определённые силы, которые являются смертельными силами и исходят из представлений, бывших в прошлых инкарнациях. Эти спиритуальные представления, которые сейчас человек забыл, имеют в себе нечто изнуряющее. Это проявлялось бы всё больше и больше по мере того, как человечество двигалось бы в будущее, если бы не было чего-то, что могло бы этому противодействовать. Чем же это могло быть? Ни что иное, как воспоминание того, что было забыто. Надо напомнить душам о том, что они забыли. Это делает духовная наука. По сути, она не делает ничего иного, как напоминает о представлениях, которые души приняли в предыдущих земных жизнях. Духовная наука поднимает эти представления в сознание. Этим она даёт человеку возможность оживить то, что было бы в жизни подобно смертельному удару.

Обратите внимание на эти две вещи, полученные вами в ходе сегодняшнего рассмотрения. Видящий, с одной стороны, воспринимает человеческие души, прошедшие через врата смерти, которые жаждут соединиться с оставшимися душами, которых они не могут воспринимать, поскольку в этих душах, пусть и принадлежащих вполне хорошим людям, существуют только материалистические картины мира. Для видящего, даже достигшего невозмутимости, это потрясающее зрелище воспринимать эти страждущие души. С другой стороны, видящий смотрит на будущее человека, которое содержит в себе всё больше и больше смертельных включений, если он не будет снова оживлять полученные когда-то представления, которые будут его убивать, если их не привести в сознание. Видящий должен был бы видеть будущее, где люди - благодаря множеству всякого унаследованного, уже намного раньше, чем сегодня, - проявляли бы признаки старости. Как уже сегодня можно видеть признаки возраста и даже старости у детей, так в будущем у людей уже вскоре после рождения появлялись бы морщины и другие признаки старости, если, благодаря духовному познанию, не появятся оживляющие силы, являющиеся воспоминаниями полученных когда-то естественным путём представлений. Чтобы обеспечить вымирающее человечество оживляющим его эликсиром, чтобы дать умершим возможность вступить в контакт со своими оставшимися родственниками, - для этого видящий, осознающий этот факт, ищет язык, который был бы понятен не только воплощёнными в физическом теле душами здесь на Земле, но на котором могли бы изъясняться как души, живущие здесь между рождением и смертью, так и те, которые живут там между смертью и новым рождением: язык для живущих и умерших. И воистину не потому, что испытывает простую симпатию к спиритуальной науке, такую теоретическую симпатию, как к другим вещам, - решающее не это, - но тот, кто действительно понимает и смотрит в мир, ощущает это как мировую миссию. Он говорит себе: Имеется необходимость найти общий язык, жизненный эликсир, охраняющий людей от усыхания их представлений. Это миссия духовной науки для самих спиритуальных миров. Человек ощущает эту миссию как высокую, священную обязанность, как нечто очень серьёзное и значащее. И мы должны находить не только наслаждение от представлений, которые эта духовная наука может дать нам для нашего теоретического удовлетворения, но, исходя из необходимости человеческого и мирового развития, мы должны также чувствовать духовную силу, которой она должна обладать. Тогда мы сможем в истинном смысле слова ощущать, почему должна существовать духовная наука, почему она должна быть внедрена в духовную жизнь человечества. По сути, мы должны усвоить это ощущение, мы должны позволить ему проникнуть в нас. Это ощущение имеет целебную силу; она принадлежит к тем силам, которые приводят силы человеческой души к гармонии. Это так. Чем больше то, что мы позволяем проникнуть в нашу душу (*Gemüte*²³), принадлежит миру сверхчувственных истин, тем внутренне более точными будут наши ощущения, которые управляют нами в жизни, тем более сущностными будут эти ощущения. Тот человек, которому духовная наука просто нравится, который принимает её из любопытства или по какой-то подобной причине, скорее всего будет очень плохо использовать её в жизни. Но, кто проникся выше охарактеризованным ощущением, тем святым ощущением, которое мы испытываем оттого, что знаем, что духовная наука должна быть, исходя из внутренней необходимости, тот с правильным ощущением по отношению к ней будет стоять и в жизни. С помощью духовной науки он сможет, по крайней мере внутренне, найти свой путь в самых серьёзных и трудных жизненных ситуациях; возможно, как раз, тогда, когда внешне возникнут наибольшие трудности. Поскольку духовная наука - это вещь будущего, она вступила в мир сегодня, поскольку в самом всеохватывающем смысле, самым

²³ Немецкое слово «*Gemüt*» (обычно переводится как «душа», «характер», «нрав»). *Gemüt* является понятием широким. В душе сознательной развивается Я. Под душой рассудочной в средние века понималось отражение внешних мировых закономерностей. Благодаря сознанию, добавляется активный элемент чувствования. «*Muot*» = *Mut*) - это работающее в душе, активное. *Gemüot*) - это *Gemüt*, часть души, состоящая из души рассудочной, души сознательной, там, куда проникает импульс воли (Рудольф Штайнер, Берлин, 26 октября 1908 года) (прим. пер.)

всеохватывающим образом должна служить человечеству. Это влияет таким образом, что люди, которые некоторым образом в глубине своей души имеют страх перед духовными мирами, в своём сознании изживают этот страх как ненависть. Родственны многие человеческие чувства, - например, амбициозность и тщеславие родственны страху. И многие чувства родственны очень сложным образом. Почему человек амбициозен и тщеславен? Что значит быть амбициозным и тщеславным? Быть амбициозным и тщеславным значит: хотеть придать вес чему-то посредством суждения окружения и находить удовольствие в том, чтобы посредством этого суждения чему-то придавался вес, удовлетворять свою похоть посредством этого суждения. Почему же человек этого хочет? Он хочет этого по различным причинам. Сегодня, однако, то время, когда люди, если заглянуть в глубь их души, оказываются совершенными трусишками. Люди, которые в своём внешнем сознании иногда кажутся очень крепкими - в глубине души трусишки. И они ищут различные средства наркоза, когда их охватывает страх перед сверхчувственными мирами. То есть, поскольку некоторые люди полагают, что потеряют почву под ногами, если проникнут в духовные миры, их одолевает страх. Но он хочет заглушить этот страх - иногда из-за страха перед серьёзной и достойной силой, которую он должен будет применить, чтобы войти в духовные миры. Мы уже видели некоторых, кто полагал уже через четыре недели быть в духовном мире, но получается, о ужас, что на основе духовного познания в этой инкарнации человек не может быть больше тем, чем он так хотел, а именно, знаменитым! Тут многие теряют радость, боятся этого, хотят притупить этот страх, и тогда их охватывает пронизанная ненавистью и тщеславием антипатия к этой духовной науке.

Это настроение будет всё больше и больше распространяться в настоящее время, поскольку таких внутренне трусишек, а внешне тщеславных душ становится в мире всё больше. И в ближайшем будущем вполне может произойти так, что против духовной науки будет обрушено ещё больше ненависти, совершено ещё больше нападков, чем это уже произошло. Есть достаточно оснований для того, чтобы во всех этих вещах совершенно ясно видеть и ясно чувствовать, что, не смотря на описанные ощущения, в тебе есть гармония, особенно когда внешне часто кажется, что всё может пойти не так. Ясно и отчётливо видеть, - вот что необходимо, если хочешь твёрдо стоять на почве духовного познания. Потому что в наше сегодняшнее время те, кто больше всего полагает быть способным критиковать, совсем не знают, о чём говорят. Есть люди, которые, скажем, пишут статьи о духовной науке, начиная страшно ругать фантазию духовного исследователя: что он тут напридумывал! Во второй половине статьи, однако, появляются данные об авторе, которые полностью лживы. Буйная фантазия господствует в этих описаниях. Тот, кто поднимался в сверхчувственные миры, не смог бы выдумать больше, нежели тот, кто говорил о фантастической духовной науке в первой части своей статьи. Вот как всё меняется в душе человека. Те, кто полагает, что имеет право ясно говорить правду, и кто одарён определённой фантазией относительно фактов физического плана, отупляют себя, ругаясь на то, что нужно понимать сверхчувственно. Так человечество ищет отупения не только в алкоголе, но и во всяких других средствах. Во многих вещах нужно видеть ясно, а для того, чтобы видеть ясно, нам даются указания спиритуального мировоззрения. Ищутся и также находятся самые разнообразные средства отупения, и они находятся потому, что в сокрытых глубинах человеческих душ действует всё больше и больше демонических натур. Эти демонические существа постепенно восстанут, как раз, против того, что должно оплодотворить человечество с духовной стороны.

Это то, что, как раз, в это время, мои дорогие друзья, мне хотелось бы нарисовать перед вашими душами, как некую картину будущего, поскольку это хорошо, что мы вспоминаем в наше время то, как мы, когда действительно познаём духовную науку и её миссию, хотим посредством этого пробуждения правильных ощущений по отношению к этой духовной науке и её миссии, прочно и надёжно поставить себя на надёжную почву, с которой мы можем внутри себя спокойно наблюдать за развитием в будущем, даже если внешне мы всё

больше и больше можем погружаться в дисгармонию, можем всё больше становиться неправыми.

Миссия земной жизни как пункт прохождения к потустороннему *Франкфурт, 2 марта 1913 года*

Многие люди, да есть ещё очень много людей, которые говорят: Ну, хорошо, возможно после смерти есть духовно-душевная жизнь, но почему это должно беспокоить нас сейчас? Ведь, мы можем просто проводить эту земную жизнь со всем тем, что есть, со всем, что она предлагает, и мы можем подождать, покажется ли потом другая жизнь, когда придёт смерть!

Но духовная наука показывает нам, что человек в жизни между смертью и новым рождением встречает определённые существа. Так же, как мы здесь встречаемся со многими существами природных царств, мы встречаемся там с существами более высоких иерархий и с более или менее элементарными существами. Если человек идёт по жизни, не имея способности выносить суждение, то это потому, что между смертью и рождением он не смог встретиться с существами, которые могли бы дать ему силу оживить его силы так, чтобы он мог быть порядочным в этой жизни морально и интеллектуально. Но, опять же, возможность и способность встречи с определёнными существами между смертью и рождением зависит от прошлой жизни. Если в земной жизни мы никогда не занимались мыслями, устремлёнными к духовному миру, мыслями, связанными со сверхчувственным; если в последней земной жизни мы были полностью заняты внешним миром, чувственным миром, если мы жили в понимании, направленном только на внешний физический мир, тогда мы делаем для себя невозможным встретить между смертью и новым рождением определённых существ и получить от них способности для следующей жизни. Тогда эта область для нас, как бы, покрыта тьмой, и в этой тьме мы не можем найти силы высших иерархий. Тогда человек проходит жизнь между смертью и новым рождением, не обращая внимания на существ, от которых он должен был бы принять силы для следующей земной жизни.

И откуда придёт свет, которым мы сможем осветить себе путь в этой тьме между смертью и рождением? Откуда возьмём мы этот свет? Между смертью и новым рождением никто не даст нам этот свет. Эти существа там, и речь идёт о том, чтобы встретиться с ними, благодаря тому, что в последней земной жизни мы сами посредством занятий со спиритуальным миром зажигаем этот свет. После смерти мы больше не можем освещать тьму, если мы не приносим с собой свет, проходя врата смерти.

Отсюда мы таким образом видим, насколько неверно высказывание, что нет необходимости заботиться здесь о спиритуальной жизни, а надо просто подождать того, что затем придёт. Да, если ждать того, что придёт, то придёт, как раз, тьма.

Земная жизнь, таким образом, это не просто проходной пункт, а она имеет свою миссию, это необходимость для потустороннего, как потустороннее - для земной жизни. Светильник для потусторонней жизни надо приносить с Земли. Поэтому может произойти так, что человек остаётся здесь глух для сверхчувственных миров, что он проходит мимо возможности создать для себя в качестве способностей инструменты для своей следующей жизни.

Но, представим себе, что человек проходит врата смерти после жизни, в которой он был недостаточным в том или ином отношении. Вам предстанет неутешительное зрелище. Если бы не вмешивалось ничто другое, то человек, ведь, должен был бы приобретать всё больше и

больше недостатков. Поскольку, если человек вначале в одной земной жизни закрылся от сверхчувственного мира посредством сознательной тупости, то он ещё менее способен подготовить органы в следующей жизни. И если бы не пришло нечто другое, то так должно было бы развиваться и дальше. То есть, его развитие продолжало бы скатываться по наклонной.

Но пришло нечто другое. Если человек проходит по Земле в сознательной тупости [по отношению к духовному миру], тогда после второй земной жизни к нему подступает Люцифер со своей властью. В одной из последующих жизней между смертью и новым рождением, если бы к нему не подступал Люцифер, он находился бы в полной темноте. Но, поскольку он прошёл жизнь, как сейчас было показано, то к нему может подступить Люцифер, и он освещает ему теперь те силы и существа, которые необходимы ему в следующей жизни. Следствием этого является то, что все такие люди тогда окрашены светом Люцифера. Итак, человек после чувственно-тупого бытия, после того, как его по жизни между смертью и новым рождением проводит Люцифер, вступает в новую земную жизнь; тогда он становится полностью одарённым способностями, которые подготавливают его органы так, что на Земле они повсюду подвергают его искушениям Люцифера.

Такой человек тогда может быть умным и понимающим, но ум его будет холоден и расчётлив, а главное, пронизан самостью, эгоизмом. Видящему предстаёт в мире так много людей, которые, собственно, умны и понятливы, но в своей деятельности холодны и эгоистичны, так что при встрече с ними они используют вас, чтобы продвинуться как можно дальше вперед и самоутвердиться, - при рассмотрении таких людей он видит, что в предыдущей жизни в духовном мире их вёл Люцифер и что в предыдущем земном воплощении они вели тупую жизнь: шли во тьме в далеко лежащей жизни, а до этого сознательно закрывались от спиритуального мира.

И надо сказать, что с таким знанием открывается очень печальная перспектива для материалистического человечества. Люди, которые сегодня настроены материалистически, и уклоняются от занятости спиритуальным миром, которые рассматривают душевную жизнь как законченную на момент смерти, - им предстоит такая жизнь, которую я сейчас описал. Но недостаточно лишь в абстрактной форме надуманно обобщать то или иное в связи с различными жизнями; конкретный обзор показывает нам многообразные связи между прошлыми и предстоящими, земными жизнями и последующими жизнями в духовном. Мы должны себе твёрдо уяснить, что земная жизнь имеет огромное значение для жизни после смерти.

Но она имеет также ещё и другое значение. Она имеет то значение, что определённых существ мы можем встретить, познакомиться с ними в полном смысле этого слова, собственно, только на Земле. И к этим существам принадлежит прежде всего сам человек. Если связь между человеком и человеком не сможет образоваться на Земле, она не сможет образоваться и в духовной области. Союзы, которые образуются между человеком и человеком таковы, что они образуются здесь, а затем продолжают в духовном мире. Мы никогда не сможем, однако, образовывать их с человеческими существами, которые каким-то образом предназначены для воплощения на Земле, но которые, когда у нас есть возможность познакомиться с ними, этой возможностью не пользуются; мы не можем упущенное здесь наверстать в духовном мире во время между смертью и новым рождением.

Возьмём один пример: Гаутама Будда. Он был таким человеческим существом, который жил в шестом столетии до нашего летосчисления и в 29 лет поднялся от достоинства Бодхисаттвы до достоинства Будды. Это значит: он стал Буддой, а Будда больше не нуждается в воплощении в физическом человеческом теле. Таким образом, Гаутама Будда проделал тогда свою последнюю земную жизнь. В то время большое количество людей на Земле входило в соприкосновение с этой сущностью. Также и в более ранних воплощениях на Земле люди входили в соприкосновение с Бодхисаттвой. Все эти отношения могут быть, в свою очередь, продолженными в духовном мире. Те, кто соприкасался с Гаутамой Буддой здесь на Земле, могут продолжать эти отношения, сложившиеся между ними и Гаутамой

Буддой, скажем, как отношения ученика и учителя, в духовном мире. Но в ходе земного развития были люди, которые никогда не имели отношений с Гаутамой Буддой на Земле. Эти души, даже если бы они достигли особой зрелости, уже больше не могут просто так вступить в контакт с Гаутамой Буддой в духовном мире, с душой, которая тогда была воплощена в Гаутаме Будде. Только, в отношении Гаутамы Будды выступает некий эрзац; в нём выступает нечто такое, что действует как эрзац, если человек не пришёл с ним в определённое соприкосновение на Земле. Поскольку Будда проделал совершенно особенную судьбу, после того, как он был Гаутамой Буддой и больше не нуждался в земных воплощениях, продолжая жизнь в чисто духовных регионах. В начале он, ведь, остался в связи с происходящим на Земле; только существо Гаутамы Будды действовало на земное бытие не с Земли, на которую оно больше не вернулось, а из духовных регионов. Мы знаем, что Гаутама Будда излучал своё существо в том младенце-Иисусе, о котором говорило нам Евангелие от Луки. Тогда сверхчувственное существо Будды излучалось в астральном теле младенца-Иисуса Луки, то есть, действовало из сверхчувственного мира на земное бытие. Но земные люди уже не могли вступить с ним в контакт, используя обычные способы представления; в контакт с душой Гаутамы Будды могли войти только те, кто находил к нему доступ с Земли, благодаря более высокому развитию, например Франц фон Ассизи. Прежде чем войти в земную жизнь и до окончания последней жизни между рождением и смертью, существо Франциска Ассизского жило в одной из мистериальных колоний на юго-востоке Европы, в которой были не физические учителя, а учителя из сверхчувственной иерархии, к которой принадлежал Будда, или, лучше сказать, душа, которая когда-то была воплощена в Будде. В таком месте мистерий были ученики, уже развившие высокие способности для видения сверхчувственного мира. Такие ученики были способны иметь учителя, который действует только из духовного мира. И таким образом в этом месте мистерий учил Будда; и верным учеником Будды был Франциск фон Ассизи в своей прошлой инкарнации. И в то время Франциск Ассизский принял в себя всё, что сделало его способным, в жизни, в которую он потом вступил, самому освещать высшие иерархии, позволившие ему затем вступить в бытие в качестве великого мистика, который был способен оказать такое сильное влияние на своё время. Всё это было возможно, поскольку эта душа Франциска фон Ассизи, благодаря своим тогдашним высоким способностям, вступила в связь с Гаутамой Буддой, также ещё и после того, как он мог воздействовать на него из сверхчувственного мира.

Но для обычной земной жизни, которая обречена на жизнь, которая развёртывается посредством чувств и разума, такая встреча невозможна. И остаётся в силе то, что я только-что сказал: что мы не можем встретить человеческое существо, если мы не встречались с ним в физическом мире.

Исключения, с которыми мы познакомились на примере Будды, обуславливает теперь дальнейшие исключения. И если обычному человеку невозможно встретить в духовных регионах людей, с которыми он не установил отношения здесь, то всё же возможно, что земной человек, который получил здесь импульс Христа, проникся им, всё же встретится между смертью и новым рождением, если не с другими людьми, с которыми он не вступил в контакт здесь, то с Буддой. Поскольку, ведь, для него снова запланировано нечто особенное.

В начале 17-го столетия, не Земля, одна из других планет находилась в точке кризиса развития подобной той, в которой находилась Земля ко времени Мистерии Голгофы. И как тогда в это земное бытие из высших регионов явился Христос, так же и в 17-ом столетии во время марсианского кризиса на этом Марсе появился Будда. То есть, после того, как Будда прошёл свои земные воплощения до последнего, ему уже не было необходимости возвращаться к земной жизни; но он продолжал свою деятельность в других регионах. Будда, так сказать, сменил земное окружение на марсианское. И хотя до тех пор Марс был в основном местом зарождения сил, которые греки описывали как силы, плодотворные для мировых конфликтов, эта миссия Марса подошла к концу примерно в 17-ом веке, и там был необходим новый импульс: Будда осуществил там Будда-распятие. Будда-Мистерия протекала для Марса не так, как на Земле протекала Мистерия Христа, но князь мира Будда,

который в своей последней земной жизни повсюду излучал мир и любовь, был помещен на заполненный враждой Марс. И помещение существа, полностью наполненного силами мира и любви, на план конфликтов и дисгармонии, - это было в определённом смысле тоже неким распятием.

Для взгляда видящего чудесно совпадают два момента. Если направить взгляд на восьмидесятилетнего умирающего Будду здесь на Земле, то редкостно трогательной и поразительной будет, как раз, эта смерть Будды. В 483-ем году, в чудесную ночь полнолуния, окруженный серебряным лунным светом, излучая мир и кротость, умер Будда. Это был его последний момент на Земле. Затем он ещё действовал на Земле только-что описанным вам образом. В начале 17-го столетия видящий снова видит мягкий серебряный нравственный свет Будды, теперь сияющий на Марсе. Это два чудесных момента, которые соединились в мировых событиях.

И люди, которые здесь на Земле соответствующим образом приняли импульс Христа, они, ведь, потом, когда оказываются по ту сторону, проходят через космический мир. Все мы проходим через эти космические миры. Вначале мы проходим через планеты нашей планетной системы. Мы проживаем период луны, период Меркурия, период Венеры, период Солнца, период Марса, период Юпитера, период Сатурна. После этого мы выходим за пределы нашей планетной системы, чтобы потом снова возвратиться. И, как раз, тогда мы сталкиваемся с этими силами и существами, от которых мы должны принять то, что нам необходимо для построения следующей земной жизни. И тот, кто здесь на Земле принял в себя импульс Христа, может тогда при своём прохождении сферы Марса принять то, что истекает от Будды. Это одно из таких исключений, когда также души, которые не встречались с Буддой в своих более ранних инкарнациях, могут ещё теперь между смертью и новым рождением встретить этого Будду.

Взгляду видящего открывается, что многие люди, жившие в 17-ом столетии, проявляли достойные внимания способности, благодаря тому, что во время, предшествующее их рождению, они получили в духовных мирах силы от Будды. По сути, для людей способность принятия этих сил невелика, поскольку Будда совершил на Марсе эту мистерию не так давно. В будущем человеческие души будут принимать от Будды в сфере Марса всё больше и больше сил. Но уже в девятнадцатом веке тем, кто мог что-то видеть, были видны люди, которые могли развить свои способности здесь в земной жизни, благодаря тому, что во время своего прохождения через сферу Марса испытали влияние Будды. Так сложно и так прекрасно протекают эти жизни между смертью и новым рождением.

Человек должен взять с собой свет, который сможет осветить ему переживания между смертью и новым рождением, отсюда, иначе он будет брести во тьме. И так обстоит дело также и в этом особенном случае. Человек, который здесь уходит с Земли через врата смерти и который здесь не принял в себя импульса Христа, который ничего не хотел об этом знать, может затем в последующей жизни в духовном мире даже не догадываться о влиянии Будды. Будды тогда для него будто нет. Поскольку мы должны себе уяснить: хотя мы и проходим мимо существ высоких иерархий, но то, что мы их заметим и получим от них нам необходимое, зависит от того, как мы сами в последней земной жизни разожгли свет, позволяющий нам не проходить мимо них и что-то принять от них. - Таким образом, совершенно неправы те, кто говорит, что не нужно заниматься потусторонним в земной жизни.

Теперь вы уже увидели, что земная жизнь, собственно, является для более высокого рассмотрения неким особым случаем. Здесь в земной сфере между рождением и смертью мы живём воплощёнными в физическом теле. Между земными жизнями мы проходим через духовный мир. Кроме земного воплощения можно говорить о некоем «воплощении» между смертью и новым рождением, или, скорее, о некоем одушевлении. То, что я представлял вам для другого мира, действительно и для Земли. Подумайте только о жителях Марса, то есть, о тех, кто в основном принадлежит Марсу; человек, который живёт там между смертью и новым рождением, может проходить через марсианское бытие, не касаясь этих марсианских

существ. Он их не видит, а они не видят его. Так же обстоит дело и для Земли. Через земную сферу постоянно проходят существа, принадлежащие, собственно, к другим планетам, так же, как человек принадлежит Земле. Жители Марса проживают свою регулярную жизнь на Марсе, и между их переживанием, которое соответствует смерти, - хотя там это происходит несколько по-другому, - и их новой жизнью на Марсе, они проходят через другие планеты. Таким образом, жители других планет действительно постоянно проходят через нашу земную сферу. Земные люди могут не иметь с ними никаких отношений, поскольку они живут в совершенно иных бытийных условиях и поскольку они не установили с этими существами никаких отношений на Марсе.

Что же было бы необходимо, чтобы встретить этих транзитников (Durchzügler) через земную сферу, принадлежащих, собственно, другим планетам? Необходимо было бы находить с ними точки соприкосновения на их собственных планетах. Это возможно только в том случае, если уже здесь, на Земле, посредством развития сверхчувственных сил, сознательно вступать в контакт с другими, неземными существами.

Таким образом, возникает возможность того, что те, кто прошёл высшую духовную школу, могут встретить транзитников с других планет. И, как бы странно это ни звучало, всё же правда то, что я вам говорю: Для тех, кто сегодня слышит странные теории, которые физики и астрономы выдвигают для жителей Марса, - то есть, для тех, кто знакомится с ними как с транзитниками через нашу Землю, и от них узнает, какова жизнь на Марсе, потому что именно так об этом узнаётся, - для них эти гипотезы являются весьма странными; поскольку всё обстоит совершенно иначе. Всё это я рассказываю потому, что хотел бы, чтобы вы расширили свой взгляд от сферы земной жизни до других миров, за границы видимых существ, которые нас окружают, до тех существ, которых нельзя воспринять до тех пор, пока на них не откроется взгляд.

Но между смертью и новым рождением мы не можем на других планетах вступить в контакт не только с людьми, с которыми у нас не были установлены отношения здесь, на Земле; между смертью и новым рождением мы также не можем войти в контакт с такими обстоятельствами, которые принадлежат земной миссии, которые должны развиваться здесь и с которыми мы не вступили в отношения на Земле, или с которыми мы не вступаем в отношения обходным путём через земные обстоятельства.

Духовная наука или антропософия, например, - что она представляет собой в космическом отношении? Только те, кто создаёт всяческие теории, могли бы легко подумать: Духовная наука — это нечто такое, чему можно научить и чему можно научиться во всех мирах. Во вселенной, однако, всё устроено не так. Каждая область мира имеет свою особенную задачу - и она не повторяется одинаковым образом во вселенной. Духовная наука возможна только на Земле, не на другой планете или в какой-то другой области. Для того Земля и создана созидающими силами, чтобы здесь возникло то, что может возникнуть только на Земле. Духовная наука может возникнуть только на Земле, ей нельзя научиться больше нигде; она является откровением о сверхчувственном мире, но то, как она выступает здесь, она может выступить только здесь.

Теперь могут сказать: Хорошо, может быть всё так и есть, но человек, ведь, мог бы познавать сверхчувственный мир в какой-нибудь другой форме, - не в форме духовной науки! - Да, думать так можно, но истиной это не будет. Поскольку человек устроен так, что, если он вообще правильным для него образом хочет завязать отношения с высшими мирами, он может сделать это только посредством духовной науки. Если человек здесь на Земле упустил возможность приблизиться к духовной науке или антропософии, то для знакомства с ней ему не поможет никакая другая жизнь. Но никакая другая жизнь не поможет ему также правильным человеческим образом познакомиться со сверхчувственным миром. - Это не должно приводить нас в смущение в отношении многих людей, которые ещё ничего не хотят знать о духовной науке: они, ведь, вернуться и тогда позже соприкоснутся с ней. Антропософия установлена на Земле, чтобы она могла опосредовать людям то, что соответствующим человеку образом должно быть узнано о сверхчувственном мире.

Возможен только один вид опосредования, и он возможен только через посредничество человеком. Если человек переступил врата смерти и оказался в духовном мире, ничего не узнав здесь о духовной науке, то он может о ней узнать, благодаря тому, что он состоял в отношениях с земными людьми, которые с ней соприкасались. Это некий обходной, но возможный путь. Возьмём, например, двух людей, которые здесь на Земле были закадычными друзьями: один состоит в отношениях с антропософией, а другой - нет; последний умирает, и первый может ему очень помочь тем, что он для него читает, знакомя его с тем, что его окружает после смерти. То есть, человек может, так сказать, читать вместе с умершим какую-нибудь важную духовно-научную работу: и умерший слушает его, как это может констатировать видящий.

Иногда выходит так, что так говорят факты, и если также может быть поставлен вопрос «Почему?», то это «Почему?» не имеет никакого значения перед лицом этих фактов, которые я могу вам представить как полностью наблюдаемые факты: может быть так, что простой человек, который только коснулся духовной науки, но по-настоящему любил умершего, сможет читать этому умершему человеку лучше, чем видящий, который хотя и может отыскать умершего, но который не имел с ним в этой жизни никаких душевных связей. Иногда, однако, может быть так, что задание читать умершему берёт на себя видящий, который не знал этого умершего; Но всё же гораздо чаще оказывается так, что для чтения умершему, с которым человек не сталкивался раньше, возможности не находится. На основе этого факта вы можете прочувствовать огромное значение таких духовных сообществ, как антропософия: так определённым образом замещается то, что мы сейчас смогли охарактеризовать как, своего рода, совместное бытие, вступление в контакт. Если бы не было таких сообществ, то каждый умерший мог бы действительно полагаться только на то, что ему будут читать только очень близкие ему люди. Только такие духовные сообщества, в которых все вместе заботятся о спиритуальных идеалах, расширяют эти вещи. И поэтому может случиться так (и это случается), что вы встретите антропософа, который, благодаря тому, что он уже узнал, способен определённым образом, путём прочтения, передавать сильно концентрированные спиритуальные мысли, или позволять им протекать через свою душу. Тогда ему можно сказать: Смотри-ка, тут умер один человек, я покажу тебе его выписки (Schriftzüge), он тоже был антропософом, он принадлежит к тому же сообществу. Тогда, возможно, будет достаточно, чтобы этот человек взглянул на эти выписки, - не на фотографии, - узнал любимое высказывание умершего, и тогда он, возможно, как уже несколько продвинутый антропософ, смог бы плодотворным образом читать этому умершему, с которым он не был знаком, когда тот был ещё жив. Это также будет прекрасной задачей духовного сообщества, таким действенным методом преодолевать пропасть между живыми и мертвыми.

Сегодня антропософы склоняются ещё к выполнению некоторых задач, которые лежат только на физическом плане, поскольку в них ещё много от материалистического образа мышления, хотя теоретически они и принимают антропософию. Собственно духовные задачи появятся только тогда, когда антропософия войдёт в души ещё глубже: тогда найдутся души, которые возьмут на себя задачу помощи умершим в их развитии. В рамках нашего Общества начало этого положено уже давно, так что то, что может произойти в этой области, надо только довести до некоторого более высокого удовлетворения.

Правда, если антропософ сам прошёл через врата смерти и таким образом сам принёс с собой спиритуальные мысли, то, живя в духовном мире, он, в зависимости от обстоятельств, может тогда сам оказать услуги умершим, может быть им учителем. Но в общем такие вещи сложнее, чем полагают. Легче всё это можно делать здесь на Земле, поскольку сообщества, которые могут быть тогда после смерти, полностью зависимы от сообществ, которые были здесь.

Если, например, на Земле вместе жили два человека, один из которых был антропософом, а другой не любил духовную науку, но теперь, после смерти, жаждет её, то может случиться так, что живущий здесь антропософ будет стараться читать ушедшему до своей собственной

смерти. Через некоторое время оставшийся, который читал умершему, сам сам переступает порог смерти; тогда они вместе находятся в духовном мире. Да, тогда вступает в действие некоторое послезвучие тех отношений, которые были здесь на Земле, и это обуславливает некоторую трудность, - тогда как во время, когда один был на Земле, а другой уже умер, не было никаких трудностей. Выступают диссонансы, когда они снова оказываются в равных условиях, так же, как это было на Земле. И, как здесь одна душа не хотела ничего знать от другого о духовной науке, так происходит и по ту сторону. Но это нам снова показывает, что условия по ту сторону зависят от условий здесь на Земле. То есть, эти вещи очень сложные и не могут быть просто сконструированы мысленно.

Но то, что лежит в миссии духовной науки, благодаря таким фактам, живо выступает перед нашими душами. Это показывает нам, как преодолевается пропасть между живыми и мёртвыми. Мы видим, что мёртвые точно так же при определенных обстоятельствах могут оказывать влияние на Землю, как живые - на духовный мир. Мы можем исследовать, как мёртвые влияют на физический мир.

По сути, люди здесь на Земле знают очень мало из того, что их окружает. Как, собственно, люди смотрят на мир? Они рассматривают его так, что те события, которые здесь разыгрываются, они, как бы, нанизывают на одну нитку, что одно событие они рассматривают как причину, а другое - как следствие, мало думая о прочем. Как бы странно это ни звучало, но это так. То, что происходит, - это самая малая часть содержания действительной жизни, лишь внешняя часть содержания действительной жизни. Есть нечто другое в жизни, нежели то, что происходит; нечто, что имеет не меньшее значение для жизни.

Возьмём один пример. Человек привык каждый день выходить из дома ровно в восемь часов. Он каждый день совершает определенный путь через площадь. Однажды обстоятельства приводят к тому, что он выходит на три минуты позже обычного; но он идет тем же путем. Затем он видит что-то странное в месте, по которому ему приходится каждый день проходить под колоннадами: крыша колоннад обрушилась! Если бы он вышел в обычное время, эта крыша точно обрушилась бы на него.

Таких вещей в жизни много. Как часто мы можем сказать себе, что нечто могло бы быть совсем по-другому, если бы были те или иные условия, чем то, что произошло. То есть, в жизни мы защищены от многих проблем; многое, что могло бы произойти, не случается. Мы рассматриваем в жизни только внешние действительности, но не внутренние возможности; но эти возможности постоянно присутствуют позади жизни. Если какой-то день принёс нам те или иные события, то они представляют собой, по сути, только внешне-действительное, и за ним лежит целый мир возможного. Представьте себе, например, море, мои дорогие друзья. В этом море живёт много-много сельди; но для того, чтобы они появились, было необходимо наличие не такого количества икринок, сколько потом появилось сельди. Огромное количество, бесконечное количество икринок погибло; они не достигли своей цели; живёт только возможное количество сельди. Так и со всей жизнью. То, что мы переживаем с утра до вечера, - это только вырезка из огромного числа возможностей. В каждый момент мы проходим мимо вещей, которые возможны, но не происходят. Когда что-то возможное проходит мимо нас, для нас это особенный момент. Возьмём пример человека, которому надо было просто как обычно выйти из дома: тогда его бы раздавила крыша колоннады. Но такие возможности присутствуют для нас постоянно. Такой момент, когда человек оказывается на три минуты позже перед зданием, которое в противном случае, если бы он вышел на три минуты раньше, убило бы его, является подходящим для того, чтобы в нём мог промелькнуть духовный мир. Тогда в нём может пробудиться одно из этих переживаний, которое может соединить его с умершим. Сегодня человек не обращает внимания на эти вещи, поскольку он живёт, собственно, только на поверхности вещей.

Духовная наука постепенно станет жизненным эликсиром, и человек будет не только видеть внешнюю действительность, но и обращать внимание на то, что проявляется в его душевной жизни. И среди этого часто слышатся голоса умерших, которые ещё что-то хотят от живущих.

Как в чтении мы имеем пример того, как живущие могут влиять на мёртвых, так и мёртвые, в свою очередь, могут влиять на живущих. Придет время, когда люди будут говорить с умершими в духе. Тогда они будут говорить с мёртвыми и определённым образом их слышать. Ведь, смерть изменяет только внешнюю форму человека, душа же его развивается дальше, поэтому люди живут сейчас ещё в очень несовершенном состоянии, когда они не имеют общества с людьми, которые живут только в другой форме, имеют только другой вид жизни. Когда духовная наука перестанет быть теорией, а будет проникать в души, тогда сможет быть и постоянное общение с мёртвыми. То, что теперь определённым образом имеет место только для видящего, постепенно станет общечеловеческим достоянием.

Вы можете сказать: Для видящего это может быть и так, он может находить людей между смертью и новым рождением. Но это сегодня очень сложно, поскольку неверие в духовный мир, положение вне отношений с духовным миром создает препятствия и для тех, кто может соединиться с духовным миром. - То есть, есть определённые вещи, которые могут протекать беспрепятственно только в том случае, если они смогут стать общечеловеческим достоянием. Человек может быть превосходным архитектором, но если никто не даёт ему возможности нечто построить, он ничего и не построит. То же относится и к видящему. У него могут быть способности, чтобы подняться в духовный мир к мёртвым: но если это будет затруднено из-за того, что для большинства людей общение с мёртвыми является невозможным, то и видящему это может удаваться только в исключительных случаях.

Дорогие мои друзья, я хотел показать вам, как духовная наука может повлиять на жизнь. И, может быть, даже лучше заботиться об этом чувстве, об этом ощущении задачи духовной науки в будущем человечества, чем о том, что мы изучаем теоретически. Благодаря этому, каждый, кто принадлежит к этому антропософскому движению, получит представление о том, что он, собственно, делает. Он получит представление о том, какое нечто неизмеримое должно быть достигнуто посредством духовной науки или антропософии. Он со всей серьёзностью и со всем достоинством будет учиться посвящать себя ей, будет учиться принимать её не как что-то лёгкое, что должно только выстраивать нас, а принимать как нечто, что будет всё более и более необходимым человечеству в будущем. Относительно этого я и хотел, посредством сегодняшних рассматриваний, вызвать у вас некое ощущение.

О жизни между смертью и новым рождением. - Связи между чувственным и сверхчувственным мирами.

Мюнхен, 10 марта 1913 года

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

В кругах, где преобладает материалистический настрой, очень часто употребляется фраза, которая на первый взгляд, по крайней мере рассматриваемая внешне, кажется, в общем-то вполне разумной, но которая предстает совершенно иной, если её осветить знаниями духовной науки. Эту фразу можно было очень часто слышать в тот период, когда процветал теоретический материализм, который господствовал в широких кругах; Но эту фразу можно услышать иногда и сегодня. Она говорит: Если мы даже хотим принять то, что есть жизнь по ту сторону врат смерти, то всё же нет необходимости заниматься этой жизнью до того, как мы подступим к этим вратам смерти; вот когда мы пройдем врата смерти, тогда и посмотрим, что будет; а здесь, для физического мира, вполне достаточно вжиться в это физическое бытие, и можно надеяться, что, как только человек полностью вживётся в это физическое бытие, тогда, есть такая жизнь за вратами смерти есть, он будет пригоден для того, чтобы позволить ей соответствующим образом к себе приблизиться.

Однако, перед ясновидящим взглядом, который просматривает ту область, которую человек проживает между смертью и новым рождением, эта фраза оказывается совершенно невозможной. А именно, если человек прошёл через врата смерти, - мы уже указывали на это в наших рассуждениях, которые я проводил здесь в последний раз, - тогда он сначала занят переработкой того, что у него осталось в виде воспоминаний и связей с последней земной жизнью. Я бы сказал: В первое время после смерти, годы, и даже десятилетия, человек некоторым образом смотрит назад на свою последнюю земную жизнь; он ещё занят вещами, которые в виде сил остались от последней земной жизни в астральном теле. Но всё больше и больше он подступает к тем регионам, которые мы в последний раз описали, как бы, с космической точки зрения; всё больше и больше он подступает к регионам, где он входит в связь с существами высших иерархий. И человек должен между смертью и новым рождением вступить в отношения с высшими иерархиями; поскольку он должен собрать те силы, в которых он будет нуждаться, когда через рождение снова будет вступать в физическое бытие. Человек должен принести в это физическое бытие двойное, что его, так сказать, строит и даёт силу между рождением и смертью. Он должен принести те силы, которые, когда он соединится с тем, что содержится в потоке наследственности и когда этот поток наследственности передаст ему свою субстанциональность, дадут ему способность с первых лет и ещё в продолжении долгого периода жизни изнутри пластически формировать телесность; так, чтобы эта телесность полностью соответствовала его индивидуальности, которую он принёс из предыдущей земной жизни. Ведь, то, что дано человеку от его предков по физической наследственной линии, соответствует человеческой индивидуальности, только благодаря тому, что человек вовлечён в определённые, я бы сказал, смешанные отношения в физической наследственной линии, которые возникают согласно тому, какими были отец, мать, бабушка, дедушка и так далее. Человек привлекается тем, что тут может возникнуть в физической наследственной линии. Но то, что человек тогда получает как свою внешнюю оболочку, проходя через рождение, он должен сначала в деталях сформировать. А это происходит с помощью невероятно сложной комбинации сил, которые человек приносит с собой из духовного мира и которые он получает так, что от одного порядка иерархий он получает одни силы, а от другого порядка иерархий - другие силы. Если мы хотим использовать какое-либо образное выражение, то мы можем сказать: Между смертью и новым рождением человеку передаются дары существ высших иерархий, и эти дары представляют собой силы, необходимые человеку для того, чтобы приспособить то, что передано ему по наследству, к его собственной индивидуальности.

Если это было одним, что мы должны учитывать в воплощающем себя человеке, то другим будет то, что человек, даже если он этого не осознает, работает, в свою очередь, над составлением и формированием своей судьбы. Много, что в человеческой жизни происходит как бы случайно, человек вызывает, благодаря тому, что между смертью и рождением он приобрел силы, которые позволяют ему затем, в земной жизни, подойти, как раз, к тому, что может быть заложено в его карме. Все это показывает нам, как между смертью и новым рождением человек должен получить дары от существ высших иерархий, с которыми он вступает в контакт. Всё это указывает нам на то, как человек между смертью и новым рождением должен принимать дары от существ высших иерархий, с которыми он там входит в контакт.

Далее, как подтверждается ясновидческим взором, возможно двойное, когда человеческая душа проходит эту область между смертью и новым рождением. Может быть, что эта человеческая душа должна проходить через существ высших иерархий без духовного света, как бы, продвигаясь во тьме так, что она нигде не находит возможности принять соответствующие дары высших иерархий, исходя из внутренних тенденций. Если на пути между смертью и новым рождением человек хочет принять дары существ высших иерархий, он должен иметь возможность видеть этих существ, быть действительно в сознании перед этими существами. Образно говоря: Можно без света, - конечно, имеется в виду духовный свет - во тьме, пройти насквозь то, что надлежит пережить, через сообщество с существами

высших иерархий. Но можно пройти и так, что в зависимости от нужд кармы, вы получите эти дары освещёнными и примете их правильным образом. Свет, который должен светить, чтобы мы не прошли во тьме мимо существ высших иерархий после того, как прошли врата смерти, никогда не может быть нам даным, если мы не принесём его с собой посредством развития наших чувств, ощущений, мыслей, обращённых к высшим мирам, в жизни между рождением и смертью. То есть, это нечто такое, что мы должны подготовить в этой жизни до физической смерти. Благодаря тому, что мы направляем наши мысли, ощущения, чувства к сверхчувственным мирам, - пусть только подсознательно, но всё же направляем, - благодаря этому, мы подготавливаем для себя этот свет; поскольку этот свет может светить только из нас самих: свет, благодаря которому мы проходим через существа высших иерархий так, чтобы они действительно имели возможность передать нам свои дары, чтобы мы, так сказать не хватили пустоту в то время, когда надо их принимать. Таким образом, мы видим, что фраза, говорящая нам, что мы можем подождать и не заботиться о сверхчувственных мирах до смерти, совершенно неверна. Это полностью неверно; поскольку то, как они к нам подступят, подступят ли они так, что мы смогли бы получить от них силы, которые необходимы нам в следующей жизни, - это зависит от того, как мы сами сможем осветить поле между смертью и новым рождением, а именно, на определённом его отрезке. И мы остаёмся во тьме, если мы провели жизнь до физической смерти в полном отрицании или неприятии мысли о сверхчувственных мирах. То есть, что-то такое, что может показаться вполне правдоподобным и приемлемым обычному человеческому пониманию, если его сопоставить с фактами высших миров, перестает быть правдой. Так ясновидящему взору часто представляется, что человек, который не заботился о сверхчувственных мирах, ничего не хотел о них знать, жил по принципу, что здесь, в физическом мире, все его мысли, чувства, ощущения обращены только этому миру, который говорил себе, что другой мир подступит к нему тогда, когда для него придёт время, - ясновидящий взор может открыть, что такая душа, то есть, душа, прошедшая через врата смерти, движется во тьме и упускает возможность принять те дары, которые ей должны были передать существа высших иерархий. И когда такая душа вступает затем через рождение в новое земное бытие, ей не хватает сил, способных сформировать телесность, способных пластически сформировать внутренние формации так, чтобы человек согласно своей карме был действительно адекватен в жизни. Если человек, как это было только-что указано, в предыдущей жизни оказался тупым по отношению к сверхчувственным мирам, то после того, как эта тупость прошла сквозь тьму, он должен вступить в новую жизнь не оснащённым и неадекватным.

Он не сформировал силы в своей телесности, которые он должен был сформировать в следующей жизни, не сформировались определённые внутренние формации; человек остаётся в некотором смысле позади того, чем он мог бы быть, чем он должен был бы быть. Он был тупым по своему выбору в предыдущей жизни и с необходимостью станет тупее, чем мог и должен был стать в следующей земной жизни. Он не сможет понять столько, сколько смог бы понять в противном случае; он не сможет проявлять то участие к миру, сколько мог бы проявлять в противном случае; у него будет отсутствовать интерес к тому, чем он интересовался бы в противном случае.

Всё это может произойти как кармическое следствие добровольной тупости в предыдущей жизни. И поэтому, когда человек затем снова проходит врата смерти, он проходит их с тем выработанным душевным богатством, которое далеко отстает от того, чем оно должно было бы быть. Когда человек затем снова входит в духовный мир и снова проходит через область между смертью и новым рождением, то можно было бы поначалу подумать, что, поскольку его внутренние силы значительно убавились и стали недостаточными, ему ещё больше придется блуждать во тьме, и можно было бы в определенной степени впасть в сомнение, что такой человек когда-нибудь сможет снова подняться. Это, как раз, не так; но нечто другое выступает теперь в этой жизни между смертью и новым рождением, что как второе должно предстать для душевного рассмотрения.

В этой жизни, которая затем следует за произвольно тупой жизнью, поскольку она была такой, какова она была, Люцифер и его силы имеют особую власть над людьми, и теперь он освещает для него поле между смертью и новым рождением. Теперь он должен принять дары, освещённые люциферическими силами, от высших существ. Это придаёт всем этим дарам совершенно особенную окраску. Благодаря тому, что он теперь не блуждал во тьме, но и не самостоятельно из самого себя освещал соответствующее поле, в следующем бытии то, что было ему дано в результате наследственности, он хотя и может пластически сформировать, но всё, что он тогда формирует, будет носить люциферический окрас. И если затем пронаблюдать за таким человеком в следующей жизни, то он оказывается из серии тех многочисленных людей, которые встречаются особенно в наше время: людей не только с трезвым, сухим, но и эгоистическим суждением, с эгоистическим пониманием, которое повсюду, где бы оно ни проявлялось в жизни, имеет в виду только свою собственную выгоду. Всё это свойства души, исходящие из всего, что было описано до этого. Эгоисты, которые умны, но способны использовать свой ум только для служения своему эгоизму; эгоисты, которые всё делают так, чтобы удовлетворить свой эгоизм, которые умны, но умны только для своей выгоды, - в основном такие эти души, проделавшие путь, который был только-что описан. И поскольку теперь эти души не тупы, благодаря множеству сил, которые они имеют в себе ещё из прошлых земных инкарнаций, они всё же могут вступить в то, что им, в свою очередь, может на Земле, в физической жизни, дать лучик действительно сверхчувственного бытия.

Это создает возможность в новом земном бытии, так сказать, воспламениться познанием высших миров. Такую душу не нужно исключать из процесса всякого дальнейшего проникновения в духовные миры, она снова поднимется; но произойдет то, что было описано. И тут мы имеем достойную внимания, полную значения связь между тремя земными жизнями и обоими промежуточными жизнями между смертью и новым рождением. Ясновидящий взор действительно часто открывает - как раз, тогда, когда он обращает внимание на того человека, который считается в наше время умным и сообразительным, но во всех своих предприятиях думает только о своей выгоде - как предыдущие события для душ то, что было описано: вначале жизнь, которая добровольно отворачивалась от всякого интереса к сверхчувственным мирам; затем жизнь, которая была совершенно неспособной, поскольку не имела внутренних телесных органов для того, чтобы интересоваться в физическом мире хоть чем-то, что могло бы заинтересовать, если бы, как раз, не имела таких предшествующих условий; затем следующая жизнь, служащая только эгоистическому пониманию, эгоистическому разуму. При широком распространении в наше время эгоистического благоразумия, можно проследить, так сказать, именно этот путь человеческих душ; поскольку тогда мы возвращаемся к временам, когда мы находим очень много людей в предыдущих воплощениях, которые из-за своих неразвитых органов имели лишь очень приглушённый интерес даже к обычному чувственному миру, - не то что к сверхчувственному миру. И затем возвратимся в третью инкарнацию, которая часто лежит для души в том, что мы называем четвёртым послеатлантическим культурным периодом, где в многочисленных регионах Земли гораздо больше, чем сегодня думают, господствовал произвольный атеизм, произвольное отсутствие интереса к сверхчувственным мирам. Поскольку дела обстоят так, что, как раз, сегодня возможно изучать описанный путь развития души относительно указанных событий. Но изучение этого пути развития души совершенно ясно показывает нам, что душа, которая в наше время произвольно закрывается от сверхчувственных миров, должна с этим столкнуться.

Жизнь в трёх следующих друг за другом инкарнациях может протекать и другим образом. Тут можно видеть, например, следующее: Мы наблюдаем за душой, которая в основном, скажем так, такова, что она удовлетворяет свои душевные потребности относительно того, что ей даётся, с неким фанатизмом, с некой сердечной узостью. Мы наблюдаем за, я бы сказал, религиозно-эгоистической душой. Мы видим сегодня такие души. В развитии человечества всегда были такие души, которые, так сказать, верующие,

инстинктивно верующие потому, что, исходя из определённого душевного эгоизма, ожидают в потустороннем мире, своего рода, компенсацию или награду за физическую земную жизнь. Ведь, такое ожидание вполне может быть эгоистическим и может быть соединено с фанатической сердечной узостью по отношению к тому, что проявляется для людей, скажем, как духовная наука, или исходит от мистерий. Как много мы видим сегодня людей, которые, хотя и придерживаются взгляда существования духовных миров, но узкосердечно фанатично отвергают всё, что не находится в русле того вероисповедания, в котором они родились, в котором они были воспитаны. Таким душам часто только удобно узнавать что-либо о духовных мирах. В них может быть укоренён ещё более глубокий эгоизм, даже если они верят в потустороннее. Всё, что связано с потусторонними верованиями такого рода, в свою очередь, определённо указывает на то, что человек не найдёт правильным образом, путь между смертью и новым рождением, что он не сможет принять дары существ высших иерархий правильным образом, что эти дары подступят к нему так, что, когда через следующее рождение он снова вступит в земную жизнь, он хоть и сможет работать над своей телесностью, а также над формированием своей кармы, но всё это он будет делать неверным образом; например, он будет работать над своей телесностью так, что из него выйдет, например, ипохондрик, сверхчувствительный человек, который уже, благодаря своим телесным задаткам, будет обречён на то, что мир будет касаться его так, что он будет проходить через бытие брюзгливым, недовольным, неудовлетворённым и всегда считать себя обиженным, искалеченным этим бытием. То есть, по тем причинам, которые были изложены выше, может получиться некое ипохондрическое, болезненно меланхолическое существо, что будет обусловлено телесностью. Таким образом, в эгоистическом смысле фанатическое удержание определённых форм потустороннего верования может также привести человека к неверному прохождению поля между смертью и новым рождением, и сделать тогда его телесность в следующей земной жизни ненормально восприимчивой. Когда же он снова войдёт через врата смерти в духовную жизнь, тогда, как это показывает ясновидческий взгляд, на такую душу глубокое влияние оказывает в особенности всё ариманическое. И это ариманическое даёт тогда всем силам, которые человек собирает между смертью и новым рождением, такую окраску, такую организацию, что человек приносит эти силы через следующее рождение так, что он тогда непроизвольно, просто благодаря своему предрасположению, становится в своих представлениях и ощущениях узкосердечным, становится неспособным непредвзято смотреть на мир. Многочисленные духи, которых мы находим среди нас, которые обладают определённой узкосердечностью, которые не в состоянии преодолеть своим мышлением определённые границы, некоторым образом зашоренные, при всём своём старании, всё же остаются ограниченными, благодаря этой карме вышеописанных обстоятельств.

Чтобы сделать яснее то, что здесь имеется в виду, рассмотрим следующий пример: Перед нами очень добропорядочный верующий, вероятно, абсолютно проникнутый истиной того, что он считает верным, человек, который написал о религиозном воспитании детей в первом, изданном в начале года календаре свободомыслия. Он развивает там следующую логику. Он говорит: Нельзя воспитывать детей религиозно, поскольку это, яко бы, неестественно. А именно, если позволить детям расти без передачи им религиозных понятий и идей, без прививания им религиозных ощущений, то сами они к этому, как это можно видеть, не придут; из этого выходит, что это неестественно отягощать человеческие души такими понятиями и идеями, поскольку они запечатлеваются только извне. - Те, кто считает себя сегодня свободомыслящими, безусловно примут такую мысль с энтузиазмом, и посчитают её даже глубокомысленной; но достаточно обдумать лишь следующее: всем известно, что если поместить ребёнка до того, как он научился говорить, на необитаемый остров, если он растёт там, не слыша ни одного звука человеческой речи, то он никогда не научится говорить! Из этого выходит, что сам человек речью овладеть не может, если она не даётся ему извне. Добрый, свободно-религиозный проповедник должен был бы своим верующим запретить учить детей и языку, поскольку язык тоже не развивается сам по себе. Таким образом, мы

видим, что то, что выглядит вполне логически и что широкое общество может считать глубокомысленным, является ни чем иным, как логической бессмыслицей; поскольку в тот момент, когда выходишь за пределы этой мысли, она тут же оказывается логически совершенно хрупкой. Тут мы имеем некое зашоренного человека. Таких примеров мы можем встретить в сегодняшней жизни на каждом шагу. Особенно сейчас чрезвычайно часто можно встретить людей с казалось бы необычайно развитой душевной деятельностью, страдающих такой зашоренностью, но в тот момент, когда они должны выйти из определённого круга, который они для себя очертили, всё отказывает; они просто не видят того, что находится за пределами этого круга. Если проследить за такими людьми, мы обнаружим у них две предыдущие инкарнации такими, как это было упомянуто. Из этого, в свою очередь, видно, что предстоит в будущем какой-то человеческой душе, которая сегодня, как это происходит в многочисленных случаях, из удобства, из эгоизма примыкает к какому-нибудь позитивному вероисповеданию, не спрашивая о его основании. Не обстоит ли дело так, что многие люди, живущие среди нас, которые примыкают к определённому вероисповеданию потому, что рождены в нём и потому, что позже его удобно оставить, но из эгоистического фанатизма всё же держатся за него? Они являются - хотя, возможно, это невозможная мысль, - хорошими евангелистами или хорошими католиками по той причине, по которой они были бы хорошими среднестатистическими турками, если бы они, благодаря своей карме, родились бы в исламе. Но сегодня в человеческом развитии настало время, когда души в определенном смысле отстают и становятся неадекватными в последующих воплощениях, если они не хотят открыть глаза на то, что различным образом может прийти к человеческим душам из духовных миров.

Да, кармические связи сложны; но они для нас проявятся, если мы рассмотрим некоторые из таких примеров, как те, что прошли сейчас перед нашими душами. Жизнь между смертью и новым рождением и, благодаря ней, в свою очередь, также следующая земная жизнь, самым разнообразным образом зависит от предыдущей. С помощью ясновидческого взгляда мы можем проследить в духовном мире за душами, которые, так сказать, приобретают особую задачу между смертью и новым рождением. Ведь, всё, с чем мы сталкиваемся в физическом мире, обусловлено, собственно, духовными мирами. Просто человек не видит физическом мире, как повсюду в процессах физического плана замешаны сверхчувственные силы. Наиболее близоруко в этом отношении материалистическое чувство. Так, например, всё, с чем сталкивается человек, будь то лечебные факторы воздуха или воды, или другие лечебные факторы нашего окружения, объясняется односторонне, лишь частично, если мы хотим объяснить это в смысле теперешних гигиенических теорий, то есть, как раз, чисто материалистически. То, как лечебные факторы, факторы здоровья, такие как прорастание, рост жизни, позволяющий человеческий мир процветать, влияет на физическое бытие, зависит от того, как существа высших иерархий посылают из сверхчувственного мира в чувственный мир свои лечебные факторы, свои факторы здоровья, свои силы, которые позволяют становиться человеческой жизни великой и прекрасной. Всё, что растёт и процветает, - это можно проследить сверхчувственным взглядом, - каждое целебное веяние управляется сверхчувственными силами, направляемыми и формируемыми существами высших иерархий. Затем видящий может видеть, как в определенный момент между смертью и новым рождением человеческая душа становится служанкой тех духовных существ высших иерархий, которые посылают в этот чувственный мир эти целительные факторы, факторы здоровья, факторы роста. Тогда мы видим многие души, которые в определенный период своей жизни между смертью и новым рождением посвящают себя работе, проявляющейся в служении только что охарактеризованным духовным существам высших иерархий. Блаженство испытывают тогда те люди, которым позволено быть слугами этих существ высших иерархий.

То, что человеческой душе какое-то определённое время после смерти позволено таким образом быть служанкой существ высших иерархий, которые в хорошем, в наилучшем смысле ведут к развитию и процветанию человеческой жизни, зависит от того, осуществляла

ли сама такая душа - за этим можно проследить, если проследить человеческие души, выполняющие такую службу, вплоть до их последней земной жизни, - совершенно определённым образом некоторую деятельность во время своей физической инкарнации. Ведь, человек здесь, в физическом мире, может осуществлять то, что должен, скрепя зубами, ненавидя то, что он делает, но всё же выполняет свой долг, хоть и будто под ярмом. Мы часто видим очень добросовестных людей, но видим, что они делают своё дело без самоотдачи, без энтузиазма, без любви; и мы видим других, которые выполняют свою работу с любовью к делу, с самоотдачей, с энтузиазмом, с мыслью, что, делая это, они служат человечеству, будь то в социальном плане или в другом отношении.

С этим связано ещё нечто другое, и, как раз, в наше время важно это рассмотреть. По сравнению с тем, какова во многих отношениях была человеческая жизнь в старые времена, сегодня она сильно изменилась. Видов человеческой деятельности, которые, так сказать, больше не вызывают никакого энтузиазма, становится всё больше и больше, и, как раз, в связи с прогрессом человечества, они должны увеличиваться. Кто захочет отрицать, что уже сегодня на физическом плане существует множество видов занятий, в отношении которых человек должен был бы быть просто фальшивым, если бы он симулировал энтузиазм при их выполнении, и которые приходится делать просто из чувства долга. Конечно, человек не должен позволять ничему мешать ему выполнять свой долг, если его карма поместила его в определенное место, даже если он делает это против своей воли; но каждый человек в состоянии, - если он действительно этого хочет или, по крайней мере, если ему дана возможность хотеть, сделать что-то в течение своей жизни, при условии, что его карма не слишком сильно против этого, - что-то сделать и с отдачей себя этому. Это надо было бы обдумать, и надо было бы обдумать то, насколько важно для всех отношений нашей человеческой жизни, чтобы те, кто это видит, делали всё возможное, особенно в наше нынешнее социально-трудное время, чтобы помочь людям, которые часто задыхаются под бременем действительно не приводящей к энтузиазму и готовности идти на жертвы жизни, а приводящей только к жизни, которая совершается с трудностями и против их воли, - люди, которые способны видеть нечто подобное, должны чувствовать себя обязанными посвятить себя социальной работе, - они должны дать этим душам, которые, как бы, брошены в некую социальную тьму и которые остаются безучастными, возможность, хотя бы на короткие мгновения, иметь возможность чувствовать и думать что-то, что может наполнить их энтузиазмом, даже если это просто умственная занятость, выполняемая с энтузиазмом. Уже только по этой причине мы, в том числе и наши друзья, должны всё больше и больше увлекаться мыслью о том, чтобы это антропософское движение всё больше и больше расширялось, чтобы оно развивало здесь и там социальную деятельность, здесь и там, так сказать, призывало людей с улицы, которые иначе проживут действительно безучастную жизнь, ничего не зная о том, что можно думать и чувствовать так, что это возвышает сердце и наполняет чувства определённым энтузиазмом. Эти люди должны притягиваться таким энтузиазмом.

В этом направлении наша работа, безусловно, будет постепенно становиться всё более и более эффективной; поскольку именно связь этой земной жизни с жизнью между смертью и новым рождением показывает нам для этих мыслей нечто чрезвычайно важное. Всё, что нам позволено делать здесь, на Земле, с самоотдачей, с любовью к своему делу, так, чтобы мы присутствовали при нашей работе, так, чтобы мы осознавали: это достойно человека, то, что мы делаем, это человеческая задача, - всё это делает нас после смерти духами, служащими существам высших иерархий, которые посылают в этот чувственный мир из сверхчувственных миров оздоровляющие, способствующие росту силы. Мы видим, насколько важен энтузиазм в действиях людей здесь, в физическом мире; ведь, если бы в физическом мире угас энтузиазм, если бы в физическом мире угасла любовь, то в будущем люди вошли бы в земное бытие, которое в физическом отношении могло бы получать из сверхчувственных миров меньше оздоровляющих, способствующих росту и процветанию сил. Правда, на такие связи между чувственным и сверхчувственным мирами, души,

находящиеся сегодня в страхе, в бессознательном страхе перед сверхчувственными мирами, не обращают внимания; но эта связь между моральным и физическим миропорядком есть.

Мы можем видеть и противоположность этому. Мы находим души, которые определённое время между смертью и новым рождением становятся слугами тех духовных существ, которые, наоборот, должны посылать из сверхчувственных в чувственные миры элементы, способствующие болезням и несчастьям. И это потрясающее, ужасное зрелище проследить между смертью и новым рождением те человеческие души, которые должны быть слугами злых духов болезней и преждевременной смерти, злых духов часто жестокой человеческой судьбы, которая, ведь, обуславливается кармой, но которая должна быть скомпонована из внешних событий. То, что мы страдаем от судьбы, лежит в карме; то, что в чувственный мир вводятся внешние обстоятельства, чтобы мы могли страдать от судьбы, обуславливается силами, направляемыми из сверхчувственных миров. Имеются в виду болезни, эпидемии, которые проходят по миру и которые в отношении внешних условий также направляются сверхчувственными силами; имеются в виду преждевременные смерти, которые случаются в человеческой жизни. Мы, ведь, часто рассматривали смерть от старости, которая должна наступить в нормальной жизни с той же необходимостью, с какой должны увядать листья растения, когда семя созревает для следующего растения. Эта смерть касается завершённой жизни; но смерть приходит и к людям в расцвете сил. И когда смерть приходит к человеку в расцвете сил, то условия для этой смерти создаются определёнными духами высших иерархий, которые первоначально служат ретроградному движению, но которые должны послать в этот мир силы, которые приводят к такой преждевременной смерти, так же, как и к болезням и кармическим несчастьям. И, как уже было сказано, это потрясает видеть души, которые прошли врата смерти и некоторое время являются существами, служащими для возникновения болезни и смерти, для злой кармы в человеческой жизни. Но, в свою очередь, как раз, когда мы проводим такое рассмотрение и, с одной стороны, нас охватит мрачное чувство, когда мы видим, как души проходят через смерть, чтобы стать слугами злых духов болезни и смерти, когда, с одной стороны, это болезненно для нас, мы всё же чувствуем компенсацию, когда проследиваем тогда эти души в физической жизни и ищем причины того, почему они стали такими. Тогда мы обнаруживаем, что такие души в предыдущей жизни были, своего рода, бессовестными. Бессовестные души, души, которые также легкомысленно обходились с истиной, - это души, которые, таким образом, становятся слугами болезни, преждевременной смерти и так далее. Это, с одной стороны, компенсация; но мрачная и тёмная компенсация.

Есть, однако, ещё одна компенсация, которая действует другим образом, и которая показывает нам, что и то мрачное и тёмное, в которое мы вплетены в человеческом бытии, всё же также обосновано в общей мудрости мира. И даже тогда, когда мы предстаём перед явлением, в отношении которого мы должны чувствовать себя поначалу угнетёнными, мы всё же можем снова оправиться, если обнаружим ему, так сказать, эквивалент в общих бытийных связях. Если мы, например, взглянем на людей, которые в расцвете сил покинули физический план в результате несчастного случая или болезни, то мы увидим, как такие души, которые таким образом сбросили своё физическое тело как оболочку до того, как оно себя исчерпало, то есть, которое ещё обладало силами, которые, ведь, если бы оно могло жить дальше, ещё могли бы послужить для организации проживания физического тела и физического бытия. Эти силы они переносят с собой через врата смерти в более высокий духовный мир. Такие души входят в сверхчувственные миры иначе, нежели души, которые, так сказать, исчерпали свою жизнь в земном бытии.

Рассматривать такие души после прохождения ими врат смерти, которые, благодаря несчастному случаю, умерли в расцвете сил, особенно поучительно. Они несут с собой в высшие миры силы, которые, собственно, в нормальном случае должны были бы служить физической земной жизни. Что происходит с этими силами?

Эти силы имеют в сверхчувственном мире одно из прекраснейших применений. Если мы проследим за существами высших иерархий, которые руководят прогрессивным ходом

развития и направляют его, то мы увидим, что эти существа высших иерархий оснащены силами, которые необходимы для такой прогрессивной эволюции. Но эти силы, - и это не несовершенство мира, а оно связано с другими совершенствами, - эти силы, даже высших иерархий, некоторым образом ограничены, они не безграничны, и мы обнаруживаем, что сегодня имеется множество земных людей, которые как души вступили в духовный мир, пройдя через врата смерти так, что духи высших иерархий, которые обеспечивают общий прогресс, в том числе и в жизни между смертью и новым рождением, не знают, что с ними делать. Полностью верно то, что мною часто подчёркивалось, что нам не нужно впадать в отчаяние, обнаружив определённые души, которые не хотят находить понимания для сегодняшних представлений, которые человек должен иметь о сверхчувственном мире, души, которые полностью материалистичны, которые совершенно закрыты для сверхчувственного мира. Но, когда эти души проходят врата смерти, для духовных существ высших иерархий некоторым образом трудно с ними что-то делать; поскольку эти духовные существа высших иерархий имеют силы для прогрессивного хода человеческого развития, - но это силы именно для прогрессивного хода. Если же души полностью закрыты по отношению к этому прогрессивному ходу развития, то для духов высших иерархий - это слишком большая тяжесть, чтобы они могли её преодолеть. Как было сказано, это верно, что нет необходимости отчаиваться в отношении таких душ; поскольку для таких душ возникает опасность только в шестом послееатлантическом периоде, и только во время Венеры они могут быть полностью выкинуты из этого прогрессивного развития. И если бы в эволюции не выступало ещё нечто другое, чем обеспечивающие прогресс существа высших иерархий, которые, как раз, оснащены соответствующими для этого силами, то такие души должны были бы выпасть из эволюции гораздо раньше, и существа высших иерархий не смогли бы ничего сделать с ними.

И вот возникают также трудности в отношении того, что уже становится требованием прогрессивной эволюции человечества. Дело обстоит так, что сегодня для большого числа людей на Земле импульс Христа ещё не является чем-то, к чему они могут испытывать очень глубокие чувства. Но Земля находится в той стадии развития, где человеческая душа нуждается в импульсе Христа, если она должна правильным образом проходить через жизнь между смертью и новым рождением, и для душ всё же некоторым образом опасно проходить врата смерти без какой-либо связи с импульсом Христа; поскольку у существ высших иерархий, руководящих развитием, нет сил для таких человеческих душ, которые, как бы, сами вырывают себя из эволюции и, посредством своей странной жизни обрекают себя на гибель. Существа высших иерархий могут что-то сделать с этими душами, только благодаря тому, что к ним добавляются силы тех душ, которые вышеописанным образом преждевременно оставили своё земное тело. Благодаря этому в сверхчувственные миры попадают неиспользованные силы, которые могли бы ещё быть использованы на Земле; но из-за того, что тело оставлено преждевременно, они не были использованы для этого земного тела. Подумайте только о том, сколько душ преждевременно перешли в сверхчувственный мир, благодаря, например, катастрофе Титаника, при землетрясении в Мессине, или благодаря многочисленным смертям по всей Земле в последнее время. Подумайте, сколько сил, которые могли бы быть использованы на Земле для продолжения жизни, проникли в высшие миры! Эти силы добавляются к силам существ высших иерархий, и этими силами существа высших иерархий укрепляют то, что им и так присуще, но чего им не хватило бы для того, чтобы снова ввести в прогрессивную человеческую эволюцию души, которые сами выбрасывают себя из этой эволюции. Конечно, мы должны изжить свою карму; и если мы говорим о таких вещах, которые были сейчас охарактеризованы, то при этом нельзя забывать о том, что мы должны изжить свою карму. Было бы ужасным грехом против мудрых законов мира, если бы человек сам что-то делал для того, чтобы посредством неиспользованных сил стать слугой для охарактеризованного прогресса человечества в отношении душ, которые, так сказать, находятся в опасности быть выброшенным, - человек ничего не должен делать для этого; но если карма выполнена, если он умирает в расцвете сил, он становится помощником прекрасного, благословенного рода, когда силы, которые он больше не может

использовать, поднимаются в высокие миры и добавляются высшим иерархиям, которые, благодаря им, не позволяют потеряться душам, которые иначе были бы потеряны. Это прекрасное назначение тех душ, которые умирают в расцвете своих сил; это то, что может утешить нас в часы, когда, не смотря, возможно, на некоторую боль, которая охватывает нас при мыслях о людях, умирающих в расцвете сил; это часы, когда мы получаем представление о мудрости мирового правления.

Каким всё-таки странным предстаёт нам кругооборот бытия перед нашими глазами! Тут, с одной стороны, мы видим бессовестные души, которые, благодаря своей бессовестности, готовятся для того, чтобы своей работой посылать в наш мир болезни, преждевременные смерти, несчастные случаи, и мы видим людей, которых постигла болезнь, преждевременная смерть и несчастный случай; мы видим таким образом, что даётся возможность изживания кармы бессовестности. Наша душа уже хочет стать отягощённой, угнетённой; поскольку такие наблюдения действительно принадлежат к тем зачастую ужасным наблюдениям, которые может делать видящий, заглядывая в более глубокие связи и тайны бытия. - Но часто процесс видения в духовных мирах представляется как нечто благодатное. Определённые области высшего бытия содержат в себе нечто благодатное, но, опять же, если проникнуть в высшие области тайн, то очень многое связано с наблюдениями, которые могут быть также наполнены определённым ужасом. В частности, в кармических связях людей есть для визионерского наблюдения - если оно осуществляется добросовестно, если всё, что следует сказать, действительно исходит из высших миров, если в это не вмешивается выдумка и прочее - нечто такое, что видящий принимает самым интенсивным образом, что в некотором смысле предъявляет огромные требования к его силам. - Затем появляются, однако, также те вещи, которые, в свою очередь, позволяют нам понять, - даже если в рассмотрение входят самые ужасные вещи, - насколько мудрым является всё управление. Так, если, с одной стороны, мы видим исполнение судьбы бессовестных душ, и это исполнение мы видим, как раз, в том, что такое болезнь и преждевременная смерть, которые исходят из потустороннего, то, с другой стороны, мы видим также, как тот факт, что страдают люди, которых постигла преждевременная смерть, становится источником прироста сил для оздоровления и освобождения человечества, - сил, которые не могут быть получены никаким другим путём. Это приносит чудесное, умиротворяющее: С одной стороны, у людей должна быть возможность заблуждаться и в этом заблуждении, так сказать, приближать к себе опасность быть оторванным от развития, - если бы этого не было, если бы люди не могли бы заблуждаться, не могли бы попасть под влияние зла, человек не смог бы исполнить свою земную миссию. Но, поскольку это возможно, должно быть возможным и другое, о чём сегодня говорилось; тогда с развитием должно быть также связано и то, что определённые люди умирали в расцвете своих сил. Направленный на них ясновидческий взгляд видит, как существа высших иерархий нуждаются в получении для оздоровления и освобождения человечества их сил, которые иначе вообще не могли бы там быть. Это великое чудо, умиротворение, нисходящее на нас, когда мы, с одной стороны, обостряем свой взгляд посредством ужасного, а, с другой стороны, обращаемся к мудрому мировому правлению, которое нуждается в этом ужасном, чтобы, как раз, быть способным осуществить высшую мудрость. Перед лицом этих вещей становятся бессмысленными поставленные абстрактным образом вопросы, мол, не могло бы быть так, чтобы духовные власти могли обеспечить симпатичное бытие для всех людей без таких сложностей. Кто этого требует, тот выдвигает это требование примерно так, как тот, кто говорит, что является довольно несовершенным то, что боги сделали необходимым, что никакой круг не может быть четырёхугольным. Конечно, не сразу видно, что другие вопросы имеют ту же ценность, но они имеют ту же ценность. Как не может быть света без тьмы, так опять же и того, что безусловно кажется чем-то великим и мощным в космическом бытии, - направление неиспользованных для земной миссии сил в сверхчувственные миры, - не могло бы быть, если бы, с другой стороны не исполнялась бы карма ставших в определенных инкарнациях бессовестными душ. Все эти вещи годятся для того, чтобы, когда мы каким-то образом испытываем искушение найти то

или иное несовершенство в мировом бытии, в нашем человеческом окружении, нас всё же пронизывало бы ощущение, что это нахождение несовершенства происходит от того, что наш взгляд ещё не простирается так далеко, чтобы познать все эти связи. И мы всегда продвигаемся дальше, когда считаем себя неадекватным там, где у нас возникает искушение критиковать несовершенство бытия; когда мы, возможно, чувствуем боль, но даже в боли мы никогда не пытаемся критиковать мудрость мира, а там, где нам кажется, что эта мудрость мира недостаточна, лучше сказать, что такие недостатки являются нам в Майе, в великом обмане, поскольку своим взглядом мы не способны полностью проникнуть в эти вещи. Мы видим, как можно прояснить вещи относительно физического земного бытия, направляя взгляд на поле, которое человек должен проходить между смертью и новым рождением. Ведь, то, чем является физическое бытие, пронизывается не только сверхчувственными мирами, но в него вливаются и поступки, которые совершает сам человек между смертью и новым рождением. Все эти поступки вливаются в физический мир, и то, что происходит в физическом мире, с чем сталкиваются люди, часто вызывается силами самих людей, которые разворачиваются между смертью и новым рождением. Однако одним из самых прекрасных занятий этих человеческих душ является то, что мы только что узнали как деятельность, как работу душ, которые проходят через врата смерти с определённой неизрасходованной силой.

О прохождении человеком сфер космоса после смерти

Мюнхен, 12 марта 1913 года

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Когда я в последний раз говорил здесь о жизни между смертью и новым рождением, мы пытались рассмотреть связь этой жизни между смертью и новым рождением с крупными событиями космоса. Я пытался показать, каким в действительности является путь, ведущий через космос, через сферы космоса, между смертью и новым рождением. Давайте лишь несколькими словами опишем то, что мы тогда пытались подчеркнуть.

Первое время после смерти - это, ведь, уже было сказано - для человека наполнено, собственно, своего рода, связями с последней земной жизнью. Это, как бы, вырастание из последней земной жизни, так что фактически в эти первые времена после смерти продолжается всё то, что захвачено астральным телом человека во время земной жизни. То, что занимало это человеческое астральное тело в виде, своего рода, аффектов, страстей, чувств, - всё это продолжается. И поскольку человек здесь, в физическом воплощении, переживал все эти вещи сознательно, только когда он находится в своём физическом теле, теперь переживание всех этих находящихся в астральном теле сил, естественно, будет другим, когда человек проходит область, которая располагается между смертью и новым рождением. В обычных случаях - а есть и множество исключений - это переживание в первое время после смерти существенно пронизано неким чувством лишения, вызванного тем, что человек должен жить в своём астральном теле без того, чтобы в его распоряжении находилось физическое тело. Человек ещё стремится получить своё физическое тело; это короткое или более длительное время - можно назвать это так - обычно удерживает человека в сфере Земли. Ведь, вся Камалока протекает, собственно, в сфере между Землёй и орбитой Луны; но непосредственно значимая часть времени Камалоки протекает для человека гораздо ближе к Земле, чем, скажем, к орбите Луны.

Души, которые получили от развития вообще не слишком много, что касается ощущений и чувств, так сказать, выходящих за пределы земной жизни, остаются посредством своих собственных желаний связанными со сферой земной жизни довольно долго. Если человек -

что можно, я бы сказал, легко увидеть внешне - всю свою жизнь создавал в себе только такие чувства и ощущения, которые позволяли себя удовлетворить посредством телесных органов, посредством земных отношений, то его не ждёт ничего иного, как оставаться в сфере Земли более долгое время. Можно оставаться связанным с земной сферой и посредством совершенно других побуждений и желаний, чем обычно себе воображают. Например, довольно амбициозные люди, которые особенно озабочены тем, чтобы в рамках земных отношений утвердить то или иное и которые придают наибольшую ценность такому утверждению, зависящему от суждений в рамках земного человечества, - они развивают этим также и в своём астральном теле некий аффект, который на долгое время делает их, так сказать, связанными с Землёй душами. Есть много причин, которые удерживают людей в земной сфере. И безусловно большая часть того, что через медиумов передается людям из духовных миров, исходит, собственно, от таких душ и, по сути, является тем, от чего эти души стремятся избавиться.

Не надо даже всегда думать, что такие души остаются привязанными к Земле посредством совершенно неблагоприятных мотивов, хотя в основном это так; это может быть также забота, ощущаемая человеком в отношении того, что он оставил на Земле. Такая забота об оставленных друзьях, родственниках, детях, тоже может некоторым образом действовать как, своего рода, тяжесть и удерживать душу в земной сфере. И было бы хорошо обращать внимание именно на этот пункт, по той причине, что если мы учитываем этот пункт, мы тоже можем определенным образом помогать умершим. Если мы знаем, например, что умерший может чувствовать ту или иную заботу о живых, - а мы можем знать в этом отношении очень многое, - то для дальнейшего развития умершего полезно избавить его от этой заботы. Жизнь умершего действительно облегчается, благодаря тому, что его, например, избавляют от необходимости беспокоиться о ребенке, которого он оставил без присмотра. Так что, если вы что-то делаете для этого ребёнка, вы действительно избавляете умершего от заботы, и это, как раз, непосредственный акт любви. Представим себе только такую ситуацию. Ведь, у такого умершего также нет средств для того, чтобы действительно избавиться от своих забот; он часто неспособен из своего мира сделать то, что могло бы облегчить положение какого-либо оставленного любого ребёнка, родственника или друга, и он часто - и это во многих случаях крайне удручающее чувство для ясновидящего - обречён так долго нести эту заботу, пока положение оставленного человека не улучшится либо само по себе, либо, благодаря обстоятельствам. Если мы, таким образом, что-то делаем для этого, то мы оказываем этим умершему настоящую помощь.

Часто даже наблюдалось, что умирала какая-то личность, которая собиралась что-то сделать в этой жизни. Она покинула мир с таким намерением. Мы поможем ей, если сами попытаемся сделать то, что хотела сделать она. Это всё те вещи, которые, собственно, не так уже сложно понять, но на которые действительно надо обратить внимание, поскольку они полностью соответствуют ясновидческому наблюдению.

В общем, ведь, есть ещё очень много вещей, которые могут долго удерживать человека, в этой, так сказать, эфирной сфере Земли. Затем, однако, он вырастает за пределы этой эфирной сферы, и я уже частично описал, как это происходит. Мы всё же должны ещё преобразовать наши понятия, если хотим понять жизнь между смертью и новым рождением. Это не так уж и мешает, когда мы говорим об умерших словами, которые приспособлены к земным обстоятельствам, которые, так сказать, взяты из них, поскольку, ведь, мы имеем язык, собственно, для земных обстоятельств. И если даже то, что мы можем выразить словами для жизни после смерти, верно лишь в отношении образа, то то, что облечено в слова, может быть, как раз, не таким уж и неверным.

Например, надо учитывать, что любое описание в том смысле, что умерший находится в каком-то ограниченном месте, как кто-то находится в физическом теле, никогда не является совершенно верным, поскольку в действительности переживания после смерти, так же, как переживание при инициации, является выходом из тела, связано с расширением всего душевного существа. И если мы прослеживаем душу, находящуюся в лунной сфере, как мы

говорим, то в действительности, если мы хотели бы ограничить её телесно, это тело является, по сути, расширением возможности переживания. Это тело распространяется по всей сфере, которая тогда внешне будет ограничена орбитой Луны. Человек действительно становится духовно огромным; он вращается в сферы, и эти сферы не отделены друг от друга, как земные люди, а пространственно находятся друг в друге. Разграничение друг от друга основано на том, что разделены между собой сознания; так что можно находиться друг в друге, не зная об этом.

Таким образом, то, что было сказано во время моего последнего визита о чувствовании себя одиноким или общительным после смерти, - это относится к взаимоотношениям сознаний друг к другу. Не так, например, будто мёртвый представляется находящимся на изолированном острове; он пронизывает других, о которых ничего не знает, хотя и находится с ним в одном и том же пространстве.

Далее, мы должны обращать внимание на то, что в основном входит в рассмотрение, когда заканчивается Камалока. Когда человек после собственно лунной сферы вступает в своё деваханическое бытие, время Камалоки, по сути, заканчивается ещё не совсем. Но это не исключает того, что в этой лунной сфере улаживаются также определённые вещи, которые важны не только как переживания Камалоки, но и для всего последующего переживания человека, когда он через рождение снова вступит в бытие. Если мы хотим охватить взглядом то, что прибавляется тогда к переживаниям Камалоки, то это можно охарактеризовать следующим образом: Когда человек проходит через жизнь между рождением и смертью, он может быть, как бы, настолько активным внутри этой жизни, что фактически выносит из своей души всё, что в нём заложено; что он, так сказать, не отстаёт от того, что в нём заложено. Человек, ведь, может оставаться позади того, что в нём заложено, самым разным образом. О, в жизни есть множество людей, которые, когда мы наблюдаем их душевным оком, показывают нам себя такими, что мы по праву можем сказать: Этот человек, по своим способностям и задаткам, собственно, мог бы достичь в жизни чего-то совсем иного, чем то, что он достиг; он отстал от того, что в нём заложено.

Нечто другое ещё входит в рассмотрение. Есть люди, которые в ходе своей жизни принимают решение сделать множество вещей. Тогда речь идёт не просто о задатках, но и о намерениях, которые могут касаться мелочей, а могут касаться и крупных вещей. Сколько же в жизни людьми планируется, и сколько доходит до действительного осуществления! Да, есть вещи, которые вполне таковы, что нет нужды их порицать. Чтобы показать, о каких значительных вещах здесь может идти речь, я хочу обратить внимание на нечто, что некоторым нашим друзьям уже известно, - на то, что со своей «Пандорой» Гёте предпринял поэтический труд, на котором он застрял. То, что произошло с гётевской «Пандорой», я уже пытался как-то охарактеризовать, приводя следующее: Осуществить намерение написать эту «Пандору» Гёте помешало именно величие, которое в нём жило и которое было способно уловить замысел этой «Пандоры», но не смогло выработать из себя того, что превратило бы это намерение в реальность. Не из-за своей малости, а, в определённом смысле, из-за своего величия он не смог закончить «Пандору» и другие произведения. Он оставил её лежать. Та часть, которая у нас есть, показывает, что Гёте поставил там перед собой во внешнем художественном отношении такие высокие требования, что ему просто не хватило сил, чтобы осуществить все великие намерения относительно неё с такой же лёгкостью, как и та часть, которая ему удалась. Это неисполненное намерение полностью принадлежит региону неисполненных намерений.

Таким образом, мы можем сказать: С одной стороны, у нас есть возможность того, что человек остаётся позади того, что в нём заложено, из-за стремления к удобству, из-за других упущений характера или интеллекта, - но у нас есть также возможность и того, что человек остаётся позади того, что он намеревался сделать в большом или малом. То есть, всё то, что человек несёт в себе, так сказать, как некое несовершенство, - будь то благородное, великое несовершенство, как в том случае, когда художник не может закончить свою «Пандору», или несовершенство личности, - всё это он хоронит в Акаше-Хронике в Лунной сфере; и для

ясновидческого взора предстаёт богатый выбор, чему позволить на себя действовать из тех несовершенств, что захоронены между Землёй и Луной. Там добросовестно записано всё, что может быть погребено из человеческих благородных и неблагородных несовершенств. Там погребены все случаи, которые указывают нам, человек мог бы чего-то достичь, благодаря физическому здоровью, своим интеллектуальным способностям, предопределённых телесностью, но не достиг этого. То, чем человек мог бы стать и не стал, когда он проходит врата смерти, запечатлевается в Акаше-Хронике.

Только я прошу вас не представлять себе что-нибудь вроде того, что в лунной сфере погребён конец «Пандоры», - там погребён факт, соответствующий гётевскому астральному телу, если мы увидим в этом астральном теле то, что у него было великое намерение, из которого было выполнено лишь его часть. Все такие вещи погребены между Землёй и Луной. Но к этому региону принадлежат также и всякие мелкие вещи. Тот, у кого-то, скажем, было какое-то намерение, но это намерение не было осуществлено до прохождения врат смерти, захоранивает неисполнение этого намерения в области между Землёй и Луной. Мы можем довольно точно охарактеризовать то, что тогда открывается ясновидческому взгляду. Какое-то обещание, например, которое не было сдержано, захоранивается позднее, уже в сфере Меркурия. Но намерение, запечатлевается в лунной сфере. То есть, то, что касается не только нас самих, а непосредственно других людей, запечатлевается не сразу, в лунной сфере, а лишь позднее. А то, что касается нас, что оставляет нас позади нашего развития, что в нашем личном продвижении оснащает нас каким-то несовершенством, - это захоранивается в пределах лунной сферы.

Особенно важно также обратить внимание на то, что я, наряду с другими вещами, говорил здесь в прошлом году, а именно, что наши несовершенства, те несовершенства, которые, собственно, не должны были иметь место согласно предпосылкам, запечатлеваются в соответствующей области лунной сферы.

Никак нельзя себе представить, что в лунной сфере было бы погребено то, что является чем-то ужасным при любых обстоятельствах. Поскольку такое погребённое некоторым образом может быть, как раз, самым ценным, самым значительным. Каков смысл такого погребения в Акаше-Хронике, мы сейчас обсудим. Я только хочу обратить ваше внимание на то, что человек теперь, по мере дальнейшего расширения в других сферах, всё прочее, что он либо приобрёл в виде несовершенств, либо несовершенства, которые он уже имел, - всё это захоранивается в соответствующей сфере. Ведь, человек вырастает из лунной сферы в сферу Меркурия. Я говорю при этом всегда с точки зрения оккультизма, а не с точки зрения астрономии. То есть, человек повсюду, в меркуриальной сфере, в сфере Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна и дальше, нечто захоранивает. Но большая часть отметок находится, так сказать, внутри солнечной сферы; поскольку мы уже видели в прошлый раз, что за пределами солнечной сферы человек должен в основном разбираться с тем, что, собственно, находится вне области его индивидуальных желаний.

Итак, человек между смертью и новым рождением, после того, как он более или менее отложил то, что его ещё притягивает к Земле, проходит через сферы нашей планетной системы, а затем также дальше. И в объединении сил лежит, как раз, то, что ему необходимо в своём развитии между смертью и новым рождением. И когда я в прошлый раз говорил, что человек тогда должен встретиться с высшими иерархиями и принять их дары, то внешне, то есть, духовно внешне, это, как бы, прохождение через существ высших иерархий и принятие их даров, является расширением в космическом пространстве. И когда человек соответствующим образом расширился, он снова сжимается, становится всё меньше и меньше, до тех пор, пока он не станет таким маленьким, что сможет как духовный зародыш соединиться с тем, что приходит от матери и отца. Это, ведь, чудесная тайна, что человек, пройдя врата смерти, сам становится всё большей и большей сферой, что он распространяет свою духовность, то есть, жизненные возможности в своём душевном, что он становится огромным, а затем снова сжимается. То, что в нас живёт, фактически стянуто вместе из

мировой вселенной, я бы сказал, из планетной вселенной, и мы буквально несём в себе то, что мы прожили в этой планетной вселенной.

После того, как я, ведь, уже рассказал в прошлый раз некоторые вещи о прохождении через сферы Меркурия, Венеры, Солнца, сегодня, поскольку это здесь ещё мало учитывалось, я хотел немного поговорить о прохождении сферы Марса. Когда человек проходит сферу Солнца и вступает в сферу Марса, он вступает туда в наше время при совершенно других условиях, чем в ещё относительно совсем недавнее время. Как раз, если проследить такие вещи ясновидческим взором, видно, что вещи, которые в древние времена были сказаны о членах планетной системы, исходя из первоначально имеющегося в человечестве ясновидения, имеют реальное основание. Когда в Марсе древних времён видели члена нашей планетной системы, который связан с воинственным, агрессивным в человеческом развитии, то это, по сути, полностью соответствует реальности. Все фантазии, которые сегодня выдвигает физическая астрономия о возможной жизни на Марсе, по сути, не имеют под собой никакого реального основания. Существа, которых мы можем обозначить, если можно так выразиться, как марсианских людей, являются совершенно другой природы, нежели земные люди, их совершенно нельзя сравнивать друг с другом. И существенной характеристикой этих существ всегда, собственно, до 17-го столетия, было агрессивное, воинственное, захватническое, так что мы можем сказать, что марсианская культура, по сути, действительно была воинственной культурой. Все строилось на соперничестве и состязании набрасывающихся друг на друга душ. И то, через что проделывал человек в промежутке между смертью и новым рождением при прохождении через Марс, было полным сближением с этими агрессивными силами; эти агрессивные силы, так сказать, переходили в его душу. И если он затем после рождения был особенно предрасположен к развитию этих агрессивных сил на Земле, то это надо отнести к его прохождению через марсианскую сферу.

В этом отношении жизнь действительно довольно сложна. Когда мы наблюдаем за земной жизнью, то мы живём, не правда ли, среди существ трёх природных царств и среди людей. Благодаря различным средствам, мы сталкиваемся с душами, которые посредством своей собственной жизни после смерти ещё находятся в определённой связи с Землёй; но между тем встречаются также духовные существа, которые, собственно, являются совершенно чуждыми Земле. И чем лучше развит ясновидческий взор, чем дальше видит инициированный, тем больше он встречает чуждых Земле душ, тем больше он убеждается в том, что через земную сферу проходят транзитёры, которые, я бы сказал, обычно, собственно, не связаны с Землёй. Для земных людей это то же самое, что для жителей Луны, через жизнь которых мы, ведь, тоже проходим между смертью и новым рождением. Когда мы, например, проходим через сферу Марса, мы являемся некоторым образом привидениями для жителей Марса; мы проходим её тогда как чуждые их сфере существа. Но и существа Марса на определённой стадии своего бытия обречены на прохождение нашей земной сферы; они проходят её, и тот, кто имеет определённую инициацию, посредством подходящего состояния, встречает их при их прохождении земной сферы. Это постоянное прохождение мимо друг друга существ нашей планетной системы. В то время как, когда мы живём на Земле между рождением и смертью, мы часто считаем, что никем не окружены, кроме существ различных природных царств, в действительности в нашем окружении полно транзитёров со всех других планет нашей планетной системы. Так же, и мы определённое время между смертью и новым рождением являемся транзитёрами между другими планетарными людьми, если можно так сказать. - Просто мы, люди на Земле, должны развить самое существенное из того, что является в современном мировом цикле нашей миссией. Так, по другим планетным мирам распределены другие существа. Но между смертью и новым рождением мы должны также соприкоснуться и с другими планетарными мирами. Таким образом, если говорить о деваханической жизни вообще, то вполне можно сказать, что когда мы так, в общих чертах, описываем ту или иную область деваханической жизни, то имеется в виду, что это происходит в какой-то сфере нашей планетной системы. Это в

основном относится к ней. Таким образом, в определённый период времени нашей жизни между смертью и новым рождением мы проходим марсианскую сферу.

Далее, как Земля прodelывает своё развитие, - нисходящее развитие до Мистерии Христа и восходящее развитие после неё, - так это по-своему делают и другие планеты. И как, так сказать, с 33-го года - это не совсем точно, но близко к этому, - на Земле началось восходящее развитие, то есть, тогда был собственно центр тяжести земного развития, то на Марсе такой центр тяжести приходился на начало 17-го столетия, и всё до этого момента развивалось на Марсе по, своего рода, нисходящей линии, а после него - по совершенно другой восходящей линии. Поскольку тогда для Марса произошло нечто необычайно значительное. Мы знаем, относительно нашего земного развития, необычайную фигуру Гаутама Будды. Мы подчёркивали, что развитие этого Будды происходило так, что до 29 лет своей жизни он был бодхисаттвой, а затем поднялся до достоинства Будды, которое позволяло ему больше не рождаться в физическом теле. Из других лекций вы видели, что Будда затем, в более поздние времена, ещё воздействовал на земную сферу из духовного мира. Мы знаем, что он воздействовал на астральное тело ребёнка Христа Евангелия от Луки. Но этот Будда, не воплощаясь в физическом теле, воздействовал на земную жизнь ещё и другим образом. Так в седьмом и восьмом столетиях в одной из мистериальных школ юго-восточной Европы, - для тогда более или менее способных к ясновидению людей, - в которых учителями могли быть не только индивидуальности, воплощённые в физическом теле, но им такие, кто действовал из духовных высот только в своём астральном теле. Ведь, несомненно могло происходить так, что продвинутые люди обучались такими индивидуальностями, которые больше, или вообще, не воплощались в физическом теле. Так Будда был учителем в одной из таких мистериальных школ, и к его ученикам принадлежал тогда тот, кто позднее, то есть, в следующей инкарнации, родился как Франциск Ассизский. И многие свойства, которые мы видели тогда так мощно выступающими в жизни Франциска Ассизского, объясняются тем, что он был учеником Будды. Тогда мы также видим, как Будда и после Мистерии Голгофы влиял из духовной сферы на земную, как он был связан с жизнью, которая имеет место между рождением и смертью. Но затем, по мере приближения семнадцатого столетия, Будда отошёл от земной жизни, и тогда Будда совершил для Марса нечто подобное, хотя и не такого масштаба, Мистерии Голгофы, по крайней мере, то, что соответствует Мистерии Голгофы на Марсе. Таким образом в начале семнадцатого столетия Будда стал спасителем Марса, то есть, индивидуальностью, которая должна была внедрить сферу мира в этот агрессивный элемент Марса. И с этого времени импульс Будды можно обнаружить на Марсе, так же, как импульс Христа на Земле со времени Мистерии Голгофы.

Судьбой Будды на Марсе было не прохождение смерти, как это было в случае Мистерии Голгофы, но в некотором смысле нечто подобное распятию, которое состояло в том, что эта прекрасная индивидуальность, которая после своей земной жизни повсюду излучала мир и любовь, было помещено в полностью чуждое ей окружение: в агрессивный и воинственный элемент Марса. Будда должен был оказать на Марс смягчающее воздействие. И для ясновидческого взора есть что-то невероятно впечатляющее, когда сравниваются два момента: тот момент, когда Будда, так сказать, поднялся в своём земном бытии на самую вершину, которую он мог достичь в этом земном бытии, где он на восьмидесятом году жизни, после того, как он прожил на Земле пятьдесят лет как Будда, - то есть возведенный в достоинство Будды, - в чудесную лунную ночь, 13 октября 483 года до нашей эры, будто выдохнул своё существо в серебро лунного света, окутывавшего Землю. Эта, также и во внешнем манифестация источника Буддой дыхания мира, свидетельствует нам о кульминации развития Будды в пределах его земного бытия. Это чудесный момент, и в нём есть что-то впечатляющее, если поставить рядом с ним момент, когда в начале семнадцатого столетия со всеми силами мира и любви Будда прибывает на Марс, чтобы источать в его агрессивном элементе свой мир, свою любовь и, благодаря этому, постепенно инаугурировать восходящее развитие Марса. Так что, если какая-либо душа, проходя через Марс до Мистерии Будды, впитывала в себя преимущественно агрессивные свойства, то теперь она в

состоянии, если действительно имеет к этому задатки, проделать с силами, полученными с Марса, нечто существенно иное. Чтобы не возникало никакого недопонимания в этой области, надо обратить внимание на то, что как ещё очень мало христианизирована вся Земля, так же мало и весь Марс превратился в мирную планету. Это займет ещё много времени, так что, если душа предрасположена к принятию агрессивных элементов, то для их принятия остаётся ещё достаточно возможностей; но событие, о котором мы говорили, должно приниматься во внимание духовным оком. Чем больше Земля движется в сторону, своего рода, материального развития, тем меньше, если действительно понимать земную эволюцию, можно будет считать, что это естественно в человеческой жизни между смертью и новым рождением быть приверженцем Будды в том смысле, в каком Будда имел своих приверженцев в дохристианские времена.

В пределах человеческого земного развития постепенно исчезает всякая возможность проделывать такое развития, которое проделал Франциск фон Ассизи; это становится всё меньше и меньше возможным, становится всё менее возможным приспособиться к внешней культуре; но между смертью и новым рождением человеческая душа имеет возможность это сделать. И если бы это не звучало так гротескно, то, поскольку это соответствует факту, вполне можно было бы сказать: между смертью и новым рождением каждая человеческая душа в течение определенного периода времени, проходя через сферу Марса, имеет возможность быть францисканцем или буддистом и принять в себя все те силы, которые могут влиться в человеческую душу человека из такого чувства и переживания. Таким образом прохождение через Марс может быть особенно важным для человеческой души. Но повсюду, куда попадает человек, он, как бы, записывает там свои совершенства и несовершенства в соответствии с особенностями этой сферы. И это истинно: те совершенства и несовершенства, которые мы имеем, тщательно записываются на доске Акаша между смертью и новым рождением. Там это повсюду записывается. Одни наши особенности записываются в лунной сфере, другие - в сфере Венеры, в сфере Марса, в сфере меркурия, в сфере Юпитера и так далее. И когда мы затем возвращаемся, постепенно сжимаемся, тогда мы встречаемся со всем тем, что мы записали при расширении, и таким образом наша карма подготавливается технически. Когда при этом возвращении мы находим: мы имели то или иное несовершенство, тогда мы можем внедрить в своё собственное существо - не стереть, а внедрить в своё существо - часть того, что мы захоронили в Акаше-Хронике. Но стёрто это ещё не будет. Затем мы достигаем Земли. Благодаря всему тому, что мы внедрили в себя на обратном пути, - а мы некоторым образом принуждены внедрить в себя, пусть не всё, но очень многое, - развивается наша карма; но наверху ещё всё остаётся записанным. И теперь странным образом эти записи начинают действовать. Эти записи, которые сделаны в лунной сфере, в сфере Венеры, меркурия и так далее. Эти сферы делают определённые движения, так что может произойти следующее: Скажем, человек захоронил в лунной сфере определённые несовершенства. Когда он проходил сферу Марса, благодаря тому, что он усвоил там определённый агрессивный элемент, которого у него до этого не было, он захоронил там некоторые свойства своего характера; там он их захоронил. Затем он проходит дальше и снова возвращается на Землю. Живя на Земле, он, ведь, принял в свою карму то, что захоронил; но это стоит одновременно записанным над ним. Там наверху Марс встаёт в определённую констелляцию с Луной; внешние планеты приводят к взаимному положению сфер. Когда Марс встаёт в определённую констелляцию с Луной, тогда в ту же констелляцию, так сказать, встают и его агрессивные захоронения с захоронениями его несовершенства. Следствием этого является то, что это совместное воздействие, когда они становятся друг за другом, есть тот момент, который может указать, когда в следующей жизни этот человек, благодаря агрессивной силе Марса, предпримет то, что осталось несовершенным. Таким образом положение планет показывает, собственно, то, что человек сам когда-то записал в эти сферы. Поэтому, когда мы астрологически считываем положение планет, а также положение фиксированных звёзд, то это, своего рода, показатель того, что мы сами там записали. То, что нас действует, зависит не столько от планет, сколько является тем,

что мы записали в отдельные сферы. В этом состоит собственная причина того, почему конstellляции планет всё же действуют, почему они указывают на воздействия на природу человека: потому что человек проходит через них. И когда Луна занимает определённое положение к Марсу и какой-нибудь фиксированной звезде, то вся эта конstellляция действует совместно; то есть, добродетель Марса действует на человека вместе с Луной и фиксированной звездой, и, благодаря этому, происходит то, что может произойти посредством такого совместного действия.

Так что это, собственно, так сказать, наше отложенное между смертью и новым рождением моральное завещание, которое кармически вновь выступает в новой жизни как звездная конstellляция в нашей судьбе. Это более глубокая причина звездной конstellляции и её связи с человеческой кармой. Так, если вникнуть в жизнь человека между смертью и новым рождением, можно заметить, как, собственно, этот человек связан со всем космосом, насколько существенной является эта связь.

А именно с тем, что то лежит за пределами солнечной сферы, связан человек, я бы сказал, с неким определенным характером необходимости. Рассмотрим особо сферу Сатурна. Если, скажем, человек в своей нынешней земной жизни старается разобраться с духовно-научными понятиями, то прохождение через сферу Сатурна имеет, собственно, особенное значение для его следующей жизни; поскольку в ней будут создаваться условия для того, чтобы силы, которые человек приобрёл здесь, благодаря знаниям духовной науки или антропософии, он мог преобразовать в такие силы, которые позволят ему затем пластически формировать свою телесность, так что в следующей жизни, он нёс бы в себе склонность к спиритуальному уже как само собой разумеющееся, благодаря своей предрасположенности. То есть, может быть так, что он вырастает; он воспитывается как материалист или как евангелист или католик. К нему подступает духовная наука; он чувствителен к ней, не отрицает её по той или иной причине; затем он принимает её внутренне-душевно. Теперь он проходит врата смерти; он проходит сферу Сатурна. И, проходя через неё, он принимает такие силы, что в следующей жизни он становится, так сказать, от рождения спиритуальным человеком, так что уже ребёнком он проявляет склонность к спиритуальному.

Таким образом, каждая область, которую мы проходим между смертью и новым рождением, имеет что-то вроде задачи преобразовать то, что мы душевно принимаем в течение жизни, в силы, которые затем могут стать телесными силами, и в период между новым рождением и смертью наделить нас определенными способностями. Вчера, конечно, я смог зайти так далеко, как только можно, на публичной лекции, когда заметил, что Рафаэль, естественно, уже имел в себе христианские порывы с самого рождения. Вчера я, разумеется, мог зайти лишь так далеко, как можно было зайти в публичной лекции, когда заметил, что Рафаэль уже с рождением имел в себе христианские импульсы. Это не надо понимать так, будто Рафаэль принёс с собой какие-то христианские понятия или представления, - я никогда не говорил: «понятия», я говорил: «импульсы». Из одной жизни в другую приносят импульсы, так что то, что в одной жизни принято понятийно, соединяется с человеком совершенно другим образом и затем проявляются как силы; так что способность создавать нежные, значительные христианские образы пришла к Рафаэлю из прошлых инкарнаций; это то, что позволяет называть его, своего рода, урождённым христианином. Большинство наших друзей знает, что Рафаэль, до этой своей инкарнации, был инкарнирован как Иоанн Креститель, и, как раз, тогда в его душу вошли импульсы, которые затем как врождённые, как имеющиеся уже с рождения, проявились в бытии Рафаэля. Должно быть всегда сказано, что посредством внешних догадок, посредством всяческих внешних сравнений, действительно можно прийти к совершенно ошибочным выводам, когда что-то говорится о следующих друг за другом инкарнациях. Ясновидческому взору они представляются так, что в большинстве случаев нельзя было бы предположить, что одна жизнь является причиной следующей. То есть, для того, чтобы нечто, что мы принимаем душевно в одной инкарнации, могло развиться в следующей инкарнации также такие силы, что мы могли бы воздействовать на телесную сторону задатков, для этого необходимо прохождение пути между смертью и новым

рождением, поскольку на Земле мы не можем преобразовать это - не можем преобразовать посредством всех земных сил то, что мы переживаем на Земле только душевно - в такие силы, которые способны работать над человеком, которые способны работать пластически-формирующе над самим человеком. Человек в своей тотальности никак не является земным существом, но он выглядел бы в своей телесности, согласно нынешним человеческим представлениям, устрашающе, если бы для его пластической организации могли бы быть использованы все силы, имеющиеся в самой земной сфере. Когда человек, посредством рождения, вступает в бытие, он должен в себе нести силы космоса; они должны продолжать действовать, чтобы он вообще смог принять человеческий облик. В земной сфере нет возможности привнести такие силы, которые могли бы пластически формировать человеческие формы. Это то, на что мы должны обращать внимание. Так, в том, что он есть, человек несёт в себе образ космоса, а не только образ Земли, и это полнейший грех против существа человека, если этот образ он вырабатывает только из сил Земли, то есть, если он изучает только то, что через естествознание можно наблюдать в земных царствах внешне, и не принимает во внимание, что в том, что человек получает на Земле, в то же время присутствует то, что он, проходя через рождение, приносит с собой из сверхчувственных сфер после прохождения пути между смертью и новым рождением. И в рамках этого следования через сферы происходит также всё то, что было описано позавчера. Тогда человек становится служителем тех или иных властей высших иерархий.

Далее, имеет особое значение всё то, что, так сказать, записано на доске Акаша-Хроники между Землёй и Луной. Поскольку, кроме всего прочего, туда вписаны все несовершенства - и я прошу принять во внимание, что в отношении этого вписывания несовершенств, поначалу преобладает та точка зрения, что туда вписано всё, что имеет значение для, так сказать, собственного человеческого развития, для того, что, так сказать, продвигает человека вперёд или задерживает его. Но, благодаря тому, что оно записано в лунной сфере, то есть, стоит на доске Акаша-Хроники между Землёй и Луной, оно приобретает значение для всего земного развития. То есть, у нас есть жизнь на Земле: мы имеем эту жизнь на Земле окружённую лунной сферой; на доске Акаша-Хроники мы записали несовершенство за несовершенством, и среди прочих также несовершенства, например, великих духов. Необычайно интересным примером для ясновидящего наблюдения является, например, Леонардо да Винчи. Это дух огромной, всеохватывающей мощи, дух, каких действительно мало на Земле; но то, что он действительно сделал внешне, по отношению к тому, что он хотел сделать, незначительно. Собственно, мало кто из подобных духов оставил столько незаконченного, сколько оставил Леонардо да Винчи. И следствием этого было то, что Леонардо да Винчи захоронил в лунной сфере ужасно много. Там захоронено так много, что относительно некоторого надо сказать: в отношении того, что там захоронено, непонятно даже, как это на Земле вообще могло бы прийти к совершенству!

Я хотел бы тут обратить ваша внимание на то, что мне показалось действительно необычайно важным, когда я занимался Леонардо да Винчи. Ведь я читал одну лекцию в Берлине, как раз, о Леонардо да Винчи. Тогда мне удалось наблюдать в нём нечто очень важное. Меня наполняет боль, когда смотришь на всё более и более исчезающие пятна краски в трапезной Санта-Мария-делле-Грацие в Милане, которые воистину являются лишь тенью того, чем были эти картины. Если к тому же учесть, что Леонардо да Винчи писал эти картины 16 лет, и как он их писал, то это производит впечатление. Известно, что он иногда надолго прерывался, затем возвращался, долго сидел перед картиной, делал несколько мазков кистью и снова уходил. Известно также, что он иногда не видел возможности выразить то, что хотел выразить, что он страдал жуткой депрессией, поскольку не мог выразить в картине то, что хотел. Когда в монастырь пришел новый приор²⁴, педантичный, строгий приор, мало

²⁴Приор в католицизме - титул настоятеля небольшого мужского католического монастыря или старшего после аббата-настоятеля члена монашеской общины (первого помощника аббата). Монастырь, в котором имеет место жительства приор, называется приорией (приоратом). В современной практике католической монашеской жизни приором может называться настоятель (Википедия, прим. пер.)

разбиравшийся в искусстве, то это было время, когда Леонардо да Винчи работал над картиной очень долго. Приор был нетерпелив и говорил: «Почему этот художник не может закончить?» и упрекал его, а также пожаловался герцогу Лодовико²⁵. Герцог сказал об этом Леонардо да Винчи, и Леонардо ответил: я вообще не знаю, смогу ли я закончить картину; поскольку для всех других фигур у меня есть модели в природе, а моделей для Иуды и Христа, у меня нет, - в лучшем случае для Иуды: тут, если ничего другого не подвернется, я могу взять приора. Но для Христа у меня образца нет.

Но это не то, что сейчас я имею в виду, а следующее: Если вы сегодня на превратившейся в тень картине взглянете на фигуру Иуды, вы увидите на ней тень, которую нельзя объяснить ничем, не падением света, ничем другим. Но оккультное исследование показывает следующее: оно показывает, что так, как хотел Леонардо да Винчи, картина никогда не была на стене. Он хотел сделать всё остальное согласно соотношениям света и тени, но Иуда должен был охарактеризован так, чтобы казалось, что над его лицом господствует тьма изнутри, а не посредством внешнего распределения света и тени. А в отношении Христа должно было быть так, что на его лице жил бы свет, приходящий изнутри. Тут Леонардо да Винчи впал в дисгармонию, из которой так и не вышел так, как хотел. Тут действительно есть нечто такое, что возникает, когда рассматриваешь многое, что касается Леонардо, захороненное в лунной сфере; тут есть нечто, что вообще невозможно осуществить в земной сфере. Если теперь проследить всё время, последовавшее за Леонардо да Винчи, то оно показывает, что Леонардо да Винчи продолжал работать в целом ряде последовавших за ним духов. Даже внешне в сочинениях Леонардо можно найти вещи, которые проявились у учёных, а также у художников в более позднее время; вся последующая эпоха находится под влиянием Леонардо да Винчи. И тогда видно, что именно эти захороненные несовершенства оказали вдохновляющее воздействие на души последователей, на людей, живших после Леонардо да Винчи.

А именно, для последующих временных периодов несовершенства предыдущего даже важнее, чем совершенства. Совершенства в наличии для рассмотрения; но то, что совершенно сформировано на Земле, в определённой степени степени, так сказать, пришло к своему концу, получило завершение своего развития; то же, что было несовершенным, является зародышем последующего божественного развития. И тут мы подходим к странному грандиозному противоречию: Лучшим для последующего времени является плодотворное несовершенное, - но именно плодотворное, правомерное несовершенное прошлого времени. Совершенное более раннего времени является, так сказать, для наслаждения; но несовершенное - то несовершенное, которое осталось после великих, - это для творчества последующего времени. И поэтому кажется невероятно мудрым, что то, что захоронено, остаётся рядом с Землёй, то есть, действительно захоронено в Акаша-Хронике между Землёй и Луной. И здесь мы подходим к тому пункту, когда может быть некоторым образом понято предложение: что совершенство означает для различных эпох конец эволюции, конец одного из эволюционных течений; несовершенство, однако, при определенных обстоятельствах является началом эволюционного течения. И за то, чем является несовершенное, люди должны быть, собственно, особенно благодарны богам.

Чего мы хотим добиться такими рассмотрениями, как сегодня? Мы хотим этим всё больше и больше сделать понятным связь человека со всем космосом, показать, как человек действительно несёт в себе, будто в свёрнутом состоянии, макрокосмос, и может иметь также связи с тем, что его окружает духовно. И затем, когда мы это более или менее поймём, оно может превратиться в чувство, которое пронизывает человека, так чтобы с этим знанием он соединил понятие о своём достоинстве, которое его, однако, не делает надменным, а делает ответственным, побуждает его не позволять себе верить в то, что ему позволено растрчивать свои силы в космосе, а побуждает их использовать. Тут, конечно, надо отметить, что никто

²⁵Лодовико Марія Сфóрца, Лодовико Мóро («Мавр») (итал. Lodovico Sforza, Lodovico il Moro, 27 июля 1452, Виджевано — 27 мая 1508, Лош) - герцог Бари, регент, а затем (с 1494 года) герцог Милана из династии Сфорца (Википедия, прим. пер.).

ничего не выиграет, если будет говорить себе: «Если у меня есть способности, то я оставлю их лучше несовершенными». - Это ничего не даст; поскольку тогда произошло бы то, что человек оказался бы в положении, подобном тому, что я объяснял позавчера. Если бы человек намеренно оставлял в себе несовершенства, то он бы их, хотя и записал бы, но записал бы так, что они не были бы освещены, и потому не могли бы оказывать никакого влияния. Только те несовершенства, которые записаны так, что их несовершенство было необходимостью, а не намерением, обусловленным удобством, - только те могут действовать так, как это было описано.

Дополнительные факты
о жизни между смертью и новым рождением
Бреслау, 5 апреля 1913 года
(по записи на слух)

Находясь в своём кругу, мы можем говорить о некоторых вещах более подробно, нежели это может происходить на публичных лекциях или в публичных записях. Поэтому сегодня я хотел бы обсудить то, что может быть дополнением к знаниям, которые известны из наших книг и циклов лекций.

Вы можете представлять себе, мои дорогие друзья, что жизнь между смертью и новым рождением так же богата и разнообразна, как и жизнь между рождением и смертью, так что всегда, когда описывается то, что происходит между смертью и новым рождением, это описание, разумеется, может охватить только части, отдельные фрагменты этого. Я буду сегодня не столько касаться того, что уже известно, сколько указывать на те вещи, которые должны более точно осветить это известное.

Когда тот, кто способен заглядывать в духовные миры, действительно направит свой взор на тот мир, в котором находится человек между смертью и новым рождением, тогда, как раз, для нашего времени становится очевидной необходимость того, чего мы хотим здесь добиться посредством нашей духовно-научной работы; посредством того, что может быть дано сердцу и душе человека, благодаря духовно-научной работе.

Начнём с одного особенного случая. Например, случилось так, что вдали от своей семьи умер человек, который при жизни необычайно любил свою жену и который всегда был предан своей семье. И когда его посетил око провидца, он особенно страдал, потому что не мог найти, глядя на землю, души своих детей, душу своей жены. И когда он попал в поле зрения ясновидящего, он особенно страдал от того, что, когда он с той стороны смотрел на Землю, он не мог найти души своих детей и своей жены. И тем способом, каким видящий может входить в контакт с человеческими душами, может, так сказать, общаться с человеческими душами, находящимися между смертью и новым рождением, он затем показал, как тот может думать и чувствовать то время, когда был на Земле со своей семьей; он говорил приблизительно так: Да, когда я был на Земле, моя жена была для меня словно

свет солнца, теперь мне приходится обходиться без неё. Я могу только направлять свои мысли на то, что у меня было на Земле, но найти свою жену не могу. - Почему так происходит? Поскольку так происходит не со всеми, кто прошёл через врата смерти. Если бы мы вернулись на много тысячелетий назад, мы обнаружили бы, что души людей могли смотреть вниз также и из этого духовного царства, могли принимать участие в том, что делали оставшиеся на Земле. Почему так было для душ в древние времена, во времена до Мистерии Голгофы? Почему это не так для многих сегодня? Да, в древние времена люди жили на Земле, как мы знаем, так, что у них ещё было некоторое первобытное ясновидение. Эти люди не только смотрели на чувственный мир через глаза, но за чувственными вещами они видели также их духовные основы, пра-существа. И эта способность жить вместе с духовным миром в физическом бытии, давала возможность душам, когда они проходили через врата смерти, снова воспринимать всё то душевное, что они оставили здесь. Теперь человеческие души больше неспособны непосредственно жить с духовным миром, поскольку, ведь, в этом и состоит развитие человечества, что человек теперь спускается из духовной жизни в физическую. Это принесло способность к суждению и так далее, но забрало способность жить вместе с духовным миром. Некоторое время, в период непосредственно после Мистерии Голгофы, когда человеческие души были охвачены импульсом Христа, по крайней мере, часть человечества снова определённым образом достигла этой способности. Но сейчас мы, в свою очередь, живём в период, когда души, которые проходят через врата смерти и которые не заботились о духовных мирах, теряют связь, исходящую из духовного мира.

Мы нуждаемся в откровении, которое мы называем спиритуальным откровением и которое, согласно нашему обоснованному взгляду, должно запечатлеться в человеческих душах. Сегодня уже недостаточно просто старой религиозной веры; сегодня, если души хотят духовно смотреть из потустороннего мира на Землю, они нуждаются в том, что может быть им дано через духовно-научное понимание Мистерии Голгофы. Так мы стараемся получить в свои души духовный свет.

Человек, который был найден описанным образом, не заботился о каких-либо мыслях и чувствах духовного мира. Он прошёл врата смерти, не проводя здесь через свою душу мысли духовного мира. Поэтому произошло так, что этот человек мог сказать: Я знаю из своей памяти, что там внизу находится моя супруга; я знаю, что она там, но я не могу её увидеть, не могу её найти.

В каком случае он мог бы её найти? Из потустороннего мира в этот могут смотреть только такие души, в которых живут спиритуальные способности. Смотреть сюда из другого мира могут те души, в которых живут мысли некоего спиритуального понимания. Если смотреть вниз, то душа, оставшаяся здесь, будет видима для умершего, только если в этой душе живут спиритуальные мысли. Эти мысли видимы. Иначе душа остаётся невидимой. Иначе человек страдает от того, что знает, что она здесь, но не может её найти. В тот момент, когда удаётся передать такой душе какие-либо мысли о спиритуальном мире, тогда земная душа начинает светиться для живущего в другом мире, тогда он начинает для него существовать.

Не говорите, что это несправедливо, если такие души, которые здесь на Земле, вероятно, не по своей вине не имеют спиритуальных мыслей, остаются невидимыми для умерших. Если бы мир не был устроен таким образом, то люди никогда бы не стремились к усовершенствованию. Люди должны учиться через то, чего они лишаются. Такая душа, страдающая затем от боли и одиночества в жизни между смертью и новым рождением, получает, благодаря этому, импульс для принятия спиритуальных мыслей.

Таким образом, мы видим, что духовная наука с этой точки зрения подобна языку, посредством которого живущие и умершие понимают друг друга, посредством которого они есть друг для друга и воспринимаемы друг другом.

И ещё в другом отношении проявляется то, какова миссия духовной науки в смысле преодоления пропасти между жизнью и смертью. Когда человеческие души проходят врата

смерти, тогда, ведь, они вступают в жизнь, которая обретает связь с земной жизнью, посредством воспоминаний о том, что уже прошло. - Я описываю сейчас не то, что можно найти в наших книгах, а дополнение к этому. - Долгое время после смерти человек занимается тем, что он должен ещё возвращаться в своих чувствах к Земле, что он должен отвыкнуть от желания иметь физическое тело. В это время отвыкания человек учится жить как душевно-духовное существо. Живо представим себе то, как это представляется ясновидческому исследованию. Вначале душа имеет связь только с тем, чем он был сам; человек смотрит на свою собственную внутреннюю жизнь, которая прошла в мыслях, представлениях и так далее; он вспоминает связи, которые он имел с другими людьми. Но когда он хочет взглянуть на Землю, тогда представляется особое зрелище. Человек имеет желание взглянуть вниз. Это желание помнить о Земле сохраняется на протяжении всей жизни, между смертью и новым рождением. Пока человек призван идти от жизни к жизни, до тех пор остаётся сознание: Ты предназначен для Земли, ты должен снова и снова возвращаться на Землю, если хочешь развиваться правильным образом. - При наблюдении за умершим видно, что если бы он потерял мысль о Земле, то тогда, как умерший, он совершенно потерял бы мысли о самом себе. Тогда он бы больше не знал, что он сам существует, и это означало бы ужасное чувство боли. То есть, человек не должен потерять связь с Землёй; Земля не должна, так сказать, ускользнуть из его представления. Как правило, она и не может для него полностью исчезнуть. Просто в наше материалистическое время, когда должно прийти это спиритуальное откровение, чтобы оставалась связь между живущими и умершими, это оглядывание назад трудно для душ, которые не приходили в контакт с другими душами, в которых есть спиритуальные мысли и чувства.

Для умерших важно, чтобы те, с кем они были связаны на Земле, каждый вечер брали с собой в мир сна мысли о спиритуальном мире. Чем больше мы будем брать с собой мысли о спиритуальном мире в сон, тем лучше это для тех, с кем мы были знакомы здесь в жизни или были как-то связаны и умерли до нас. Трудно говорить об этих отношениях, поскольку наши слова взяты из физического плана. То, что мы берём с собой в сон в виде спиритуальных мыслей, это мир, которым умершие в каком-то смысле должны жить, и умерший, у которого нет никого, кто брал бы с собой в сон спиритуальные мысли, как бы, испытывает голод, чувствует себя, как бы, помещённым на скалистом острове. Так умерший, когда он не находит душ, в которых живут спиритуальные чувства, чувствует себя будто в пустыне, будто нет ничего, что ему нужно для жизни. Поэтому совершенно нельзя выразить то, насколько серьёзно следует относиться к мыслям духовно-научного мировоззрения, когда видишь, как в наше время всё больше и больше распространяется мировоззрение, не желающее ничего знать о духовных мирах. Раньше, когда люди отправлялись на покой с благоговейной вечерней молитвой и брали с собой последствие этой молитвы, это было иначе, чем сегодня, когда люди, возможно, после еды или потребления чего-то другого бездумно погружаются в сон, не думая ни о чём сверхчувственном. Так умершие лишаются духовной пищи. Эти знания всё больше и больше должны вести к тому, что уже принесло добрые плоды там, где наши друзья это делали: это то, что я хотел бы назвать чтением умершим. Это чтение умершим имеет огромное значение.

Предположим, что здесь, на Земле, жили друг с другом два человека; один человек, благодаря внутренним сердечным импульсам, чувствовал стремление к духовной науке, а другой, именно благодаря этому, всё более и более отрицал её. В таком случае живущему вряд ли можно помочь обрести духовное мировоззрение; возможно, даже сам факт того, что кто-то пытается это сделать, ещё больше заставит его ненавидеть его. Предположим, что такой человек умирает раньше нас, - тогда у нас есть возможность ещё лучше помочь ему после его смерти.

То, что живёт в нашей душе, - это нечто очень сложное, и то, над чем распространяется наше сознание, является лишь частью содержания души. Человек знает очень мало о том, что у него в душе; и иногда там есть что-то, что является противоположным тому, во что он верит. Таким образом, действительно может случиться так, что кто-то станет ненавистником

духовной науки. Он воспринимает так своим сознанием. Но в глубине своей души он может, наоборот, иметь глубокое стремление к духовной науке. Когда мы проходим через врата смерти, мы живём ту жизнь, которой жили в глубине своей души. Если вступить в контакт с умершим, которого знали в этой жизни, он оказывается совсем другим, нежели здесь. Человек, который в сознании ненавидел духовную науку, но в глубине своей души, не зная этого, стремился к ней, - в нём это стремление после смерти проявляется особенно. Мы поможем ему, если возьмём книгу с духовно-научным содержанием, представим себе образ умершего, и не громко, а тихо, будем ему читать. Умершие это понимают. Конечно, лучше понимают те, кто уже при жизни склонялся к спиритуальному. Мы не должны упускать эту возможность читать умершим или мысленно с ними беседовать. При этом я хотел бы указать на ту практическую деталь, что многие годы после смерти - приблизительно от трёх до пяти лет - человек понимает тот язык, на котором он говорил при жизни. Это постепенно прекращается, но затем он ещё понимает спиритуальные мысли. Тогда можно также читать на том языке, который умерший не понимал, если только сам его понимаешь. Таким образом умершему оказывается огромная услуга. - И, как раз, в этой области особенно заметно значение духовно-научного мировоззрения, поскольку оно убирает разрыв между живущими и умершими. И можно себе представить, что если нам удастся сделать духовную науку более распространенной на Земле, то души будут всё более и более осознавать тот факт, что они вместе с умершими.

Таким образом, некоторое время после смерти человек ещё непосредственно связан с Землёй. Затем, однако, он должен вживаться в духовный мир, он должен стать гражданином духовного мира. Для этого он должен быть подготовленным, должен иметь восприимчивость и понимание духовного мира. Тогда, например, приходит период, где для душевного исследования, когда наблюдают за умершими, выступает большая разница между такими душами, которые здесь на Земле заботились о моральных настроениях и восприятиях, и такими, которые жили здесь без последних. Если человек не заботился здесь о моральных чувствах, то он становится подобным отшельнику. Он не найдёт пути к другим людям, а также к высшим иерархиям. Сознание человека никогда не выключается; но что тогда ждёт человека, так это чувство одиночества. Возможность определенное время после смерти жить с другими существами - время, которое называется временем Меркурия, - человек приобретает посредством нравственной жизни. Так что можно сказать: То, как человек жил здесь на Земле, это формирует причину того, будет ли он в меркуриальное время жить в ужасных отшельнических мучениях, или он найдёт контакт, связь, с человеческими душами или существами высших миров.

Затем, позднее, приходит время, для которого человек должен быть подготовлен другим образом и в котором он снова будет обречён на одиночество, если здесь на Земле не развил религиозные чувства. Это время называется венерианским. Тот, кто не развил в себе религиозные чувства, чувствует себя слепым и немым по отношению к тому, что его окружает.

Затем наступает время, к которому человек, чтобы не стать нечувствительным к некоторым существам высшего мира, должен в качестве подготовки иметь полное понимание всех религий. Это солнечное время. Оно готовится здесь, на Земле, посредством понимания всего человеческого, понимания различных религиозных верований. В древние времена для солнечного времени было достаточно, чтобы один человек исповедовал религию Брахмы, другой - религию Лао-Цзы и так далее. Но теперь, учитывая, как развивалось время, люди противостоят друг другу, благодаря религиозным убеждениям, а так в солнечное время прожить правильно невозможно. Сюда принадлежит спиритуальное чувство. Это солнечное время, которое должен пройти человек между смертью и новым рождением, таково, что человек чувствует себя так, словно попал в мир, в котором, в зависимости от его подготовки, определенное место кажется либо пустым, либо нет. Если мы хотим понять, благодаря чему мы его видим пустым, мы должны понять Мистерию Голгофы. В импульсе Христа заключена возможность понять любое человеческое чувство. Христианство уже является общей

религией; христианство - это не какая-нибудь родовая, расовая или национальная религия, как индуизм или прочие национальные религии. Если бы среднеевропейские народы хотели сохранить свои старые родовые религии, то они ещё сегодня имели бы у себя службы Вотана, Тора и так далее. И всё же европейские народы приняли вероисповедание христианства. Но человек является истинным христианином не благодаря тому, что представляет ту или иную христианскую догму, а тем, что он знает, что Христос умер за всех людей. Люди лишь постепенно будут учиться вести себя как христиане. Когда сегодня какой-то европеец оказывается в Индии, то то, что он представляет, является, как правило, словесным вероисповеданием. Но правильным чувством, которое надо иметь, является следующее: Там, где также и на Земле вы встречаете человеческую душу, можно найти импульс Христа. Индус не поверит, что его бог живёт во всех людях. Христианин знает, что Христос живёт во всех людях. Духовная наука покажет, что правильно понятое христианство содержит ядро истины всех религий и что каждая религия, если она осознаёт своё истинное ядро, ведёт к Мистерии Голгофы.

Когда мы наблюдаем за каким-либо другим посвящённым или каким-либо другим основателем религии, нам ясно, что он хочет что-то сообщить о высших мирах, поскольку он прошёл через посвящение. Христа в действительности не понимает тот, кто не видит со всей ясностью, что Христос появился на Земле не посредством какого-либо посвящения; а посредством того, что он был здесь, был посвящён и всё объединил в себе.

Если взглянуть как видящему на жизнь Будды и проследить за ней, то станет намного яснее, особенно в духовном мире, кем был Будда. С жизнью Христа это не так. Жизнь Христа такова, что для того, чтобы понять её в духовном мире, связь с Христом надо обрести уже здесь, на Земле. Если вы не обретете такую связь здесь, то, получив посвящение, вы сможете видеть всё, что угодно, но вы не сможете увидеть Христа, если не обрели с ним связь на Земле.

Поэтому лишь немногие понимают, что такое Мистерия Голгофы. Она делает Христа существом, которое равнозначно и для примитивных людей, и для самых высоких посвящённых. Связь с Христом может иметь самый примитивный человек, и её должен найти также посвящённый. Когда человек входит в высшие миры, он знакомится со многим; нет только одного, одному там научиться нельзя: это смерть. Смерть есть только в физическом мире. В духовном мире есть превращение, но не смерть. Так что мы можем сказать: Все духовные существа, которые никогда не были на нашей Земле, которые оставались только в спиритуальных мирах, не проходят через смерть. Христос стал согражданином человека в физическом мире, и то, что разыгралось на Голгофе, обуславливает то, если только понять смерть божества, что человек в солнечное время не остаётся с пустотой. Другие посвящённые являются людьми, которые получили особое развитие посредством различных земных жизней. Христос же не был до этого на Земле, а он был в мирах, где нет смерти. Он единственный среди ему равных, кто кто познал смерть. Поэтому для того, чтобы познакомиться с Христом, надо понять его смерть, а поскольку существенной является смерть, то понять Мистерию Голгофы можно понять только на Земле, где эта смерть есть. Если не обрести связь с Христом здесь на Земле, то его не пережить в высшем мире; тогда в продолжении солнечного времени мы обнаружим его место пустым. Если же мы возьмём импульс Христа с собой, то солнечный трон окажется не пустым; тогда мы сознательно обнаружим Христа.

Это важно для нашего сегодняшнего развития, чтобы мы нашли в духовном мире Христа в этом пункте и узнали его. Почему? Ну, когда мы проходим солнечное время, мы постепенно вступаем в мир, где мы попадаем в зависимость от духовного света. До этого у нас ещё есть последствие Земли, последствие того, чем мы были персонально: последствие моральных и религиозных чувств. Теперь нам нужно большее. Теперь нам нужна способность видеть то, что есть в духовном мире и что здесь ещё не может быть в нас подготовлено; поскольку мы должны теперь проходить через миры сил, о которых здесь узнать невозможно.

Когда человек через рождение входит в мир, его мозг неразвит. Человек должен вначале выработать это согласно тому, что он приобрёл в прошлой жизни. Поскольку, если человеку нужна определённая способность, то недостаточно получить её, а нужно ещё знать, как должен быть построен необходимый физический орган.

Есть важный, но очень опасный проводник. Здесь на Земле он осознаётся. Но, начиная с солнечного времени он становится необходимым: Люцифер. Мы бродили бы в темноте, если бы к нам не подступал Люцифер. Имея водительство Христа, мы, однако, можем идти только на стороне Люцифера. Оба ведут тогда человека после солнечного времени дальше в последующие жизни: во время Марса, во время Юпитера, во время Сатурна. В эти периоды после солнечного времени человек соединяется с силами, в которых он нуждается для нового воплощения. Поэтому это бессмыслица, когда материалистическая наука полагает, что материальное тело наследуется. Она не имеет возможности увидеть свою ошибку; но человек узнаёт спиритуальные истины и увидит эту ошибку. Человек не может унаследовать ничего, кроме лишь зачатков головного и спинного мозга, то есть, всего того, что заключено в прочно замкнутую снаружи костную капсулу мозга и колец позвоночника. Всё остальное определяется силами макрокосмоса. Человек стал бы, так сказать, полностью нечеловеческой массой, если бы ему было дано только то, что передано ему по наследству. Это, - то что он унаследовал, - должно быть переработано тем, что человек приносит с собой из духовных миров.

Почему я называю периоды после смерти временем Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна?

Когда человек проходит через врата смерти, он становится всё больше и больше. Фактически, жизнь после смерти такова, что человек чувствует себя распространённым на огромное пространство. Тогда он вырастает поначалу настолько, что наполняет собой пространство, ограниченное орбитой Луны. Затем он растёт дальше до орбиты Меркурия, говоря оккультно, затем до орбиты Венеры, Солнца, Марса. Человек растёт в огромном небесном пространстве. Каждый человек растёт после смерти в огромном небесном пространстве. С другой стороны, пространственная близость не имеет для всех этих человеческих душ никакого значения. Когда вы пронизываете всю сферу Венеры, другие делают это тоже, но из-за этого вы не нуждаетесь в том, чтобы что-то знать друг о друге. Если знаешь, что ты не одинок, всё же можно чувствовать себя одиноким. Наконец, вы вырастаете во вселенной до сферы, описываемой Сатурном, и ещё дальше. И, вырастая таким образом, вы обретаете силу, необходимую для построения следующей жизни. А затем вы снова возвращаетесь назад, становясь все меньше и меньше, пока снова не соединитесь с Землёй. Так человек расширяется между смертью и новым рождением на весь макрокосмос, и как бы странно это ни выглядело, это так: Когда мы снова вступаем в земную жизнь, мы приносим с собой в бытие силы всей солнечной системы, и соединяем их с тем, что мы унаследовали в виде физических субстанций. Этими силами из космоса мы строим физическое тело и наш мозг. Таким образом, здесь, между рождением и смертью, мы живём в узких границах своего физического тела; после смерти мы живём расширенными по всему солнечному макрокосмосу.

Один человек чувствует глубоко морально, другие - не так морально. Один человек, который чувствует глубоко морально переходит теперь в духовный мир и может всё переживать как общительное существо. Силы для этого приходят из жизни звёзд. Другой не подготовливался таким образом, он не смог обрести никаких связей, он не внёс никаких одухотворённых сил, он не может поначалу иметь также никаких моральных задатков. Поэтому он проходит через эти сферы в одиночестве. Всё, что есть в человеке, его отношения к миру, - всё выступает нам полным значения образом, благодаря такому спиритуальному знанию.

Кант говорил: «Две вещи наполняют душу всё новым и растущим восхищением и трепетом: звёздное небо надо мной и нравственный закон внутри меня». Этим он сказал нечто очень значимое. Духовная наука показывает, что и то, и другое, одно и то же. То, что

мы переживаем между смертью и новым рождением, мы приносим с собой как моральный закон; то, что мы проживаем между смертью и новым рождением, звёздное небо, мы переносим его в нашу земную жизнь, где это должно стать нашим нравственным законом.

Так духовная наука передаёт нам видение величины человеческой души и видение человеческой ответственности.

О взаимодействии с мёртвыми

Дюссельдорф, 27 апреля 1913 года
(по записи на слух)

Отношение жизни к смерти часто понимается неверно. В теософских текстах часто встречается замечание, что человеческое душевное и духовное существо может полностью исчезнуть. Говорится, например, что благодаря определённому количеству зла, которое загружает в себя человеческая душа, эта душа может исчезнуть в ходе эволюции. Особенно часто подчёркивается, будто бытие чёрного мага, совершающего много злого, однажды будет стёрто.

Те, кто уже долгое время принимал участие в наших стараниях, знают, что я всегда критиковал подобные утверждения. Поскольку прежде всего мы должны полностью держаться того, что то, что мы здесь, в физическом мире, обозначаем как смерть, для сверхчувственного мира не имеет никакого значения; не имеет значения уже для ближайшего сверхчувственного мира, граничащего с нашим. С определённой точки зрения я хотел бы обратить на это ваше внимание также и здесь.

Наука, которая занимается здесь в физическом мире физическими вещами, приходит ко всяческому закону, ко всяческому бытийным отношениям в рамках этого физического мира. То, что можно найти при помощи этих законов в окружающих нас существах и явлениях, - это ни что иное, как закономерности внешней чувственной действительности. Например, если мы исследуем цветок с помощью обычных научных инструментов, мы научимся распознавать физико-химические законы, действующие в растении. Но всегда остается что-то ещё, что ускользает от науки, - это сама жизнь. Определённо, в последнее время некоторые особо изобретательные ученые прибегают к выдвижению всевозможных гипотез о том, как можно понять растительную жизнь на основе изучения просто безжизненных веществ. Но всё это очень скоро признаётся ошибкой, поскольку в физической науке остается лишь идеал постижения жизни. Человек узнаёт всё больше и больше химических законов и так далее, но не саму жизнь. Поэтому для физических познавательных сил исследование жизни хоть и является идеалом, но этими познавательными силами исследовать её нельзя, поскольку она представляет собой то, что втекает в физический мир из сверхфизического мира, и в рамках этого мира не может раскрыть свои закономерности.

Далее, так же, как в физическом мире дело обстоит с жизнью, в сверхчувственном мире дело обстоит со смертью, только там - относительно воли. В сверхчувственном мире никакой волевой акт, никакой волевой импульс никогда не может привести к тому, что мы здесь в физическом мире называем смертью. В любом из сверхчувственных миров может, в крайнем случае, возникнуть желание смерти, но не наступить смерть. В сверхфизическом мире смерти нет. Особенно доходчиво для человеческой души, если человек поймёт непосредственно: Да, ведь, тогда все существа высших иерархий, по сути, никогда не смогут узнать смерть, если смерть является чем-то таким, что можно испытать только на Земле. И как справедливо указано в библейском документе, что ангелы скрывают свои лики от тайн физического рождения, так же справедливо будет указать, что ангелы скрывают свои лики и от тайн смерти. И существо, которое мы знаем как самого значительного импульсатора земного развития, существо Христа, должно было быть единственным существом в божественных

мирах, которое познало смерть. Все другие божественно-духовные существа не знают смерти, они знают её только как изменение от одной формы в другую. Христос должен был спуститься на Землю, чтобы пройти через смерть. Таким образом, среди всех сверхфизических существ, стоящих над человеком, Христос является единственным существом, познавшим смерть в собственном переживании. Как уже было сказано, если рассматривать эту проблему переживания смерти в связи с Христом, то она действует особенно потрясающе.

Теперь, это действительно так, что человек, ведь, сам, после прохождения через врата смерти, живёт в этом сверхчувственном мире, где смерти нет. Он может проходить его, но не может стереть себя, поскольку тогда он принимается в миры, в которых не может быть никакого уничтожения.

То, что можно рассматривать как нечто подобное смерти в сверхфизическом мире, является чем-то совершенно иным, чем смерть. Это то, что, используя человеческие слова, надо назвать словом «одиночество». И смерть никогда не может быть уничтожением чего-либо в сверхфизическом мире, а наступает одиночество. - Одиночество в сверхчувственном мире то же самое, что смерть здесь; оно не является уничтожением, но оно хуже, чем одиночество здесь. Оно есть взгляд назад на собственное существо. И то, что это означает, человек замечает только тогда, когда оно наступает, - это незнание, но незнание только о самом себе.

Возьмём, например, человеческое существо, которое здесь на Земле мало развило из того, что можно назвать симпатией для других людей, которое в основном любило только себя. Такое существо, когда пройдёт врата смерти, столкнётся прежде всего с трудностями знакомства с другими людьми. Такое существо может жить в сверхфизическом мире вместе с другими существами, но не замечать этого. Оно наполнено только своим собственным душевным содержанием; оно видит только то, что переживает в себе самом. Может случиться так, что человек, который из-за преувеличенного эгоизма держал себя далеко от всякой человеческой любви здесь на Земле, пройдя врата смерти, должен жить после смерти только в воспоминаниях о своей последней земной жизни; так, что он теперь не может иметь никаких новых переживаний, поскольку не знает никакого другого существа, не сближается ни с каким другим существом и полностью полагается только на самого себя. Ведь, благодаря нашему человеческому существу, мы фактически подготавливаемся к тому, чтобы после смерти иметь перед собой совершенно особый мир.

Здесь на Земле человек, собственно, не знает самого себя, поскольку наука этому не учит, - она может научить нас только тому, кем человек теперь больше не является, поскольку она, ведь, знает только труп. Мозг мыслит, но он не может мыслить сам себя. Часть себя мы видим; немного больше мы видим, глядя в зеркало; но всё это, ведь, лишь внешняя сторона. Здесь человек не живёт с собой, он живёт с внешним миром, который воздействует на его чувства. Посредством себя самого, посредством того, что мы можем здесь пережить, мы подготавливаемся к тому, чтобы самим распространиться в макрокосмосе, самим стать макрокосмосом, стать тем, что мы здесь видим. Здесь мы видим Луну. Затем в посмертной жизни мы расширяемся таким образом, что мы становимся Луной, как сейчас мы являемся нашим мозгом. Мы расширяемся до Сатурна, так что мы становимся Сатурном, как сейчас мы являемся нашей селезёнкой. Человек становится макрокосмосом. Когда душа покидает тело, она расширяется по всей планетной системе, так что все люди одновременно заполняют собой одно и то же пространство; они находятся друг в друге, но ничего не знают друг о друге. Только духовные связи позволяют знать друг о друге. К этому мы подготавливаем себя посредством своей жизни уже здесь на Земле, - к тому, что мы расширимся до целого мира, от которого здесь мы видим чувственный отблеск. Но чем тогда является наш мир?

Чем сейчас является наш мир днём: горы и реки, деревья, животные, минералы, - то, каким этот мир сейчас является вокруг нас, и как мы живём в этом мире, - это то, куда мы помещены, то, что является нашим организмом. Это наши отдельные органы. И наш мир - это мы сами. Мы смотрим на себя из этого окружения. Это начинается, ведь, уже непосредственно после смерти в эфирном теле. Тут перед нами возникает табло нашей собственной жизни. Если бы человек здесь не завязывал отношения с другими существами,

прежде всего с другими людьми и, как это теперь всё больше и больше должно происходить благодаря духовной науке, с существами более высоких иерархий, то произошло бы то, что во времени между смертью и новым рождением ему было бы больше нечего делать, кроме как постоянно смотреть на самого себя. И я говорю это не для того, чтобы сказать нечто тривиальное, а я говорю это, поскольку это на первый взгляд тривиальное, является здесь потрясающим: это не самая радужная картина, многие столетия рассматривать только самого себя. Поскольку миром для нас становимся тогда мы сами. Но это, - то, что нас это наше Я расширяет до дальних миров, - это отношения, которые мы завязали здесь на Земле. Для того и земная жизнь, чтобы мы развивали связи и отношения, которые затем развиваются после смерти. Ведь, всё то, что делает нас в духовном мире общительными существами, мы должны начать здесь. Как мучение переживает человек в духовном мире страх перед одиночеством. Этот страх в определенном смысле всегда может овладеть нами снова, потому что между смертью и новым рождением мы проходим, так сказать, разные стадии, в рамках которых, даже если мы и приобрели определенную общительность в одном из предыдущих состояний, в следующем состоянии можем снова впасть в одиночество. Ближайшее время после смерти действительно является таким, что мы, собственно, можем иметь связи только с теми, кто остался здесь на Земле или с теми, кто умер во время, лежащее недалеко от того момента, когда умерли мы. Тут после смерти действуют самые ближайшие связи. И в этом отношении многого могут достичь те, кто остался здесь, - так называемые, живые; поскольку оставшийся может дать знания этому умершему о физическом мире, поскольку между ним и умершим существуют отношения, и поделиться своими собственными знаниями о духовном мире. Это возможно прежде всего путём чтения мёртвым. Мы можем оказать огромную услугу умершему, если мы сядем, поместим перед своей душой образ этого умершего и тихо прочтём ему какую-нибудь духовно-научную книгу, будем его обучать таким образом. Можно зачитать ему также его собственные мысли, которые вы восприняли; всегда живо представляя себе образ мёртвого. Мы не должны скупиться на это дело; посредством этого мы преодолеваем пропасть, разделяющую нас с нашими умершими. Не только в самых экстремальных случаях, но в каждом случае мы можем делать умершим добро. Это утешительное чувство, которое может облегчить боль смерти того, кого любишь.

Теперь, мои дорогие друзья, чем больше мы входим в сверхчувственный мир, тем больше прекращаются отдельности. В астральном мире мы ещё находим отдельные отношения; но чем выше мы поднимаемся, тем больше мы обнаруживаем, что то, что имеется между отдельными существами, прекращается. Там все существа; отношения между ними - это душевные отношения, и мы должны также иметь эти отношения, если не хотим быть одиночками. В этом, однако, и заключается миссия Земли, что человек здесь может установить отношения, иначе он останется одиночкой в духовном мире. Для ближайшего времени после смерти родственные, дружеские отношения, которые мы установили здесь в совместной жизни с другими людьми, продолжают, создавая наш мир. Если ясновидящим взором исследовать мир мёртвых, можно, например, обнаружить какого-нибудь такого мёртвого с теми, за кем он может проследить здесь на Земле. Тогда в отношении многих людей в настоящее время можно проследить, как они живут с непосредственно умершими, которые умерли десятью годами раньше или позже. Тогда видно, как многие из них живут вместе с некоторым числом предков, с которыми они были связаны кровным родством. Эта картина часто представляется видящему. Предки, умершие уже столетия назад, - к ним присоединяется умерший. Но это происходит только определенное время. После этого человек чувствовал бы себя ужасно одиночкой, если бы не преобладали другие отношения, уже не такие близкие, но которые тем не менее подготавливают человека для того, чтобы быть в духовном мире общительным существом. В рамках нашего движения, у нас, ведь, есть в этом отношении один принцип, исходящий из некой космической задачи: устанавливать связи людей друг с другом как можно разнообразнее. Поэтому мы занимаемся антропософией не так, что кто-то отдельный читает лекции. Мы пытаемся объединить людей в обществе так, чтобы выстраивались также личные отношения, и эти отношения действуют

также и в сверхчувственном мире. Так что, благодаря тому, что человек здесь в рамках общества принадлежит к определённому течению, он создаёт отношения для потустороннего мира. Но приходит время, когда необходимы намного более общие связи. Приходит время, когда чувствуют одиночество души, которые прошли врата смерти без моральной душевной конституции, без моральных понятий, которые здесь в физическом бытии отрицали моральную душевную конституцию. Люди с моральной душевной конституцией, уже просто благодаря тому, что они моральные люди, здесь на Земле ценятся больше, чем безнравственные люди. Для всего земного человечества нравственный человек имеет большую ценность, чем безнравственный человек, так же, как, например, здоровая клетка желудка имеет большую ценность для человека целиком, чем больная. Невозможно подробно объяснить, в чем ценность нравственного человека для всего человечества, в чем вред безнравственного человека, но вы меня поймете. Нельзя совершенно точно показать, в чём состоит ценность морального человека для всего человечества, и в чём состоит вред безнравственного человека, но вы меня понимаете. Человек без моральной душевной конституции является больным членом человечества. Но это означает, что, благодаря этому безнравственному душевному состоянию, он делает себя для других людей всё более и более чуждым. Быть моральным означает признание того, что человек имеет связи со всеми людьми. Поэтому для всех моральных людей общечеловеческая любовь является чем-то само собой разумеющимся. Безнравственные люди в определённое время после смерти приходят к тому, что они чувствуют себя одинокими, в следствии своей безнравственности. Таким образом, есть фаза, когда от мучений одиночества нас спасает только наша моральная душевная конституция.

И так, когда мы следуем за людьми, расширяющимися после смерти в макрокосме, мы находим, что действительно встречаются безнравственные люди, которые чувствуют себя одинокими, но что моральные люди находят связь с другими людьми, которые некоторым образом имеют с ними общие моральные представления. Как здесь на Земле люди объединяются в нации или другие группы, так подразделяются и люди, живущие между смертью и новым рождением, когда мы прослеживаем за ними ясновидящим взглядом, но подразделяются они согласно общим моральным понятиям и чувствам. Люди с одинаковыми моральными чувствами объединяются в группы и живут тогда, общаясь, между смертью и новым рождением.

Затем наступает фаза развития, когда человек, даже если он обладает моральными понятиями и чувствами, чувствует себя одиноким, если ему не хватает религиозных представлений. Религиозные представления - это подготовка к общительности в сверхчувственном мире на определённой фазе жизни между смертью и новым рождением. И тут мы снова обнаруживаем, что люди, которые находятся вне религиозных отношений и чувств, обречены на одиночество. Людей с одинаковыми религиозными верованиями мы находим объединёнными в группы. Затем приходит время, когда снова оказывается недостаточным жить в какой-то религиозной общности, приходит время, когда человек снова может чувствовать себя одиноким. Это время, когда между смертью и новым рождением вообще происходит нечто важное. Это время, когда мы либо чувствуем себя одинокими, не смотря на общество с религиозными единомышленниками, либо мы обретаем понимание каждой человеческой души в её проявлении. К такому обществу мы можем себя подготовить, только обретая понимание всех религиозным вероисповеданий. Раньше, до Мистерии Голгофы, в этом не было необходимости, поскольку переживания духовного мира были иными. Но это стало необходимым сейчас. Подготовлением к этому является правильное понимание христианства. Поскольку то, что образует сущность христианства, - это, ведь, не встречается в других религиозных вероисповеданиях. Неверно ставить христианство в один ряд с другими религиозными вероисповеданиями. Определённо, отдельные христианские конфессии являются более ограниченными. Но правильно понятое христианство уже несёт в себе импульс понимания каждого религиозного направления. Ведь, как европейцы приняли христианство? Возьмите индуизм. Его может исповедовать только индийская раса. Если бы

здесь, в Европе, развилась расовая религия, то сегодня мы имели бы службу Вотану; это была бы европейская расовая религия. Европа приняла вероисповедание, которое вышло не из её собственной народной субстанции, а вероисповедание пришедшее с Востока. Было принято нечто такое, что могло действовать только посредством своего духовного содержания. Поскольку никакая расовая или народная религия не могла впитать в себя импульс Христа. Народ, видевший среди себя Христа, этого не исповедовал. В этом состоит особенность христианства: в нём заложено зерно быть универсальной религией. Нет нужды быть не толерантным по отношению к другим религиям, и всё же можно сказать: христианская миссия состоит не в том, чтобы догмы. Конечно, буддист посмеётся над верованием, которое даже не имеет учение о реинкарнациях. Он сочтёт такое вероисповедание неверным. Но правильно понятое христианство предполагает, что каждый человек является христианином в своём внутреннем существе. Если вы пойдёте к какому-нибудь индуисту и скажете: Ты индуист, а я христианин, - то вы не поняли христианство. Только когда вы сможете сказать об индуисте: В своём внутреннем существе этот индуист такой же хороший христианин, как и я сам; он просто ещё не имел никакой другой возможности, кроме как познакомиться с одним из подготовительных вероисповеданий, и ещё не вышел из него; я должен объяснить ему, где его религия совпадает с моей, - тогда вы поняли христианство. Лучше всего было бы, если бы христиане изучали индуизм и затем попытались бы развить индуизм так, чтобы индуист нашёл подключение к общей эволюции. Мы понимаем христианство только тогда, когда внутри своего сердца считаем христианином каждого человека; только тогда христианство будет религией, охватывающей все расы, все цвета, все сословия. Это христианство.

Сегодня мы вступаем в новую эпоху. То, как христианство действовало на протяжении прошедших столетий, - это больше не действует. И новое понимание христианства, в котором мы нуждаемся, должно быть ещё достигнуто антропософским мировоззрением. Антропософское мировоззрение в этом отношении является инструментом для христианства. Среди религий, появившихся на Земле, христианство является последним явлением. Больше нельзя основать никакой новой религии. Да, и эти основания тоже имели свое время. Они следовали друг за другом и в качестве последнего цветка произвели христианство. Сегодня, однако, миссия состоит в том, чтобы всё больше и больше оформлять христианство в его импульсах. Поэтому мы пытаемся более сознательно, чем раньше, с любовью заниматься всеми другими религиями на Земле посредством нашего духовно-научного движения. Поскольку так мы подготавливаемся также для того отрезка времени между смертью и новым рождением, когда мы чувствуем себя одинокими потому, что не можем воспринимать души, которые находятся вокруг нас, но к которым мы не имеем никакого доступа. Если мы здесь отрицаем индуизм, то там мы будем только ощущать присутствие индуиста, будем ощущать его бытие, но не будем иметь никакого доступа к нему.

Видите ли, этот временной пункт является одновременно тем, когда мы со своим астральным телом расширились настолько, что между смертью и новым рождением стали жителями Солнца. Мы вступаем на Солнце. Поскольку фактически мы распространяемся на весь макрокосмос, и продвигаемся тогда так далеко, что во время, когда мы нуждаемся в общечеловеческой любви, мы касаемся сущности Солнца. И эта встреча с Солнцем проявляется в следующем: во-первых это проявляется в том, что мы теряем возможность понимания всех людей, если не обрели связи с импульсом: «Там, где двое во Имя Моё, Я - среди них». Христос не имел в виду: Там, где вместе два индуиста или один индуист и один христианин, Я среди них, а: Где вместе те двое, которые имеют истинное понимание моих импульсов, там Я среди них. - Это существо до определённого пункта времени было на Солнце. Там, как бы, был его трон. Затем оно соединилось с Землёй. Поэтому мы должны пережить импульс Христа здесь на Земле, а затем принести его также с собой в духовный мир. Поскольку, если мы прибудем на Солнце без импульса Христа, то там для нас не будет ничего, кроме внесения непонятной записи в Акаша-Хронике. С тех пор, как Христос соединился с Землёй, понимание Христа необходимо обретать на Земле. Нужно принести с собой понимание Христа, иначе там Христа не найти. Когда мы будем должны развиваться на

Солнце, тогда, если мы здесь обрели понимание Христа, мы поймём то, что внесено в Акаша-Хронику. Поскольку это он оставил на Солнце. Это важно, что понимание Христа надо обретать здесь на Земле, тогда это понимание можно сохранять и в высших мирах. Некоторые вещи становятся ясными только тогда, когда человек в состоянии понять определённые отношения.

Есть теософские течения, которые не могут увидеть, что импульс Христа, словно центр тяжести, лежит в центре земного развития, начиная с которого оно устремляется ввысь. Поэтому, если приходят люди, которые говорят, что Христос никогда не мог появиться на Земле, то это то же самое, что говорили бы: Балансир весов надо подвешивать за две точки. - Такими весами, ведь, нельзя взвешивать. Насколько это было бы глупо в физическом мире, настолько глупы утверждения некоторых оккультистов о повторяющихся земных жизнях Христа. То, что человек обрёл понимание импульса Христа видно только тогда, когда этот человек в состоянии понять, что Христос является единственным богом, который прошёл через смерть и для этого он должен был спуститься на Землю.

Для того, кто обрёл здесь понимание Христа, трон по ту сторону не остаётся пустым на Солнце. Тогда он может осознать и другую встречу, которая происходит в это время: тогда к человеку подступает также Люцифер, а именно, теперь не как искуситель, а как правомерная сила, которая должна быть на его стороне, если он должен найти дальнейшее продвижение в духовном мире. Одни и те же качества губительны только в неполюженном месте. Люцифер плетёт губительные отношения здесь, в физическом мире. Но после смерти, начиная с Солнца, Люцифер должен помогать человеку. Человек должен встретить Люцифера. Он должен прокладывать свой дальнейший путь между Люцифером и Христом. Христос сохраняет его душевное со всем тем, что это душевное уже приобрело в предыдущих инкарнациях. Задача люциферической силы состоит в том, чтобы поддерживать человека в том, чтобы он также учился правомерным образом использовать силы других существ иерархий для своей новой инкарнации. Всё равно, когда достигается этот момент времени, о котором было сказано, у человека тогда возникает необходимость сначала определить, в какой точке Земли произойдет его следующая инкарнация и в какой стране. Это должно произойти уже в середине времени между смертью и новым рождением. Это даже первое, что должно произойти: чтобы место и страна, в которой будет снова воплощена человеческая душа, были определены далеко заранее.

Для этого человек подготавливается, благодаря тому, что он уже здесь устанавливает связи с духовными мирами. Но он должен быть поддержан Люцифером. Затем он берёт у определённого вида существ высших иерархий силы, которые ведут его к определённому месту и к определённому временному пункту.

Если мы хотим найти какой-нибудь яркий пример, то смотрите: Когда должен был появиться Лютер, его появление должно было быть подготовленным в восьмом-девятом столетии. Уже тогда должны были быть направлены силы в тот народ, в котором он должен был действовать. Для того, чтобы могли быть определены время и место нашего рождения, должен содействовать Люцифер. Благодаря тому, что человек несёт в своей душе Христа, он сохраняет то, что для себя выработал. Но для того, чтобы человек был зрелым ещё и для знания того, где лучше всего проявить свою карму: для этого ему должен помочь Люцифер.

Затем снова проходит некоторое время. И следующим становится - и это потрясающая деятельность, которую, за неимением других, приходится характеризовать обычными словами, - решение вопроса: Как, собственно, должна быть подобрана пара родителей со своими собственными характеристиками качеств, которая действительно должна произвести человека в определённом месте и в определённое время? Всё это должно быть определено уже задолго до этого. Но из этого следует нечто другое: что теперь высшими иерархиями, в свою очередь поддерживаемыми Люцифером, задолго до того, как родится рассматриваемый человек, уже делаются приготовления во всех поколениях. Для Лютера уже в десятом, одиннадцатом столетии должно было быть определено, каковы должны были быть его предки, чтобы среди них могли появиться подходящие родители Лютера. Физическая наука

полагает, что человек принимает свойства своих предков. В действительности же человек из сверхчувственного мира сам влияет на свойства своих предков. Мы некоторым образом сами виноваты в том, каким был наш прадед. Конечно, человек может влиять не на все свойства; но среди прочих должны всё же быть свойства, в которых мы потом нуждаемся. То, что мы наследуем от своего отца, надо вначале в него поместить.

Таким образом, вначале определяются время и место рождения. Затем выбирается линия предков. По сути, то, что называется детской любовью, является ничем иным, как выступлением того, что человек соединяется с тем, что он в продолжении столетий формировал из сверхчувственного мира. А то, что выступает как зачатие, является тем, что человек принимает тогда силы, которые содействуют формированию собственного тела, а именно, головы и общей телесной формы. Поэтому мы должны представлять себе, что с этого времени эти силы работают в основном над более глубокой структурой головы, меньше над руками и ногами, меньше также над корпусом, но над головой по направлению к туловищу. Вот что мы отчеканиваем. Затем мы продолжаем эту работу после родов. Но вначале мы интегрируем всё в астральное тело. Мы подготавливаем форму головы астрально. Это заходит даже настолько далеко, что мы можем сказать: Самым последним в эту астральную модель, которая затем соединяется с телесной формой, формируется то, что даёт затем форму черепа. Форма черепа для каждого человека индивидуальна. Вначале вычеканивается то, что является формой мозга. И то, что затем на Земле даётся путём наследственности, это, по сути то, что в состоянии посредством своей субстанции соединиться с тем, что мы принесли с собой из сверхчувственного мира. - Представьте себе то, что приходит из сверхчувственного мира, в виде чаши; вода, наполняющая её, даётся наследственной субстанцией. Одна только чистая наследственность даёт нам только то, что является, так сказать, особенностью нашей системы корпуса, более независимой от нервной и кровеносной систем. Имеем ли мы большие, сильные или слабые, тонкие кости, зависит не столько от сил, которые мы получаем от подготавливающих властей, сколько от наследственности. Индивидуальность, которая должна родиться в это время в этом месте под воздействием своей кармы, рождается от людей с крепкими костями или людей со светлыми волосами и так далее; это становится возможным, благодаря линии наследования. - Если бы физические теории наследственности были верны, люди появлялись бы на свет с ущербной нервной системой и лишь с зачатками рук и ног.

Ясновидческий взор ведёт, ведь, вначале к вещам, которые действительно полны значения. Так, я могу вам рассказать следующий случай: Мне встретился человек с водянкой головы (гидроцефалией). Он сильно отличался от всей своей семьи. Почему у него была гидроцефалия? Потому что совет высших существ с Люцифером проходил примерно так: Хорошо, должен быть рождён этот человек; вот лучшая пара родителей. Но он не может правильным образом действовать на линию предков так, чтобы он смог создать то, что может дать ему правильную субстанцию для того, чтобы голова правильно затвердела. Он должен уже во время жизни сделать мозг подходящим структуре. - Этим человеком не была найдена возможность подготовить своих предков так, чтобы голова отвердела соответствующим образом.

Всё это очень важные вещи, и мы видим в этом, как бы, технику того, как мы вработываемся в мир. Если это однажды будет правильно увидено наукой, то человек почувствует влияние высшего мира.

Если мы будем двигаться далее вместе с Люцифером и Христом, то мы вступим в правильные отношения с дальнейшим развитием.

Таким образом, в посмертной жизни надо преодолеть опасности изоляции посредством связей с другими людьми, посредством моральных связей, посредством религиозных связей. Затем работают над новым человеком, который затем должен воплотиться. Теперь имеется задача, когда вместо мира вокруг вас, вы окружены самим собой.

Когда человек проживает стадии, в которых он мог бы быть общительным человеком, но жил в одиночестве, тогда в нём возникает нечто вроде тоски по смерти. Эта тоска по смерти,

- что это такое? Это стремление к бессознательному. Но человек становится не бессознательным, а одиноким. В высших мирах мы имеем дело не с субстанциональными вопросами, а с вопросами сознания. Поэтому одиночество означает: иметь стремление к временному стиранию сознания. Оно есть для душ, у которых нет связей с другими душами. Но смерти там нет.

Как здесь человек живёт ритмически между бодрствованием и сном, так же он живёт в другом мире, уходя в себя и в общении с другими душами; жизнь в высших мирах протекает в ритмической смене общительности и одиночества. И то, как мы живём в высших мирах, зависит от того, как мы подготовились здесь, так, как я описывал выше.

На вопрос, можно ли читать также ребёнку, умершему при рождении, или рано умершему ребёнку, Рудольф Штайнер ответил:

Ребёнок является ребёнком только на Земле. Иногда ясновидческий взгляд представляет, что человек, умерший как ребёнок, является индивидуальностью, которая меньше ребёнок в духовном мире, нежели многие, умершие в восемьдесят лет. Поэтому здесь нельзя применять тот же масштаб.

Я уже однажды описывал, как следует в оккультном смысле понимать картину, которую обычно называют «Афинская школа»²⁶. Недавно я познакомился с одним из рано умерших человеческих существ. Это позволило мне в общении с ним обратить внимание на то, что осталось от этой картины в мыслях Рафаэля. Это человеческое существо указало на то, что в группе в левой передней части картины что-то действительно было закрашено. Закрашено то место, где что-то было записано. Теперь на этом месте стоит теорема Пифагора. Первоначально там был отрывок из Евангелия! - Таким образом, вы видите, что такой «ребёнок» может быть очень развитым человеческим существом, которое может привести вас к очень трудно находимым вещам.

Поэтому я хотел бы сказать, что читать можно и для рано умершего ребёнка.

Жизнь после смерти *Страсбург, 13 мая 1913 года* (по записи на слух)

Когда мы рассматриваем жизнь человека во время между смертью и новым рождением, перед нами выступает всё значение и задача спиритуального мировоззрения. Есть люди, - особенно много таких людей есть в наше материалистическое время, - которые говорят: Почему, собственно, человек должен заботиться о жизни между смертью и новым рождением, или, - если они не хотят говорить о повторяющихся земных жизнях, - о жизни после смерти, когда мы, ведь, можем подождать, пока не наступит смерть, и тогда уже увидим, что есть после смерти. Так говорят те современные люди, которые ещё не совсем утратили чувство

²⁶«Афинская школа» (итал. La Scuola d'Atene) — фреска работы Рафаэля Санти в Станца делла Сеньятура («Зале указов») Ватиканского дворца. Выдающееся произведение искусства эпохи Высокого Возрождения, или римского классицизма, начала XVI века (Википедия, прим. пер.)

духовного мира, но всё же не обладают необходимой душевной силой для того, чтобы быть в состоянии создать себе понятия и чувства о сверхчувственном мире. Такие люди говорят: Мы исполняем свой долг здесь на Земле, а потом уже сможем соответствующим образом испытать то, что ждёт нас после смерти.

Но действительные обстоятельства жизни между смертью и новым рождением показывают нам, насколько фальшивы такие высказывания и насколько важно для людей в физическо-чувственном бытии уже в этой жизни иметь связи с теми жизненными формами, которые человек должен прожить между смертью и новым рождением.

Об этой жизни очень трудно говорить словами нашего обычного языка, поскольку эти слова, ведь, созданы для того мира, который протекает между рождением и смертью, и связан с вещами этого мира. Поэтому, как правило, мы можем лишь более или менее опосредованно указывать на то, что разыгрывается между смертью и новым рождением, что, ведь, по своему существу так отличается от всего того, что можно пережить здесь между рождением и смертью. Надо представить себе, что всё, что человек здесь воспринимает в чувственном мире, что является некоторым образом его миром, не может быть его миром после смерти, поскольку тогда ему будет не хватать органов физическо-чувственного бытия. Также и разум, связанный с человеческим мозгом, после смерти прекращается. Лишь с некоторым чувством робости мы можем подходить к описанию жизни, столь совершенно отличной от жизни здесь, на Земле, и слова обычной жизни употреблять в известном смысле только сравнительным образом. Но духовная наука учит нас также соотносить слова со спиритуальным и принимать в словах то, что может вылиться также и в понимание сверхчувственного мира.

Здесь, в физическом мире, мы обозначаем как человека то физическое, которое заключено в рамках нашей кожи, всё прочее мы рассматриваем как наше окружение. То, что человек переживает, зависит от функций органов чувств, а также от сердца, лёгких и так далее. Но всё это исчезает на пути, по которому мы следуем между смертью и новым рождением. Наша душевно-духовная часть, как бы, покоится во время земной жизни в нашем физическом теле, а то живёт деятельностью названных органов. После смерти то, что покидает физическое и эфирное тела, всё больше и больше увеличивается, и приходит время, когда то, что иначе привязано к границам нашей кожи, распространяется так далеко, что наполняет собой всё пространство, описываемое орбитой Луны. Затем душевно-духовное постепенно вырастает в космическом пространстве до сферы Меркурия, Венеры, затем - до сфер Марса, Юпитера, Сатурна и даже ещё дальше. Затем оно снова сжимается и соединяется как крошечный духовный зародыш с потоком сил наследственности, который подготавливает для него физическое тело через отца и мать. Это описание совпадает с тем, что написано в «Теософии»; со сферы Марса, начинается страна духов.

Из сказанного уже следует, что все люди, которые прошли через врата смерти, вырастают в одно и то же космическое пространство, так что после смерти все мы, как бы, запиханы друг в друга. Всё же умершие люди не находятся все вместе, поскольку совместное бытие после смерти зависит от совершенно других вещей, нежели на Земле. В духовном мире мы, хотя и находимся все вместе пространственно, но в действительности мы вместе только тогда, когда имеем духовные связи с другими людьми. В качестве экстремального случая возьмём человека, который на Земле совершенно отрицал как свои мысли, так и свои чувства, относительно духовного мира. Тут надо сказать, что есть множество теоретических материалистов, которые отрицают духовный мир, но своими чувствами каким-то образом всё же связаны с духовным миром. Такие люди, которые совершенно отрицают духовный мир, в действительности едва ли бывают, и поэтому то ужасное, которое будет сейчас описано, никогда не случается полностью. Предположим, умирают два человека, хорошо знакомые друг с другом здесь на Земле. Тогда после смерти они оказываются в одном пространстве друг в друге, но ничего не знают друг о друге, поскольку для мира после смерти чувство духовного соответствует тому, чем здесь являются, например, глаза. Без глаз нет восприятия света, - без чувства для спиритуального нет восприятия духовного мира. И даже ещё более

ужасная судьба, нежели невозможность восприятия духовного мира, ожидала бы таких людей, поскольку там души, прошедшие через врата смерти, сами являются существами духовной природы, и такие души не могли бы воспринимать абсолютно ничего от душ других людей; вокруг таких человеческих душ образовалась бы зияющая пропасть. Можно было бы спросить: Что же такой человек вообще воспринимает после смерти? Он не может воспринимать также и самого себя таким, каков он есть после смерти, поскольку у него отсутствует ясное самосознание. То, что ему остаётся, будет видно из следующего.

Здесь, на Земле, мы стоим, так сказать, в какой-то точке земной поверхности и имеем внутри себя наши органы, а небесные тела имеем вне нас. После смерти все, как раз, наоборот. Человек тогда вырастает до космических размеров. Когда он вырастает до лунной сферы, тогда Луна, духовное, принадлежащее Луне, становится в нём органом и становится для него после смерти тем же, чем здесь, на Земле, для нас как физических людей является мозг. Так каждое планетное тело становится для нас после смерти одним из органов, по мере того, как мы вырастаем до его сферы. Солнце становится для нас сердцем. Как здесь мы несём в себе физическое сердце, так же мы несём в себе тогда духовную часть Солнца. Различие состоит только в том, что здесь как физические люди мы являемся совершенными людьми только тогда, когда после эмбрионального развития уже сформировали все свои органы; они, так сказать, все одновременно в наличии. После смерти мы получаем эти органы постепенно, одно за другим. С этой точки зрения мы, рассматривая внешне, тогда совершенно сходны с каким-нибудь растительным существом, которое тоже формирует свои органы постепенно. Один орган, например, который можно сравнить с нашими лёгкими и нашей гортанью, мы получаем на Марсе, и так далее.

После смерти мы вырастаем таким образом в то, от чего здесь мы оставили физическую часть, а духовная часть космических органов оказывается тогда в нас. Чем тогда для нас является внешний мир? Тем, чем сейчас для нас является на внутренний мир, тем, что мы переживаем с помощью своих органов, делающих нас физическими земными людьми, и тем, что мы сделали с помощью этих органов.

Ещё раз возьмём экстремальный случай с человеком, который не установил совершенно никаких связей с духовным миром. Для него после смерти внешним миром будет то, что он пережил на Земле посредством своих физических органов. Для такого радикального атеиста мир после смерти остаётся совершенно без человеческих душ, и он должен смотреть назад на свою земную жизнь, на то, чем был его мир, что он охватил своими делами и переживаниями. Тогда это будет его внешним миром: ни что иное, как то, что остаётся ему в воспоминаниях о людях между рождением и смертью, а это недостаточный мир для переживаний, которые нужны человеку между смертью и новым рождением. В жизни между смертью и новым рождением, когда человек находится вне границ своей кожи, жизнь между рождением и смертью видится совершенно иначе. Например, здесь на Земле мы стоим перед каким-то человеком, к которому мы ощущаем антипатию, с которым у нас был конфликт, которого мы обидели и которому причинили боль. Мы находимся в аффекте по отношению к такому человеку; мы не сделали бы этого при других обстоятельствах. Возможно, надо было успокоиться и всё забылось бы. После смерти этот человек встречается снова, но тогда вы получаете противоположность удовлетворению от этого переживания. Тогда вы чувствуете следующее: если бы мы этого не сделали, мы были бы более совершенными людьми, поэтому наша душа в этом отношении несовершенна. — Это несовершенство осталось в душе и должно оставаться с ней, пока дело не уравнивается. Если бы мы этого не сделали, мы были бы более совершенным человеком, то есть в этом пункте наша душа несовершенна. - Это несовершенство душе осталось и должно оставаться до тех пор, пока этот поступок не будет скомпенсирован. Мы смотрим не столько на поступок, сколько на недостаток в нашей души: он должен быть стёртым. Мы чувствуем это как силу внутри нас, которая заставляет нас искать возможность этот поступок снова стереть. В случае с антиспиритуальной душой прибавляется ещё и то, что она чувствует: я отделена от души, которой я причинил зло; мне придётся подождать, пока я снова встречу с ней, чтобы стереть пятно. - Оглядывания на

предыдущую жизнь даётся как ощущение необходимой кармы. В картине Акаша-Хроники другие души стоят перед нами как предупреждение; мы живём тогда чисто в таких картинах Акаша-Хроники.

Но таких экстремальных случаев, собственно, нет. Видящий, который вступает в контакт с душами умерших, может получить следующий опыт. Он находит одну из известных ему душ, вышедшую во время смерти из мужского тела. Она оставила жену и ребёнка. Душа говорит ему: Я оставила жену и ребёнка, с которыми я жила. Теперь у меня остались только картины того, что мы вместе пережили. Они на Земле, но я их там не могу найти. Я чувствую себя отделённой от них, - да, возможно кто-то из них уже умер, но и умершего я найти не могу. - Это страдание души, жившей в окружении, которое не заботилось о духовной жизни. Поэтому эти души остаются во тьме относительно духовного мира, и их невозможно увидеть из духовного мира.

Когда же видящий, напротив, находит души, оставившие в физическом мире другие души, которые здесь на Земле заботились о духовной жизни, как, например, те, кто занимается духовной наукой, то он обнаруживает, что такие души после смерти воспринимают такие другие души и могут с ними общаться. - Так называемые мёртвые нуждаются в живущих, - иначе они не смогли бы видеть на Земле ничего другого, кроме самих себя, то есть, свою собственную прошедшую жизнь. На этом основывается то благое дело, которое мы можем сделать для умерших душ, если мы им духовно читаем, - не вслух, а в мыслях, одновременно представляя перед собой умершего. Таким образом мы можем одновременно читать различным умершим, с книгой или без книги, и оказывать им этим огромную услугу. Но мысли при этом должны иметь отношение к чему-то духовному; другое не имеет для умерших никакого значения. Посредством этих мыслей мы создаём для умерших окружающий их мир, нечто такое, что он воспринимает. Мыслить химические законы или нечто подобное не имеет никакого смысла, поскольку эти законы не имеют никакого значения в духовном мире.

После смерти, в духовном мире, нельзя также изучать и духовную науку, как это, вероятно, можно было бы подумать, поскольку духовная наука всё же имеет духовные мысли. Душам, которые здесь уже что-то слышали о духовной науке, мы можем оказать большую услугу, читая им циклы. Такие души, хотя и в состоянии воспринимать духовный мир, но всё же не могут образовывать понятия и идеи, которые могут быть достигнуты только здесь.

Возьмём один пример. Есть существа, которых называют бодхисаттвами, высокие, продвинутые человеческие существа, которые снова и снова воплощаются на Земле, пока не поднимаются до бытия Будды. До тех пор, пока бодхисаттва находится в своём физическом теле, он живёт среди людей как человек, как духовный благодетель людей. Но уже на Земле у него есть особая задача, обучать не только живущих в телах, но и умерших, да, и также даже существ высших иерархий. Причина этого в том, что содержание земной теософии можно усвоить только на Земле, в физическом теле. Затем, в духовном мире им можно воспользоваться, но получить его можно только в физическом теле. Только в качестве исключения бодхисаттвы могут развить после смерти других существ, которые уже здесь приняли искры духовной жизни. Через сам духовный мир теософия не возникает; она возникает только на Земле и может затем через людей быть перенесена в духовный мир. Это можно понять, если подумать о том, что, например, животные всё видят на Земле, как и люди, но не могут этого понять. Так и сверхчувственные существа могут лишь видеть сверхчувственный мир, но не понимать его. Понятия и идеи о сверхчувственном мире могут возникнуть только на Земле и оттуда, словно свет, излучаться в духовный мир. Из этого можно понять значение Земли. Она не просто проходная ступень или долина мучений, а она существует для того, чтобы здесь могло развиваться духовное знание, которое затем может быть записано в духовных мирах.

Живое взаимодействие живых и мёртвых
Берген, 10 октября 1913 года
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Я самым сердечным образом отвечаю на любезное приветствие, только-что высказанное вашим представителем. И я убежден, что те друзья, которые приехали со мной в этот город, чтобы вместе с нашими бергенскими друзьями вести антропософскую жизнь, сердечно присоединятся к этому приветствию. Несомненно, это была прекрасная поездка сюда среди великолепных и таких дружелюбных гор, и я думаю, что наши друзья будут чувствовать себя как дома в этом старом ганзейском городе в те дни, которые они смогут здесь провести. Но не только это человеческое чудо железной дороги, по которой мы ехали, могло произвести на нас интимное впечатление, особенно в этой местности, которую редко встретишь в других частях Европы, но и то, что перед нами непосредственно выступила в своей первичной природе человеческая энергичная созидательная сила: когда видишь, как для того, чтобы произвести нечто подобное, нужно было разбить камни, как то, что сегодня производит человеческий дух, лежит рядом с тем, что создала природа, тогда приходят впечатления, которые действительно могут сделать посещение такой земли чем-то самым замечательным, что можно сегодня предпринять. В этом старом городе друзья прекрасно проживут те дни, которые нам позволено здесь находиться, и сохранят особые воспоминания о них, благодаря такому возвышенному фону пребывания. Это будут дни, которые останутся в памяти. Но в особенности они станут таковыми, потому, что нам, благодаря внешнему, физическому осмотру, было позволено убедиться в том, что здесь, в этой местности, мы можем также найти антропософские сердца, которые бьются в унисон с нашими стремлениями к духовным сокровищам человечества. Конечно, гости этого города почувствуют себя ещё ближе, ещё надёжнее связанными с теми, кто так тепло принял нас здесь.

То, что я хотел бы обсудить, поскольку мы, ведь, здесь некоторым образом собрались впервые, будет носить, своего рода, афористический характер. Мне хотелось бы обсудить некоторые вещи из области духовного мира, которые легче и лучше можно донести устно, чем изложить письменно. Легче сказать устно не только потому, что сегодня, перед лицом предрассудков мира ещё во многих отношениях, так сказать, трудно доверить написанному всё то, что хотелось бы доверить антропософски преданным сердцам, но и по той причине, что духовные истины действительно лучше передавать устно, чем вверять их письму и печати. Это особенно должно относиться и к более интимным духовным истинам. Всегда остается несколько горькое чувство, не смотря на то, что, ведь, в наше время должно быть так, что эти вещи также записываются и печатаются; всегда ущербно записывать и печатать интимные духовные истины, относящиеся к самим высшим духовным мирам. Это ущербно уже по той причине, что, ведь, написанное и напечатанное относятся к тем вещам, которые существа, о которых мы говорим, духовные существа, читать не могут. В духовном мире книги читать нельзя. Правда, какое-то короткое время после смерти книги можно читать по памяти, но существа высших иерархий наши книги читать не могут. И если вы спросите, хотят ли они научиться искусству чтения, то, исходя из моего опыта, я могу сказать, что пока они не выказывают никакого желания к этому, поскольку чтение того, что создано на Земле, они находят для себя бесполезным и не необходимым. Чтение духовными существами начинается только тогда, когда книгу прочитает человек на Земле; это значит: когда то, что стоит в книгах станет живой мыслью человека, тогда эти духи читают эти мысли человека. Всё то, что записано или напечатано, является тьмой для существ духовного мира; так что по отношению к самим этим духовным существам возникает чувство, что если нечто доверяется письму или печати, то это делается за спиной духовных существ. Это реальное чувство,

которое культурный гражданин современности, вероятно, не разделит полностью; но каждый истинный оккультист будет иметь это чувство внутреннего противодействия письму и печати.

Если мы проникнем ясновидческим взглядом в духовные миры, то особенно в наше время нам покажется особенно важным, что всё больше и больше, начиная с современности и в ближайшем будущем, начинает распространяться знание о духовных мирах, поскольку от этого распространения духовной науки многое зависит в отношении становящегося всё более и более необходимым изменения человеческой душевной жизни. Смотрите, если мы вернёмся своим духовным взором в древние времена, если мы вернёмся даже только на столетия, то мы обнаружим нечто такое, что для незнающего может стать полным сюрпризом. А именно, мы обнаружим, что общение между живущими и умершими становилось всё труднее и труднее, что ещё относительно короткое время назад живое взаимодействие живых и мёртвых было намного активнее. Когда христианин средневековья или даже христианин недавно прошедших столетий в своей молитве направлял свои мысли своему умершему родственнику или знакомому, чувства и ощущения такого молящегося, стремящегося к контакту с умершей душой, были намного сильнее, нежели сегодня. Гораздо легче чувствовала умершая душа, пронизанная тёплым дыханием любви того, кто в молитве обращался к ней видением или в мыслях, нежели сегодня, когда мы предаёмся лишь внешним образованиям времени. И мёртвые сегодня гораздо больше разделены с живущими, чем это было ещё сравнительно короткое время назад. Мёртвым сегодня намного сложнее увидеть то, что живо происходит в душах оставшихся. Причины этого лежат в эволюции человечества. Но в эволюции человечества должно лежать также и необходимость снова найти эту связь, это живое общение между живущими и умершими. В прошлые времена человеческая душа имела живую связь с мёртвыми ещё естественным образом, пусть больше и не в полном сознании, поскольку, ведь, люди уже очень давно не являются ясновидящими. В ещё более ранние времена живущие могли также ясновидчески достигать мёртвых своим взором, следить за жизнью мёртвых. Как раньше для души было естественным иметь живое общение с мёртвыми, так сегодня души могут снова найти силы для установления живого взаимодействия, общения с мёртвыми, благодаря тому, что они усваивают мысли и идеи о высших, духовных мирах. И среди практических задач антропософской жизни будет также и та, что, благодаря духовной науке, снова будет построен мост между живущими и умершими.

Чтобы мы друг друга правильно поняли, я хотел бы вначале обратить внимание на некоторые вещи во взаимодействии живущих и умерших. Я хотел бы начать с очень простого явления, которое дополню результатами духовного исследования. Души, которые иногда немного наблюдают за собой, смогут заметить у себя следующее - я думаю, что есть много душ, которые замечали это в себе: Предположим, что кто-то при жизни ненавидел другого человека или, возможно, просто должен сказать себе что этот другой человек вызывал или вызывает у него антипатию. Если этот человек, которого ненавидели или по отношению к которому испытывали антипатию умирает, - я думаю многие знают об этом на личном опыте, - то тот, кто ненавидел или испытывал антипатию к этому человеку при жизни, после его смерти чувствует, что он не может его таким же образом ненавидеть или продолжать испытывать антипатию. И если эта ненависть не превращается, то чувствительные души стыдятся этого чувства ненависти или антипатии, тянущегося за гробом. Это чувство, которое можно обнаружить у многих душ, можно проследить только ясновидчески. Во время такого исследования можно спросить себя: Почему возникает это чувство стыда в отношении собственной ненависти и антипатии, почему оно возникает, если ты ни разу в жизни ни перед кем не проявил то, что испытываешь эту ненависть?

Когда видящий следует за человеком, прошедшим врата смерти в духовные миры, и обращает свой взор на душу, которая осталась здесь на Земле, он обнаруживает, что, как правило, умершая душа обладает очень отчётливым восприятием, очень отчётливым чувством относительно ненависти оставшейся души; если выразиться образно: мёртвый видит ненависть. Это видящий может установить совершенно точно, что мёртвый видит

такую ненависть. Но мы можем проследить также за тем, что означает такая ненависть для мёртвого. А именно, такая ненависть означает для мёртвого препятствие для добрых намерений в его духовном развитии, препятствие, которое можно сравнить с препятствиями, которые мы можем найти для достижения какой-то внешней цели на Земле. Это факт в духовном мире, что мёртвые чувствуют ненависть как препятствие для их добрых, лучших намерений. И теперь мы понимаем, почему в душе, которая хоть немного наблюдает за собой, гибнет даже оправданная при жизни ненависть: потому что она испытывает стыд, когда ненавидимый ею человек умирает. Если человек не является видящим, то он, хотя и не знает, в чём тут дело, но врождённым в его душу естественным чувством замечает: мёртвый видит мою ненависть, моя ненависть даже является препятствием для его добрых намерений.

- В душе человека есть много глубоких чувств, которые можно объяснить, если подняться в духовные миры и рассмотреть духовные факты, лежащие в основе этих чувств. Как человек не хочет, чтобы наблюдали за некоторыми вещами на Земле физически, или, как человек не делает этих вещей, если знает, что за ним наблюдают, точно так же он перестаёт испытывать ненависти к человеку после его смерти, если у него возникает ощущение, что мёртвый за ним наблюдает. Любовь, или просто только симпатия, обращённая к умершим, является настоящим облегчением на его пути, она устраняет препятствия. То, что я сейчас говорю, что ненависть создаёт трудности, а любовь их устраняет, это не является нарушением кармы, как, ведь, и на Земле случаются вещи, которые мы не причисляем к карме. Когда мы спотыкаемся о камень, мы не причисляем это к карме, по крайней мере, к моральной карме. Точно так же карме не противоречит то, что умерший чувствует облегчение, благодаря любви, устремлённой к нему с Земли, или что он обнаруживает препятствия для своих добрых намерений.

Еще другое, что, я бы сказал, ещё энергичнее говорит душам в отношении общения мертвых с живыми, это то, что умершие души тоже определенным образом нуждаются в пище, правда не в той пище, которая нужна людям на Земле, а в духовно-душевной пище. Точно так же, как это соответствует тому факту, что мы, люди на Земле - я могу использовать это сравнение, - должны иметь свои поля, на которых растут плоды, благодаря которым мы физически живём на Земле, так и души мертвых должны иметь свои поля, с которых они могут пожинать определенные плоды, в которых они нуждаются в период между смертью и новым рождением. Когда ясновидческий взор следует за мертвыми душами, он видит, что таким полем для умерших являются спящие человеческие души. Это определённо не только удивляет, но и для тех, кто в первый раз смотрит в духовный мир, является в высшей степени потрясающим, видеть, как человеческий души, живущие между смертью и новым рождением, как бы, устремляются к спящим человеческим душам в поисках мыслей и идей, которые есть в этих спящих душах: поскольку ими они питаются, и им нужно это питание. То есть, когда мы вечером засыпаем, идеи, мысли, которые проходили через наше сознание во время бодрствования, начинают жить, становятся, как бы, живыми существами. И мёртвые приходят и принимают участие в этих идеях. В присутствии этих идей умершие души чувствуют себя насыщающимися. О, в этом есть нечто потрясающее, когда мы направляем свой ясновидящий взор на умерших людей, которые каждую ночь приходят к оставшимся позади спящим - к ним относятся как друзья, так и особенно кровных родственников - и хотят, так сказать, полакомиться мыслями и идеи, которые те брали с собой в сон, и не находят у них для себя ничего питательного. Поскольку есть большая разница между идеями и идеями в отношении нашего состояния сна. Если мы весь день заняты материальными идеями жизни, если мы направляем свой взгляд только на то, что происходит в физическом мире, и если перед засыпанием у нас никаких мыслей о духовном мире, а, наоборот, мы во многих отношениях поступаем иначе, нежели переносим себя посредством мыслей в духовные миры, то мы не даём никакой пищи умершим. - Я знаю области в Европе, где молодые люди воспитаны в высших школах так, что достигают, так называемую, постельную тяжесть, выпивая соответствующее количество пива. Это перенос идей, которые не могут жить по ту сторону. И когда придут души умерших, они найдут тогда пустое поле, тогда эти

души умерших чувствуют себя так, как чувствуем себя мы в своём физическом теле, когда из-за бесплодия на наших полях наступает голод. И в наше время можно наблюдать такой голод в духовных мирах, поскольку материалистические чувства и восприятия нашли широкое распространение. И сегодня, ведь, уже есть множество людей, которые находят ребячеством заниматься мыслями о духовном мире. Благодаря этому, они лишают пищи людей, которые должны её от них получить, - этого питания, этого душевного питания.

Для того, чтобы вы правильно поняли этот факт, необходимо упомянуть, что после смерти можно питаться идеями и мыслями только тех душ, с которыми вы когда-либо были связаны при жизни. От тех, с кем не было никаких связей, после смерти питаться нельзя. Если мы в наше время, чтобы иметь в душе спиритуально живое, от которого могут питаться мёртвые, распространяем духовную науку, то мы работаем не просто для живых, не просто потому, что живущие могут получить от этого теоретическое удовлетворение, а мы пытаемся наполнить наши сердца и души мыслями духовного мира потому, что мы знаем, что мёртвые, с которыми мы были связаны на Земле, после смерти должны питаться от этих идей и этих ощущений спиритуальной жизни. Мы чувствуем себя сегодня не только рабочими для, так называемых, живых людей, но и одновременно также рабочими так, чтобы духовно-научная работа, распространение антропософской жизни служили также духовным мирам. Говоря с живущими относительно их дневной жизни, посредством спиритуального душевного удовлетворения, мы создаём для ночной жизни такие идеи, которые являются плодотворным питанием для душ, которые умирают раньше, чем мы имеем карму. Поэтому мы стремимся распространять духовную науку или антропософию не только обычным путём внешних сообщений, но и, я бы сказал, что это тайно лежит в основе нашего стремления распространить эту духовную науку или антропософию в обществах, в филиалах, поскольку здесь ценно то, что те люди, которые практикуют духовную науку, собираются вместе лично, физически, в сообществе. Поскольку, ведь, я сказал, что умерший может добывать себе питание только от душ, с которыми он был связан в жизни. Мы стремимся свести вместе души, чтобы сделать поле для умерших всё больше и больше. Поскольку многие, когда они умирают, не находят такого поля из-за того, что их семьи состоят только из материалистов, находят его у душ антропософов, так как тогда они находят путь к духовной науке. Это более глубокая причина того, почему мы работаем в обществе, почему нас так заботит, чтобы те, кто умирает, перед тем как они умерли, могли познакомиться с людьми, которые ещё на Земле занимаются спиритуальными вещами; поскольку от них он может получать пищу, когда они находятся в спящем состоянии.

В старые времена человеческого развития, когда души ещё пронизывала некая религиозная, спиритуальная жизнь, религиозные общины и особенно кровные родственники были тем местом, где искали прибежища после смерти. Но сила кровного родства ослабла, и теперь она всё больше и больше должна замещаться заботой о спиритуальной жизни так, как это пытаемся делать мы. Таким образом вы видите, что антропософия может нам обещать создание нового объединения, нового моста между живущими и умершими, обещать то, что посредством антропософии мы сможем стать чем-то для мёртвых. И когда мы сегодня ясновидческим взором находим человека в жизни между смертью и новым рождением, который переживает несчастье из-за того, что те, кого он знал, включая самых близких, имеют только материалистические мысли, тогда мы убеждаемся в необходимости пронизывания земной культуры духовными, спиритуальными мыслями. Если мы, например, таким образом находим человека, который некоторое время назад умер, если мы находим его в духовном мире и если мы знали его, когда он жил на Земле, и он оставил членов своей семьи, которых мы также знали, его жену, детей, - во всех отношениях хороших людей, которые действительно любили друг друга, - и если тогда ясновидческим взором мы находим умершего отца, для которого его жена, возможно, была чем-то вроде солнца жизни, когда он возвращался домой после тяжёлой работы, то мы обнаруживаем, что он, поскольку его жена не могла иметь в своей голове и в сердце никаких спиритуальных мыслей, не может заглянуть в душу своей жены, и он спрашивает, если он в состоянии это сделать: Да, но где

же моя жена? - Он смотрит только назад в то время, когда он был с ней вместе на Земле. Но там, где он её чаще всего ищет, он не может её найти. Это также может случиться. Ведь, сегодня есть множество людей, которые полагают, что мёртвые уходят в, своего рода, ничто, которые могут думать о мёртвом - только материалистичными мыслями, - не плодотворными мыслями. При таких наблюдениях в областях жизни между смертью и новым рождением за тем, о ком ты знаешь: он ещё внизу на Земле, он любил кого-то, но он не связывает это с верой в дальнейшее существование души после смерти, как раз, в тот момент после смерти, когда человек сосредотачивает на этом большую часть своего внимания, - из-за этого желания увидеть живущего, которого он любил, - всё его видение гаснет. И этого ещё живущего нельзя найти, нельзя вступить с ним в контакт, но о нём знаешь, что он мог бы быть здесь, если бы душа этого живущего, там, внизу, имела спиритуальные мысли. Это часто встречающееся, болезненное переживания для умершего. И может случиться так - ясновидческим взором можно наблюдать, как какой-то человек умирает и находит препятствия своим лучшим намерениям, благодаря преследующим его мыслям ненависти, и не находит утешения в мыслях о любви тех, кто любил его на Земле, поскольку он не может их воспринимать из-за их материализма.

Эти законы духовного мира, которые таким образом наблюдаются ясновидческим взором, совершенно действительны. Они совершенно действительны так, как нас учит один случай, который удаётся наблюдать часто. Было поучительно наблюдать, как действуют мысли ненависти или, по крайней мере, мысли антипатии, даже там, где они проявляются не вполне сознательно! Можно наблюдать школьных учителей, которых обычно называют строгими, которые не смогли завоевать любовь своих юных учеников, - тут присутствуют, как бы, невинные мысли антипатии и ненависти. Когда один из таких учителей умирает, то видно, что и в этих мыслях, которые, ведь, остаются, имеет препятствия для своих добрых намерений в духовном мире. Ребёнок, молодой человек, часто не отдаёт себе отчёта том, что он больше не должен ненавидеть учителя, когда тот умирает, и у него естественным образом остаётся чувство того, как его мучил учитель. Благодаря таким наблюдениям, узнаёшь многое о взаимоотношениях между живыми и мёртвыми.

И я не пытаюсь, собственно, делать ничего иного, как упомянуть то, что действительно может развиваться как хороший результат духовно-научного устремления. Я имею в виду, так называемое чтение перед мёртвыми. То есть, как это обнаружилось, как раз, в нашем антропософском движении, можно действительно оказать огромную помощь душам умерших людей, когда мы читаем им о спиритуальных вещах. Это может быть сделано так, что вы направляете мысли к умершему и, для облегчения, пытаетесь думать о нём так, как это осталось в вашей памяти: стоящим или сидящим перед вами. Это можно делать с несколькими одновременно. Читают негромко, внимательно прослеживая за мыслями, всегда с мыслями об умершем: он стоит передо мной. Это чтение для мёртвых. Необязательно иметь книгу, но нельзя думать абстрактно, а нужно действительно продумывать каждую мысль: так читают мёртвым. Можно даже дойти до того, хотя это и сложнее, что если в рамках общего мировоззрения или вообще о какой-либо области жизни у вас с умершим были общие мысли и были с ним личные отношения, то можно читать также и малознакомому. Это происходит так, что он, благодаря тёплым мыслям, которые вы на него направляете, постепенно обращает на вас внимание. Так, даже бывает полезным, когда читают малознакомому умершему после его смерти. Это чтение может происходить в любое время. Меня уже спрашивали, в какое время это делать лучше всего. Это совсем не зависит от времени. Надо только действительно продумывать свои мысли. Поверхностных мыслей недостаточно. Надо проходить предмет слово за словом так, как если бы вы говорили это внутренне. Тогда мёртвые читают вместе с вами. И также неверно, когда считают, что такое чтение может быть полезным только для тех, кто при жизни соприкасался с духовной наукой. В этом нет никакой необходимости.

Некоторое время назад, возможно, даже менее года назад, одного из наших друзей вместе с его женой беспокоили каждую ночь. Они чувствовали беспокойство. А поскольку недавно

умер отец нашего друга, у него сразу возникла мысль, что его отец хочет чего-то, хочет связаться с ним как душа. И когда наш друг пришёл ко мне за советом, оказалось, что у отца, не желавшего при жизни ничего знать о духовной науке, после смерти возникла живейшая потребность узнать что-нибудь об этой духовной науке. И когда его сын со своей женой прочитали ему цикл о Евангелии от Иоанна, который я когда-то читал в Касселе, эта душа была весьма удовлетворена и почувствовала себя свободной от некоторой дисгармонии, которую она испытывала вскоре после смерти. В данном случае это примечательно потому, что речь шла о душе проповедника, который всегда представлял перед людьми свою религиозную точку зрения, но после смерти мог быть удовлетворен только возможностью участия в чтении духовно-научного рассмотрения Евангелия от Иоанна. Итак, мы видим, что человек, которому мы хотим помочь, которому мы хотим служить после смерти, не обязательно должен был при жизни быть антропософом, хотя мы, конечно, окажем ему особую услугу, если будем ему читать. Таким образом, мы видим, что человек, которому мы хотим помочь, которому мы хотим оказать услугу после смерти, не обязательно должен был при жизни быть антропософом, хотя мы, конечно, окажем ему особую услугу, если будем читать для него.

Но, если мы рассмотрим такие факты, мы научимся также вообще думать о душе человека немного по-другому, нежели делаем это обычно. А именно, что душа человека гораздо сложнее, чем мы думаем обычно. То, что разыгрывается сознательно, является, собственно, лишь небольшой частью человеческой жизни. Многие разыгрываются в бессознательных глубинах души, о которых человек в лучшем случае подозревает, но о которых в ясном дневном сознании едва ли что-то знает. И противоположное может часто разыгрываться в подсознательной жизни, - противоположное тому, что человек думает и во что он верит в сознании. Очень частый случай, когда один из членов семьи приходит к духовной науке. Брат, или муж, или жена, которые с ним связаны, становятся всё больше и больше настроены антипатично по отношению к духовной науке, выказывая гнев и ненависть, поскольку супруг или супруга, или брат, занимается этой духовной наукой. В такой семье часто развивается тогда сильная антипатия к духовной науке, так что некоторым людям приходится очень трудно, потому что хорошие друзья или родственники часто очень недовольны этим. Если изучить такие души, часто можно прийти к пониманию, что в глубинах подсознания такой души развивается глубочайшая тяга к духовной науке. Иногда такая душа больше стремится к духовной науке, чем человек, который со своим верхним сознанием является усердным посетителем духовно-научных собраний. Но смерть, ведь, срывает покров с подсознания, смерть странным образом выравнивает такие вещи. В жизни часто бывает так, что человек притуплён относительно того, что находится в подсознании, и действительно есть люди, которые, собственно, имели бы стремление, глубокое стремление к духовной науке, но они притупляют себя. Восставая против духовной науки, они притупляют своё стремление и обманывают себя относительно него. Но тем сильнее такое стремление становится после смерти. И, как раз, у тех, кто при жизни злились на духовную науку, после смерти выявляется неодолимая жажда её. Поэтому не упускайте возможность читать, как раз, таким умершим, которые при жизни боролись с духовной наукой! Возможно вы окажете им этим огромнейшую услугу.

Вопрос, который очень часто возникает в связи со всем этим, следующий: Хорошо, но как узнать, может ли умерший вас действительно слышать? Ну, без ясновидческого взора знать это сложно, хотя постепенно, если вы занимаетесь общением с мёртвыми, однажды вас настигнет чувство: мёртвый слышит. Этого чувства не будет только в том случае, если вы будете невнимательны и не обратите внимания на некое своеобразное тепло, которое часто распространяется при чтении. Можно действительно достичь такого чувства. Но если этого сделать нельзя, дорогие мои друзья, то надо сказать, что, ведь, и в этом случае по отношению к духовному миру необходимо применить правило, которое нужно часто учитывать. Это правило следующее: Да, если мы читаем умершему, то мы принесем ему пользу при любых обстоятельствах, если он нас услышит! Если он нас не слышит, то, прежде всего, мы

исполним свой долг в достижении того, чтобы он нас всё-таки услышал, иначе, однако, мы приобретём хоть что-то, наполняясь мыслями и идеями, которые, ведь, непременно будут пищей для мертвых выше указанным образом. То есть, мы при любых обстоятельствах ничего не потеряем. Но практика показывает, что такое слушание того, что зачитывается, действительно необычайно распространено среди мёртвых, что можно оказать огромную услугу тем, кому мы зачитываем таким образом то, что получено сегодня из духовной мудрости.

Так мы можем надеяться, что с распространением духовной науки в мире стена, разделяющая живущих и умерших, будет всё ниже и ниже. И воистину, это будет прекрасный успех духовной науки, как бы парадоксально это ни звучало, когда в будущем люди узнают, но узнают практически, не только теоретически: когда проходят через, так называемую, смерть, это, собственно, лишь изменение переживания, и мы вместе также и с мёртвыми; им можно даже позволить принимать участие в том, в чём мы сами участвуем в физической жизни. Мы получим неверное представление о жизни между смертью и новым рождением, если поставим следующий вопрос: Хорошо, зачем мёртвым читать? Разве, исходя из своего собственного видения, они не знают то, что можно прочесть здесь на Земле, разве они не знают это лучше нас? Правда это может спросить только тот, кто не в состоянии вынести суждение о том, что можно узнать в духовном мире. Видите ли, можно, ведь, и в физическом мире быть без знания опыта физического мира. Если человек не в состоянии вынести суждение относительного того или иного, то у него не будет и знания о физическом мире. Ведь, и животные живут вместе с нами в физическом мире, и всё же не знают о нём того, что знаем мы, люди. То, что мёртвый живёт в духовном мире, ещё не означает, что он что-то знает об этом духовном мире, хотя он может смотреть на него. То, что добывается из духовной науки, добывается как знание только на Земле, и оно может добываться только на Земле, этого не получить в духовном мире. Поэтому, если это должно быть познано существами в духовном мире, то они должны узнавать это через тех существ, которые сами узнают это на Земле. В том и заключается важная тайна духовных миров, что в них можно находиться, можно смотреть на них, но то, что необходимо как знание о духовных мирах, должно быть приобретено на Земле.

Да, мои дорогие друзья, я должен сказать вам некоторые вещи о духовных мирах, которые во многих отношениях будут звучать дальше и будут объяснены в нашем завтрашнем рассмотрении, и о которых обычно не имеют верного представления. Когда человек живёт в духовном мире во время между смертью и новым рождением, он направляет свои желания на наш физический мир примерно так же, как физический человек здесь определенным образом направляет свои желания на духовный мир. И чего человек между смертью и новым рождением должен ожидать от людей на Земле, так это того, что эти люди покажут ему с Земли то, что можно приобрести только на Земле. Воистину Земля была создана в спиритуальном мировом бытии не просто так. Она была призвана к жизни, чтобы могло возникнуть то, что возможно только на Земле. Познание духовного мира, выходящее за рамки созерцания духовных миров, за рамки смотрения на духовные миры, возможно только на Земле. И если раньше я говорил, что духовные существа духовных миров не могут читать наши книги, то теперь я должен сказать: То, что живёт в нас как духовное знание, является для духовных существ, а также для наших собственных душ после смерти, тем же, чем для физического человека здесь, на нашей Земле, являются книги, чем для физического человека является то, посредством чего он узнаёт нечто о мире. Только эти книги, какими мы сами являемся для мёртвых, живые. Почувствуйте эти важные слова, что мы, в каком-то смысле, должны преподать умершим лекцию! Ведь, наши книги в некотором отношении более терпеливы, наши книги, например, не глотают буквы в бумагу, пока мы их читаем. Мы же часто лишаем умерших объяснений, благодаря тому, что наполняем себя лишь тем, что действительно невидимо в духовных мирах, - мыслями о материальном. Я должен это сказать, поскольку часто возникает вопрос, не могут ли мёртвые сами знать то, что мы им

может дать. Нет, они этого знать не могут, поскольку духовная наука может быть основана только на Земле, и оттуда должна быть перенесена в духовные миры.

И если мы теперь сами вступим в духовные миры и немного испытаем эту жизнь в духовных мирах, то нам предстанут там совсем другие условия, нежели здесь в физической жизни на Земле. Поэтому также так чрезвычайно трудно внести эти условия духовных миров в человеческие слова и человеческие мысли. И поэтому иногда звучит так парадоксально, когда пытаешься говорить конкретно об условиях в духовных мирах. Видите ли, тут я мог бы рассказать вам об одном существе, чтобы выбрать хотя бы одно, об одной умершей человеческой душе, с которой мне удалось исследовать некоторые вещи в духовном мире, поскольку она имела особые знания о художнике Леонардо да Винчи, а именно о том, как выглядела знаменитая картина в Милане. Если вы вместе с такой душой исследуете какой-то духовный факт, то такая душа может указать вам на многие вещи, которые иначе, просто ясновидческим взглядом, вы не смогли бы найти в Акаша-Хронике. Но человеческая душа, находящаяся в духовном мире, может указать на это. Она сможет, однако, указать на это, только если вы понимаете то, на что она хочет указать. Предположим, вместе с такой душой исследуется то, как Леонардо да Винчи создал свою знаменитую «Тайную Вечерю» в Милане. Из того, чем сегодня является эта картина, видно едва ли больше, чем некоторые цветные пятна. Но можно наблюдать за пишущим эту картину Леонардо да Винчи в Акаша-Хронике, можно наблюдать, какой была эта картина, хотя это и нелегко. Если вы сделаете так, что вы проводите исследование вместе с душой, которая не воплощена, но имеет связь с Леонардо да Винчи и его творчеством, вы увидите, что эта душа показывает вам то или иное. Она могла бы, например, дать понять, как, собственно, выглядело лицо Христа, или Иуды, на этой картине. Но вы заметите, что эта душа не смогла бы показать это, если в тот момент, когда она это показывает, отсутствовало бы понимание в душе живого исследователя. Душа нуждается в этом понимании. А сама мёртвая душа учиться понимать то, на что иначе только смотрит, лишь в тот момент, когда живая человеческая душа позволяет себя учить. Поэтому после того, как человек узнал вместе с такой душой то, что можно узнать, та говорит ему (выражение, конечно, символическое): Ты привёл меня к этой картине - это говорит душа живому, благодаря тому, что у живого есть потребность исследовать эту картину - и теперь я чувствую желание рассмотреть вместе с тобой эту картину. - Так говорит мёртвая душа, и затем проделываются всякие вещи. Но затем приходит момент, когда мёртвая душа либо неожиданно исчезает, либо говорит, что ей пора уходить. В том случае, о котором я рассказываю, мёртвая душа, например, сказала: В то время как до сих пор душа Леонардо да Винчи была рада заглянуть сюда, теперь она больше не желает, чтобы это исследование продолжалось.

Этим я хочу показать вам нечто очень важное из духовной жизни. А именно: как в физической жизни всегда знаешь на что смотришь, как знаешь: я вижу то или иное, я вижу розу, стол, - так в духовной жизни всегда знаешь: то или иное существо смотрит на тебя. Вы проходите через духовные миры и всегда имеете чувство: сейчас на тебя смотрит это существо. В то время как в физическом мире присутствует сознание, что идёшь по миру воспринимая, в духовном мире имеешь переживание: сейчас на тебя смотрит то или иное существо. Ты всё время чувствуешь на себе чьи-то взгляды, которые, однако, одновременно приводят тебя к решению сделать то или иное. Когда знаешь: на тебя смотрят благосклонно или неблагосклонно, чтобы ты что-то делал или нет, и ты соответственно это делаешь или не делаешь. Точно так же, как вы тянетесь к цветку, который вам нравится, потому что вы его увидели, так и в духовном мире вы делаете что-то потому, что какому-то существу нравится это видеть, он смотрит на это с удовольствием, или вы не делаете этого, потому что не можете вынести взгляда, который направлен на это действие. Это то, что вам обязательно надо усвоить. Там у вас возникает ощущение, что на вас самого смотрят, точно так же, как здесь у вас есть чувство, что смотрите вы. То, что там, в некотором смысле, пассивно, здесь активно, а то, в свою очередь, что там активно, здесь пассивно. - Из этого видно, что если вы хотите правильным образом понять описания из духовного мира, нужно усвоить совершенно

другие понятия. И поэтому вы поймёте, насколько это трудно, обычными человеческими словами выразить то, что так хотелось бы дать в виде представления о духовных мирах. Поэтому вы поймёте, насколько для многих вещей вначале необходимо подготовительное понимание.

Я хотел бы обратить внимание ещё на следующее. Может возникнуть вопрос: Хорошо, почему же духовно-научная литература представляет в основном то, что происходит в духовном мире непосредственно после смерти, что происходит в Камалоке, в земле духов, и так мало представляет отдельные ясновидческие видения? Поскольку, ведь, кто-то мог бы легко предположить, что отдельных, определённых умерших наблюдать после смерти легче, чем то, что описывается в общем. Это не так. И чтобы объяснить, как обстоит дело, я бы хотел использовать одно сравнение. Правильно развитому ясновидению легче охватить взглядом крупные события, - такие, как прохождение человеческой души через смерть, то, как он проходит через Камалоку в Девахан, - чем какое-либо отдельное переживание отдельной души. Так же, как в физическом мире легче узнать то, что, так сказать, стоит под влиянием больших небесных движений, и сложнее узнать то, что, некоторым образом, относится к нерегулярным небесным движениям. Так, каждый из вас сможет предсказать для завтрашнего дня, что солнце встанет утром и зайдёт вечером. Это знает приблизительно каждый. Но какая погода будет завтра, точно знают лишь немногие. Так же обстоит дело и с ясновидением. Условия, которые мы обыкновенно приводим в наших описаниях духовных миров, можно сравнить со знанием об общем ходе небесных тел; в ясновидческом сознании они становятся известными прежде всего. И можно всегда рассчитывать на то, что события в целом будут происходить именно так. Но отдельные события в жизни между смертью и новым рождением подобны погодным условиям здесь, на Земле, - они, конечно, тоже закономерны, но распознаются сложнее даже на самой Земле; поскольку, ведь, не с каждого места можно узнать, какая погода в другом месте. Тут ничего не поделаешь. Здесь трудно узнать, какая погода в Берлине, но не то, как там стоят Солнце или Луна. Это требует особого развития дара ясновидения, так как проследить отдельную жизнь после смерти труднее, чем общий ход человеческой души. И при правильном развитии сначала приобретаются знания об общих условиях, и в последнюю очередь, посредством обучения, приобретается то, что кажется самым лёгким. Можно уже долгое время правильно видеть относительно Камалоки и Девахана, и всё же испытывать трудности с видением того, сколько часов показывают собственные часы, лежащие в кармане. Вещи в физическом мире для ясновидческого обучения самые трудные. Как раз, противоположное касается обучения познанию высших миров. Заблуждения в этой области возникают по той причине, что, ведь, есть также и естественное ясновидение, и хотя последнее ненадёжно и подвержено множеству ошибок, оно долгое время может иметь место без ясновидения общих условий, которые представлены в духовной науке и которые легче для обученного ясновидящего.

Это вещи, которые я хотел вам сегодня представить относительно духовных миров. Завтра мы продолжим это рассмотрение и немного его углубим.

Преобразование человеческо-земных сил
в силы ясновидческого исследования
Берген, 10 октября 1913 года
ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Когда мы постепенно погружаемся в духовно-научные познания, могут возникать вопросы о том или ином; возникают правомерные вопросы о многих вещах. Сегодня мы

заполним часть наших рассматриваний тем, что мы поставим такие вопросы самим себе. Ответы на такие вопросы часто способствуют более глубокому проникновению во все отношения мировых вещей, насколько на эти факты воздействует духовный мир, а именно, в отношении фактов самой человеческой природы. Один из вопросов может звучать так: Когда мы постепенно приходим к признанию важности и огромного значения, так называемой, реинкарнации, можно спросить: Хорошо, как же получается так, что в обычной жизни человек в наше время не может достичь сознания прошлых земных жизней? Ведь, ясновидческое сознание может, как бы, расширить память настолько, что в ней действительно в качестве воспоминаний будут всплывать картины прошлых жизней. Но в обычной жизни сегодняшнего человечества, ведь, дело обстоит так, что сознание более ранних земных жизней отсутствует. Если теперь поставить этот вопрос, как бы, с точки зрения ясновидческого исследования, то он примет следующий вид. Ведь, ясно, что сила, необходимая для ясновидческих исследований, исходит, собственно, изнутри человека, из самой его души. Человек развивается в направлении от обычной человеческой точки зрения к ясновидческой: поэтому силы, с помощью которых впоследствии можно оглянуться на предыдущие земные жизни, должны, ведь, присутствовать в каждом человеке. Вопрос теперь следующий: Что же происходит с этими силами, что с этими силами, которые имеются, которые рождаются вместе с человеком, и всё же не приводят человека к воспоминанию прошлых земных жизней, делает человеческая природа?

Если исследовать этот вопрос ясновидческим образом, направив взгляд на те силы, которые тут входят в рассмотрение, то это рассмотрение надо направлять уже на ранний детский возраст. Поскольку тогда эти силы, которые могут быть использованы при ясновидении для обзора более ранних земных жизней, впервые видны в работе. А именно: эти силы для сегодняшнего человечества используются для формирования человеческой гортани и всего того, что с этим связано. А точнее, они используются для всего того, что позднее делает гортань способной учиться речи. Таким образом, силы, позволяющие видеть прежние земные воплощения, находятся в каждом человеке. Но сегодня они используются для формирования у человека органов речи, и при нормальных условиях человек не может иметь эти воспоминания. Правда, были прежние земные времена, когда люди такие воспоминания имели. В прежние времена такие воспоминания люди имели по всей Земле. Но это объясняется тем, что не все силы, используемые для формирования органов речи, были потеряны для видения ранних земных жизней, поскольку при формировании органов речи, ещё оставались определённые силы. Развитие человечества проходило так, что речь постепенно приобрела тот вид, который в современном цикле использует гораздо больше сил, а именно, сил эфирного тела, нежели в более ранние времена. Поэтому сегодня человек совсем не доходит до того, чтобы учитывать те оставшиеся силы, которые были по большей части использованы для формирования органов речи. Если бы он это делал, как это, ведь, должен делать ясновидец, то он видел бы прежние земные жизни. Поэтому случается то, на что я указывал также в публичной лекции «Загадка жизни»: Когда человек развёртывает деятельность эфирного тела, которая иначе развёртывается только в усилиях органов речи, когда из органов речи высвобождаются силы речи, когда он приходит к тому, чтобы быть способным, как бы, внутренне слушать себя, не говоря внешним образом, и чувствуя это все больше и больше, тогда упражнения с этими силами пригодно для того, чтобы действительно создать память о предыдущих земных жизнях. В сегодняшнем человечестве люди вообще не обращают внимания на этот остаток сил формирования речи, который может быть использован для видения прежних земных жизней. Это тот случай, когда посредством ясновидческого исследования можно доказать, куда в нормальной жизни расходуются силы, которые иначе делают человека способным видеть духовную жизнь.

Так же обстоит дело и с силами, которые у сегодняшнего человека используются для производства, так называемой, серой субстанции мозга, являющейся в основном органом мышления. Это мышление, конечно, не нечто такое, что производит мозг, но мозг необходим как инструмент, чтобы мыслить. И те силы мысли, которые бы позволили человеку, если бы

они были полностью в его распоряжении, легко прийти, например, к тому, что стоит в моей «Тайной науке», - эти силы, которые позволяют легко прийти к сказанному в «Тайной науке», используются сегодня нормальными людьми для того, чтобы соответствующим образом дифференцировать серую субстанцию мозга. Этой дифференциации серой субстанции мозга ещё не было в такой степени, как это есть сегодня у среднестатистического человека, у людей древней Греции в шестом или пятом столетии. В этом отношении человек изменяется гораздо быстрее, чем думают. Зато для греков доисторического времени, десятого, одиннадцатого, двенадцатого столетий, в определённом возрасте было совершенно само собой разумеющимся, что у них раскрывалось ясновидение, что сегодня, в свою очередь, можно представить как тайную науку. И силы, которые у кого-то всё же ещё остались после проработки серой субстанции мозга, нужно использовать для упражнений так, как это было описано, чтобы в чистом, ясном виде охватить то, что, например, написано в моей «Тайной науке». На чём основывается то, что описано в этой книге? Условий для описаний из духовного мира, собственно, и сегодняшними людьми достичь не так уж трудно. Хочется сказать, можно только удивляться тому, что сегодня не так уж и много людей приходят к видению эти условий вполне самостоятельно, - и можно было бы удивляться, что эти описания встречают такую сильную враждебность. Поскольку относительно нетрудно достичь того уровня ясновидения, который необходим для понимания этих вещей. Необходимо лишь делать следующее, хотя по отношению к этим вещам можно применить слова Фауста: «Хотя это и легко, да легкость трудна».

Развитие мозга в первые годы человеческой жизни является самым живым, самым активным; тут ясновидчески видно, что эфирное тело, а также астральное тело, в наибольшей степени задействованы в организации мозга. Но эта работа над нашим мозгом длится ещё относительно долго. И сказано немного, когда полагают, что человек действительно, - хотя в более поздние годы это и происходит медленнее, - благодаря жизненному опыту, становится всё умнее и умнее. Над субстанцией мозга всегда происходит какая-то работа. Но не наблюдается следующее, и что, ведь, также не может наблюдаться: Если вы решаетесь в один определённый год не заниматься какой-либо любимой духовной деятельностью, которой вы занимались, - но это всё же должно относиться только к внешним условиям, поскольку серая субстанция организуется посредством них, - духовной наукой это, конечно, быть не может, если вы не изучаете её так же, как какую-нибудь другую науку, - и всё же, если вы решаетесь в продолжении семи лет не заниматься какой-то любимой деятельностью, и это действительно выполняете, строго выполняете, и пытаетесь в спокойной медитации пробудить сэкономленные таким образом силы, которые, будь их деятельность продолжена, использовали бы как-нибудь иначе, но теперь сохранены, изолированы: тогда сравнительно легко, по крайней мере с высокой вероятностью, можно самому прийти к познанию тех вещей, которые описаны в моей «Тайной науке». То, что к этому пришло так немного людей, указывает только на то, что так мало было выполнено действий в этом направлении. Они действительно не выполняются, поскольку те, у кого действительно есть любимое занятие, редко полностью отказываются от него на целые семь лет.

Таким образом, вы видите, что часть того, что может быть сегодня сообщено, достичь сравнительно легко. Если вы посмотрите на нашу сегодняшнюю культуру со всеми её огромными достижениями, вы совершенно не удивитесь тому, что на проработку мозга используется так много сил эфирного тела, поскольку, ведь, эта внешняя культура почти полностью является результатом работы мозга, тут эти силы полностью идут на проработку мозга. Теперь кто-то может сказать: Ну, хорошо, но я, ведь, не принимал участия в этой культурной работе, я совсем ничего для неё не делал! - Кто-то действительно может так считать, но это не так. Сегодня на Земле едва ли можно найти такое отдалённое от всего остального место, куда внешняя культура не проникала бы так далеко, что мышление человека не принимало бы участия в этой внешней культуре. И этого уже достаточно, чтобы отвлечь силы от того, что можно было бы назвать: достижение ясновидческого сознания.

Конечно, кто-то может сказать: Но дикари, ведь, не занимаются тем, что так организует мозг, однако, сегодня и о дикарях нельзя сказать, что они развивают какие-то особые ясновидческие силы в этом направлении. - Это так, поскольку есть совершенно определённый духовный закон. А именно: то, что можно таким образом достичь сегодня ясновидчески, должно иметь определённое подготовление. Дикари могли бы, возможно, развивать совершенно другие ясновидческие силы. Но ясновидческие силы, которые необходимы для видения того, что описано в моей «Тайной науке», дикарь развить не может, поскольку он для этого не подготовлен. Поскольку эти силы должны, в свою очередь, быть обращением других сил. Вы, например, можете сказать: Но многие люди, ведь, сэкономили то, что у меня было как любимое занятие. Почему же они не стали ясновидящими? - Потому, что развитие ясновидческих сил не появляется из ничего, а появляется посредством обращения того, что есть. Необходимо уже иметь развитыми силы в определённом направлении, необходима предыстория той интеллигенции, которая является сегодня культурной интеллигенцией; необходимо на какое-то время отказаться от этих сил, тогда они будут, как бы, обращены. И, благодаря этому, возникает то, что делает вас способными ясновидчески проследить факты, описанные в «Тайной науке». А именно, при таких описаниях используются те силы, которые в нормальном человеческом развитии преимущественно наделяют мозг способностями к более высокой интеллектуальной деятельности. Напротив, то, что не достигает этих общих, широких точек зрения, как это описано в «Тайной науке», а достигает, скорее, видение отдельных обстоятельств, достигается обращением других человеческих сил и способностей. Способность, например, видения предыдущих земных жизней достигается за счёт сохранения определенных сил, которые в противном случае полностью используются для развития речевых органов, как я это описал.

Больше всего для того, чтобы проникнуть в духовные миры, человеку мешают определённые силы, на которые обычно вообще не обращают внимания. Я сейчас привёл две силы, которые делают человека способным ясновидчески проникать в духовные миры. Я указал на силы, применяемые сегодня для организации серой субстанции мозга; но те силы, которые делают человека способным видеть предыдущие земные жизни, это силы, имеющие дело с формированием речи. Но есть и другие силы, позволяющие человеку видеть больше в деталях то, что происходит между смертью и новым рождением, видеть то, что делает там отдельный человек. В «Тайной науке» описано, скорее, общее. Здесь же имеется нечто другое: действительное видение духовного мира; для этого, в свою очередь, необходимы другие силы, на которые в жизни едва ли обращают внимание. Есть нечто такое, для чего человеку приходится использовать очень много сил: это то, что он в продолжении всей своей жизни не ползает на четвереньках, а выпрямляется. Силы, делающие человека существом, занимающим вертикальное положение, - это силы, которые наполняют того, кто проникает в духовный мир, особым почтением. Смотреть на то, как ребёнок учится ходить, представляется тому, кто занимается ясновидческим исследованием, чудесной мистерией. Силы, которые используются для того, чтобы встать как ребёнку, остаются - но этот остаток учитывается слишком мало - от тех сил, которые позволяют видеть мир между смертью и новым рождением. Особенно если вспомнить, - есть и другие пути, но это один из них, - как вы учились ходить, какие усилия требовались для этого: тогда вы откроете в себе силы, которые вы сэкономили в своём эфирном теле. Поскольку при этом он должен проявлять усилия. Если искать в себе эти силы, которые тогда были сэкономлены, - они, ведь, есть в каждом человеке, - тогда на этом пути можно многое извлечь из человека из того, что делает его способным заглядывать в жизнь, которая протекала между его последней смертью и новым рождением.

Вы можете спросить: Как же это сделать? Если нам повезёт с продолжением нашего антропософского движения, мы постараемся - начало уже положено - отыскать эти силы. Если всё идёт хорошо, то эти силы пробуждаются обычно лишь после семи лет; но начало уже есть, и это начало находит в человеческой природе своё продолжение. Обычно эти

экономленные силы остаются без внимания. Теперь человек может стимулировать осознание в себе этих сил посредством того, что он упражняется в определённом, естественного рода, танце. Конечно, они могут быть вызваны и через медитацию, но, уже почти год у нас в определённых кругах практикуется на основе движений эфирного тела, так называемая, эвритмия. Это не что-то вроде обычного рода гимнастики и танца, - что, собственно, ни к чему особенному не приводит, - а это движения, даваемые полностью в смысле движений эфирного тела. Благодаря этим движениям, человек постепенно начинает осознавать эти, ещё оставшиеся в нём силы; эти силы открываются ему посредством этих свободных танцевальных движений. И так постепенно создаются основы, которые пробуждают то, что в человеке есть в виде силы, чтобы действительно видеть те духовные миры, которые лежат между последней смертью и новым рождением.

Так духовная наука вполне практически может работать над человеческой культурой. И можно убедиться, что постепенно духовная наука будет не останавливаться просто на том, чтобы абстрактно обучать отдельным истинам, а она будет также так влиять на человека целиком, так что силы, которые сегодня дремлют, будут пробуждены, так что человек действительно будет учиться достигать духовного ощущения жизни. Это странные вещи, которые тут надо сказать, но их надо сказать: Если открыть силы, которые остались у кого-то при обучении ходьбе, то они дадут способности ясновидчески смотреть на миры, в которых живут между смертью и новым рождением. Посредством медитации это, ведь, также возможно, но эта медитация должна тогда проходить так, чтобы она также стала чувством. Чувства, однако, посредством медитации образовывать, собственно, труднее всего. Таким образом, должны быть найдены силы, делающие человека способным видеть мир между смертью и новым рождением. А именно, должны быть найдены силы, посредством которых можно видеть то, что происходило за долгое время до рождения. В этой области лежит многое из того, что только и делает жизнь понятной. Например, на нас обрушивается какое-то несчастье. Вначале у нас есть только ощущение: это несчастье. Мы переносим это трудно. Но если бы мы знали, почему за десятилетия, даже за столетия до рождения, мы всё устроили так, чтобы нас постигло это несчастье, то многое мы переносили бы гораздо легче! Так как мы бы знали, что это несчастье является экзаменом для того, чтобы мы стали совершеннее. Но мы переживаем и многое другое, когда заглядываем, как раз, в ту часть духовного мира, в которой, как бы, проходит подготовка для настоящей жизни.

Общие условия я здесь описывать не буду, их вы найдёте в моих книгах. Но я хотел бы на некоторых примерах показать, как жизнь до рождения влияет на жизнь после рождения. Видите ли, как бы ни странно это ни звучало, когда мы переваливаем за середину нашей жизни между смертью и новым рождением, - не правда ли, между смертью и новым рождением, ведь, обычно протекают столетия и там, конечно, есть середина, - тогда внутренняя жизнь души в духовном мире ориентируется прежде всего вниз, на Землю. И когда человек живёт после этой середины, он получает всё больше и больше впечатлений от того, что происходит там внизу, на Земле, от того, что там люди думают и чувствуют; и для каждой души это происходит так, что она получает совершенно определённые впечатления. Например, какая-то душа может привыкать во второй половине своей духовной жизни к своему новому рождению и всё больше и больше обращать внимание там внизу на тех людей, которые, скажем так, подготавливают там внизу более поздний временной период: духовно действенных людей. Некоторые из этих духовно действенных людей становятся для этой души особенно ценными. Да, бывает так, что из духовного мира человек особенно выделяет одну или две фигуры, которые деятельны на Земле. Какой-то человек, например, рождённый во второй половине 19-го столетия, был, скажем, в начале 19-го столетия и во второй половине 18-го столетия в духовном мире; но он смотрит вниз на важных людей, которые оказывали тогда влияние на культуру. Некоторых из них он находит особенно ценными, они ему особенно нравятся. Это одно, что человек тогда переживает: что он смотрит на людей, которые развиваются там, внизу. Но в то время как он смотрит так на них сверху, он также оказывает на них своё влияние, - только, конечно не так, что этим он

ущемлял бы их свободу; он оказывает влияние так, что определённые вещи, которые живут в их душах, появляются легче, благодаря тому, что на них смотрит из духовная мира какая-то душа. Так земные люди стимулируются к действию, к деятельности, душами, которые лишь позднее будут рождены как земные люди и которые смотрят на них сверху. Так может происходить в других, а также более интимных вопросах.

Например, произошёл такой случай, что некто жил как душа в духовном мире в 18-ом и первой половине 19-го столетия и взял за свой идеал одного выдающегося человека из земного мира: как же он тогда хотел походить на него, подражать ему после своего рождения; он смотрел, например, книги такого человека, которому хотел подражать после рождения. То есть, человек с определённой тоской, с определённым внутренним побуждением смотрел с небес вниз на Землю, так же, как - правда, с несколько другим чувством - живой человек с тоской смотрит на небеса, на потустороннее. Только, когда некто как земной человек смотрит на небеса без духовно-научным познаний, они остаются довольно неопределёнными. Человек же на небесах, то есть, тот, кто живёт в духовном мире, имеет ту особенность, что земные обстоятельства, или человеческую душу, которую он особенно чтит, чьи тексты, возможно, хочет прочесть, он видит из духовного мира с особой точностью. Короче говоря, во второй половине своего духовного бытия между смертью и новым рождением, человек знакомится с деталями человеческих душ, учится смотреть в души. И мы сами, живущие сейчас, можем осознавать, что там наверху в духовном мире живут души, ожидающие в ближайшие десятилетия своего рождения, которые жадным взглядом смотрят в наши души, ища в них то, в чём они нуждаются для своей подготовки к земному миру. В это время своей духовной жизни они видят наши души так же точно, как неточно земной человек видит свои небеса. Это, опять же, образ, который показывает нам, как мы, после хотя бы небольшого знакомства с духовным миром, действительно приходим к ощущению: За нами наблюдают. Поскольку мы во многом такие. На наши души обращены взгляды духовных существ, а особенно тех, кто должен родиться. Из этого мы видим, что духовная наука и в этом отношении не даёт человеку ничего плохого, поскольку, благодаря ей, человек призывается быть достойным того, что в его душе наблюдают ещё не рождённые души.

Правда, когда ясновидческое исследование занимается этим, оно переживает значительные, часто потрясающие вещи. И к действительно потрясающим вещам относится то, что когда в духовном мире смотришь на души, которые собираются родиться, видишь, как они смотрят вниз на Землю, чтобы увидеть тех, кто мог бы быть их родителями. Для прежних времён это было даже ещё более важным; для нашего времени это стало уже не так важным. Но это ещё относится к самым потрясающим событиям, наблюдать такие души. Поскольку тогда можно получить самые разные впечатления. Вот одно впечатление, которое я хотел бы описать согласно действительности.

Душа, готовящаяся к воплощению, знает, например, что для следующей земной жизни ей необходимо определенное воспитание, определенный род знаний, которые она должна усвоить в ранней юности. Но теперь она видит: да, здесь и там я могу найти возможность получить такие знания. - Но зачастую это возможно только в том случае, если человек откажется от пары родителей, которые могли бы обеспечить ему счастливое существование в других отношениях, и выберет пару родителей, которая, возможно, не сможет дать ему счастливую жизнь. Если бы он предпочёл другую пару родителей, он должен был бы сказать себе: Как раз, самое важное ты ты с ними достигнуть не сможешь. - Не все обстоятельства духовной жизни можно представлять себе такими уж отличными от земных. Так, можно видеть души, которые перед рождением находятся в ужаснейшей борьбе; например, можно видеть душу, которая говорит себе: возможно, в юности со мной будут жестоко обходиться грубые родители. - Когда такая душа оказывается в таком положении, её одолевает ужасная внутренняя борьба. И в духовном мире можно видеть множество душ, готовящихся к рождению, которые испытывают эту ужасную борьбу. К тому же надо принять во внимание то, что в духовном мире человек имеет такую борьбу как, своего рода, внешний мир перед собой. В духовном мире то, что я сейчас описываю, является не только внутренней душевной

борьбой, не только борьбой души (des Gemütes), а эта борьба проецируется вовне, и человек имеет её, так сказать, вокруг себя. Можно со всей образной наглядностью видеть имажинации, которые нам представляют, как эти души должны внутренне расщеплёнными направляться к своей следующей инкарнации. Если мы проведём перед своими глазами эти обстоятельства, то, конечно, легко сможем прийти к мысли, почему так много людей совершенно не терпят духовную науку. Поскольку большинство людей любило бы её, если бы правдой было то, что после смерти человек тут же погружается в блаженство на все времена. Но это не так. И это хорошо, что вещи таковы, каковы они есть, поскольку при таких обстоятельствах мир достигнет ту степень совершенства, которую он должен достигнуть.

Заглядывать в собственную или чужую жизнь в духовном мире мы становимся способными, благодаря силам, странным образом сэкономленным эфирным телом при обучении ходьбе. Но эти силы, когда они действительно развиты, имеют определённое преимущество, - это показывает практическое ясновидение, - преимущество перед теми ясновидческими силами, которые развиты для заглядывания в предыдущие земные жизни. Я прошу вас обратить внимание на эту разницу, поскольку она во многих смыслах проясняет многое.

Некое опасное ясновидение развивается легче всего ни через что иное, как через развитие сил, имеющихся у сегодняшнего человека для формирования органов речи, которые делают его способным, если они сохранены, видеть предыдущие земные жизни. Поскольку эти силы чаще всего связаны в человеческой природе с низшими инстинктами и страстями. И ни через что иное можно так приблизиться к Люциферу и Ариману, как, как раз, через развитие этих сил, которые, правда, развитые до определённой степени, позволяют заглядывать назад в свои прошлые жизни и в прошлые жизни других. Они ведут к силам заблуждения; а именно, когда они развиты неверно, они ведут к тому, что ясновидящий под влиянием этих сил морально скорее деградирует, нежели растёт, - поэтому эти силы, которые делают человека способным заглядывать в прошлые земные жизни, являются самыми опасными. Эти силы позволительно развивать, только если одновременно уделяется тщательное внимание развитию в человеке чистой моральности. Поскольку человек зависит от того, чтобы следить за чистой моральностью, если он хочет развить эти силы, знающие учителя нелегко позволяют себе систематически развивать силы, позволяющие заглянуть в предыдущие воплощения. И можно сказать: Насколько распространено обладание определённым низким ясновидением, позволяющим заглядывать в другие миры и давать описания из духовных регионов, настолько мало развивается действительное, объективное видение прошлых инкарнаций таким образом, что в рассмотрение входят только силы речи. Поэтому обычно для помощи берут ещё другое средство, когда хотят привести человека к видению прошлых инкарнаций. И тут мы приходим к одному интересному пункту, который показывает нам, как человек, однако, должен следить за теми вещами, на которые обычно обращают мало внимания. То, что кто-то в своём духовном обучении был бы приведён к видению прошлых земных жизней посредством сил речи, происходит редко. Тем не менее в наше время есть много людей, которые могут это делать; это достигается обычно посредством других средств. И одним из таких средств является такое, которое кому-то может показаться странным, но всё же основывается на глубокой истине.

Некто вживается во внутреннюю жизнь. Если бы он пришёл к кармическому видению прошлых земных жизней только посредством формирования сил речи, то это стоило бы ему много сил, или, возможно, привело бы его к сильным искушениям. Поэтому духовные власти прибегают к другому средству. Это выглядит как случайность: например, человек встречает другого человека и тот называет ему какое-то имя, или какое-то определённое время, или определённый народ. И это действует на душу извне так, что с помощью этого представления развиваются силы, поддерживающие ясновидение. И тогда он замечает, что это имя или указание, - без того, что тот, кто это сказал, сам это знает, - ведёт его к тому, что он оказывается способным заглядывать в прошлые земные жизни. Тут, таким образом,

используется некое внешнее средство. Тут этот человек слышит какое-то имя, какое-то время или название народа, и оказывается будто извне активирован для видения прошлых земных инкарнаций. Между тем, такая активация извне для ясновидческого рассмотрения мира чрезвычайно важна. Человек переживает нечто на первый взгляд совершенно случайное, но это стимулирует ясновидческие силы, которые иначе были бы развиты лишь рудиментарно (зачаточно).

Вот такие афористические указания мне хотелось бы дать относительно проникновения духовного мира в наш земной мир. Поскольку такое проникновение является действительно очень сложным.

Таким образом, заглядывание в прошлые земные жизни является делом относительно опасным, поскольку имеет дело с искушающими силами. И напротив, едва ли кто-то, кто развил ясновидческие силы, чтобы заглянуть в духовную жизнь, предшествующую рождению, с лёгкостью мог бы пытаться злоупотреблять, как раз, этими ясновидческими силами. Как правило это будут души с определённой чистотой, с определённой естественной нравственностью, которые, как бы, с определённой безопасностью заглядывают в жизнь в духовном, которая предшествовала теперешней земной жизни. Это связано с тем, что силы, которые используются как ясновидческие силы, чтобы заглядывать, как раз, в это время, - это детские силы, те силы, которые сэкономлены при обучении ходьбе. Это самые невинные силы, которые человек имеет в своей природе. - И я прошу вас обратить на это внимание, поскольку это очень важно: самые невинные силы являются одновременно теми силами, посредством которых, если они сформированы, можно заглянуть в жизнь, предшествующую рождению. Это также то, что приносит такое волшебное удовлетворение при взгляде на ребёнка, поскольку его окружает аура сил, большая часть которых используется для обучения ходьбе, тех сил, которые ещё освещают то, что предшествовало рождению. И в этом смысле для ясновидческого наблюдения ребёнок, лицо которого выражает невинность и неопытность в мире, действительно может выразить в своей ауре нечто более интересное, чем то, что выражено в ауре многих взрослых. Борьба, пережитая в духовном мире, предшествовавшая рождению и определяющая судьбу, делает то, что аурически окружает ребенка, чем-то невероятно великим и полным мудрости. И мудрость, которая окружает ребенка в его ауре, зачастую гораздо больше той, которую человек может выразить своими словами в более позднем возрасте. Физиогномика ребенка может быть ещё неопределенной; но видящий, который смотрит на ребёнка, сможет многому у него научиться, если своим ясновидящим взглядом увидит то, что разыгрывается вокруг ребенка. И когда те силы, которые имеются в детстве, затем развиваются ясновидчески, человек видит, как раз, те конкретные условия, которые предшествовали рождению человека. Это, вероятно, не так удовлетворяет эгоизм, смотреть в этот мир. Но для того, кто хочет понять все мировые отношения, это видение особенно интересно. И исследование в Акаша-Хронике относительно определённых людей мировой истории состоит не только в том, что исследуется то, что они переживали на физическом плане, но также и то, как они подготавливали свою жизнь на физическом плане в духовном мире между смертью и новым рождением.

Но силы, которые, если их сохранить в чистоте, освещают прошлые инкарнации, экономятся не столько в детском возрасте, сколько, как раз, позже, когда в человеке развиваются страсти, и иногда самые низкие страсти. Эти силы, которые, ведь, имеют и другие задачи в человеческой природе, развиваются гораздо позже сил формирования речи. Они связаны с тем, что в человеке развивается в виде чувств чувственной любви, и всего того, что с ней связано. Тут имеется тесное родство между тем, что ведёт к чувственной любви, и тем, что руководит речью, которое, ведь, в мужской природе выражается также в ломке голоса, в мутации голоса. И в этом возрасте экономятся особенно много из этих сил. Если их сохранить в чистоте, то они ведут к видению прошлых земных жизней. Если они не будут сохранены в чистоте, то они направляются к чувственным инстинктам человека, - тогда они могут привести к величайшим оккультным порокам. Как раз, ясновидческие силы такого сорта, касающиеся сэкономленного в этом возрасте, легче всего подвержены и искушениям. -

Так вы, мои дорогие антропософские друзья, сможете понять все эти отношения! Ясновидящий, который охотно говорит о времени между смертью и новым рождением, - возможно, вы уже заметили, что немногие говорят об этом, - этот ясновидящий сформировал в себе силы, сэкономленные в раннем детстве. К ясновидящим, которые много говорят о предыдущих человеческих инкарнациях, - и в основном ерунду, что случается очень часто, поскольку многие люди просто выкладывают на тарелке высказывания о предыдущих воплощениях, - приходится относиться с подозрением, поскольку в этой области слишком легко привлечь силы, которые, скорее всего, могут подлежать искушению. Поскольку силы, которые можно для этого сэкономить, экономятся в то время, когда развивается чувственная любовь и когда человек внешним образом ещё не стоит в социальной жизни. Эти силы иногда ведут к многим безобразиям, а особенно — к оккультным безобразиям, поскольку в большинстве своём они способствуют вызыванию обмана за обманом в области духовного мира.

Почему же данные таких ясновидящих, подверженных искушениям, так часто неверны? Потому что с применением таким образом сэкономленных сил из этого возраста, из человека, словно туман, поднимаются низшие инстинкты и побуждения. И когда они поднимаются, приходит Ариман с ариманическими духами, и из того, что тогда поднимается, они формируют призраков, так, что этих призраков можно видеть и принимать за прошлые инкарнации. Тот вид ясновидения, который необходим, чтобы показывать обстоятельства подобные тем, что представлены в «Тайной науке», может быть развит особенно легко, если экономятся такие силы, которые могут быть удержаны лишь в более позднем возрасте. И, поскольку в этом возрасте, с двадцать первого до двадцать восьмого года, как правило развиваются такие силы, которые в основном связаны с интеллектуальной жизнью, с жизнью, которая рассматривает жизнь уже с определённой трезвостью, то исследования в этой области подвержены минимальным ошибкам и заблуждениям.

Итак, мы видели, что понимание крупных духовных мировых взаимосвязей достигается посредством развития тех сил, которые действуют в человеческой природе для обработки мозга. Видение предыдущих земных жизней достигается за счёт развития тех сил, которые экономятся в юношеском возрасте, когда силы, образующие речь, уже не используются для образования речи, а господствуют в царстве чувственных влечений и их органов. Собственно духовная область, область, которая особенно интересна там, где подготавливается новая жизнь, может быть исследована с помощью сил, которые экономятся в самом раннем детском возрасте, в том возрасте, когда ребёнок, так сказать, учится ходить.

Это, конечно, странные факты, но если вы хотите проникнуть в духовные миры, вам придется привыкнуть принимать многие представления, которые поначалу кажутся парадоксальными. Но духовный мир, ведь, не для того, чтобы быть простым продолжением чувственно-физического мира, а это мир, во многих отношениях, как раз, противоположный физическому миру. И человек предстает нам как такое важное существо во вселенной как раз тогда, когда мы, с одной стороны, смотрим на то, что он проделывает в качестве своей судьбы, в качестве своей годности для земной жизни, а с другой стороны, - как раз, благодаря знакомству с духовностью, - смотрим на то, что он делает как нечто совершенно отличное от земной жизни между смертью и новым рождением. И только когда мы принимаем это во внимание, человек предстает перед нами в своей истинной важности и в своём истинном предназначении!

Таким образом, я хотел дать вам в этих двух лекциях некое представление, некое описание различных вещей духовного мира. Я хотел сделать это, скорее, афористичным образом, поскольку мы впервые собрались вместе в этом городе, поскольку большинство из вас также уже знакомы с систематическими представлениями из книг и текстов, и поскольку я хотел дополнить то или иное. Мне казалось, что это было бы более полезным для наших друзей в этом городе, нежели если бы я выбрал более определённую главу духовной науки. Ведь, хотелось бы - позвольте мне высказать это здесь в конце нашей также и для меня очень

приятной встречи, - чтобы духовная наука как можно глубже проникла в сердца и души людей! Поскольку важны две вещи. Во-первых, когда, рассматривая жизнь вокруг нас и глядя на факты этой жизни, мы видим, как люди, даже не смотря на величайшие достижения культуры, становятся всё более и более материалистичными, это показывает нам, насколько необходима эта духовная наука, насколько человечество нуждается в ней, как раз, потому, что внешняя жизнь делает человека материалистичным. Именно потому, что величайшие достижения внешней жизни должны делать человека материалистичным, они нуждаются в уравнивании духовной наукой. Духовная наука является необходимостью земной жизни человечества и будет такой всё более и более в ближайшем будущем. И тот, кто подумает, как истощилась и постепенно должна умереть внешняя жизнь в материализме, благодаря величайшим достижениям человеческой культуры, тот больше всех ощутит в себе желание, чтобы духовная наука вошла в сердца и души людей. Наша культура будет делать всё большие и большие шаги вперёд; но верно и то, что многие певчие птицы, населявшие округи исчезли из областей, где поднялись фабричные трубы, верно и то, что - не смотря на то, что мы нуждаемся в железных дорогах, пароходах и во всём том, что может нам дать культура, телефон, самолёты и так далее, не смотря на то, что ничего нельзя привести против прогресса внешней культуры, - всё же верно и то, что певчих птиц вытеснил дым труб, - душевное счастье и душевная свежесть, и душевная гармония погибнут под влиянием материальной культуры, если духовная наука не внесёт в человеческие души спиритуальность. Поэтому тот, кто понимает ситуацию, имеет глубокое стремление к распространению духовной науки, поскольку это является необходимостью.

На другой стороне стоит другой факт, что, благодаря материалистической культуре, люди ещё никогда так сильно не отталкивали духовную науку, - даже не ненавидели её так, - как сегодня. - И перед двумя этими фактами, необходимости, а также непонимания, мы стоим сегодня, как перед двумя колоннами, между которыми мы должны пройти, если хотим создать в мире духовную науку. Для нас, однако, для тех, кто хочет попытаться сделать свои души зрелыми для этой духовной науки, на каждой из этих колонн будет значиться какое-то требование, настоятельное требование: делать всё, что приближает к духовной науке нас и тех людей, которые этого хотят.

Поскольку я впервые говорю в этом городе, я хотел поговорить с вами также и с этой точки зрения. И с этой точки зрения я хотел бы сказать вам слова прощального напутствия: чтобы что-нибудь из того, что мне было позволено сказать, могло бы перейти в ваши сердца и чувства, а не только в ваши умы! Чтобы, благодаря этому, вы чувствовали бы себя ещё глубже и основательнее связанными со всеми теми, кто хотел бы это движение нести в мир, - нести его в мир больше, чем он это делал до этого! Поскольку мы ещё не могли быть вместе пространственно и это произошло в первый раз только в эти дни, все мы желаем, чтобы это бытие наших душевных связей стало бы теснее и крепче.

Желая этого, я хотел бы, мои любимые друзья, попрощаться с вами и с этим прекрасным городом с сознанием, что если нечто подобное произошло, то и эта встреча в пространстве даст начало независимому от пространства и времени совместному бытию. Позвольте мне в заключение сказать: Пусть наше единение в пространстве даст импульс к прочному, постоянному единению в духе.